

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ АПОКАЛИПСИС

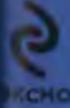
БЕНЕДИКТОВ
БУРНОСОВ

ВОЛОДИХИН • ДИВОВ • ЗЛОТНИКОВ
ПАНОВ • РЫБАКОВ • СКОРЕНКО • ТЮРИН

При составлении сборника
ни один Либеральный
не пострадал

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ АПОКАЛИПСИС

БЕНЕДИКТОВ • БУРНОСОВ • ВОЛОДИХИН • ДИВОВ
ЗЛОТНИКОВ • ПАНОВ • РЫБАКОВ • СКОРЕНКО • ТЮРИН

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ АПОКАЛИПСИС

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

ЮРИЙ БУРНОСОВ

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ОЛЕГ ДИВОВ

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

ВАДИМ ПАНОВ

ВЯЧЕСЛАВ РЫБАКОВ

ТИМ СКОРЕНКО

АЛЕКСАНДР ТЮРИН

И ДРУГИЕ

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ АПОКАЛИПСИС

ЭКСМО

МОСКВА

2013

Составитель сборника *С. Чекмаев*

Серия основана в 2003 году

Разработка серии *Е. Савченко*

Л 55 **Либеральный Апокалипсис : Сборник социальных антиутопий** / Олег Дивов, Вадим Панов, Сергей Чекмаев и др. — М. : Эксмо, 2013. — 480 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-61842-2

Что несут миру так называемые «либеральные» ценности? Скрупулезное соблюдение прав человека, невиданное развитие технологий, рыночную экономику или все-таки ужасы глобализации, потерю национальной идентичности, корпоративное право вместо законов, бездуховный мир «чистогана», подмену традиционных понятий искусственными построениями, которые лишь кажутся жизнеспособными?

Фонд «Взаимодействие цивилизаций» продолжает условную серию социальных антиутопий, начатую сборниками «Антитеррор-2020» и «Беспощадная толерантность». В новом проекте популярные российские фантасты и перспективные молодые авторы размышают над вопросом: а что будет, если победу одержит не только доведенная до абсурда толерантность, но и воинствующий либерализм, ревнители которого в борьбе за права и свободы человека готовы пожертвовать абсолютно всем, не исключая самих прав и свобод?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Т. Алиев, К. Бенедиктов, Ю. Бурносов,
И. Вереснев, Д. Володихин, А. Гордиан,
О. Дивов, А. Ерошин, Р. Злотников,
М. Макаренков, Т. Минасян, В. Панов,
В. Рыбаков, Э. Серебряков, Р. Силантьев,
Т. Скоренко, А. Скоробогатов, А. Тюрин,
С. Чекмаев, 2013

ISBN 978-5-699-61842-2

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Фонд «Взаимодействие цивилизаций» представляет вашему вниманию третий сборник условной серии социальной фантастики ближнего прицела. На этот раз мы обратились к весьма актуальному сегодня жанру либерпанка, который частично уже проявился в рассказах предыдущего сборника «Беспощадная толерантность». В новом проекте «Либеральный апокалипсис» популярные российские фантасты и перспективные молодые авторы размышляют над вопросом: а что будет, если победу одержит не только доведенная до абсурда толерантность, но и воинствующий либерализм, ревнители которого в борьбе за права и свободы человека готовы пожертвовать абсолютно всем, не исключая самих прав и свобод.

В каждой эпохе есть место для своих антиутопий. Если раньше они рисовали мир абсолютной деспотии и тоталитаризма, то теперь многих людей гораздо больше страшит победа ревнителей неограниченной свободы. Свергнутые на глазах нашего поколения диктаторы на поверку оказались меньшим злом, чем пришедшие им на смену революционеры. Да и порядка, как выяснилось, при них было не в пример больше.

Никто не спорит, что либерализм изначально нес людям благо. «Либера» — означает свободу, которая куда лучше рабства и цепей. Но не стоит забывать, что в общий пласт либеральных идей входят и весьма неоднозначные понятия: свободный рынок и верховенство частной собственности, плюрализм и управленческий об-

щественный договор, примат нации над социумом. Государства различаются между собой не меньше, чем люди, и то, что когда-то сработало в одной отдельно взятой стране, совершенно не обязательно принесет те же плоды в другом месте и в другой эпохе. Самые светлые либеральные идеи нередко приводили мировые державы к хаосу, кровавой резне и мрачному, пещерному тоталитаризму.

На фоне множающихся «оранжевых» и «зеленых» революций у людей возникает естественный вопрос — а ну как они охватят весь мир и покрасят его в новые цвета? По какому пути тогда пойдет история человечества и как далеко она успеет уйти? Что несет миру так называемые «либеральные» ценности? Права и свободы, невиданное развитие технологий, рыночную экономику или все-таки ужасы глобализации, потерю национальной идентичности, бездуховный мир «чистогана», подмену традиционных понятий искусственными построениями, которые лишь кажутся жизнеспособными?

На некоторые из этих вопросов авторы сборника «Либеральный апокалипсис» попробуют дать ответы. Ведь задача фантастики — не только развлекать, со времен Холодной войны наш жанр выступает в роли тревожной сигнализации планеты Земля, предупреждая и предостерегая от необдуманных решений, которые могут стать роковыми для всех и для каждого.

*Силантьев Р.А., член экспертного совета
фонда «Взаимодействие цивилизаций», доцент МГЛУ;
Чекмаев С.В., редактор-составитель*

ПОСЛЕДНИЙ КОНТРАКТ

Люди легче верят в чудеса, чем в здравый смысл.

Лелуш Ламперуж, Код Гиасс

ОТКРОВЕНИЕ

3та история приключилась с пожилым миллиардером Джоном Годвордом, незадолго до его кончины. Следует отметить, что мистер Годворд был весьма уважаемым человеком, однако была у него маленькая тайна. Точнее говоря, это было небольшое увлечение, о котором ни друзья, ни родственники, ни коллеги не знали. Джона Годворда интересовала всевозможная мистика.

Не то чтобы интерес к подобным вещам явно возбранялся, однако не приветствовался также. Мистика во всех ее проявлениях давно уже канула в Лету, современная молодежь и слова-то такого не знала. И если бы вдруг выяснилось, что известный на весь мир олигарх анонимно скапает все, что связано с этим бессмысленным анахронизмом, это бы подняло большой шум. Шутка ли, тратить колоссальные средства на совершенно бессмысленные и бесполезные предметы и документы. Люди бы решили, что мистер Годворд на старости

лет слегка повредился рассудком. Подобная слава явно не способствовала успешному ведению бизнеса. Да и вообще, в том, что тебя считают слегка съехавшим с катушек, приятного мало. Именно поэтому все, что было связано с его хобби, Джон Годворд скрывал тщательнейшим образом.

Анонимность добавляла нулей к стоимости интересующих Джона предметов, но это нисколько не волновало самого богатого гражданина Земли. Коллекция, которую он пополнял на протяжении нескольких десятилетий, включала в себя многочисленные талисманы, статуэтки, ритуальные ножи, свечи, алтари и тому подобные предметы. Библиотека мистера Годворда включала в себя множество древних манускриптов, труды различных мистиков и магов, а также последние, случайно сохранившиеся экземпляры Библии, Корана, Торы, Евангелия и других религиозных книг.

Но вернемся к нашей истории. Джон Годворд отличался крепким здоровьем. Но все же время не щадит никого, и, перешагнув через столетний юбилей, пожилой миллиардер почувствовал, что тело начинает его подводить. Разумеется, к его услугам были новейшие достижения медицины, которые добавили к его жизни еще пару десятков лет. Но ни за какие деньги невозможно было купить бессмертие.

Осознав тот факт, что ему недолго осталось топтать землю, и смирившись с ним, мистер Годворд решил претворить в жизнь самую главную мечту своей жизни — вызвать дьявола.

Долгие годы эта мечта преследовала его, но он всегда откладывал ее, потому что не верил до конца в ее осуществимость и в то же время боялся

того, что дьявол действительно явится. И лишь когда до дверей смерти оставалось всего лишь несколько шагов, Джон Годворд решился.

Трактаты, которыми обладал мистер Годворд, описывали множество различных способов призыва князя тьмы. Начиная от достаточно простых, вроде произнесения заклинания при определенном расположении звезд, и заканчивая весьма диковинными ритуалами, требовавшими принесения в жертву юной девственницы, ритуального совокупления с козлом или поедания черной курицы живьем. Джон, будучи ярым противником крайностей, остановился на относительно простом и часто встречаемом варианте проведения ритуала — черные свечи, пентаграмма и заклинание.

Дождавшись ночи, когда небесные светила выстроились в нужном порядке, и подготовив все необходимое, Джон Годворд приступил к ритуалу. Мрачные слова древнего заклинания, произносимые баритоном пожилого джентльмена, заставляли огонь черных свечей трепетать. Казалось, будто воздух стал более вязким, и с каждым вдохом пытался липким комом застрять в гортани. В воздухе начал растекаться запах серы. Однако мистера Годворда все это нисколько не смущило. Пересиливая инстинктивное желание откашляться, Джон дочитал заклинание. Ничего не происходило. Все так же горели черные свечи, запах серы исчез. И в тот самый миг, когда сердце старого олигарха заполнилось поистине детской обидой, в центре пентаграммы появился дьявол.

По правде говоря, разглядывая повелителя присподней, Джон испытывал некое разочарование. Лукавый предстал перед мистером Годвордом не в

облике громадного чудовища с рогами и копытами, которого описывали в своих трудах древние чернокнижники. Также он не был похож на ухоженного пожилого джентльмена, о котором писали авторы позабытых ныне мистических произведений. Говоря по правде, дьявол был похож на безработного забулдыгу — длинные нечесаные волосы, спутанная борода, потрепанная выцветшая одежда. Однако, взглянув в глаза князя тьмы, мистер Годворд понял, что перед ним действительно тот, кого он заклинал явиться, — сам сатана.

— Я уже и не помню, сколько лет меня никто не призывал, — задумчиво молвил дьявол. — Зачем ты призвал меня, смертный?

— Ты явился, — голос мистера Годворда дрожал. — Дьявол явился! Сам сатана в подвале моего поместья!

— Да-да-да. Так чего тебе надо от меня?

— Надо?

В мозгу Джона будто бы взорвалась информационная бомба. Мысли путались, налезали одна на другую, создавая когнитивную кашу. У мистера Годворда было все, о чем только можно было по желать. Более того, у него было все, что человек может получить в этом мире. И в то же время перед ним открывалась возможность получить нечто большее, то, что никто другой не сможет ему предложить — бессмертие.

— Я хочу получить бессмертие. Хочу продать свою душу в обмен на бессмертие.

— Это невозможно, — вздохнул дьявол.

— Но почему?

Мистер Годворд не верил своим ушам. Он не мог представить, что в мире есть нечто неподвластное столь могущественному существу.

— Ну, подумайте сами, — ответил сатана. — Если бы я сделал в обмен на вашу душу так, что вы никогда не умрете, то как бы я ее получил? Элементарно же.

— Вы правы, — задумчиво молвил Джон. — Но тогда мы должны обговорить условия. Я читал об этом, должна быть некая фраза, которую я не должен произносить. Я читал, что вы заключали подобную сделку с германским доктором, кажется.

— Было дело. Но теперь это невозможно. Я больше не заключаю контракты.

— Как?! Почему?!

— Смысла больше нет. Конец света на дворе, такие дела.

— Что-что? Какой еще конец света? Когда?

— Уже, старик, уже.

Трясущимися руками Джон взял со стола планшетный компьютер и запустил телевизионный модуль. На экране появилась миловидная девушка — диктор новостного канала. С приклеенной к устам улыбкой, она рассказывала о курсах акций. Мистер Годворд отключил планшет.

— Ты лжешь, лукавый. Если бы наступил конец света, этот канал сообщил бы о нем в ту же секунду!

— Уверен?

— На сто процентов.

— Что, если я докажу тебе обратное?

— Хм. И если я соглашусь, то ты заберешь мою душу? Но тогда ты должен дать мне бессмертие, в случае если не сможешь меня убедить, так-то!

— Ну хорошо, — вздохнул дьявол. — Как скажешь.

— Я должен расписаться своей кровью?

— Обойдемся без этого. Ты готов, смертный?

— Да.

Дьявол щелкнул пальцами, и они исчезли.

ХВОРЬ

Джон Годворд и дьявол оказались в просторном зале. Они оказались в средних рядах, остальные места были заполнены. На небольшой сцене броско одетые девушки исполняли современный танец под аккомпанемент органа.

— Что мы делаем в концертном зале?

— Хочу показать тебе всадника на белом коне.

Ну, тот который с луком вышел, чтобы победить.

— Чума?

— Ну, можно и так сказать. Я предпочитаю звать его Завоевателем.

— И где же он?

— Прямо перед тобой. Ты ведь знаешь, чем раньше было это здание, не так ли?

— Да. Этот концертный зал один из тех, что ранее принадлежали религиозным культурам.

— Именно. Некогда это был дом Бога, и мне сюда была заказана дорога, а теперь я могу сидеть здесь рядом с тобой и наслаждаться танцем этих девиц.

— Дом Бога? Так он есть?!

Зрители, сидевшие неподалеку, начали подозрительно коситься на мистера Годворда. Его спутника, внешний вид которого явно не соответствовал

вал тому, который требовался для посещения концерта, они почему-то совершенно не замечали.

— Странный вопрос для дьявола, не правда ли?

— Так он есть, — прошептал Джон. — Действительно, ведь если есть дьявол, то и Бог тоже есть.

— Все гениальное просто, смертный. Теперь ты видишь Завоевателя?

— Атеизм, — тихо молвил мистер Годворд. — Это и есть болезнь?

— Не совсем, — ответил дьявол. — Дело не в атеизме как таковом. Дело в том, что внутренние ценности подменили бижутерией. Променяли на яркие огоньки, блестящую мишуре и странные танцы. Сердце и разум захватила жажда зреши. Пустых и бессмысленных.

— Но ведь ты, дьявол, должен быть рад тому, что люди отринули Бога?

— Но и меня они не приняли. Мне нет радости от песен и плясок, в которых не славят меня. Какое мне до них дело?

— Наверное, никакого.

— Прокрути в голове все современное искусство, — продолжил дьявол. — Ты читал книги и видел картины, которые уже давным-давно преданы забвению. Древние музыканты писали музыку настолько красивую, что злопыхатели утверждали, будто бы они продали мне свою душу за свой талант. Картины были прекрасны, книги — полны смысла. А теперь? Животные, которых живьем резали, дабы принести мне в жертву, и то не издавали таких звуков, которые нынче считают музыкой. Ваши картинные галереи заполнены полотнами, взглянув на которые создается впечатление, будто на них кого-то вытошило. Разве что про

книги мне нечего сказать, поскольку их уже давным-давно никто не читает и уж тем более не пишет.

— Я понимаю, — ответил мистер Годворд. — Но почему Завоеватель?

— Любая болезнь ведет себя как завоеватель. Шаг за шагом, клетка за клеткой, орган за органом, она подменит здоровый организм на больной. Но не случилось пандемии, смертельная чума не выкосила людей ни в двадцать третьем, ни в двадцать четвертом, ни в двадцать пятом веке. Медицина развивалась, практически все хвори были побеждены, как новые, так и старые. Однако здоровый дух в здоровом теле — редкое явление. И против этой заразы медицина оказалась бессильна. Болезнь поразила духовные ценности, и когда они погибли — человечество потеряло истинный вкус к прекрасному, потому что только здоровый дух способен оценить истинную красоту.

— Я понимаю, — тихо ответил Джон Годворд. — Ты прав, всадник на белом коне уже здесь.

Дьявол щелкнул пальцами, и в концертном зале стало на два зрителя меньше.

ВОЙНА

Ничто в этом мире не способно превзойти в спокойствии вечернее кладбище. Именно туда перенес Джона Годворда дьявол на этот раз. Зеленая лужайка, уходящая к самому горизонту, достаточно плотно утыкана невысокими мраморными надгробиями.

— Кладбище, — задумчиво сказал мистер Годворд. — Всадник на рыжем коне? Война?

— Именно, — ответил дьявол.

— Но со времен окончания последней в истории Земли войны уже минуло почти два века.

— То был последний вооруженный конфликт, но не война, смертный. По сути, она никогда не прекращалась. С самых темных времен и по сей день. Независимость, свобода, праведная религия — причин было много. Хотя в действительности суть каждой войны в том, чтобы достичь собственных целей, не считаясь с потерями. Вы избавились от понятия родины, уравняли всех людей. И в то же время ни о каком реальном равенстве не может быть и речи — индивидуальное обогащение предполагает массовое обнищание. И ты это прекрасно знаешь. Скольких конкурентов ты разорил? Сколько людей в результате остались без работы?

Мистер Годворд молчал. Мир бизнеса был похож на самые темные и глубокие воды океана — выживает тот, кто вовремя успеет сожрать остальных. Джон привык к этому, принял правила игры. И действительно, чтобы достичь той вершины, на которой он находился сейчас, он уничтожил многих конкурентов. И каждый разоренный конкурент означал, что сотни, а то и тысячи человек становились безработными. Конечно, большинство из них находили другую работу. Но все ли? Конечно, государственное пособие позволяло им не умереть с голода. Но не более того.

— Вы перестали убивать друг друга на поле брани, — продолжил дьявол. — Откуда же тогда берутся мертвецы? Присмотрись, большинство похороненных здесь людей не прожили и полвека. Рекордное количество самоубийств, болезни. Мно-

гие из них умирают в очереди на бесплатную операцию, которая могла бы их спасти. И это не вина врачей, им тоже нужно кормить свои семьи. Вы избавились от таких понятий как родина, патриотизм, религия, расовая принадлежность. Выбросили все те маски, за которыми можно было спрятать истинную суть любой войны — личное обогащение за чужой счет. И избавившись от того, что отличало вас друг от друга, вы, сами того не замечая, потеряли и то, что отличало вас от диких зверей.

Солнце медленно закатывалось за горизонт, окрашивая все вокруг в рыжие тона. Зеленая кладбищенская трава будто бы пропиталась кровью. Джон Годворд молчал. В его голове проносились вся его жизнь. Та жизнь, которую он посвятил этой войне за то, чтобы выжить и достичь вершины. И ему удалось. Он достиг той высоты, выше которой уже нет никого, кто бы мог сбросить его обратно вниз.

— Теперь я понимаю, — тихо сказал Джон. — Ты показал мне всадника на рыжем коне, сатана.

Дьявол улыбнулся и вновь щелкнул пальцами. Кладбище опустело.

ГЛАД

Время будто бы повернуло вспять — солнце, которое почти завалилось за горизонт на кладбище, теперь стояло в зените. Вокруг было множество людей. На этот раз живых. Мистер Годворд огляделся.

— Мы в зоопарке? — удивился он.

— Да. Лучшее место для разговора о следующем всаднике.

— Голод. Думаю дело не в том, что животных в этом зоопарке плохо кормят, не так ли?

— Ты начинаешь улавливать основную концепцию, смертный. Может быть, ты сумеешь понять все сам, без моей помощи?

— Может быть, сатана.

В молчании они шли вдоль клеток. Остальные посетители не обращали на них никакого внимания. Животные лежали в тени и без особого интереса взирали на людей. Дойдя до клетки с африканскими львами, мистер Годворд остановился.

— Отсутствие свободы? — задумчиво произнес он.

— Отчасти. Не только львы сидят в клетке.

Они двинулись дальше. Они прошли мимо буйвола, который задумчиво пил воду. Джон Годворд думал о том, что каждый человек тянет свою лямку. Именно такую ассоциацию вызывал буйвол. Обезьяны, мимо которых они с дьяволом проходили, были более активны. Они прыгали по веткам и строили посетителям рожи. Джон с удивлением отметил, что их мимика так сильно напоминает человеческую. Так что же еще мы утратили, в чем заключается голод? Может быть, в том, что мы разучились проявлять искренние эмоции?

Пройдя еще дальше, они остановились перед высокой клеткой, в которой гордо сидели североамериканские орлы. Птицы, которые изголодались по полетам.

— Люди не получают того, чего хотят?

— И да и нет. Люди не хотят получать. С самого рождения и до самой смерти вы живете в таких же

невидимых клетках, которые создали себе сами. Ваша жизнь расписана наперед. Вы стараетесь получить лучшее образование, изучая то, что вам не интересно, затем устроиться на высокооплачивающую работу, которую не любите, найти подходящую пару и взрастить детей с человеком, без которого вполне можете жить. Что станет в вашем мире с мечтателями?

— Ну, они выживут. Но на вершину им не подняться.

— Именно. Той вершины, с которой есть возможность взлететь, достигают лишь те, кто не хочет летать. Вспомни свою жизнь, всегда ли ты делал то, что хотел? И продолжал ли ты хотеть чего-то еще, после того как достиг поставленных целей?

Мистер Годворд погрузился в воспоминания. В детстве он мечтал быть художником. Однако его отец, выдающийся экономист, вовремя объяснил сыну, что дерево должно расти там, где есть почва. А почва у семьи Годворд была в экономической сфере, не художественной. Годворд-старший убедил сына пойти по его стопам и продолжить дело. Впрочем, был ли действительно выбор? Джон выучился на экономиста. Когда его отец скончался, он взял дело в свои руки и преуспел в этом. Эта работа отнимала все время и силы, не оставляя рисования шанса стать хотя бы невинным хобби. Десятилетия упорной работы принесли свои плоды — доходы Годворда исчислялись миллиардами. Делегировав основное управление наиболее способным управляющим, Джон Годворд мог наконец-то отдохнуть. Казалось бы, вот время для осуществления мечтаний. Вот только Годворд слишком ус-

тал. Не было сил, чтобы браться за что-то, да и годы были уже не те. Он так и не стал художником.

Что же говорить о других людях? Тех, кому нужно усердно работать не для того, чтобы получить баснословные прибыли, а просто прокормить себя и свою семью? А картины пишут те, от кого этого ждут. Но хотят ли они этого?

— Мы изголодались по мечтам, — задумчиво произнес мистер Годворд.

— Именно. В том и беда вашего времени — пироги печи сапожник, а сапоги тачать пирожник. А все потому, что их отцы делали именно это. И отцы их отцов — тоже. Хотя дело тут не только в этом. На словах каждый человек свободен, на деле — нет. Есть рельсы, с которых не свернешь, а если даже попробуешь, то просто-напросто увязнешь. Но хуже всего то, что все это знают и принимают за непреложную истину. Подобные ограничения были всегда, но раньше находились те, кто отгибал прутья и вырывался на волю, пускаясь в погоню за своей мечтой. И некоторые достигали цели.

Я скажу тебе больше, — продолжил дьявол. — Если бы сейчас кто-то решился покинуть клетку, то у него все равно был бы шанс. Истинная проблема в том, что все верят в обратное. Каждому отмерили его хиникс пшеницы и три хиникса ячменя, и люди остались этим довольны. Вы, смертные, изголодались по осуществившимся мечтам, но, не сумев удовлетворить этот голод, решили его не замечать.

— Теперь я вижу и всадника на вороном коне.

— Остался последний, — сказал дьявол и щелкнул пальцами.

Они вновь оказались в подвале поместья Годворда. Казалось, что высота черных свечей не уменьшилась ни на миллиметр, с тех пор как они исчезли. Дьявол вновь оказался в центре пентаграммы.

— Можешь не говорить ничего, — вздохнув, сказал Джон. — Четвертый всадник — это Смерть. Та, что придет за мной вскоре. Ты победил, лукавый, можешь забрать мою душу после того, как я умру.

— Ты так ничего и не понял, — ответил дьявол. — Всадник на бледном коне — это действительно смерть. Но не твоя. Неужели наше небольшое путешествие ничему тебя не научило? Гибель тела не столь страшна, были люди, жившие после того, как сгнили даже их кости. Они жили в памяти и сердцах своих потомков. Те люди, которые, следуя за своей мечтой, вершили великие дела и становились бессмертными. Потеряв духовные ценности, вы уничтожаете друг друга просто для того, чтобы обеспечить себе чуть более сытое и теплое существование. Вы все мертвы с самого рождения. Мертвы от болезни, войны и голода.

Дьявол закончил свою речь. Молчал и Джон Годворд. Истина, открывшаяся ему, была ужасна. Подумать только, несколько часов назад он мечтал о бессмертии. Теперь же он понимал, насколько бессмысленным было это желание. И в то же время в нем разгоралось желание все это изменить, исправить ошибки, совершенные человечеством. Изменить мир, заставить его понять то, что открылось ему самому. Но затем он вспомнил о заклю-

ченном контракте. Он не сможет ничего изменить, потому что вскоре умрет, а душу его заберет дьявол.

— Я не заберу твою душу, — сказал дьявол.

Мистер Годворд с удивлением посмотрел на него.

— Я не заберу твою душу, — повторил сатана. — Но и бессмертия я тебе тоже не дам. Ты так и не понял главного. Ни у одного из вас не осталось души. Тебе нечего мне предложить в обмен на вечную жизнь. Только представь: я — Я! — теперь безработный!

— А как же наш контракт? — удивленно спросил мистер Годворд.

— А разве ты что-то подписывал? — ухмыльнулся дьявол. — Наша небольшая прогулка доставила мне некоторое удовольствие. Прощай, смертный.

Дьявол щелкнул пальцами и исчез.

ЭПИЛОГ

Спустя неделю Джон Годворд скончался. Умер он ночью, в своей постели от сердечного приступа. К огромному разочарованию многочисленных родственников, от колоссального состояния покойного им достались лишь крохи. Завещание мистер Годворд составлял в течение нескольких дней, распределив свои средства между различными фондами, научно-исследовательскими институтами, сиротскими приютами, больницами и прочими учреждениями. Новость об этом долгое время была у всех на устах, поскольку подобные акты филантропии не совершались уже более сотни лет. Также, согласно последней воле мистера Год-

ворда, на всех центральных телеканалах было зачитано письмо, написанное им накануне смерти. Оно было адресовано всему человечеству и содержало в себе ту истину, которая открылась ему во время беседы с дьяволом. Разумеется, о мистической стороне вопроса мистер Годворд умолчал. Этим письмом он попытался открыть миру глаза, изменить сложившийся порядок вещей. Это было единственным делом, которое он мог успеть за то малое время, которое у него оставалось. Последние слова Джона Годворда человечеству были услышаны. Удалось ли ему что-либо этим изменить?

Кто знает...

БРЕМЯ АЛЬБИНОСА

Трое расположились за столом, прилипнув к креслам с высокой спинкой, что изготавливались словно по лекалам их собственных спин — ровных, как флагшток с ползущим вверх звездно-полосатым флагом. При взгляде на этих несгибаемых людей казалось — они даже спят в позе часовых на посту. Хотя кому как не им — президенту страны, госсекретарю и министру обороны?..

Впрочем, внешняя «прямота» совершенно не мешала им сплетать связи между собой в причудливых конфигурациях. Сидя за овальным, а значит, предполагавшим равноправие, столом из красного дерева, они, тем не менее, жестко иерархировались по принципу пирамиды — двое в основании, один на вершине.

«Геометрия взаимоотношений: треугольник как символ вертикали власти, круг как символ демократии», — в привычной для себя высокопарной манере думал президент...

Только что госсекретарь и министр сообщили ему две новости: одна была известна всем, другая — почти никому. Первая заключалась в том, что мир, как и всегда, балансирует на грани войны — межконфессиональной, межнациональной и

межрасовой. Вторая — бойню можно предотвратить, использовав мутагенный вирус, разработанный в недрах государственных спецлабораторий.

«Если изменить человека, изменится и все общество, — вкратце обрисовала задумку министр обороны, слегка расплывшаяся гавайка с вкраплением негритянской крови. — Достаточно запустить на проблемные территории вирус, способный перестраивать человеческий генокод».

«Максимального эффекта можно достигнуть, использовав в структуре вируса ДНК жителей Швеции, как представителей одного из либеральных обществ», — вкрадчиво порекомендовал госсекретарь с еврейско-ирландскими корнями, и министр обороны, выдержав паузу в пару секунд, согласно кивнула. После чего оба выжидательно замолчали.

Со стороны могло показаться, что обсуждение идет по закону треугольника — подчиненные убеждают, руководитель принимает решение. И только эти трое знали: они — равноудаленные точки на окружности, в центре которой — неизбежность. И она уже случилась. Три дня назад.

Мутагенный вирус вырвался на свободу и со скоростью ветра несся по планете, сея в душах людей «заразу либерализма». Как произошла утечка и кто виноват, разбирались спецслужбы. Но никакой агент 007 уже не мог бы остановить эпидемию. Оставался единственный вариант — спектакль под названием «так и было задумано». Именно его и разыгрывала сейчас троица не самых гениальных актеров. Впрочем, они привычно справлялись...

Однако сам Станиславский позавидовал бы долгой паузе, взятой президентом после слов госсекретаря. Министр обороны, не выдержав звенящей тишины, даже кашлянула, привлекая внимание шефа — дескать, не переборщи... А он и впрямь задумался. Нет, не над ответом. «Левая» мысль поселилась в его голове коварным паразитом. Он думал — а откуда взялась традиция, согласно которой один из парочки госсекретарь — министр обороны обязательно либерал, а второй — консерватор? Один — женщина, другой — мужчина. Один — цветной, другой — белый. Это правило уже несколько десятилетий оставалось незыблемым. «Вместо уничтожения стереотипов мы меняем их на другие», — размышлял президент, когда заметил, что министр обороны устала прокашливаться. Он стряхнул с себя оцепенение, нахмурил лоб, изображая сомнение, озабоченным голосом поинтересовался:

— А насколько надежна технология? Как прошли «полевые» испытания?

— Технология старая, — министр продолжала подыгрывать шефу. — Отрабатывалась в Швеции. В девяностые и позже... С тех пор видоизменена и законсервирована.

— Тогда почему мы до сих пор не запустили ее в массы?

Министр обороны строго поджала губы, сделавшись похожей на школьную учительницу.

— Для подобного шага нужна сильная воля. Та самая воля, которой не хватило вашим предшественникам.

Президент мысленно хмыкнул — похоже, министр уже работает над его предвыборным имид-

жем. Ну что ж, если все пройдет успешно, сидеть ему еще один срок в Белом доме. Президент тяжело вздохнул (при воспоминаниях о выборах это далось без труда) и суровым взглядом обвел соратников.

— Чтобы изменить общество, нужно изменить самого человека. — Слова министра обороны из уст президента, славящегося умением присваивать чужие фразы, звучали особенно веско. — Действуйте!

Его звали Карл. Старинным шведским именем Карл. Отец-историк удружила. Еще до рождения сына вычитал в старинной книге, что так звали целую династию старошведских королей. И решил потешить больное самолюбие.

Вот и пришлось расти мальчику одним-единственным Карлом среди Мухаммадов и вошедших в моду Абу-Бакров. Зато отец любил поглаживать сына по голове и приговаривать: вырастешь и тоже станешь королем. А Карл уныло хмурился и думал, что у королей не бывает фамилии Мухаммадссон, иначе все шведы поголовно имели бы в предках царственных особ. В Швеции каждый третий, если не второй, носил такую фамилию.

Но Карл выделялся среди сверстников не только экзотическим именем. Чаще люди обращали внимание на его светлые волосы, молочную кожу и водянистые серо-голубые глаза. Альбинос, шушикались они, когда белым корабликом он плыл посреди уличного моря смуглых и кареглазых соотечественников. «Белизна» Карла сильно расстраивала его отца. Он часто вздыхал, стоя по ночам над кроватью сына и думая, что тот спит.

А Карл подозревал, что отец жалеет не его, а свои претензии на «голубую» кровь — ведь о королях-альбиносах никто никогда не слышал.

Сам мальчик не придавал никакого значения своей внешности. Да, в солнечные дни его обычно светлые глаза краснели и ныли, однако физическую боль он перетерпевал без проблем, а психологического дискомфорта и вовсе не испытывал. При том, что он приходился единственным белокожим блондином на несколько миллионов смуглых брюнетов, за пятнадцать лет жизни его ни разу не обозвали «белой обезьянкой», хотя в школе рассказывали, будто в прошлые века такие клички были нормой.

Наоборот, на улице к нему частенько подходили незнакомцы, чтобы потрепать по волосам и успокоить — «ничего, что ты белый».

В школе Карл так и не завел себе друзей, но каждый одноклассник считал своим долгом подбодрить его — «если кто будет обижать, только скажи». А разбившая не одно сердце первая красавица класса Самина иногда даже разрешала проводить ее до дома.

Отец рассказывал Карлу: в двадцатом веке альбиносов принимали за колдунов, а людей с другим цветом кожи вешали на городских площадях. Слушая его, мальчик мысленно благодарил всех богов за то, что живет в столь просвещенное время, когда Иных не преследуют, а ласково опекают.

Раз в неделю его приглашали на заседание Комитета по защите прав альбиносов, которым руководил господин Ахмедссон, по совместительству директор школы Карла. В конференц-зале собирались несколько постоянных сотрудников Комите-

та и десять-двадцать часто меняющихся волонтеров. Господин Ахмедссон, маленький, жизнерадостный толстячок, довольно потирал руки при виде заполненной аудитории и читал с экрана наладонника лекцию о пользе толерантного отношения к Иным. «Если ты будешь добр к не таким, как ты, то и другие ответят тебе тем же. И неважно, кто ты, где живешь и как выглядишь», — этой фразой он заканчивал все свои выступления. После чего ему долго и громко хлопали. И единственный в зале «не такой» Карл тоже бил в ладоши, не жалея сил. Выступления господина Ахмедсона ему всегда нравились.

Однако, когда Карл возвращался домой после заседания и пересказывал речь директора, отец громко возмущался. Он говорил, что господин Ахмедссон не имеет собственного мнения, что он тутица и был тутицей, даже когда они учились на параллельных потоках в университете. А еще отец утверждал, что у шведов «хорошее отношение к Иным заложено в менталитете», и именно поэтому «страна уцелела после третьей мировой».

Мальчик не спорил, однако не видел большой разницы между позициями отца и директора. Он недоумевал по другому поводу — а откуда у шведов вообще какое-то отношение к Иным, если других Иных, кроме себя, он до недавнего времени не встречал?.. И еще он никогда не передавал отцу слова директора о том, что историки тащат Швецию в прошлое. «Мы живем настоящим и смотрим в будущее», — обычно пафосно восклицал господин Ахмедссон и с укором смотрел на Карла, как бы призывая разделить справедливость его негодования...

Другие Иные — помимо Карла — появились в Швеции с повальным увлечением генной коррекцией. Пару лет назад вдруг выяснилось, что генокод человека, а вместе с ним и внешность, можно менять не из поколения в поколение, а всего за час-другой. Пластика лица и коррекция фигуры сразу ушли в прошлое. Зачем ложиться под нож хирурга, когда любой недостаток внешности исправляется почти мгновенно!?

Особо продвинутые в желании меняться пошли дальше, и хотя за рамки базового человеческого генотипа прыгнуть они пока не могли, но на улицах Стокгольма стали встречаться люди с синими волосами иолосатой кожей. На банального альбиноса перестали обращать внимание.

Лишь боги знают, из каких пыльных тайников шведские умники вытащили древнее изобретение под названием «камера ускоренной мутации» (в просторечии «умка»), но кое-кто неплохо на нем «наварился». Салоны генной коррекции росли как грибы после дождя, и ни один из них не пустовал. Наука и мода шли рука об руку. «Кто не меняется, тот не человек» — гласил лозунг компании-предавца «умок» «Глобал-Ген».

За считанные месяцы увлечение из элитарного превратилось в общедоступное. Зачем стричься в парикмахерской или посещать маникюрщицу, если можно раз и навсегда уложить волосы или приостановить рост ногтей? Конечно, через месяц внешность может приестись, ну и что — салон «Глобал-Ген» снова распахнет для тебя двери!

Миддл-класс даже покупал «умки» для дома, да и набор белков и минералов — «расходных мате-

риалов» для строительства нового тела — продавался в любом парфюмерном бутике.

Большинство парней и девушек из школы, где учился Карл, тоже поддались поветрию. Девчонки удлиняли шевелюры, делали пластику лица. Два тихони-отличника отрастили когти и клыки — чтобы отбиваться от забияк. Двоечники учились спи-сывать глазами со стереоскопическим зрением, хулиганы пугали девчонок змеящимися волосами. Только красавица Самина не считала нужным исправлять свою и без того идеальную внешность. Но только до одного не самого счастливого для Карла утра...

Как обычно, перед началом уроков он ждал Самину у входа в школу, наблюдая за пробегающими мимо проапгрейженными товарищами. И вдруг увидел ее с десятиклассником Базгаром — известным своим увеличенным вдвое мужским достоинством. Задорно хохоча и глядя влюбленными глазами на спутника, она заметила альбиноса, лишь столкнувшись с ним нос к носу.

Карл стоял, побледнев от гнева. «Побелевший альбинос» звучало забавно, но в тот момент ему было не до смеха. Он сжал кулаки и шагнул навстречу парочке. Однако изменница вместо того, чтобы покраснеть от стыда, мило улыбнулась и сказала:

— Ой, Карл, а я как раз хотела с тобой поговорить. Извини, но ты мне надоел. Больше не провожай меня, о'кей?

Наверное, Карлу следовало повернуться и уйти. Но на такой поступок его не хватило.

— Что с-случилось? — спросил он, и это был самый глупый вопрос из возможных. Самина, по-

хоже, была того же мнения. Она досадливо топнула ножкой, надула губки, но все же снизошла до объяснения:

— Чего-чего... Ничего... Ты перестал быть экзотикой. А я встречаюсь только с эксклюзивными парнями!.. И вообще, норма — это жутко немодно. Сейчас все меняются. Придумай для себя что-нибудь оригинальное, о'кей?

И она кокетливо отдернула прядь за ухом, демонстрируя остроконечное ушко. А потом припечатала отвергнутого поклонника рекламным слоганом:

— Кто не меняется, тот не человек. Не зря ребята в классе не хотели с тобой дружить, говорили, что ты выродок...

Карл стоял с раскрытым ртом, не в силах поверить услышанному. Это он-то выродок? А как же «неважно, кто ты и как выглядишь»? Неужели его обманывали?!

Парочка удалилась, а альбинос все не мог сорваться с места, хватая ртом воздух и мечтая задушить изменницу, когда возле него остановился господин Ахмедссон. Тот самый, что любил потрепаться про общечеловеческие ценности и всегда обещал защиту.

Директор был праздничен как никогда. Если до сих пор он носил белые волосы в знак солидарности с альбиносом, то сегодня Карл отметил фиолетовый цвет его радужек и выросший вдвое подбородок, враз прибавивший круглому лицу толику бульдожьей решительности.

— Кто-то нарушил твои права, Карл? — важно поинтересовался директор. У мальчика был настолько расстроенный вид, что он сумел пробить

им даже всегдашнюю броню жизнерадостности господина Ахмедсона.

— Да, господин директор! — ответил парень с вызовом. — У вас есть шанс реально помочь несчастному альбиносу. Мои права нарушила девушка, изменившая мне с помесью осла!

— О-о, — смущенно отозвался Ахмедсон. — О-о... Хорошо, что ты сам заговорил об этом... Знаешь, наша организация теперь называется Комитетом за права альбиносов и генооткорректированных. И как ты понимаешь, налицо конфликт внутренних интересов... — Он в замешательстве потер подбородок. — Думаю, мы должны обсудить эту проблему на ближайшем заседании.

И словно ответив на вопрос подростка, отвернулся от него и спокойно вплыл в школьную дверь. А Карл плонул на уроки и побрел прочь от школы, загребая ногами дорожную пыль. Неведомая сила несла его к генно-салону «У Йоханнаддина», расположавшемуся в торце здания напротив школы. Карл пока сам не понимал, что двигало им — стремление отомстить Самине или желание доказать, что он не выродок.

Крохотный зал был забит посетителями, словно общественный транспорт в час пик. На три кабинки (полупрофессиональная модель горизонтального типа) и одного мастера приходилось около десятка клиентов, желавших прихорошиться. Внеся свое имя в список и оставив пропуск в графе «Желаемое улучшение», Карл прислонился к стене, украдкой поглядывая на соседей по очереди.

Парочка сошкольниц, несколько девушки по-старше и женщины средних лет — обычная клиентура салончиков вроде «У Йоханнаддина», куда заходили поменять цвет глаз, удлинить ногти на пару сантиметров и перекрасить волосы. Для коренной перестройки организма люди обычно ехали в центр города, где в светлых просторных коридорах многоэтажных дворцов «Глобал-Ген» сновали десятки мастеров... Разглядывая стандартные внешности очередников, Карл задумался, а что он делает здесь?

Тем временем квадратный от нарощенной мускулатуры мастер-инструктор, он же хозяин заведеньица, Йоханнаддин разрывался между тремя «умками». Не справляясь с наплывом посетителей, одному из них он разрешил самообслужиться и теперь жестоко расплачивался за свою доверчивость. Клиент задал аппарату настолько головоломную программу, что похожая на большую серебристую рыбку «умка» тряслась как в лихорадке и вот-вот была готова задымиться. Чтобы аварийно прервать процесс, инструктору пришлось выдергивать из сети мощный силовой кабель.

Неудачливый экспериментатор выпал из «умки» прямо на пол, и Карл признал в нем одноклассника Сейфуллу. В клубах дыма из раскрывшихся створок, распаренный до малинового цвета, он напомнил мальчику черта, а не человека.

— Чтоб тебя поразили молниями все боги Швеции! Что тытворишь, маленький паршивец?! — обилием мускулов и сам походивший на какого-то языческого божка Йоханнаддин взорвался в крике. Инструктор нависал над низкорослым, вертлявым парнишкой, словно библейский Голиаф над

Давидом. Зажатый в его дрожащей от негодования руке кабель был готов опуститься на голову Сейфуллы.

— Ты знаешь, сколько стоит «умка»?! У всех твоих родственников денег не хватит расплатиться!

— Простите, господин инструктор, я больше не буду, — поднявшийся с пола Сейфулла покаянно опускал вниз глаза, однако третий, посредине лба, лучился восторгом, выдавая своего хозяина. И убедительно доказывая, что генному потенциалу человеческого организма нет пределов.

Карл был уверен, что его одноклассник не раскаивается. Сейфулла принадлежал к той категории людей, что подкладывает кнопки на стол учителью не ради смеха, а для эксперимента — подействует или нет?

— Ты чем думал, дубина, когда третий глаз программировал? Ну ладно, цвет поменять или форму, но еще один? Ты бы его себе на задницу засадил! — отчитывал подростка инструктор.

— Цвет даже грудные дети умеют менять, — оправдывался тот.

— А человек не может стать циклопом! Генокоды разные, понимаешь?.. И вообще, нельзя насиливать свой организм, рано или поздно он не выдержит! — успокаивался мастер.

— Но у меня же получилось! — торжествовал Сейфулла.

Инструктор нехотя соглашался:

— Да... Однако ты слишком форсируешь события. Бери пример... — инструктор осмотрелся по сторонам и указал на Карла, — вот с него. Парень поступает правильно, не спешит... — Йоханнаддин

снова повернулся к альбиносу. — Кстати, очень стильная работа. Кто тебя корректировал?

Карл залился краской, став похожим на флаг далекой Японии, изображение которого он видел в одной из книг отца. Он открыл рот... и закрыл, так ничего и не сказав. При виде триумфа одноклассника ему стало стыдно признаться, что он впервые в геннакоррекционном салоне.

Но все равно получил обидный смешок — от Сейфуллы.

— Он с рождения такой, — захлебнулся смехом «цикlop». — Альбинос.

И тут Карл не выдержал. Озарение! Словно один из сонма громовержцев, приываемых инструктором, вдруг огrel его своей молнией, хорошенько вправив мозги. Иначе он никак не мог объяснить потом даже самому себе, откуда в его черепушке взялась эта идея... Шагнув в сторону мастера, он громко произнес:

— Помогите мне, господин инструктор! Сделайте обычным парнем... со смуглой кожей, черными волосами и карими глазами... Пожалуйста!..

— Обычным?! — Инструктора шокировала взволнованная просьба подростка. — Боги наградили тебя поразительной внешностью, а ты хочешь отказаться от их щедрот?

Карл видел, что Йоханнаддин абсолютно искренен в своем недоумении. Но никакие уверения уже не могли сбить его с выбранного пути. Впрочем, откровенничать с мастером он тоже не собирался.

— Господин инструктор, хочу удивить свою девчонку! А стандартная внешность сейчас самый оригинальный видон!

Он почти не врал. Слова Самины зацепили его очень серьезно. Но вряд ли он рассчитывал на ее возвращение. Нет, гораздо больше ему хотелось сказать и ей, и директору Ахмедсону, и одноклассникам: «Эй, смотрите, я такой же, как вы!» Но инструктору знать об этом было не обязательно.

Йоханнаддин несколько секунд молчал, затем понимающе кивнул и посмотрел на альбиноса с любопытством:

— Йо, парень, а ведь ты прав! В этом что-то есть. Эх, а варит у тебя котелок! Давай, покажи своей девчонке, у кого из вас есть яйца!..

Он открыл стоящий у стены шкафчик и заширил в нем со словами:

— Альби... альбинизм — это тьфу, пустяк. Маленькая ошибочка в генокоде, и ты не такой, как все. Но сейчас это исправляется легко... О, боги, где же этот справочник?.. — Он вытащил из шкафчика пустую руку и теперь разглядывал ее, словно надеясь увидеть на ладони подсказку. — Ладно... Я и так помню, что все дело в ферментах. Тирозиназа или как там ее... Короче, полезай внутрь, разберемся по ходу, — его пальцы забегали по панели настройки, а сам он еще раз повторил по складам «ти-ро-зи-на-за», явно получая удовольствие от знания столь непростого даже в произношении термина. — Главное — ген, что отвечает за эту твою тирозиназу... Вроде бы так... — Он приглашающе махнул рукой. — Залезай, попробуем...

Карл не заставил себя долго упрашивать. Не обращая внимания на заворчавшую очередь, он скользнул за матерчатую ширму, быстренько избавился от одежды и нырнул в пышущую жаром

«умку», словно в распоротое брюхо гигантской рыбы. Створки аппарата сомкнулись за его спиной, отрезая пути к отступлению. Внутри выложенной тонким ворсом эпителия «умки» было тепло и щекотно. За доли секунды его мышцы полностью расслабились, и он впал в транс...

Домой подростки возвращались вместе. Сейфулла настолько впечатлился задумкой Карла, что не пошел на занятия, а проторчал в салоне битый час, дожидаясь окончания эксперимента. Он даже доплатил за одноклассника полтинник и теперь внимательно слушал сбивчивую исповедь бывшего альбиноса.

В школе они почти не общались. Но сегодняшнее приключение настолько сблизило мальчиков, что Карл неожиданно разоткровенничался и выложил однокласснику гораздо больше, чем мастеру Йоханнаддину. Обычно немногословный, он извергал из себя водопад слов, заливая новоприобретенного друга свежими откровениями.

— Понимаешь, Сейф, дело даже не только в Самине. Ты прав, она стерва! И верно говоришь, что нельзя идти на поводу у баб. Но она назвала меня выродком. Разве такое можно стерпеть?.. А господин Ахмедссон? Он обманывал меня, говорил, что важен сам человек, а не его внешность. Фигня! Только настоящий швед может быть полноценным человеком... И отец всегда говорил: счастье, что мы — шведы... Пойми, я хочу доказать всем, что я самый настоящий швед — и внешне, и внутренне... Смотри. Настоящий швед — смугл и черноволос. Я — тоже. Настоящий швед любит меняться. Я — тоже... К тому же мутагенез — это временно. Пока мода, то да се...

Карл запнулся, почувствовав в своей логике некий изъян. Сейфулла тут же злорадно ухмыльнулся, чем задел экс-альбиноса до глубины души. В запальчивости Карл прибег к аргументу, который до сих пор не озвучивал даже мысленно:

— Отец всегда говорит, что в нас течет кровь шведских королей. Пусть порадуется, что я выгляжу как настоящий швед.

Сейфулла хихикнул и критически посмотрел на смуглого брюнета, в которого превратился Карл.

— Глупая идея, если спросить меня, — скептически поморщился он. — Лучше бы отрастил себе два хвоста. Вот уж где задачка, — вздохнул он.

— Мода пройдет, — убежденно заметил бывший альбинос. — А Швеция останется.

Открыв дверь своим ключом, Карл позвал отца прямо с порога. Тот откликнулся из кабинета:

— Карл! Иди скорей, у меня для тебя сюрприз!

«Знал бы ты про мой сюрприз!» — довольно подумал мальчик.

Отец стоял спиной к двери и держал в руках порыжевший от древности бумажный фолиант. Заслышав шаги сына, он повернулся, посмотрел на него и застыл. Застыл даже его взор. Глаза словно заледенели.

Несколько минут отец молча вглядывался в лицо Карла, словно ища знакомые черты, а затем выронил книгу и отвесил ему затрещину.

Удар не был силен, однако парень упал. От неожиданности, от разочарования, от обиды, в конце концов. Отец ведь никогда не бил его, а после смерти матери даже не ругал. И тут — такое.

С трудом Карл поднялся на ватные от слабости ноги. В голове шумело. При взгляде на застывшее лицо отца мальчика прорвало — слезы сами потекли из глаз, сквозь задушенное комком горло наружу вырвались слова то ли оправдания, то ли обвинения.

— Ты же сам говорил... про нас, про королей... Я хотел быть шведом... Как ты, как другие... Настоящий швед — тот, кто меняется... — прерывисто забормотал подросток, глотая вперемежку слезы и сопли.

Раскаяние, боль и что-то еще отразились на лице мужчины. Перед глазами сына вдруг оказалась древняя книга — та самая, из рук отца. А затем его палец указал на один из абзацев.

Размазывая рукавом слезы и шмыгая носом, Карл принялся читать.

«Научные версии, согласно которым изначально шведы были светлоглазыми блондинами, принято считать легендой. Однако этнографы-профессионалы утверждают — это не мифы, а факты. Позже — в угоду политической целесообразности и пресловутой толерантности, — достоверные сведения извратили, превратили в научные анекдоты...»

— Эту книгу я обнаружил сегодня утром, разбирая заброшенный архив одного аристократа. Ждал тебя, чтобы порадовать.

В голосе отца слышалась горечь. Карл пораженно уставился на него. Так он не альбинос?! Он — швед, и даже более настоящий, чем все остальные?! Подросток не мог прийти в себя. С ним случился шок, «обрыв катушки» — как говорили в школе. Привычный мир стал с ног на голову: вче-

рашний альбинос оказался истинным носителем шведского духа, а его обидчики — лжешведами. Это было настолько непривычно и настолько приятно, что он снова заплакал — на сей раз от радости и досады на свою недавнюю глупую выходку.

«Настоящий швед изменяет не себя, он меняет под себя мир», — прогудел басом отец. И улыбнулся, привычно потрепав сына по голове.

Карл ощущил — слезы куда-то исчезли, унеся с собой обиду, а на их место пришла решимость. Теперь он знал не только, как поступит завтра, — восстановит свою врожденную внешность, — но и то, как будет жить дальше. Он понял свое предназначение. Ведь он — тот, кто вернет шведскому народу его настоящий вид и истинное величие.

Карл Мухаммадссон, 44-й король Швеции, устало вытянулся в кресле. В полированной черной столешнице светлым пятном отражалось его довольноное лицо. Два часа назад риксдаг, признав легитимной власть короля Карла, утвердил на престоле страны новую династию. Позади остались десятилетия борьбы за власть, путь от непонимания до поклонения, от единиц соратников до сотен тысяч сторонников, радость находок и годы потер... Карлу вспомнился отец. Вот уж кто порадовался бы сегодняшнему триумфу. Жаль, не дожил он до дня, когда его смелая и даже слегка безумная мечта — видеть сына на троне — оказалась реальностью. Отец скончался в тюрьме, будучи арестован по маловнятному обвинению в государственной измене. Карлу было тогда около восемнадцати. Страшная потеря стала еще одним поворотным

моментом в жизни подростка, навсегда устремив вектор его ненависти на короля.

Не дожил до победы и верный сподвижник Карла — Сейфулла. Старый друг пал в героической схватке с королевскими войсками полтора года назад. В разгар военного противостояния власти и оппозиции они вдвоем попали в засаду, напоровшись на сотню без малого гвардейцев. Казалось, им не спастись. Но Сейфулла — в своем последнем воплощении он имел вид трехметрового викинга с мечами вместо рук и раздвоенным хвостом с заостренными жалами — по-скорпионьи атаковал врагов, закружила солдат в смертельном танце и заставил позорно рассеяться. Карл не знал, за счет какого набора генов соратник, ставший суперпрофи в ускоренном мутагенезе, приобрел такую внешность, но выжил в той сече только благодаря его защите. Сейфулла умер по-киношному — у него на руках.

Вспомнив погибшего друга, Карл вздохнул. Сейфулла был не только боевой машиной, но и тем, с кем он мог поделиться любым настроением. Взбравшись на верхушку властной пирамиды, Карл оказался в одиночестве. Но разве власти ему хотелось? Возврат к истокам — вот что двигало его все годы. «Белее шведа только снег» — придуманный еще в подростковом возрасте лозунг прошагал с ним по жизни. Когда же этот девиз разделили тысячи других шведов, прошедших через камеры ускоренной мутации и превратившихся в белокурых викингов, случилась революция. Переворот, реки крови, смерть узурпатора Абдурахмана и восшествие на престол справедливого правителя. Конечно же, Карла Первого Мухаммадсона...

Он положил ладони на массивную столешницу. Черное дерево, самое настоящее. Стол, кабинет, да и весь дворец достались ему от свергнутого короля — Абдурахмана Четвертого. Пора было принимать и остальное наследство.

Карл прошелся снизу вверх по ящикам стола, поочередно выдвигая и задвигая их. Ключ нашелся в верхнем. Плоский, тусклый. Карл повертел его между пальцев — «и этот кусочек металла открывает доступ к стратегическим секретам Швеции?».

На самом деле не открывал. Для сейфа с тайнами шведской королевской семьи, в числе которых находились коды доступа к спутникам, требовались два ключа. Первый, обманный, лежал в верхнем ящике королевского стола, второй висел на шелковом шнурке на шее у Абдурахмана Четвертого. К счастью, Карл узнал об этом заранее (спасибо продажному советнику экс-короля) и лично снял ключ с тела убитого, прежде чем того отвезли в утилизатор...

Отдав по радио приказ никого не пускать, Карл двинулся к большому черному кубу посреди кабинета. Зная, что взломать королевский сейф невозможно, его всегда выставляли напоказ. Карл вставил в скважины ключи, надавил и поочередно повернул. С тихим лязгом куб разломился пополам, обнажив свое драгоценное нутро.

Уникальные предметы Карл доставал по одному. Вот молот из плохо обработанного металла — говорят, он принадлежал самому Тору. Потемневшая от времени щепка — кусок от креста Спасителя. Черный волос на подставке — из бороды Пророка. Маска Локки — больше похожая на безделушку-сувенир от диких африканцев, чем на артефакт.

Все правильно, красиво смотрится только бижутерия, настоящим вещам не нужен дешевый блеск. А вот и пластиковые листы с начертанными кодами — экс-король не доверял электронным носителям, опасаясь магнитных ударов, способных уничтожить любую информацию.

А это что?! Под пачкой пластиков Карл обнаружил еще один реликт — переплетенную толстой нитью связку пожелтевших от старости бумаг. На верхнем листе старошведскими символами — еще справа налево — значилось: «Дневник наблюдений». Король искренне удивился — что обычный ежедневник делает рядом с реликвиями и стратегическими секретами страны?!

Осторожно, стараясь не повредить хрупкие страницы, Карл принялся за чтение (спасибо отцу, в свое время заставившему мальчика учить старошведский), с трудом разбирая расплывшиеся строчки... Дневник принадлежал врачу-эпидемиологу, жившему приблизительно сто пятьдесят лет назад. Его записи потрясли Карла.

«Месяц сафар, 14 число, 1481 год по хиджре. Сегодня меня вызывали в один отдаленный горный кишлак. Там случилось невообразимое. Все жители кишлака в одночасье забыли родной язык, заговорив на неизвестном в Афганистане наречии. Между собой они прекрасно общаются, однако их не понимает уже никто. Меня просили разобраться».

Следующая запись была сделана через несколько дней. «Месяц сафар, 17 число, 1481 год по хиджре. Это не психосоматика. И не нервное заболевание. Пока мы не можем понять его природу. Ясно одно, болезнь перерастает в эпидемию. На

неизвестном языке заговорили жители нескольких кишлаков поблизости от очага заболевания. Это обстоятельство тревожит больше всего. Пора вводить карантин».

Еще несколько заполненных страниц кто-то густо перечеркнул крест-накрест. Читался лишь третий по счету лист. «Месяц сафар, 27 число, 1481 год по хиджре. Мы сумели определить, на каком языке общаются между собой больные. Оказалось, это не выдуманный язык, как мы полагали, а шведский. Сама страна перестала существовать во время Большого Европейского Взрыва, но нам удалось найти носителя языка, который перевел разговоры заболевших. Они безумны. Больные уверены, что являются шведами и живут в Швеции. Пожалуй, заболевание коснулось не только речи, но и значительной части мозга. Коллективная шизофрения?? Но откуда у сумасшедших взялось знание иностранного языка?»

От большей части остальных листов уцелели лишь корешки. Две последние записи были сделаны на одной странице:

«Месяц раби-авваль, 9 число, 1481 год по хиджре. Заболел один из участников нашей миссии — водитель. Мы долго пытали его на предмет половых контактов с кем-то из местных, но он не сознался. Если не врет, то рано или поздно заболеем все. Не опоздали ли мы с карантином?»

«Мне кажется, я нашупал причину болезни. Это искусственный вирус, перебравшийся к нам откуда-то издалека. Не исключено, что его занесло к нам из Европы или Америки».

Дальше дневник обрывался. На обороте последнего листа можно было разобрать еще не-

сколько строчек — уже на новошведском, но тем же почерком, что и раньше. Однако записи не имели никакого отношения к прежним событиям. Означало это только одно — хозяин дневника сам заразился неизвестной болезнью.

Это был крах. Крах всей жизни короля. Сейчас Карл испытывал то же чувство, что и узник тюрьмы, годами готовивший побег и уже готовый узреть небо свободы, но вместо этого выбравшийся из подкопа в соседней камере... Тупик.

Холодный пот заливал лицо, кровь тугими толчками ударяла в виски, лицо непроизвольно кривилось в глумливой гримасе. Каким же он был слепцом! Долгие десятилетия бороться за дух истинных викингов, чтобы узнать, что и он сам, и его сподвижники — самозванцы без права на историю. Хуже того, они — безумцы. Дети и внуки безумцев. А как иначе называть их — афганцев, под влиянием неизвестного вируса вообразивших себя шведами и даже переименовавших свою страну в Швецию?.. Потерявшаяся в глубинах памяти красавица Самина была права: он — не полноценный швед. Он — даже не настоящий афганец, как остальные. Он — самый натуральный долбаный альбинос...

Нет, что-то тут не так! Это слишком невероятная история, чтобы быть правдой... Ладно, он и его сверстники жили спустя сто пятьдесят лет после эпидемии. Но ведь люди того времени были не глупее их. Несколько миллионов человек не способны в одночасье безболезненно забыть свою историю и культуру. Вирус мог лишить их памяти, но

архивы все равно должны сохраниться. Разве можно развернуть реку вспять и заставить ее течь в прежнем русле? Нет. Так почему поставленная с ног на голову страна принялась жить как ни в чем не бывало? И неужели никто за все эти годы не смог раскопать правду?..

Как и когда-то в детстве, на Карла вдруг снизилось озарение. Где-то в глубинах его памяти крохотной занозой сидело упоминание о событиях ста пятидесятилетней давности. И связана эта информация была с его отцом, полупрофессиональным историком... Карлу припомнились подробности его ареста. В тот вечер они ужинали в узком семейном кругу. Довольный отец только-только начал рассказывать, что совершил очередную архивную находку, касающуюся серьезных волнений в Швеции около ста пятидесяти лет назад, как в дверь постучали. Люди из королевской службы безопасности拥вели отца с собой, и домой он больше не вернулся, слабое здоровье не выдержало тюремного режима.

Тогда Карл никак не связал загадочный арест отца и его копание в архивах. И только сейчас к нему пришло полное понимание. Власть, в отличие от простых людей, знала все. Но скрывала.

Сопоставив информацию из «Дневника» и упоминание отца о неких беспорядках, а также призвав на помощь логику, Карл попытался мысленно реконструировать события тех дней.

Картина вырисовывалась следующая. Сто пятьдесят лет назад Афганистан оказался на краю гибели. Население страны поголовно стало воспринимать себя шведами со всеми присущими этому европейскому этносу ценностями и знания-

ми. Однако при этом оно продолжало жить в условиях Афганистана, иметь на руках соответствующие документы, пользоваться плодами прежней культуры.

Когнитивный диссонанс, случившийся в головах афганцев, мог превратить их в толпу окончательных безумцев, после чего страна попросту исчезла бы, как это случилось со множеством других государств, попавших под удар вируса. Перед тогдашней властью встал непростой выбор — остьаться территорией умалишенных или объявить себя Новой Швецией, взамен уничтожив все следы прошлой, «дошведской» эпохи — архивные документы, культуру, литературу и прочее.

Поскольку спустя полтора столетия страна все еще существовала, то выбранный некогда путь можно было назвать успешным. Однако власть оказалась заложницей своих действий, и все эти годы была вынуждена скрывать правду. Прятала в королевском сейфе за двумя замками разоблачительные документы, гнобила историков, которые могли бы докопаться до обстоятельств произошедшей трагедии, тщательно уничтожала «дошведские» архивы, а также запрещала проводить свежие исследования несообразностей устройства страны — этого странного микса из традиций и верований двух обществ.

Нынешний Карл, Карл-король, прекрасно понимал мотивы власти. Правда могла разрушить их государство. Их Швецию...

Он взял в руки «молот Тора». Загадочный флер старины спал с глаз Карла, и драгоценный реликт представился ему обычной кувалдой. Будь жив Сейфулла, он попросил бы его об одной услуге —

размозжить этой железякой голову несчастного альбиноса. Самый лучший выход для того, кто бездарно потратил собственную жизнь и жизни других людей... Карл прижал молот ко лбу, словно примериваясь. Холодный металл успокаивал, и король встряхнулся — «мгновенная слабость, случается с каждым». Чтобы вновь не поддаться искушению, он откинул молот прочь от себя. Сила броска оказалась настолько велика, что многокилограммовый снаряд долетел до дальней стены, ударился в нее с гулким «бумс» и даже оставил вмятину.

Осознание собственной мощи заставило Карла одуматься. «Я добился всего сам, мои мышцы не потеряли своей силы, до сих пор ничто не могло остановить меня. Отчего же ослабел мой дух?» — задался он вопросом.

Отец, со смеющимися, все понимающими глазами, предстал перед его мысленным взором. «Настоящий швед не изменяет себе, он меняет мир под себя», — как и когда-то проговорил он. Всю жизнь Карл следовал этому наставлению отца. Так почему он опустил руки? Особенно сейчас, когда на нем лежит ответственность за миллионы чужих жизней!..

Король Карл Первый поднялся, подошел к столу и сунул дневник эпидемиолога в урну. Теперь он знал, каким будет его правление и чем оно запомнится его подданным. «Вернем шведов на историческую родину!» — отличный лозунг. Ничем не хуже «белее шведа только снег». А значит, в ближайшие десятилетия его народу предстоит большое путешествие на север — туда, где лежит в руинах настоящая Швеция.

АРМАГЕДДОН — ЗАВТРА

1.

Снастей у Севы Кречетникова все обстояло серьезно. Невестушка, через полгода свадьба. Да вдруг Настя проявила независимость и отправилась на девичник. Возвращалась около полуночи. В это время по городу рассекают крутые тачки — Темирхановы обозревают владения. Настя привыкла, что с Севой гулять безопасно, потому не беспокоилась. И напрасно.

На душной улочке около нее, легко прошуршав колесами, остановился мощный внедорожник: «Анастасия, свет очей моих, что ж ты старых друзей забываешь?»

С Булатом Темирхановым Настя действительно и в школе училась до 8-го класса, и списывать давала.

Булат подвез на свой темирхановский лад. Сева узнал, где Настя, только через неделю. Рашид, друг еще с детсадовских времен, поведал:

— Она — у Темирханова Булата на его даче. Мой дядя видел ее. Не связывайся с ним, папаша его не только по фамилии, но и в самом деле тут хан. Найди себе другую деваху — тебе ж не сложно.

— Мне все не сложно. Ты мне друг, Рашид, точно? Поезжай к этому Булату, с дядей или без, пе-

редай, я жду его сегодня, как только стемнеет, у ротонды в парке отдыха.

— Ты чего, Сева, со стула упал и мозгом ударился?

Рашид основательно покачал головой по дуге большого круга, но поехал. А около девяти Сева пришел в самую заброшенную часть парка. После того как здесь прирезали бомжа — точнее, покромсали на ломтики не больше колбасных, — люди как-то перестали сюда ходить.

Ротонда, где некогда играл духовой оркестр — «Прощание славянки», «Амурские волны», — на половину обвалилась. А упавшие перекрытия придали ей сходство с песочными часами.

Несмотря на залихватские «мне все не сложно», Сева не был железобетонным, как папа, а скорее в покойную мать. Булат явится, в этом можно не сомневаться. Джигита ведь из себя строит. Но вот будет ли он один? И если даже один — это серьезный противник. Карате занимался, тяжелее на двадцать кэгэ. В кармане наверняка лежит короткоствол. Лучше бы, как и советовал приятель, не связываться...

Но забыть Сева не мог. Настя совсем не напоминала девок из семей спившихся работяг бывшего «Энергомаша». Скорее всего, была она единственной в городе, которую Темирханов мог бы взять только силой.

Сева почувствовал приближение хищного тела, резко обернулся — Булат был почти рядом. Массивный, а идет тихо, как тигр.

— О чём задумался, служилый? — голос Темирханова лился приторно-дружелюбно. Сева от-

ругал себя — ведь действительно, задумался в самый неподходящий момент, как мальчик-аутист.

— О ней.

— А может, не стоит брать в голову? Иди лучше ко мне работать, в ЧОП — заместителем директора.

— А ей ты предлагал место секретарши или сразу лапы потянул?

— Я ей предложил то, что ты ей не мог дать. Вообще, не понимаю, ты ее для меня девушкой сохранил? Ты чего, на всю голову православный?

Сева перепрыгнул через обвалившуюся балку, сымитировал удар по верхнему уровню и, мгновенно прижавшись к земле, врезал противнику по нижнему уровню — под колени.

Темирханов повалился лицом в пыль.

— Вставай, — сказал Сева, — для тебя еще ничего не кончилось.

Темирханов встал. Физиономия его выглядела растерянно. Он сделал, прихрамывая, пару шагов вперед, попробовал атаковать — ударом ноги в голову. Кречетников нырнул под ногу Темирханова и провел сразу два удара — локтем в корпус, тылом ладони в лицо.

Булат благодаря массе удержался на ногах, но теперь его «афиша» была запачкана кровавыми соплями и перекошена злобой.

— Подробности хочешь? Вначале она немного поломалась, но лишь для вида — я пришлю ее шмотки, ни одной пуговички не оторвано, — а в конце просила взять к себе. «Булатик, а ты меня не бросишь?»

Через мгновение Сева, перемахнув через сгнивший круглый стол, оказался сбоку от Булага

и вкотил ему кулак в ухо, а хуком справа в челюсть уложил на землю. Нокдаун.

Покачиваясь, Темирханов поднялся, попытался провести прямой удар. Сева аккуратно затормозил его кулак ладонью левой руки. Булат пихнул правой ногой в колено Кречетникова, но тот подцепил стопой его пятку, вывел из равновесия и двумя ударами в голову опрокинул на спину. Снова нокдаун.

— А теперь можешь полежать, скот.

Опершись на локти, Темирханов стал подниматься — Сева вовремя заметил блеснувший в его руке металл и пинком вышиб пистолет.

— Стоять, ни с места...

Кречетников обернулся. От дальних скамеек к нему шло двое полицейских с оружием на изготовку.

— Эй ты, покажи гребла.

Кречетников протянул руки ладонями вверх, и на его запястьях защелкнулись наручники.

Сева вместе со своим конвоиром отошел лишь шагов на двадцать от ротонды, когда в глаза ударили свет фар. С полминуты он ничего не видел, только слышал, как из машины выходит несколько крупных тел, и сразу догадался, кто это. Темирхановцы — все отожравшиеся.

— Сержант, отойди... Расульчик, займись этой гнидой.

По голосу Кречетников узнал Темирханова-старшего, мэра города. Тембр, напоминающий о жужжании мух, запомнился по его выступлениям на местном телевидении.

Удар силой в несколько сот килограммов сбил Севу на землю. Сознания он не потерял, так что понял, что им занялся боксер-профи. Стало трудно

дышать — кровь заполнила носоглотку. Он подумал, что надо сгруппироваться, но еще несколько ударов в голову, в бок залили его тело тяжелой болью. Она ходила туда-сюда и была его полным владельцем.

— Стоп, иначе отключится. Расул, за руль...

Заработал мотор, сквозь пульсирующую боль Сева почувствовал приближающийся корпус машины, а потом его стали давить...

Андрей Андреевич нашел Севу утром — в городской больнице, с приставленным полицейским. В ту ночь дежурил, по счастью, Царегородцев, последний нормальный хирург, начавший работать еще при советской власти. К полудню доктор вышел из операционной с красными воспаленными глазами и сказал, что парень будет жить. Царегородцев не стал говорить измученному отцу, что сын его пролежит до конца своих дней в кровати и работать у него, в лучшем случае, станет только левая рука. И что будет Сева проклинать врача, который вытащил его с того света. А еще через час Кречетников-старший ознакомился с обвинением, которое было предъявлено сыну.

Причинение умышленно тяжкого вреда здоровью и покушение на убийство Булата Темирханова в составе организованной группы. «По мотиву... расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды...» К делу приобщено оружие обвиняемого — пистолет «глок 36». УК РФ, статьи 111, 112 и еще четыре.

— Кто же тогда изувечил Севу? — прошептал Кречетников-старший, сидя на жестком стуле в кабинете следователя. От отчаяния так сдавило горло, что едва мог говорить.

— Попал под машину, на которой подъезжал его подельник, — следователь подмигнул, показывая, что такова новая реальность. — Да, про девушку вы говорили, только никаких заявлений от гражданки Пентковской к нам не поступало...

Центральная пресса и Интернет сработали оперативно.

Уже к вечеру на новостных сайтах появилось сообщение о группе скинхедов в городе Шалышк (бывший Ковалевск), занимавшейся нападениями на лиц нерусской национальности. На следующий день появились фамилии. Бывший десантник Кречетников, а также ранее судимые Иванов и Скворцов.

Соответствующие сообщения, с указаниями на опасный рост русского национализма, имеющего связи с силовыми структурами, были опубликованы в нескольких западных газетах, в том числе консервативной «Таймс» и либеральной «Нью-Йорк таймс».

Информация о «банде Кречетникова» расцвела новыми нюансами. Военная прокуратура завела на Всеволода еще одно дело. По показаниям жителей горного селения Кызыл-Юрт, при прохождении военной службы Кречетников В.А. участвовал в похищении местного бизнесмена Курбanova.

А популярный блогер, сынок многотиражной писательницы, выделил в этой истории и сексуальный подтекст: «Так называемая «невеста Кречетникова» ушла к Булату Темирханову из-за импотенции своего «жениха», страдающего наркотической зависимостью после прохождения службы в армии, где он устанавливал «конституционный по-

рядок», рэкетируя бизнесменов. Собственно, На-стеньке очень повезло в городе, где большинство русских женщин готовы отаться на трассе за бутылку водки».

Кречетников-старший не читал бессовестных блогеров. Он понимал, что брехня является отлично продаваемым товаром. Андрей Андреевич ходил между судом и прокуратурой. С Севой увидеться он не мог. После того как сын вышел из комы, его перевели из больничной реанимационной палаты в лазарет СИЗО.

Во время суда у Всеволода несколько раз брали показания при помощи видеотрансляции, но едва он пытался сказать непослушным ртом, что у него не было никаких сообщников, как сеанс связи обрывался.

Последний, кто еще мог помочь Андрею Андреевичу Кречетникову — это Вартанян. Они вместе работали в НИИ волновых сред, только тот ушел года за два до «акционирования», занялся бизнесом. Возможно, уже тогда начались «утечки» технологий, и Вартанян сумел составить стартовый капитал. Одно время Алику принадлежали все супермаркеты в городе, но потом пришлось отдать их Темирхановым — обошлось вроде мирно. Клан в начале своего восхождения применял разную тактику и в данном случае заплатил за уступку.

Вартанян позвонил первым.

— Тебе не надо меня просить. Сделаю, что смогу, чтобы спасти твоего парня от тюрьмы.

— Алик, откупиться от Темирхановых будет стоить огромных денег. Я отработаю...

— Об этом потом.

Через неделю следствие переквалифицировало обвинение на более мягкое: «хулиганство», «причинение легкого вреда здоровью», а заодно поменяло «содержание под стражей» на «подпиську о невыезде». Севу на носилках доставили домой.

Кречетников несколько раз звонил Вартаняну, чтобы поговорить о выплате долга, но тот всякий раз отнекивался: «потом». А потом Алика застрелили — по городу ходили слухи, что Темирхановы все-таки были им недовольны.

2.

Пэнроуз был городом роз — благо климат способствовал, мягкий морской.

Вот и коттедж доктора Юмэна окружали три периметра розовых кустов — чайных, белых и, конечно, розовых.

В последний год Лео Юмэн всегда возвращался с работы, протекавшей в лаборатории фирмы «Сирл», ровно в половине шестого. И после чайной церемонии с женой занимался розовыми кустами.

Когда приезжала из гимнастического клуба дочь, садились ужинать. Разговор обычно шел сперва о спортивных занятиях Джуллии, о профессорах, которые преподавали сыну Джейку. Затем о том, как хорошо, что они уехали из «Рашки», так же как тренера дочери и профессора сына, и как плохо, что они не уехали из «Рашки» раньше.

Лео и его жена Джэд в этих разговорах непременно лукавили. Леонид Уманский с супругой Ядвигой уехал из «Рашки» именно тогда, когда про-

шло акционирование НИИ волновых сред и можно было заниматься вывозом оборудования и «ноу-хау».

Делать это в спешке не годилось. Заказчикам из «Сирл» требовалось все, относящееся к разработкам по теме «танцующих молекул». Собственно, Мэнсон и дал название проекту — *dancing molecules*. В «совдепии» все именовалось прозаичнее: «системы уединенных волн в упругих средах». У Мэнсона всегда был потрясающий нюх на прибыль. Едва он прочитал первые три страницы из доклада, подготовленного для него Уманским, как хлопнул себя по крепкому стриженому затылку: «Это прорывная тема, если правительство подбросит денег, через несколько лет мы сможем создавать новые виды материи». И добавил: «Кречетников — гений, надеюсь, вы, Лео, сумели многому у него научиться». Эту фразу Уманский постарался забыть.

В десять часов Юмэн садился пообщаться с коллегами в Беркли, Женеве и Москве с помощью интернет-телефонии — нет ли каких-то новостей. «Московитов» он непременно подкалывал, сообщая им, что сейчас сооружает у себя бассейн, и какие у них в городе улыбчивые полицейские.

В одиннадцать Юмэн совершил пробежку по зеленой Дрэйк-лэйн; поскольку горожане были счастливы, то в городе было безопасно как в детском саду.

В полночь Юмэн ложился в постель со своей Джэд. У нее не было и следа целлюлита; то, что нужно, поднято всемогущим хирургом Веспером из Пасадены и пружинило как у девушки.

Размеренная сладкая жизнь.

Правда, Лео подозревал, что Джэд занимается любовью с Лолитой По. Та была важной шишкой в Совете по международным отношениям: эксперт по «политике на пространстве Евразии» и менеджер по «демократической инициативе за Уралом». Джэд регулярно летала к Лолите в гости. Лео пару раз заглядывал и в сумку жены перед отъездом — откровенное нижнее белье и дилдо. Но связь с женщиной — это так современно, да и важно для карьеры Джэд, которая с прошлого года имеет приличный пост в News Corp.

О том, что произошло с Севой Кречетниковым, Юэн узнал из «Бизнес Таймс» — в том виде, как было подано там. И после субботнего секса спросил у жены:

— Дорогая, ты же у них редактор отдела восточноевропейских новостей. Я не очень верю, что сын Андрея во главе банды головорезов напал на невинного филолога... И вообще он твой племянник.

— У меня нет племянников, — отбила Джэд. — Старший Кречетников — фактически убийца моей сестры, не дал ей уехать, подонок. И его выкормыш такой же, яблоко от яблони недалеко падает.

— Может, стоит как-то разобраться.

— То, что написано в статье, отражает общую политику News Corp, а если точнее, Совета по международным отношениям по освещению событий на пространстве экс-СССР. И вообще, чего пристал? — неожиданно грубо рявкнула Джэд, обычно в такие часы изображавшая кошечку. — Или тебе кошерный секс надоел, захотелось чего-то погорячее?

И Лео понял, что ему действительно хочется чего-то погорячее. А еще он вспомнил, что жена спокойно одобрила то, что он фактически обокрал Андрея Кречетникова. «На варваров и рабов, так же как на животных, законы об интеллектуальной собственности не распространяются». И если она тогда не возражала, то почему он должен возвращать сейчас?

3.

За хулиганство Сева получил условный срок — в чем либеральные газеты усмотрели руку «националистов-силовиков» из Кремля, потому приехавшая из столицы группа «антифа» выбила все стекла в квартире Кречетниковых и нагадила у них в подъезде. Продолжалось и расследование военной прокуратуры. Многочисленные члены семьи Курбановых каждый день вспоминали новые обстоятельства того, как их пытал сержант Кречетников. Журналисты суетились, сочиняя подробности.

Впрочем, Андрею Андреевичу пару раз звонили и намекали, что дело можно будет замять... ну, сами понимаете... где-то «тридцать тонн зелеными». Тогда найдутся свидетели, которые вспомнят, что, вообще-то, в Кызыл-Юрте шел бой, а из дома, принадлежавшего Курбановым, был открыт огонь в спину отделению десантников. И что в ходе обыска, проведенного милицией у Курбановых, обнаружились рабы и свидетельства того, что прежние владельцы дома, русскоязычные, были убиты...

Тридцать тысяч долларов. Старший Кречетников пересчитал все имущество, у него имевшее-

ся, включая квартиру. До тридцати «тонн» явно недотягивало. Однако он начал продавать. Квартиру взял кто-то из темирхановских родичей за пятнадцать тысяч, многократно называя себя при этом честным и щедрым.

И вот последняя ночь на родном пепелище.

Накормив сына, Кречетников сел за компьютер. Стал готовить сообщение под заголовком: «Продается документация по распространению уединенных волн в упругих средах...» Аннотация, задачи, эксперименты, результаты. Нашел нужную ньюс — группу, дал сообщение, потом повторил еще на двух. Это заняло Кречетникова до пяти утра. Затем отправился договариваться с бабкой, у которой должен быть снимать комнатку с завтрашнего дня, и с шофером грузовика, который станет перевозить пожитки.

За океаном был еще вечер предыдущего дня. Но там уже совещались Юмэн, Мэнсон из «Сирл», люди из «Пиллума», фирмы, тесно связанной с ЦРУ, в том числе Верикокка, курирующий сбор научных трофеев на пространстве экс-СССР.

— Нами перехвачена важная информация, — сказал Верикокка. — Небезызвестный вам Кречетников сообщил, что владеет полным ноу-хау по «танцующим молекулам». Ему удавалось изменять скорость протекания времени для макрообъектов и возвращать им прошлые состояния. Я бы не поверил, но это серьезный ученый.

— Надо немедленно вывезти документацию из... Шалышка, — речь Мэнсона была чеканной, только название города он произнес невнятно, словно жуя бифштекс. — Доктор Юмэн, как полагаете, нужен ли нам сам Кречетников?

— Не думаю. Человек с изломанной психикой, особенно после этих двадцати лет, прожитых в нищете, — разлепив подсохший рот, сказал Лео Юмэн. — Я знаю то, чем он занимался в институте и в каком направлении мог продвинуться.

— Вы уверены, доктор Юмэн, что сами во всем разберетесь? — Верикокка посмотрел ледяным глазом.

— Лео был прилежным учеником Кречетникова, — поспешил вклинился Мэнсон. — Кроме того, мистер Кречетников уже двадцать лет за пределами научного сообщества. Думаю, что кроме истерик и претензий мы от него ничего не добьемся. И самое главное — соображения секретности. Кто он там, русский националист, как его сын, или коммунист, как его отец, — информация может уйти через него к парням на Лубянке.

— Пожалуй, я с вами соглашусь. Кречетников нам не нужен, — подытожил Верикокка. — Операцию начинаем немедленно.

А на другом конце мира, в Шалышке, Андрей Кречетников немного поспал — в девять утра его разбудил шофер Леша, и они стали грузить в КамАЗ пожитки. У Леши оказалось тugo со временем, «всякие сундуки» он носить не нанимался, да и в съемной комнате места было маловато. Так что на выброс пошла почти вся библиотека. И Брокгауз-Ефрон, и «Чудеса Природы» столетней давности с первыми в мире цветными реконструкциями динозавров — эта книга сделала маленького Андрея фанатом естественной истории. И кипы книг по путешествиям, русским землепроходцам, советским исследованиям космоса — с ними провел детство

маленький Сева. За полчаса почти весь мир семейства Кречетникова отправился на свалку.

В полдесятого появился «шестерка» Темирхановых, стал торопить. Вот и диван оставили во дворе — явившаяся на шум семейка беженцев облепила его и потащила куда-то. В съемной комнате хватит и раскладушки.

Севу погрузили в фургон прямо на кровати, где он лежал. Андрей Андреевич поехал рядом с сыном, придерживать, чтобы тот не упал из-за тряски на разбитой дороге.

«Шестерка» Темирхановых зашел в очищенную Кречетниковыми квартиру. А еще через пять минут позади него в дверях появилось двое крепышей.

«Шестерка» кинул взгляд через окно во двор. Там стоял «Паджеро». Ничем не примечательный внедорожник, однако возник только что, да и около облупленной хрущевки «своими» могли быть лишь потертые «Лады» и двадцатилетние иномарки.

— Ау, чего притопали? — протянул «шестерка». — Квартира куплена, документы в порядке.

— Так ты не Кречетников? — спросил один из типов в спортивном.

— Похоже, это профессор с сыном-паралитиком вам нужны, — «шестерка» облегченно выдохнула. — Скололи уже.

— Куда?

— К бабке одной.

— Что из тебя тянуть все надо. Адрес бабки?

— Вы чего, пацаны, растопырились? — возмутился «шестерка». — Что за допрос такой? Я сейчас тоже могу нашим позвонить, чтобы подъехали.

— Рот прикрой, а то мухи насрут. Тебя только спросили, знаешь ли ты адрес, — успокоительно сказал второй тип.

— Точный не знаю. Но слышал, как папаша ихний с водилой говорил про улицу Рокоссовского. Она теперь Шамиля называется...

«Паджеро» подкатил к дому бабки Ульяны в то время, когда выгрузка пожитков из КамАЗа еще не закончилась.

— Быстро вы, — бросил Кречетников двум «быкам», вышедшим из машины, — может, вместе вещи потаскаем?

— Это не входит в наши обязанности.

— А с виду крепенькие, не какие-нибудь научные сотрудники. И что же входит в «наши обязанности»? Вышибать мозги?

Подошел человек в официальном костюме с кейсом:

— Господин Кречетников, мы — представители тех структур, на которые было рассчитано ваше сообщение. Мы займемся вывозом документации. Разумеется, мы готовы немедленно оказать вам материальное содействие.

— Разумеется, я возьму. А иначе зачем я вызывал злых духов?

— Остроумно, господин Кречетников... Мне поручено выдать вам аванс в размере пяти тысяч долларов... Мы заедем вечером. Вы знаете, что нам нужно.

И «клерк», оставив в руках Андрея Кречетникова пачку денег, уехал вместе с «быками».

Все, продажа Родины, а если точнее, памяти о Родине, состоялась. Кречетников не хотел сейчас

искать себе оправданий, вертлявый Леня Уманский наверняка их напридумывал целую тонну...

Подошел Леша, свесил челюсть, заметив деньги.

— А еще бедным прикидывался.

— Не было, теперь есть.

— Друзья подкинули?

— Типа этого. Леша, распорядок дня такой. Выгружаем вещи, потом ты привозишь Севе сиделку — найдешь на заднем дворе горбольницы, где нянечки и медсестры перекуривают; смотри, чтоб у нее физиономия не испитая была. Потом сгоняешь со мной в одно место.

— Как скажешь, Андрей Андреич, ты теперь шеф.

Через час они пылили по разбитой дороге на бывший лабораторный объект НИИ. Чувствовал себя Андрей Кречетников никудышно, хотя сыну доставили сиделку, а бабка Ульяна оказалась любительницей чистоты. Почти у всех пожилых русских женщин в Шалышке сын или сидел в тюрьме за украденный мешок картохи, или помер по пьяному делу, или напоролся на острый нож джигита. Все произошло именно так, как планировали те, кто убивал в городе промышленность. Ульянин сын недавно умер на зоне от туберкулеза, и женщина сейчас голосила над Севой, как над покойником...

На середине пути Кречетников почувствовал, что за ними идет слежка. Плохонькая дорога была почти пуста, разок навстречу проехал потрепанный грузовик с каким-то хламом, и все. Может, слежка сверху? Дрон или вертолет.

— Развилка, Андреич. Куда?

— Налево, Леша.

Через двадцать минут остановились около строения, похожего на заброшенную ферму. Низкое, длинное, ни одного целого стекла.

— Мда, пикничок тут не устроишь.

Внутри строение напоминало цех. Только ничего целого — ржавое железо, волосья проводов.

Кречетников остановился около катушки из-под кабеля.

— Помоги сдвинуть.

Под катушкой нашелся люк, а за ним колодец, в глубине которого стояла вода — Леша для проверки бросил кирпич.

— Ты ничего не перепутал, Андреич? Вроде не пил. Или от счастья забурел?

Кречетников спустился на пару метров по скобам, вделанным в стенку колодца, и стал вытаскивать ящики из боковой ниши. Недостачи нет. Три года, как он их законопатил. После удачного эксперимента. В тот день окончательно удостоверился, что сохранение воды, находящейся ниже точки замерзания, в жидком виде было результатом замедления потока времени. Х.солитоновые волны оказались своего рода регуляторами этого потока, ускоряя, замедляя его или даже оборачивая его вспять. При понижении температуры ниже нуля вода сохраняла структуру, характерную для плюсовой температуры, и, более того, «боролась» против замерзания с помощью гармоничного колебания молекул. Как он тогда назвал — «танца».

— Потащили это хозяйство в машину.

Во дворе их уже ждали. «Паджеро» и три типа.

— Шпионить нехорошо. Мы же договаривались на вечер, — напомнил Кречетников «клерку».

— Мы решили подстраховаться от неожиданностей.

Стало давить на уши, неподалеку от них сел вертолет — лопасти продолжали гнать сор по разбитому асфальту перед «фермой». И не какой-нибудь трудяга «Ми-8», а иностранный, акулообразной формы.

— Я думал, что у меня будет время подготовить, так сказать, описание вложения.

— Ни о чем не беспокойтесь, у заказчика есть люди, которые прекрасно разберутся с вашим грузом, — улыбнувшись, сказал «клерк».

— Тогда передавайте привет Лене. Давайте рассчитываться.

— Мы должны оценить груз. Лишь после этого произойдет перевод денег на ваш счет.

— Какой счет? И почему я должен верить вашей шобле? Уманский один раз уже обчистил меня.

— Это ваша интерпретация, — равнодушным лицом и монотонным голосом «клерк» показывал, что слова Кречетникова его уже не интересуют.

— Возьмите сейчас один ящик. Убедитесь, это то, что вам нужно, перечислите часть денег. Потом получите остальное.

— Мы заберем все и сразу.

— Священной собственность становится только, когда оказывается в священных руках заморских господ. Потом никто и не вспомнит, что это было мое. Короче, ответ отрицательный.

— Ваше мнение учтено не будет, — глядя куда-то поверх головы Кречетникова, отбарабанил «клерк».

— Да неужели я сбагрю результаты многолетнего труда жирному спруту по имени «Сирл» все-го за пять тысяч?

— Не заедайся ты с ними, Андреич, — сзади появился Леша. — Пять кусков хорошие деньги, обустроишься. А от этих ящиков тебе и так толку не было, раз ты их в колодце держал.

Раздался легкий хлопок, похожий на звук пробки, вылетающей из бутылки. Кречетников обернулся — Леша лежал, из его глаза в трещину на асфальте текла кровь.

— Как вы видите, свидетелей не будет, — сказал человек, показавшийся в двери вертолета, это он стрелял из пистолета с глушителем, — теперь отойдите в сторону.

— Вы ж его просто так убили, а у него дети, между прочим!

Тот, что с пистолетом, помахал рукой около уха, показывая, мол, ничего не слышит из-за шума двигателя.

Уже не обращая на Кречетникова внимания, трое людей, приехавших на джипе, стали грузить ящики в вертолет. Вот и последний загружен, сейчас закроется дверь, и машина взлетит...

— Ах ты, сука, — Андрей Андреевич впервые в жизни произнес такие слова. И, подхватив с земли железный прут, в первый раз в жизни бросился на кого-то с желанием убить.

Пуля свистнула около его уха, но он опустил прут на голову одного из «быков» — тот резко сложился. Из глубины памяти разом всплыли навыки — тридцать лет назад Андрей занимался фехтованиям. Следующий удар — прутом в живот тому, что строил из себя клерка — этот отлетел, ударив-

шился спиной об обшивку вертолета. Тут пуля пробила Кречетникову грудь под ключицей, сразу стало тяжело, но он еще ринулся к открытой двери взлетающей машины, бросился внутрь...

Кречетников был застрелен в упор, а его тело выброшено наружу.

4.

Если не считать мелких шероховатостей, то все ладилось уже десять лет подряд. Полный архив Кречетникова стал завершающим аккордом в этой симфонии счастья.

Через месяц после получения посылки из Шалшика был проведен удачный опыт по возбуждению пакета х.солитоновых волн в воде, и ее молекулы упаковались в самый настоящий хоровод, стали дансикулами. Х.структурная вода не замерзала и при минус пятидесяти, превращаясь из-за кардинального повышения вязкости в самый настоящий жгут.

Первый жгут, второй, более длинный, третий. На ощупь напоминает холодную змею. Если жгут, закрутившийся при охлаждении направо, перекрутить налево, то спустя какое-то время он возвращается к прежнему правозакрученному виду. Фактически х.структурная вода обладала «памятью формы» — а если верить теоретическим построениям Кречетникова, восстановливала прошлое состояние... Вообще-то, извивающийся серебристый жгут производил жуткое впечатление, особенно поначалу. Оторвавшиеся от него капель-

ки пытались подползти обратно, словно тоже обладали памятью.

Прошла еще неделя, и случилась она — первая неприятность.

Лабораторный комплекс фирмы «Сирл», занимающийся изучением квазичастиц и х.структур, напоминал по своему виду Пентагон. Пять вложенных пентагональных стен — между ними лаборатории, офисы, служебные помещения. Переход на каждый следующий уровень — через шлюз.

Доктор Юмэн работал в лаборатории уровня «два» — там находился исследовательский реактор, из которого ни при каких обстоятельствах не должна была выйти х.вода. Герметичность гарантировалась системой датчиков. Руки исследователя заменялись манипуляторами, подключенными к его мозгу через нейроинтерфейс и разъем в районе третьего шейного позвонка.

После загрузки соответствующих психограмм в гиппокамп Юмэн воспринимал манипуляторы как свои руки. Каналы моторной шины передавали «руке» мысленные приказы исследователя, каналы сенсорной возвращали его мозгу ощущения — по упругости, форме, температуре материала.

Поиграв со «змеей» из х.воды, доктор Юмэн завершил свой рабочий день. Выйдя из четвертого шлюза, вдруг почувствовал капельку воды, упавшую ему на темя, не слишком защищенное волосами. Он посмотрел наверх — на мерцающей потолочной панели посверкивало шесть капель. Вот одна из них сорвалась на пол, ненадолго растеклась, потом снова приобрела полусферическую форму... и поползла по пластиковому покрытию, вверх по стене и снова на потолочную панель, с

которой упала пять минут назад. Эта жидкость вела себя так же, как х.структурная вода из реактора — восстанавливалася прошлое состояние.

Лео потрогал темя — капли там не было. Уползла или — нехорошая догадка заставила Юмэна покрыться испариной — впиталась в тело?

Вспомнив уроки психотренинга, Лео заставил себя успокоиться. Х.структурная вода не яд, не живое существо. Вопрос лишь в том, как она здесь оказалась.

Чему-либо, пусть даже наноразмерному, выйти из исследовательского реактора невозможно. Кроме того, при проходе сотрудника через шлюз второго уровня происходит полное сканирование. Все имплантаты, которые находятся в теле, например, нейроинтерфейс или помпа в пенисе, должны быть прописаны в памяти управляющего компьютера.

На вопросы напрашивался один ответ — капли х.воды двигались не по «поверхности» эйнштейновского пространства-времени, а сквозь нее.

Поздним вечером Лео уныло просидел все время, положенное для джогтинга, на скамейке возле лужи, затем долго не мог заснуть.

Утром чуткая Джэд заметила пасмурный вид мужа.

— Что с тобой, дорогой, животик болит?

— А если не дорогой, а дешевый? Почему ты так уверена во всем, что ты, например,творишь последние двадцать лет?

— О, наступил период критики и самокритики. Да потому что я на той стороне, которая всегда выигрывает... Глянь, не хохма ли написана в нашей местной газете... На кухне мистера такого-то поя-

вилась живая свинья. Сожрав торт с семьюдесятью свечами, который был подготовлен для празднования дня рождения, она исчезла так же внезапно, как и возникла.

— Свинья? А еще что-нибудь про такое написано? — всполошился Юмэн.

— Может, где-то и написано «про такое», только мне этого достаточно...

— Думаешь, розыгрыш?

— Живешь здесь уже десять лет и не знаешь, что розыгрыши такого сорта совсем не в традициях местной культуры, тут юмор имеет свои четко ограниченные площадки. Разве что данную статейку тиснул неопытный журналист, которому пропишут за это горячую припарку. Ты, кстати, куда, даже кофе не допил? Эй, остановись, копыта потеряешь...

5.

Пэнроуз был, наверное, одним из лучших городов восточного побережья. Ради радостей Пэнроуза трудились дети Конго, торопились на службу клерки Гонконга и ломали голову техники Шанхая. Ради него спивались и умирали бывшие рабочие четвертого мира. Но и в розовом раю Пэнроуза были свои оспинки. На бывшем складе резиновых изделий, между двух автосвалок, сидело семеро нелегальных эмигрантов из Никарагуа, разоренной недавним «восстановлением демократии» при помощи ударных дронов. У них не было денег — все забрали посредники, не было документов, закончилась еда. Любопытную ворону,

случайно залетевшую в форточку, они сварили и съели два дня назад. Никарагуанцы ждали своего последнего посредника, который должен был загрузить их в фургон и отвезти в один из мегаполисов восточного побережья, но тот все не появлялся. А деньги-то уже взял.

Шестеро метисов и один мулат могли напиться из-под крана и повспоминать последний обед. А что потом — сдаться полиции? Тогда депортация в Никарагуа, где их с интересом ожидали кредиторы с мачете — те, что ссудили им сумму на дальний рейс.

Электричество на складе было, но света никарагуанцы не зажигали, чтоб не привлечь внимание какого-нибудь местного: приезжие знали, что тут все стучат. Поэтому с заходом солнца тихо пели или молились. Никто не спал, успевали выспаться на резиновых покрышках сто раз еще днем.

Около полуночи в помещении почувствовался странный запах.

— Ты что, обосрался, Рамон? — испуганно спросил Карлос. Им только не хватало тут дизентерии.

— У меня задница давно уже в простое и паутиной покрылась...

— Вы что, человеческую вонь не можете отличить от запаха свинского дерьяма? — осудил неопытных коллег самый мудрый, седой мулат Джон. — Гонсало, включи фонарик.

Каково же было удивление никарагуанцев, когда они увидели посреди помещения свинью, уже накидавшую кучку кое-чего пахучего.

— Как есть хочется, — протянул один.

— Заткнись, нам ее и не приготовить, — резонно произнес другой.

— На плитке, помаленьку, — стал канючить Гонсало, самый младший.

— Ты ее и зарезать не сможешь, — кинул опытный Энрике.

— Я и тебя смогу, — экспансивный юнец рванул майку на груди.

Перепалка не перешла в серьезную ссору. Ни-карагуанцы по-крестьянски уважали старших, а Джон ссориться запретил. Шестеро мужчин схватили свинью крепкими мозолистыми руками, а седьмой воткнул нож ей в шею. Свинья была хорошо воспитанной и околела быстро.

— Тьфу, она мокрая, что ли? — почувствовал один.

— Вода не вода, слизь какая-то, — оценил другой.

— Может, она больная?

— Микробы при жарке погибнут, — просветил Рамон.

Мудрый Джон покачал головой, показывая, что согласен.

Вскоре все радостно участвовали в процессе разделки туши и жарки мяса. Дело шло медленно, почти торжественно и когда самый молодой, Гонсало, уже насытился, самый старый и терпеливый только отправил в беззубый рот первый кусочек.

И тут юнец испортил праздник:

— Что-то мне нехорошо.

— Пережрал. Малыш, марш в сортир и сделай два пальца в рот, — распорядился мудрый Джон.

Сортиром они называли небольшой закуток неподалеку от двери, где имелась дырка, уходящая куда-то в подвал.

Бледный юноша на полусогнутых послушно направился по указанному адресу.

Остальные продолжали есть, хотя и с меньшей жадностью, задумчиво всматриваясь в куски, слегка подмазанные лунным сиянием.

— Сходи, глянь, — велел Джон Карлосу минут через пятнадцать. — Не окочурился ли он там.

Карлос нехотя оторвался от еды, а чуть погодя раздался его сдавленный голос:

— Гонсало исчез.

На месте пропавшего парня осталась только небольшая лужица вязкой и слегка серебристой жидкости...

После разговора Юмэна с Мэнсоном весь лабораторный пентагон был проверен микрон за микроном на предмет нарушения герметичности, секретности и утечек. Никаких дефектов не нашлось, все работало великолепно, со стопроцентным соблюдением правил и предписаний.

— Если это не было случайностью, Лео, готовься к большим неприятностям, — подытожил Мэнсон. — Извини, отмазывать тебя не стану, у нас это не принято. Тебе вспомнят все, в том числе желание избавиться от Кречетникова. Кстати, он — труп. Это не входило в цели нашей группы, но так получилось.

Но вовсе не о судьбе Кречетникова думал Юмэн, его столь блестательная карьера сейчас могла завершиться. После карьерной смерти придет тусклая загробная жизнь, он отправится мыть пробирки в лабораторию какого-нибудь штатного университета для тупых. Прощай тогда полеты на выходных во Флориду.

— Скорее всего, мы столкнулись с феноменом, который современная наука не может объяснить, — сказал Юмэн.

— А Кречетников бы попробовал и, возможно, двинул бы науку вперед. Он был ученый, а ты, Лео, к сожалению, только менеджер.

— Этот ученый никогда бы не стал работать на «Сирл», как я, преданно и дисциплинированно.

— И в этом ты, Лео, к сожалению, прав.

Два дня Юмэну казалось, что эпизод с каплями был случайностью, а заметка о появляющейся-исчезающей свинье в местной газете просто розыгрышем.

Однако на третье утро Джэд, выйдя с планшетника на сервер местных новостей, сказала:

— Вот это уж точно не розыгрыш. За последние два дня одного типа, похожего на нелегального эмигранта, видели в трех супермаркетах. Появляется, хапает, что ему надо, и исчезает к тому времени, когда приезжает полиция.

На видеозаписях был виден невысокий метис, бредущий по пустынному проходу между полок магазина. Вот он взял что-то, похоже на бутылку текилы, а затем словно превратился в рельеф или контур... и все, как будто и не было.

— На тебе лица нет, Лео.

— Хоть дома не кличь меня так, папа и мама называли меня Леней, — пытаясь продышать ком в горле, выдавил Юмэн.

— Это связано с использованием ноу-хау Кречетникова?

— Боюсь, что да, — отозвался Юмэн и вдруг выкрикнул. — Он смеется надо мной, сидя на облаке. Сегодня ночью пришел ко мне: «Леня, твоя единственная сильная сторона — свинцовая задница». С чего ты взяла, что все сойдет нам с рук?

Джэд подошла к Лео и сжала его лицо своими ладонями. Между ее холеными пальцами виднелась потная физиономия воришки с жадными сальными губами.

— Он не совсем прав, этот черт из твоего трусивого сна. Любой талант на 90% состоит из усидчивости и упорства. Твоя проблема, Леня, не интеллект, а трусость. Теперь посмотри на меня. Мы разберемся с этим, все пойдет нам на пользу. Нам, а не кацапу, заслуженно гниющему в могиле.

Юмэн не сразу поехал на работу, а сперва появился в том супермаркете, где накануне отмечался странный латино. Полиции здесь уже не было, и Лео прошелся вдоль полок, несколько раз проводя рукой под ними. На нее он надел перчатку из синтекожи, усиливающей через наноактуаторы любое изменение поверхности.

В одном месте — как он и ожидал — перчатка почувствовала что-то склизкое и подвижное. Он поднес пальцы, затянутые синтекожей, к глазам. Пожалуй, на перчатке были даже не капли. А что-то напоминающее икринки...

На работе Юмэна уже ждала приятная компания: Мэнсон, Верикокка, какой-то важняк, работающий на правительство, плюс благообразный с виду перец, в котором можно было узнать главу адвокатской конторы. Собрались прямо в его кабинете.

— Лео, все присутствующие хотят видеть тебя на вертеле, — начал Мэнсон. — Наш многоуважаемый адвокат предлагает пожертвовать тобой. Ну, кто ты такой? Эмигрант с темным прошлым, ранее работавший в закрытом институте у комми.

Может, шпион? Ты идешь в тюрьму, «Сирл» спасается от исков на десятки миллионов.

— Дерьмовый план, я предложу вам лучший, — после разговора с женой Лео все еще чувствовал бодрость. — Но сперва краткий экскурс в историю. Чтобы создать знаменитый «зерновой пояс» Америки, сперва надо было перестрелять там бизонов и переморить индейцев — некрасиво, но полезно, а красоту можно потом навести... Сейчас время хаоса, но из хаоса вырастает порядок. И это будет наш порядок, который мы назовем очередным достижением нашей демократии.

— Звучит многообещающее, в стиле предвыборного шоу, — похвалил Верикокка. — Что вы конкретно предлагаете, доктор Юмэн?

— Провести смелые испытания с х.структурами, не боясь неудачных промежуточных результатов и возможных потерь. В итоге это даст нам власть над временем, как над материей. У нас же нет конкурентов.

— Вы так в этом уверены? — Верикокка потянулся губы на левую щеку. — У меня в столе лежит полная копия следственного дела по Кречетникову-младшему. Его дважды переехал джип, вполне достаточно, чтобы отдать концы. А он жив.

6.

Когда Юмэн вернулся с работы, то не нашел ни жены, ни дочери. Джэд отправилась на западное побережье — к Лолите По. (Вчера Юмэн заметил, что жена заказывает в интернет-магазине вибратор с десятью встроенными функциями и управ-

ляющим процессором.) Джулия укатила вместе с бойфрендом на спортивные соревнования. Джейк, как всегда, сидел после занятий в своей комнате, запершись, и на стук дверь отозвался кратко: «Отвали». Уже полминуты спустя сквозь мощный шум компьютерного кулера было слышно кряхтение — виртуальный мир «Порнократия: Рим эпохи упадка» снова втянул Яшу в себя. Посреди ночи он понесет свое стокилограммовое тело в туалет — сливать в канализацию плоды своего труда, заодно выбросит в мусорный ящик перегоревшие боди-коннекторы.

В отсутствие жены уверенность стала выходить из Лео, как вода из треснувшего бака. Нужна была гипотеза. Юмэн не был силен в абстракциях, но зато мог заглянуть в последние записи Кречетникова.

Известное нам Настоящее — лишь тонкая мембрана между Преднастоящим и Посленастоящим. По сути, пленка пространственно-временного континуума, с обеих сторон от которой Большой мир. Время течет из Будущего в Прошлое, просачиваясь через эту мембрану, порождая на ней все реальные объекты. Кречетников создал х.структурный инструментарий, который, так сказать, позволяет сужать и расширять поры этой мембраны, чтобы ускорять, замедлять и даже поворачивать потоки времени. Как следствие — возвращение прошлых состояний (из Посленастоящего), возможна встреча с прототипами объектов (из Преднастоящего). Изменения в ходе времени ведут — в рамках пространственно-временного дуализма — к деформациям пространства. Как следствие — мгновенные перемещения объектов. Возможны

изменения в структуре объектов. Крайний вариант — пробой континуума...

Юмэн понимал, что если он не примет смелого и правильного решения, то окружающий его уют рухнет. Пусть даже юристы «Сирла» отмажут его от суда и тюрьмы, чтобы не выносить сор из избы, но из фирмы вышибут с треском. После чего никто никогда не возьмет доктора Юмэна на приличную работу. Дом пойдет с молотка, пожалуйте в квартиру с вечно забитой канализацией и вонючими лестницами где-нибудь в Бронксе. Женой будут пользоваться личности разной ориентации, в том числе Мэнсон, который разок уже трахнул ее после совместного барбекю. Дочь вряд ли станет работать официанткой в кафе, учитывая ее наклонности, примется обслуживать ковбоев на трассе. Сына погонят из университета. Сам-то он в жизни палец о палец не ударит, подключит китайский нейроинтерфейс к мозгам и уплывет по волнам киберонанизма, из которых возврата нет.

Юмэн выудил из кармана пиджака пакетик с тем, что он соскоблил с полки в супермаркете.

Большая капля вязкой жидкости, может, и слизи, а посередине вроде ядрышко. Действительно напоминает икринку.

Юмэн выдавил ее на руку, предусмотрительно облаченную в перчатку из синтекожи. Она потекла по глянцевой поверхности, не оставляя следа, а потом — раз и «провалилась». Юмэн не успел как следует испугаться — икринка появилась на тыльной стороне перчатки. Это что, она прошла по «подпространственному» каналу?

Изогнув ладонь, Лео заставил икринку прокатиться по синтекоже до кончика пальца, подставил

другую руку. Икринка упала на нее, «провалилась» под синтекожу и... больше не появилась. Юмэн сорвал перчатку и ничего не нашел. Икринка исчезла или оказалась внутри его тела.

Доигрался!

Через несколько минут Юмэну показалось, что икринка уже где-то в районе его крестца, а из нее выходит что-то червеобразное, ползет вверх, обвивая позвоночный столб, проникает в череп...

Сердце заколотилось, так недалеко и до инфаркта. Надо поискать что-то успокоительное. Лео стал рыться в ящиках своего обширного стола и внезапно осознал, что почти ничего не видит. Шкаф, экран компьютера, картина Саврасова на стене (оригинал, между прочим) — расплываются перед глазами, будто от сильного конъюктивита по ним растекся гной. Остальное затянуто серебристой дымкой. Дымка становится все гуще, пятна растягиваются в полосы, появляется ощущение движения или, скорее, падения в пропасть...

Лео инстинктивно прижал руку ко рту, чтобы его не вырвало, но не увидел ее, не почувствовал рта; у него как будто не было тела.

— Что со мной, что?

Дымка вдруг потончала, обернувшись серебристой паутиной, полосы превратились в пятна, а те начали набирать плоть.

Ему теперь казалось, что он скользит червеобразным телом по поверхности воронки.

Внезапно Юмэн увидел перед собой что-то, напоминающее картинку из анатомического атласа. Куст кровеносных сосудов, красный клубень сердца, бурые веревки сухожилий, глаза вроде ягод на стебельках. Да это же прототип живого объекта.

Прозрачная поначалу плоть обретала цвет, густоту.

Было слышно биение крови в сосудах формирующегося человека, ощущалось натяжение его мышц, стало видимым напряжение лобных долей его мозга, похожего на клубничное мороженое в стеклянной вазе.

И вот уже перед Юмэном стоял молодой латино. Из серебристых нитей соткалась и обстановка вокруг — ювелирный магазин «Сваровски» — здесь они с Джэд были не столь давно. У Юмэна снова имелось тело.

Латино полуобернулся, и его рука прошла прямо сквозь стеклянное заграждение, за которым лежало брильянтовое колье. Так же сделал и Юмэн. Вместо стекла он почувствовал лишь легкое натяжение поверхности, как у воды. Затем взял изумрудную брошь и поднес к лицу. Латино поощряюще засмеялся, а Юмэн отправил брошь в карман.

Неожиданно заверещала сирена, Юмэн чуть не обмочился, но снова сгостила дымка, и возобновилось падение. А когда оно прекратилось, то Юмэн увидел себя на автомобильной свалке.

Латино скалился, видимо, прикальваясь над его обалдевшим видом. Юмэн сунул руку в карман, изумрудная брошь была там. Машинально глянул на запястье — часы показывали, что в окружающем мире по-прежнему семь часов. И так же машинально отметил то, что давно стало известно Андрею Кречетникову — поток времени организует пространство, а пространство способно свертываться, создавая канал ускоренного времени. Взгляд Юмэна, опять же машинально, перешел на

молодого латино. Тот, покрутив на ладони колье, исполнил несколько па из сальсы.

Лео подумал с ужасом — он же вместе с этим типом обворовал ювелирный магазин. И когда полиция поймает метиса, тот заложит и подельника.

Латино махнул рукой, показывая, куда надо идти, чтобы выбраться со свалки, и повернулся. В этот момент доктор Юмэн подхватил с земли какой-то ломик и вбил метису в нестриженый затылок. Латино попытался повернуться, но упал. А Юмэн ударил его в голову еще несколько раз, наконец железо ощутимо пробило кость и вошло во что-то мягкое. Смуглый юнец, пару раз дернувшись, замер.

Голова латино была залита кровью, в районе виска выступило мозговое вещество, стопроцентная смерть.

7.

Последний раз Сева видел отца вскоре после переезда к бабке Ульяне. Тогда старший оставил под его подушкой четыре с половиной тысячи долларов.

Тысячу Сева отдал за похороны отца, остальное украла сиделка. Где-то через месяц появилась тетка из собеса — Сева сам попросил бабу Ульяну ее вызвать, — и беспомощного больного, не имеющего родственников, отправили в Дом инвалида на заросшую бурьяном улочку, анекдотично именуемую Цветочной (когда-то здесь и вправду росли розы). Кречетников называл население своей палаты «космонавтами» — большинство из них хо-

дило под себя, как и первые люди в космических кораблях. Да и атмосфера была замкнутой, спертой, словно в кабине «Востока» — один старичок боялся сквозняка и за открытую форточку мог побить палкой.

Сева был лежачим, так что приходилось обходиться без прогулок. Зато даун Коля часто выходил в «открытый космос», после чего приносил в палату полевые цветы, ветки, сломанные вещи, ржавые железяки — было что поразглядывать.

От нечего делать Сева обдумал все проблемы мироздания, особенно тщательно вопрос — время течет с нами или навстречу нам. Если навстречу нам, то получается, что каждое мгновение оно обновляет и пересоздает нас и уносит в Прошлое наши копии. Сева принялся вспоминать свою жизнь, час за часом, максимально подробно. Без эмоциональных оценок, без вздохов «как мне не повезло». Когда он уже подходил к концу биографии, его вдруг осенило. Джип с темирхановской кодкой два раза наезжал на него. Два раза из машины выходил пахан и гундосил: «Дышит, мразь. Давай опять». Но Сева выжил. Словно наплыvalа какая-то серебристая дымка, она двигалась куда-то, унося его с собой, боль исчезала, а машина превращалась в рой пятен... Он оставался будто в пустоте, странной, прорезанной сияющими серебристыми прожилками. Он висел в ней, не чувствуя тела, не слыша своего дыхания...

Но вот закончилась биография. А еще исчез Коля — люди с синдромом Дауна ведь недолго тянут — больше ничего нового в палате не появлялось, если не считать за новое кал и мочу. Сева решил восстанавливать в памяти то, что когда-то чи-

тал в «Знание — сила», номер за номером. Но в потоке воспоминаний теперь часто наступал затык. Зачем воскрешать знания, которые не несут никакой силы? Он, несмотря на все упражнения, только шевелит левой рукой. Что у него вообще работает? Лишь брюхо да одна рука — из хомо sapiens получился брюхорукий моллюск.

Сева стал концентрироваться всего на одном эпизоде — уходе в серебристую дымку, когда его давили автомобилем. Порой ему казалось, что он и сейчас может окунуться в нее. Через неделю тренировок ему как будто удавалось почувствовать некий поток. Его словно тянуло вперед, потом вниз, и уже проглядывалась багровая воронка — в нее можно было упасть и не вернуться. С каждой тренировкой он приближался к ней все ближе. Завтра должно было получиться...

Километрах в трех от Дома инвалидов стоял монастырь. Прослышиав о тяготах пребывания в сем мире сирых и убогих, тамошняя игумения стала назначать послушания для монахинь — помогать, как и встарь, несчастным.

И в тот день, когда Сева собрался добраться до багровой воронки, в палату вошла монахиня. Это была женщина непонятного возраста и почти бестелесная, отчего глаза ее выглядели большими, как фонарики. Что самое любопытное — в руке у нее был посох.

— Ну, заблудшие души, выходи строиться по одному... Так, ты отдохай, — она вытерла олигопрену слюни, — ты, дедушка, лежи не стесняйся, Бог с тобой, — она побежала и вынесла за стариком судно.

— Так, а ты на что жалуешься? — Иночина остановилась около кровати Севы.

— Уже не на что, матушка...

— Ефросинья.

— Разве что надоело мне тут, матушка Ефросинья... простительно ли желать, чтобы этому наступил конец?

— Надо искать не конец, а выход — а его можно найти, с Божьей помощью, даже в самой казалось бы безвыходной ситуации. Хочешь, я тебе почитаю? — Она взбила подушку лежачему больному и открыла окно проветриться; старичок неожиданно проявил высокую сознательность, не стал выступать.

— Душеспасительное?

— Непременно.

— Вы считаете, что я получил то, что заслуживал?

— Я думаю, что ты стал таким, чтобы душа твоя сделалась сильнее.

И монахиня, достав из сумы книгу, принялась читать, конечно же, в выдержках. Это был труд святого Григория Паламы о «божественных энергиях».

— Значит, благодаря неприятностям душа может стать такой сильной, что «обожит» и тело, даст ему новые свойства?

— Палама знает, что пишет. Ладно, я пойду, мне еще несколько палат обойти.

— Благословите, матушка. Так ведь, кажется, говорят.

— Только матушка игумения может благословлять. А я тебя перекрещу, раб Божий.

— Спасибо. Просох, пожалуйста, не забудьте.

Когда она ушла, ему было легко, будто легкий вечерний ветерок поднимал его над кроватью. А потом он заснул и летал над сиреневым садом, где бродили неведомые, но мирные звери с прозрачными глазами. И лишь где-то в глубине сотрясали землю голодные бесы.

А в это время на другом краю города приземлился геликоптер. Вскоре над Шалшыком стали курсировать и два дрона с функциями протоинтеллекта.

Из приземлившейся машины вышло шесть человек. Юмэн, его жена Джэд, Мэнсон, техник из «Сирла» и два бойца из силовых подразделений «Пиллума». Эти трое стали выгружать ящики с оборудованием в подкативший «Паджеро». Затем подъехал еще один джип.

По окончании перегрузки вертолет взмыл и словно исчез в палящих лучах солнца, а джипы двинулись по дороге. Но, когда они выезжали с грунтовки на асфальтированную трассу, им перегородили путь пара внедорожников «Ландкрузер», откуда вышло семь представителей клана Темирхановых, числившихся в ЧОПе «Раис».

Из переднего «Паджеро» оперативно выскочил водитель, направился к темирхановцам.

— Я — Рахимов, вы меня знаете.

— Ну и что. Кто там, в машинах? — спросил главный из темирхановцев, именуемый Бабак.

— Туристы.

— Что-то барахла у «туристов» многовато.

— Это ж у них для работы.

— Какой еще работы? Говорил «туристы», забыл, что ли, ослиная голова. Для работы надо было заранее с нами согласовывать. Пусть выходят по-

быстрому и манатки свои выносят. А там видно будет. Заранее скажу, что Камал их оштрафует.

Водитель вернулся к джипу. Задние дверцы его распахнулись, и оттуда вышло двое: Юмэн в костюме-тройке и Джэд в комбинезоне из метамерных материалов, поспешили сдвинулись в сторонку.

— У меня уже зудит, — оценил «телку» Бабак.

Остальные темирхановцы разом осклабились.

— И мы за эти буфера подержались бы...

— Эй, Рахимов, — крикнул Бабак, — скажи, чтобы остальные пошевеливались, а то уже скучно.

Тут над головами у темирхановцев что-то хлопнуло, и все вокруг них мгновенно заволокло бурым дымом, который лез в глаза, в легкие, вызывая неудержимые слезы и кашель.

Это боец из «Пиллума», оставшийся в заднем джипе, отстрелил через верхний люк аэрозольный заряд. Темирхановцев он видел во всех видах, обведенных контурами целеуказателя. Дрон передавал изображение на линзопроекторы, которые проецировали его на сетчатку глаз у бойца.

Другой боец из «Пиллума» поднял ствол, и плачущие темирхановцы услышали второй щелчок. Из раскрывшегося над их головами мини-контейнера вылетела и развернулась сеть. Сверхпрочные нити из углеродных нанотрубок опустились на них и начали стягиваться, превращая темирхановцев в сплошной кокон, из которого доносились быстро слабеющие крики.

— Прямо скульптурная группа Лаокоон с сыновьями, удушаемый змеями, — хмыкнул культурно подкованный Леня — не зря мама таскала его по музеям и школам искусств.

Впрочем, один из темирхановцев, Бабак, успел отбиться от общего стада и сейчас удирал по трассе, сверкая протекторами.

Неожиданно прямо перед собой он увидел женщину, ту самую, что первой вышла из джипа.

— Что у тебя там зудит?

Бабак рванул в другую сторону — но несколько секунд бега, и она опять перед ним.

— Уйди, сука. — Он потянул из-за ремня пистолет.

Не успел. Она оказалась позади, а пуля, выпущенная из маленького дамского пистолета, вошла ему в затылок.

Едва ли через полчаса после происшедшего на окраине города старший Темирханов, Камал, заканчивал рабочий день в городской администрации. Обычно он сидел в кабинете допоздна, но последние пару часов играл в шишбеш с охранником или, уединившись с секретаршой — пухлой белобрысой Светой, — «кушал дыни», как он выражался.

Но сегодня ему не хотелось ни играть, ни кушать Светинны дыни. Возможно, он уже ощутил присутствие непрошеных гостей в своем городе. Потом позвонили из полиции — найдены трупы, смерть наступила от удушения как будто леской, все жертвы из ЧОПа «Раис». Бабак, двоюродный брат мэра, обнаружен чуть поодаль от дороги, с пулей в черепе. И конечно же, «не волнуйтесь, Камал Нишанович, преступников найдем». Это не взбодрило старшего Темирханова. Видать, пожаловали сюда не простые «отморозки», раз не побоялись так нагло себя вести в его городе.

А тем временем по улице Бату-хана, бывшей Гагарина, по направлению к зданию городской ад-

министрации шел человек. Впрочем, «шел» — это слишком слабо сказано. Отрываясь от поверхности мира, он проползл длинным извилистым телом сквозь Преднастоящее, где люди казались все лишь кустами кровеносных сосудов на стенках воронки.

Лео Юмэн внезапно возник перед мэром, который занимался тем, что, мрачно сведя брови, смотрел на гущу, оставшуюся на дне опустошенной чашки — Темирханов всегда пил маленькие порции крепчайшего кофе без сахара и запивал водой, по-турецки.

При появлении гостя мэр встрепенулся и плеснулся в того водой из стакана. Каково же было удивление Темирханова, когда вода превратилась в голубой жгут на руке у нежданного посетителя.

— Не удивляйтесь, это всего лишь время, — сказал тот. — Оно может течь медленнее и быстрее, может давать силу и порядок и может забирать, оставляя разруху.

Темирханов понял, что это один из тех, кто уничтожил ЧОП «Раис».

— Вы не из корпорации «Фримайнс»? Я всегда помогал службе безопасности на ее рудниках, которые расположены неподалеку от нашего города. И тогда, когда возникла проблемка с агрессивными профсоюзовыми вожаками.

— Помню, один из них был найден без головы, другой просто исчез. Нет, мы, скорее, имеем отношение к самому высокотехнологичному сектору экономики.

— У меня тут ничего особотехнологичного нет.

— Уже заметил — у вас тут ничего нет, кроме феодализма. Но от вас ничего и не требуется. Не

мельтешить, не кричать «караул»; мы с неделю поработаем в вашем городе и отбудем восьсяси.

— Ну... разумеется. Я мог бы вам порекомендовать очень хорошую резиденцию.

— Господин Темирханов, вам что-нибудь известно об объектах НИИ волновых сред, которые были настолько секретны, что оказались не приватизированы?

— Нашелся такой — где убили ученого одного, сейчас взят на баланс города... Но ничего, кроме хлама, там нет.

— Где младший Кречетников, который стал жертвой сфальсифицированного вами судебного процесса?

— Так уж и сфальсифицированного, — недовольно пробурчал мэр; его голова, «съев шею», столь плотно села на плечи, что он стал напоминать кабана.

— Это вам надо было сидеть на скамье подсудимых, за попытку убийства парня, который всего лишь набил морду вашему сынку... Где Всеволод? Только без придури, вы наверняка знаете.

— Где, где... В доме инвалидов на Цветочной, тридцать два.

— Лежит?

— Прочно.

— Нам понадобится детальный план города. Чтобы любой из наших людей, подходя к какому-нибудь сараю, получал на экран «дополненной реальности» информацию... к примеру, это Дом культуры, построенный за государственный счет в таком-то году, а ныне превращенный вами в бордель.

— Послушайте, мил-человек. Конечно, тут было всякое — эпоха ж перехода к демократии, — но за последние годы я столько всего построил. К примеру, университет имени Девлет Гирея, где преподают шейхи из Саудовской Аравии.

— Сколько из выделенных на это госмиллионов прилипло к карману? И что там преподают шейхи — ваххабиты, как горло резать неверным, слева направо или справа налево? — Гость неожиданно оказался за креслом мэра.

— У меня есть пара профессионалов, занимающихся координатной информатикой, — зачастил мэр, поводя напрягшимся загривком.

8.

Около восьми вечера по радиоточке прозвучала новость о нападении на сотрудников ЧОПа «Раис». Матерых темирхановцев убили высокотехнологично — скорее всего, сетью из УНТ со встроеннымми наноактуаторами. Высокотехнологичные убийства не в стиле местных банд. Похоже на визит людей из-за «бугра», может, сам «Сирл» прислал команду, подумал Сева. Так что пора давать деру — хотя бы к Рашиду, все-таки старые кореша. Только вот как?

Хоть самокритичный Сева и называл себя «брюхоруким», но за последние два месяца ему удалось вернуть левую руку практически в нормальное состояние. Постоянными упражнениями — по три-четыре часа в день. Учитывая, что был он левшой — уже немало. Правая, на которой он сперва едва

шевелил пальцами, могла к нынешнему времени немного сгибаться в локте и сжимать ладонь.

Рядом с ним находилась койка стариичка, что в очередной раз испортил замкнутую атмосферу, а возле стояла инвалидная коляска, которой дедок почти никогда не пользовался. Удобно стояла — под левую руку. Сева подтянул ее к себе, а потом стал садиться, опираясь на спинку кровати. Легко сказать, если большая часть тела представляет собой неуправляемый мешок.

Минут через двадцать он как-то разместился в коляске и, толкая левой рукой то одно, то другое колесо, поехал. Из палаты в коридор, из коридора в лифт, с первого этажа во двор. Вахтера в его кабинке почему-то не было видно — впрочем, если б Сева мог приподняться, то увидел бы Петровича, лежащего на полу с перерезанным горлом. И сразу бы понял, что работу сделал профессионал — тот, что уже резал глотки сербам в Косове и христианам в Сирии.

Во дворе Сева мгновенно заметил джип «Паджеро». Тут уж никаких сомнений — приехали «гости». Солидные, не чета убогим родственникам пациентов инвалидного дома.

На водительском сиденье, за приоткрытой дверцей и опущенным стеклом, сидел человек в черной униформе. На инвалида, катящегося по двору, он не обратил особого внимания — водитель знал, что искомый объект есть лежачий больной, которого скоро вынесут на носилках.

И не обращал внимания до тех пор, пока инвалид не подобрал кирпич с земли и не швырнул ему в голову. Но теперь было поздно. Дверь распахнулась полностью, и тело водителя выпало.

Сева подъехал вплотную к джипу и стал перегружать себя на водительское сиденье. Через пять минут получилось. Ручник удалось поднять левой рукой, ключ был на месте. Коробка передач — автоматика. Хорошо, что по этому случаю не три, а две ножные педали, но как дотянуться? Впрочем, человек, выпавший из машины, оставил на соседнем сиденье короткоствольный автомат. Решение найдено. Им и будем дотягиваться.

— Вы погубили свою душу окончательно. Вы человека убили.

Рядом стояла матушка Ефросинья со своим посохом — выходя на улицу, она так же не увидела мертвого вахтера в его кабинке — из-за своего невеликого роста.

— Это боец, — отозвался с некоторым смущением Сева. — Он из тех, кто сегодня уже две машины трупов наделал. Да, может, я и не убил — у них кочаны крепкие.

— Вы не лежачий больной, вы обманщик. — Монахиня возмущенно повернула голову в сторону.

— Да с такими гостями я — бегущий по волнам.

Сева увидел, что во дворе появилась еще одна фигура. Внезапно.

— Ради бога, в машину, я потом все объясню.

Неожиданно инокиня послушалась.

— Рычажок в положение «D», только еще кнопку на нем надавите.

Сева дал «газ» стволом автомата, и джип поехал.

Внезапно прямо перед ними возникла женщина в комбинезоне странно переливающегося окраса.

— Остановитесь, там человек! — оставив обычную степенность, крикнула монахиня.

— Да что вам везде люди мерещатся? — Сева только прибавил скорость.

Фигура исчезла так же внезапно, как и появилась.

Монахиня охнула и перекрестилась.

— Ничего особенного, камуфло из метамерных материалов.

На крыше громыхнуло, Сева немедленно поднял ствол вверх и, успев сказать монахине «уши зажмите», дал два одиночных, отчего что-то слетело с машины. Потом снова занялся педалью газа.

Монахиня, приddy в себя, ошеломленно смотрела на него.

— Это уже не камуфляж. Что-то похуже... Матушка Ефросинья, рычажок на коробке передач переведите в положение «3».

— Может, вы мне наконец что-нибудь объясните, бога ради?

— У нас есть пятнадцать минут, чтобы добраться до нужного места... Помогайте же мне держать руль, одной левой руки на все не хватает... А теперь рычажок — снова в положение «D»... Мой отец занимался генерацией уединенных волн в НИИ волновых сред...

— И что из этого следует?

— Институт закрыли вскоре после того, как был уничтожен Советский Союз. Потом пришла архаика, набег, приватизация. Значительная часть технологий попала в нехорошие руки, остальное пропало, кое-что сохранил мой отец. И, возможно, приумножил. Даже когда все рухнуло, он продолжал самостоятельно заниматься разработками. Боясь, что после того как меня отдали под суд, отец продал то, что у него было.

— Но зачем?

— Спуститесь с облака на землю, матушка Ефросинья. Или вы даже радио не слушаете, не знаете, какая тут оказия со мной приключилась.

— Вы были главарь банды и совершили много грешных дел. Рассказала мне директриса час назад.

— Неохота оправдываться, да и времени нет.

— Кто вас изувечил?

— В смысле, надел наручники и положил под джип? Люди из ЧОПа «Раис» при Темирхановых.

— Сегодня погибло семь человек из этого «Раиса». Какие вам еще нужны доказательства, что воздаяние должно давать Небо?

— Это вы мне, что ли, мстить запрещаете?.. Попрошу рычажок на «Н».

Автомобиль остановился.

— Помогите выбраться... Вот та штука, похожая на электросчетчик... приделанная к дереву, это часть измерительной аппаратуры, отец много ее расставил по городу, маскируясь под электромонтера. Она фиксирует потоки квазичастиц. Так, снимаю показания... Похоже, что из каналов лезет что-то малоприятное.

— О чём вы говорите?

— Технология, разработанная моим отцом, позволяет проделать своего рода каналы в «поверхности мира» — он рассматривал ее как мембрану между Посленастоящим и Преднастоящим. Но сейчас по ним перемещаются... Та тварь, что приземлилась нам на крышу, боюсь, из их числа... Елки, как я сразу не догадался, что люди из «Сирла» ведут наблюдение за городом с дронов.

Джип, утнанный Севой, стоял на грунтовой дороге, проходящей по оврагу. С обеих сторон от

«Паджеро», метрах в сорока, уже встали машины. Пока просто помигивая мощными фарами. Виднелись огоньки и на высотах, нависающих над оврагом. Почти полное окружение, вот только узкая тропка уводила через кусты вдоль склона куда-то наверх.

— Матушка Ефросинья, это тропка для вас. Пожалуйста, пожертвуйте благочинием и пропустите по ней как можно быстрее.

Ни слова не говоря, монахиня выскочила из машины и побежала; Сева подумал, что из матушки Ефросиньи при иных обстоятельствах получилась бы неплохая бегунья. Ну, а какой расклад у него? Автомат «АКСУ» с одним рожком. Подвижность практически нулевая. Можно сказать, готовая мишень.

Сева выбрался или скорее плохнулся на грунт, заполз за дверцу, поставил автомат на стрельбу одиночными. Стало настолько тихо, что он почувствовал... три фигуры движутся от переднего внедорожника.

Как это почувствовал? Сева даже подумал, что у него на глазах линзопроекторы, выдающие картинку «дополненной реальности». Да только откуда — такие цацки стоят бешеных денег.

Или... мы все — нестойкие образования, создаваемые потоком времени на некоем порожке, имеющим Настоящее. Своего рода завихрения в потоке...

Ладно, откуда да зачем, потом выясним. Поставив автомат рожком на землю и уперев его с одной стороны в булыжник, Кречетников выстрелил три раза одиночными. Итог — два жмура, плюс раненый, этот пополз обратно.

Сева, пока лежал на койке, понял, что с профессиональными хищниками в честные поединки играть нельзя, поэтому четвертым выстрелом добил подранка.

Тут началась пальба — очередями, от той машины, что стояла сзади.

Сева поменял позицию, чтобы его прикрывал корпус джипа. Кажется, он опять воспринимает возмущение в потоке времени — кто-то несется на него во весь опор. Кречетников нажал на спусковой крючок — все, уложил атакующего, лежит шагах в двадцати.

Остальные боевики грызли очередями, но не метко, большинство пуль оседало в корпусе джипа, остальные рикошетили от дороги или застревали в склонах оврага.

И, тем не менее, преимущество было на их стороне — боеприпасов немерено, сверху ведут наблюдение дроны. Поэтому те, кто сидит на краях обрыва, скоро поймают его в свои инфракрасные прицелы.

Однако и самый плачевный исход все равно лучше, чем гнить в доме для инвалидов.

Стрельба прекратилась, значит, сейчас будет развязка. Скорее всего, его лоб или затылок уже нащупал своим прицелом снайпер.

В наступившем зтишье послышался почти что детский голосок инокини Ефросиньи.

— Я разведала путь, там, слава богу, есть выход — прямо на трассу, идущую от бывшего совхоза.

— Что вы здесь делаете? Я же сказал вам, бежать.

— Но я не могу оставить вас здесь одного. Это не по-христиански.

— Это для меня не по-христиански подставить вас под пулю. Я не в состоянии идти и даже ползти.

— Я вам буду помогать, с Божьей помощью до-ползем. На конце у моего посоха своего рода крюк; как можете, ухватите его правой рукой, а левой толкайтесь.

Надо соглашаться, иначе монахиню отсюда не выпроводить.

Закинув автомат за спину, Сева уцепился за крюк (бывший сучок) монашеского посоха, левой стал отталкиваться от дороги. На тропе можно было уже хвататься за стволы придорожной жив-мости. Да и матушка Ефросинья пока тянула с мощью трактора «Кировец». Но он почти физиче-ски ощущал, что от второго внедорожника сейчас по дороге, все более ускоряясь, пошли боевики. Наверное, и по склону оврага стало спускаться двое-трое персонажей на тросах.

Метров через пятьдесят и он, и монахиня стали выдыхаться.

— Думаю, мне пора сделать привал. А вы, ма-тушка Ефросинья, полностью исполнили свой христианский долг, вытащили меня из преиспод-ней и указали правильный путь. Правда.

— Я вас не брошу, — отрезала инокиня.

Но он уже слышал хруст веток и звук осыпаю-щегося щебня — хищники быстро приближались.

— Вам никто не давал такого послушания.

— Я получу его задним числом.

— Уходите же вы наконец, — надо подобрать наиболее обидное слово для монахини. — Влюби-лись вы, что ли, в меня?

— Влюбилась. Бог велел нам любить людей.

Для дальнейшей перепалки не осталось времени.

— Прыгайте направо от тропки, невзирая ни на какие кусты.

Враг возник сразу, будто его выбросило гейзером.

Сева выстрелил практически в упор, и кто-то навалился на него, подмяв автомат. Кречетников понял, что раненый враг будет бить ножом — поставил блок локтем левой руки, потом ударил ребром ладони нападающему под нос. Тот, прорычав, похоже, что на турецком, отпрянул в сторону. Высвободив автомат, Сева добавил турку прикладом — тот обмяк, но, рухнув, придавил ноги.

Кречетников почувствовал, что матушка Ефросинья тянет его из-под навалившегося тела. А потом Севу понесла волна. Прежде чем его сорвало с места, он успел ухватить монахиню. Он подумал, что летит вниз по склону, навстречу второму внедорожнику, но как-то гладко летит.

Кажется, на пути возникает помеха, но Сева только отталкивается от нее. И влетает прямо в открытую дверь машины, лупит водителя левой в висок, отчего тот вываливается из кабины. А сзади Севу еще подталкивает матушка Ефросинья.

Ухватившись за руль, он подтягивает себя на сиденье, на соседнем «приземляется» монахиня, так и не выпустившая посоха. Мотор работает, коробка передач — автоматика.

— Матушка, рычажок на «D»!

Левой рукой он кое-как дотянулся до газа, а зубами зафиксировал руль.

Внедорожник дернулся вперед и снес подбегающего боевика.

— Бинго. А теперь на «R», задний ход.

Поддав газа, Сева ухватился левой за руль и легким маневром вбок уложил двух бандитов, снувших за машиной, затем выровнял курс.

Машина пронеслась задом сто метров до развязки, здесь монахиня уже без подсказки переключила скорость, и они помчались по трассе в сторону городских огней.

9.

Резиденция, предоставленная мэром Темирхановым, могла бы порадовать и изысканного технократа из «Сирла». «Умный дом», где кибероболочка спрашивает, «не угодно ли открыть окно», если вы бросили на него взгляд, а по полу ползают жуки-пылесосы, обладающиеprotoинтеллектом. Впрочем, Стайн не забыл пройтись по резиденции со своими детекторами, выискивая «закладки».

Полчаса назад его привезли мертвым, с дыркой в виске. Вместе с Мехметом Экинчи, бойцом из «Пиллума» — тот отдал концы по дороге. Троих «быков», выделенных Темирхановым, уже увезли в элитное похоронное бюро. Ах да Сева — всех обслужил, особенно Мехмета сделал, — и это называется «лежащий больной»?

Мэнсон походил, набычившись, затем вызвал Юмэна во двор.

— И как ты считаешь, все идет по плану?

— Я найду Кречетникова.

— А мы и не теряли его. С дронов идут сведения, что джип с ним сейчас в районе заброшенного парка. Приглашает, так сказать.

— Я с ним встречусь. Распорядись — я поеду вместе с Шэффером.

— Ты поедешь один. У нас осталось слишком мало людей — как ты понимаешь, никто не ожидал таких потерь.

— Как скажешь. Ты — босс.

Когда свет от фар машины с Юмэном погас за листвой, на веранде появилась Джэд. Затянутая не в комбинезон из метаматериалов, а в маленькое черное платье.

— Лео поехал через центр. Так что догоним.

— Понял, — Мэнсон вызвал по радио Шэффера.

— Садимся в машину в номер два.

Боец из «Пиллума» сел за руль, на заднем сиденье разместились Джэд и Мэнсон.

Обычные экраны показывали картину с дронов в изометрической проекции, виртуальные экраны в режиме «дополненной реальности» накладывали информационную сетку на покрытый мраком пейзаж. Особая аппаратура сообщала о движении потоков ускоренного и замедленного времени через мембрану Настоящего.

Неожиданно внедорожник поравнялся с джипом Юмэна. Тот стоял на обочине, но когда Мэнсон и Джэд подбежали к нему, то увидели, что Лео там нет.

— Вышел в подпространственный канал. Минус одна секунда, — сказала Джэд.

Секрет, который так тщательно хранил Юмэн, давно не был тайной ни для нее, ни для Мэнсона. С тех пор, как они проанализировали снимки терагерцевого сканера высокого разрешения, сделанные, когда Юмэн проходил третий шлюз в «пентагоне». На снимках была показана дисперс-

ная, но червеобразная структура, обвивающая позвоночник Лео и уходящая в его череп. Консультации с медиками не прояснили ситуации, а вот Джэд догадалась. Юмэн заражен, только паразит в его теле не биологический, он связывает «носителя» с миром, находящимся за пределами привычного континуума.

Мэнсон глянул на экран.

— Показана деформация пространства, интенсивность высокая, градиент угрожающий, сейчас он вернется. Пошли-ка обратно к машине.

Но до внедорожника Мэнсон не дошел. Его как будто смыло волною с берега и потянуло вглубь.

Он вырвался, выкарабкался на твердь, побежал, но от вампира уйти невозможно.

Юмэн ожидал его в Преднастоящем, поэтому возник внезапно.

— Шэффер, грехни его! — завопил Мэнсон.

Раздались выстрелы, но попасть в вампира практически невозможно.

Мэнсон вдруг увидел свои ноги высоко над землей. Когда он падал вниз, кровь на его затылке уже забурлила. Не успел он упасть, как она брызнула наружу через разошедшиеся кости черепа.

Мэнсон больше не встал, а вот Юмэна, разорвавшего главные кровеносные сосуды шефа, ожидало мягкое приземление.

Шэффер вдруг вылетел из машины, поцеловался с землей, но когда попытался уползти, то заметил, что у него уже нет руки. Боец «Пиллума» увидел около лица ботинок Юмэна, хотел было дотянуться целой рукой до пистолета, однако удар в голову опрокинул его. Шэффер успел лишь понять, что его тело распадается на куски — крутя-

шиеся члены, захваченные серебристым вихрем, уходили в багровую воронку.

Юмэн обернулся и обратил свое залитое чужой кровью лицо к Джэд.

— Ты все порушил, — бесстрастно сказала она. — Весь в своего дедушку-троцкиста.

— Нам не нужны эти придурки. Я не мог быть вместе с тобой, если бы знал, что Мэнсон, который еще вчера запихивал в тебя свой подкачанный помпой член, жив и здоров.

— А теперь, значит, мы вместе?

— Вместе.

— Ошибаешься.

Он не успел уловить момент, когда она исчезла. На ней не было комбинезона из метамерных материалов, который позволяет обмануть зрение. Дело было в другом.

Все произошло слишком быстро. Из-за резкого толчка рот его оказался вдруг набит листвой, а перед носом оказалась кучка собачьего кала. Лео поднял голову, роняя кровавые сопли. Джэд стояла над ним.

На ней действительно не было комбинезона, лишь короткое черное платье — хорошо видно, что ее кожаные покровы утратили свой цвет. Над ним завис скелет, обтянутый прозрачной плотью. Она находилась в Преднастоящем.

— Когда ты успела подхватить паразита?

— Ты же мой близкий, поэтому твои червеобразные друзья скоро наведались и ко мне.

Внутри него словно распрямилась пружина, он вскочил, но Джэд была проворнее. Ее пальцы оказались у него на затылке, а ноги на плечах. Еще недавно он любил такие моменты, но сейчас из ее ту-

менного лона вышел шип, который сиял словно расплавленный металл, и поразил его в сплетение нервных волокон ниже кадыка.

Тяжелый огонь растекся по Юмэну, ногти Джэд, усиленные металлоорганическим покрытием, вошли ему в шею, а поток его забурлившей крови полетел в ее рот. Она вбила его голову в землю, и он продолжал падать в багровую воронку безвременья...

Матушка Ефросинья вышла около здания городской администрации. Сева, доехав до памятной ротонды, выключил двигатель. Опустил стекла. Приехали.

Джэд появилась рядом с ним, когда он почти задремал — около левой дверцы.

— Здравствуй, племянничек.

— Вы... моя тетя. А вы мало изменились.

— Стараюсь. Да и ты парень хоть куда.

— Никуда.

— Свои повреждения ты с лихвой компенсировал. Все было очень убедительно...

Она протянула к его щеке свою изящную руку.

— Вы обокрали и убили моего отца.

— Положим, не я. У любого процесса есть объективная и субъективная сторона. Если бы мой муж не забрал документацию, это сделал бы какой-нибудь акционер. Убивать Андрея никто не собирался, корпорация хотела только поскорее загрести ноу-хау. Всем было ясно, что Кречетников никогда не будет работать на «Сирл». Все осталось стало делом случая... Леонид, конечно, понимал, что недотягивает до уровня твоего отца. И это субъективная сторона. Но я уже вдова.

— И что с ним случилось?

— Я убила его.

Хотя правая дверь джипа не отворилась, Джэд оказалась на соседнем сиденье.

— Неувязочка, вы не открывали дверь, а уже оказались в салоне машины.

— Извини, забыла. — Джэд распахнула дверь. — Я знаю практически все, что с тобой произошло, Всеволод. То, что потеряно, уже не вернешь, а жалость только унизит тебя. Сейчас перед нами открыты новые горизонты.

— Перед нами?

— Перед нами. Ближе меня у тебя никого нет и не будет. Наши способности будут дополнять друг друга. Я стану для тебя соратницей, помощницей, матерью. Если захочешь, я буду твоей женщиной — не в нашем положении обращать особое внимание на обыденную мораль. Кстати, отец пророка Моисея был женат на собственной тетке.

Она придвигнулась к нему всего сантиметров на десять, но у него уже захватило дух. Аромат плоти. Ее глаза сияли, ее кожа была свежа, грудь высока, а талия узка.

— Подождите, тетя, что там радио бормочет?.. В трех, уже четырех мегаполисах какие-то прозрачные мгновенно перемещающиеся существа, похожие на скелеты, ведут охоту на горожан. Где они появляются, истлевают материалы, рассыпаются стены, разваливаются ЛЭПы, коммуникации и прочая инфраструктура, словно все эти объекты теряют положенный им запас времени. Ньюйоркцы, лондонцы, парижане исчезают, а вместо них появляются эти... вампиры.

— Не совсем, Сева. Ньюйоркцы и прочие лондонцы не исчезают. Они становятся теми, кого ты обозвал вампирами.

— Это что — ваша... работа?

— Эта работа начата твоим отцом и продолжена корпорацией «Сирл». Он действовал из научного рвения — и это, конечно, его извиняет, — ребята из «Сирл» ради бабок. Но итог таков: поверхность пространства-времени проткнута как решето, и из глубины мира лезут некие... создания.

— Паразиты?

— Грубо. Они ведь вступают с людьми в симбиоз. Кому от этого хуже?

— Стать коконом для какого-то беса — это разве не хуже?

— Я бы не стала употреблять слово «бес». Скажем, это иная форма жизни, протекающая за пределами нашего мирка. Могу предположить, что отдельные ее особи извергаются некой маткой... Неаппетитно, но нужно уметь вовремя перейти на сторону тех, кто сильнее, а красоту потом наведут медийщики — им за это деньги платят. Эти создания из Посленастоящего вполне настроены на сотрудничество. Не надо переживать, что они кого-то немного обидели, человечество должно теперь играть пассивную роль. От этих гостей его не защитят ракеты и прочие пухи, оно бессильно, потому что сгнило. Тебе ли этого не знать?

— Это вроде того, что индейцы были беспомощным мясом перед западными завоевателями?

— Вроде того, только не столь брутально.

Ее умелая рука опустилась ему на затылок, и он ощутил ласку, скрытую в ее пальцах.

И вдруг Джэд исчезла. Сева не сразу понял, что посох-клюка матушки Ефросиньи выдернул тетю Ядвигу из машины. Когда надо, инокиня появлялась внезапно и развивала мощность не меньшую, чем трактор.

— Не все сгнило Божьей милостью, — решительно заявила матушка Ефросинья.

Однако тетя исчезла ненадолго. Когда она появилась вновь, ее платье уже лопнуло, кожные покровы приобрели прозрачность, так же как и остальная плоть, приметны были только ягоды глаз, стебли яичников и что-то обвившееся вокруг позвоночника. Тетя потянулась к Севе, его кровь забурлила, готовая выплеснуться наружу, чтобы напитать вампира, атакующего из Преднастоящего. Но волна сорвала Кречетникова с тверди и швырнула словно в водоворот. Вместе с тварью они закружились в вихре, а потом провалились вниз. Когда было уже видно жерло воронки, она бесстыдно раскинула ноги, из ее лона вышел длинный шип, сияющий как расплавленное серебро. В последний момент Сева вывернулся из ее объятий, протянул здоровую левую руку к тетиному позвоночнику, обвитому червем, сорвал его и бросил вниз...

Может, век, а может, и мгновение он находился в пустоте, серебристой, рассеченной сияющими прожилками, как мрамор. Он висел в ней, не чувствуя тела, не слыша своего дыхания, потом стал «всплывать» в светоносных потоках. Смутные тени оформлялись, становились резче, и наконец он оказался в привычном окружении.

Матушка Ефросинья смотрела на него столь широко открытыми глазами, что, казалось, они занимают пол-лица. Наконец она подытожила:

— Ты сделался совсем прозрачным, будто растворился в серебристом тумане. Но я молилась, и ты стал возвращаться.

— Я был... вроде беса?

— В наших монастырях не занимаются «демонологиями». Но я подумала, что бесы так не страшат, ты не из них... А Господь Бог не мог оставить тебя беззащитным перед ними, поэтому дал тебе особые силы.

Послышался шум двигателя. По звуку Сева узнал «Лендкрузер» темирхановцев.

Вот машина остановилась, и из нее вышло несколько людей. Кто-то из них дал очередь по Севе и матушке Ефросинье. Пока перелет.

Вдруг «Ландкрузер» превратился в огненный столб, и к «Паджеро» подкатило горящее колесо. Не выстрелил больше ни один из темирхановских боевиков, успокоились разом. А совсем рядом с джипом Сева увидел нескольких солдат, почти невидимых, передвигающихся быстро и бесшумно. Судя по экипировке — ВДВ. Один из десантников, видно, и засадил из гранатомета в темирхановский внедорожник. А метрах в тридцати из переливов сумрака возникла огромная боевая машина — экранолет, от дыхания ее могучего мотора завибрировал воздух.

Здоровяк-офицер, появившийся рядом с «Паджеро», постучал по капоту и поднял зеркальное зеркало шлема.

— Елки, да это ж мой бывший командир, майор Марков, — выдохнул Сева.

— Да, парень, хватит тебе воевать одному. И матушке пора вернуться к молитвам, — сказал вместо приветствия офицер.

— Товарищ майор, Владимир Николаевич, откуда вы?

— Правительство ввело в Шалышке чрезвычайное положение. Моя рота снова оказалась самой мобильной.

— Наконец наступит мир, в человеческое благование, — радостно произнесла инокиня.

— Не думаю, матушка. Завтра наступит Армагеддон.

ВСЕ ЖИВОТНЫЕ

Уолтер Перси опаздывал всюду и всегда. Не от беспамятности и не от анархических склонностей, а от раздумчивой натуры. Тело йотуна и лицо Портоса сочетались у него со склонностью к философскому созерцанию. А если человек готов двадцать минут с восторгом созерцать синицу как совершеннейшее творение природы, скажите на милость, куда он успеет к назначенному сроку?

Разумеется, Уолтер не имел ни единого шанса прибыть к отходу дирижабля «Фридом» вовремя. Тем не менее, охрана захлопнула двери пассажирской гондолы прямо за его спиной, а не задолго до его прибытия, как случалось многое множество раз.

Хорошо, когда твой старший брат — педант и скептик. Иной раз он тихонько залезет в твой айфон и переставит время на полчаса вперед, хотя ты вроде ничуть не задерживаешься и тревожиться абсолютно не о чем.

Старт Уолтер пропустил.

Легкое тело первого рейсового дирижабля на маршруте Дувр — Дюнкерк дрогнуло, освобождаясь от сцепки с причальной платформой. Все приглашенные глазели в окна, а Уолтер бродил между столиками, отыскивая свободное место. Дуврский

замок проплыл мимо, салютуя воздушному дредноуту фейерверком, а Уолтер все никак не мог сесть. Лишь когда небесный тихоход миновал линию прибоя и полетел над волнами Канала, он заметил незанятое кресло.

Собственно, целых три незанятых кресла. У иллюминатора — миниатюрная брюнетка с короткой стрижкой и оливковым загаром. Руки — тонкие, как у девочки, острый подбородок, тонкие губы и совсем не девичья грудь. Собственно, все, кроме груди, оставляло впечатление загорелого перочинного ножика. Место рядом с нею и еще два места напротив пустовали.

— Позволите?

Незнакомка повернула к нему лицо. Какие же у нее глаза! Огромные, темные. То ли глубоко-карие, то ли просто черные. Уолтер никогда не видел ничего подобного. Разве только в детских снах, грезя об эльфийской принцессе и тому подобной ерунде...

Женщина разглядывала Уолтера, не отвечая на его вопрос. Мгновение уходило за мгновением. Пауза стала неудобной. А потом и просто неприличной.

Рядом со столиком появился невысокий субъект в идеальном старомодном пиджаке.

— Все нормально, господин Дракон. Я ничего не имею против.

Субъект дематериализовался.

— Прошу вас.

Уолтер сел. Посмотрел в иллюминатор. Море как море, очень красиво. Нда.

Незнакомка продолжала неотрывно смотреть на него. Вид за иллюминатором утратил всяку

привлекательность, толком не набрав ее... Уолтер медленно перевел взгляд из заоконья на странную брюнетку. Это ничуть ее не смутило.

Какое-то время они боролись взглядами.

— Да, у меня превосходная грудь. Кстати, я вас знаю. Ваш сетевой ник — «sir knight_111». Вы написали книгу «Война с китобоями», и ее даже издали — большая редкость по нынешним временам. Уолтер Перси, не так ли? Не понимаю, когда это писателей, да еще «зеленых», стали приглашать на презентации новых транспортных средств? Вы что, написали книгу о дирижаблях?

— Я вас не знаю, прекрасная дама, я ничего не знаю о дирижаблях, и я написал две книги, а не одну. Пять лет назад, в 2025-м, я выложил в сеть главный мой труд — «Интеллект китов». Но его оценили только специалисты. А заметили почему-то вторую книгу: там мало сказано дельного, зато много — о потасовках с китобоями, с полицией и с бугаями из служб безопасности рыболовецких компаний. Должно быть, людям не хватает мордоброя, и им становится не так горестно, когда они узнают, что мордоброй не ушел из нашей цивилизации навсегда. И — да, ваша грудь мне нравится. Жаль, что значительная ее часть скрыта под платьем.

Тут она смутилась первый раз. На лице ее, почти непроницаемом, появилась тень... не то чтобы стыда, а, скорее, непонимания.

— Что вам от меня надо? Скажите честно. Я терпеть не могу как бы случайных знакомств.

— Ничего. У мужчины я потребовал бы извинений за бестактность, но у женщины не стану.

— Вы сексист?

— Если хотите, да.

— Ваше вызывающее поведение вам не поможет. Я уже твердо решила: чего бы вы ни попросили, это вам не достанется.

— Отлично! Теперь давайте выпьем по чашечке покоя с ломтиком хрустящего молчания.

Она улыбнулась.

— Забавно...

Уолтер вышел с айфона в блог. «Обещал рассказать, как полечу на «Фридоме», — быстро набрал он, — но не ждите, я не стану лепетать о прекрасных видах Дуврского замка с высоты в полмили. И про волны Канала тоже ни пол слова: вблизи они интереснее. Но все-таки есть, есть у дирижаблей одно преимущество перед самолетами. Сидения расположены в них так, что попутчик может быть не только сбоку, но и напротив. И если попадется очаровательная идиотка, то яркие впечатления обеспечены».

Он уже хотел было выйти из блога, но под постингом выскочил коммент: «Сам ты идиот. Никак не могу понять, что у тебя под одеждой: жир или мышцы? Выглядишь как бугай из службы безопасности рыболовецкой компании». Ник: princess2005.

Уолтер оторвал взгляд от экрана. Очаровательная идиотка держала в руках... не пойми что. Уже не айфон, а какое-то еще ай-, не поступившее пока в массовую продажу. Она вызывающе улыбалась.

«Нравятся крупненькие?» — отписался sir_knight_111.

— Допустим, — ответила она в офлайне. — Теперь я знаю, как вы сюда попали. Блогер-пятитысячник. Один ваш постинг с упоминанием «Фридома» тянет на десять тысяч фунтов.

— А знаете что? Вы до сих пор не представились.

Наглая попутчица смущилась во второй раз.

— Мэри Уинтворт. Извините меня. Обычно рядом со мной оказываются люди моего круга, либо просители, всеми правдами и неправдами приблизившиеся на расстояние разговора.

Он все еще не понимал.

— Мэри Уинтворт... И что? Кто это — люди вашего круга?

Ее глаза сделались еще больше, хотя это, признаться, противоречило природе человеческой.

— Вы живете в каком-то другом мире, на другой планете, наверное. Или со своими любимыми китами в пучине морской... Мне это даже нравится. Экзотично.

Уолтер вздохнул. Ну вот опять все то же самое. Или еще хуже.

— Если вы поп-звезда, то не обижайтесь, я не интересуюсь современной музыкой. Мои музыкальные интересы не забредают позже «Дайр Стрэйтс». Если вы кинозвезды, опять-таки не обижайтесь, я не любитель современного кино. Все, что появилось позже «Билли Эллиота», меня не волнует. Если вы звезда журналистики, то...

— ...не обижайтесь, я не читаю газет, не смотрю телевизор и никому не верю, — перебила его Мэри Уинтворт. — Так. Мне нравится альбом «Братья по оружию». Это музыка навсегда. И... для ясности: компания «Дуврская аэронавтика» со всеми ее дирижаблями в какой-то степени принадлежит моему отцу. Точнее говоря, им контролируется, но это уже частности.

Уолтер погладил подбородок, почесал за ухом, пригладил волосы... Не напрасно брат иногда называет его идиотом.

В конце концов он протянул принцессе руку:

— Мир. Кстати, у меня там, под одеждой, мышицы. Я много тренируюсь.

— Верю.

Она крепко пожала ему руку. Не отпуская ладонь Мэри, Уолтер перевернул ее и, склонившись над столиком, поцеловал.

— Вы хоть понимаете, сколько снимков вашего поцелуя было сделано невидимыми умельцами три секунды назад?

В ответ он пожал плечами:

— У меня и без того дурная репутация. От такой малости она хуже не станет.

Мэри рассмеялась.

— А этот «господин Дракон», стало быть, ваш телохранитель?

— Его обязанности несколько шире... Хотя, в общем и целом, — да, он занимается моей безопасностью во всех смыслах. Но это скучно. Извините, раз уж мы помирились... насчет мордобоя... четыре года назад, когда вас захватила семья исландских китобоев, как вам удалось бежать? В книге этот эпизод подан очень уж лаконично. Между прочим, я ваша поклонница...

— Это долгая история... И не слишком appetитная. Вы уверены, что...

— Я уверена.

И тогда он принялся рассказывать о побеге из Акюрейри.

В Дюнкерке, на причальной платформе, Мэри Уинтворт сказала Уолтеру:

— Знаете что, сэр Рыцарь? У меня есть время, и я хочу продолжить знакомство. Надеюсь, вы не возражаете?

Еще бы он возражал! Посмотрел бы он на того идиота, который захотел бы возразить, глядя в темные эльфийские глаза...

— ...Барри, я звоню тебе, братец, чтобы выложить сногшибательные новости.

— Китам дали гражданские права? «Зеленые» побили консерваторов на выборах в парламент?

Барри всегда был язвой выдающегося качества. Дайте ему какую-нибудь святыню, он произнесет десяток фраз, после чего имя этой святыни вы постесняетесь начертать на помойном контейнере.

— Завтра Мэри показывает меня отцу. А потом мы едем в одну маленькую приятную гостиницу на побережье Корнуолла, близ Тинтагеля.

Драгоценный брат не промедлил с ответом:

— Надеюсь, чары не спадут, и леди Мэри так и не поймет, от какого гоблина получила маленького Артура себе в животик.

— Ты редкая свинья, Барри, но я к тебе уже привык. Надеюсь, когда-нибудь отыщется добрая женщина, которая тоже к тебе привыкнет.

— Странное это будет существо. Возможно, не вполне человек.

Уолтер готов был с ним согласиться. По правде говоря, все мыслимые варианты его старший брат уже исчерпал, стало быть, пришло время принять заявки от инопланетянок, русалок и привидений женского пола... Но, пожалуй, Барри не обра-

дуется, если его правоту подтвердит сторонний наблюдатель.

Оставалось переменить тему:

— Знаешь, братец... не упомню, когда испытывал нечто столь же сильное, как с нею. Более того, испытывал ли вообще.... Меня раздражает только одно: за ней повсюду таскается этот «господин Дракон».

— Не стоит беспокойства. По старым добрым сказочным правилам, дракон не помешает принцессе завоевать рыцаря, если она к этому рыцарю весьма расположена.

В разное время Уолтер посетил одиннадцать стран, не считая доброй старой Англии. Но ему никогда не приходилось жить в номерах из восьми комнат. Притом одна из них, по словам Мэри, служила спальней для прислуги, а еще одна — ванной и уборной для прислуги. «Не все легко переносят чужие запахи», — пояснила Мэри.

Больше всего поразил Уолтера шоколадный набор, дожидавшийся их на столе. Очень большой набор. Тут тебе и шоколад с перцем, и шоколад с макадамией, и шоколад с абсентом... На фоне шоколадной роскоши бутылка шампанского и ваза с фруктами выглядели тускло. Можно сказать, обычно.

— Все это можно есть, или... или... оно для красоты?

Мэри посмотрела на Уолтера смущенно.

— Сэр рыцарь... Есть тут можно все, что захочешь. Но ты, пожалуй, воздержись. Во всяком случае, прямо сейчас.

— Почему, милая?

— Видишь ли, я устала соблюдать приличия. А если мы примемся их не соблюдать, то движения челюстями будут несколько сбивать нас и...

— И... что? — спросил он почти риторически, обнимая Мэри за ягодицы.

— И отвлекать, — пояснила она, ловким движением сцепляя ноги в замок у него за спиной.

...Полчаса спустя оба уничтожали шоколадный набор, выдергивая друг у друга самые необычные конфеты. Когда никто не хотел уступать, приходилось делить их пополам.

— Они, там, внизу, даже не спросили у тебя документы.

— В номер такого уровня можно вселяться инкогнито.

— Но... медовая, они не спросили и кредитную карточку...

— Видишь ли, медвежонок, я в какой-то степени владею этой гостиницей.

— То есть?

— Она моя. Подарок двоюродного брата на шестнадцатилетие. Но все это скучно. Лучше расскажи мне, как вы сражались с фарерскими китобоями за гринд. Я смотрела в сети: у тебя целых три рейда! Последний раз вы, кажется, отогнали гринд с помощью какого-то излучателя, и половина острорвятян остались без своей традиционной добычи...

Уолтер почувствовал гордость. Это были самые счастливые дни в его жизни. О них писали в газетах, сеть кипела репортажами с архипелага. И еще... им наконец-то удалось сделать то, что срывалось на протяжении многих лет.

— Мэри, у нас все получилось два раза. Просто про первый никто не любит вспоминать: фарерцы остались без зубатых китов, которых они называют гриндами, Мо Чалмерс — без левого глаза, Тэд Абрахамсон — без двух резцов, а мне сломали ребро. Лежа в больнице, я и начал писать книгу «Война с китобоями».

Мэри смотрела на него во все глаза. Во взгляде ее посверкивал тот драгоценный камень, который так ценится мужчинами — восхищение. Уолтер придинулся и поцеловал ее в правую щеку, а потом в грудь, чуть выше соска, оставляя шоколадные кляксы. Маленькая эльфийка! Оказывается, тебе нравится то неистовство, которое позволено гоблинам и запрещено твоему племени...

— Ты ведь здорово рисковал...

Ее голос дрожал от нарастающего желания.

— Самую малость.

— А в чем смысл? В чем генеральный смысл?

— Если я примусь объяснять, мы сможем перейти к действиям очень и очень не сразу...

— А ты попробуй в двух словах...

Голос Мэри сделался призывающе низким, грудным, объяснять ей ничего не хотелось. Но... ладно. Пусть будет такая игра: кто дольше вытерпит.

— Видишь ли, Мэри... Все животные равны между собой. А что такое люди? Да те же животные, только очень конкурентоспособные. В нас нет ничего особенного, ничего мистического. Ни бога, ни дьявола. Мы точно так же нуждаемся в пище, сне и маленьких порциях серотонина, как и они. Они равны между собой, а мы равны любому из них, поскольку ничем не отличаемся. Надо ли позволять убийство равных тебе созданий?

Мэри спрыгнула со стула, поцеловала его в щеку, примерилась к губам и... отпрянула. Уолтер уперся ей ладонью в грудь, не подпуская к губам.

— Ничего не выйдет, милая.

— А? — Мэри посмотрела на него, как на «Титаник», добравшийся до гавани со всеми пассажирами на борту.

— Положительно, ничего не выйдет. А ну-ка пойдем со мной, и ты полюбуешься на себя в зеркало.

Он подвел ее к зеркалу и показал три больших коричневых пятна: на щеке, над соском и на нижней губе.

— Разве можно целоваться с такой чумазой девочкой.

Мэри глянула на него ошалело.

— Ты победил, Уолтер Перси. Но учти, если ты сейчас отправишь меня в душ, я разорву тебя на месте. Знаешь, что такое ирландский бокс?

— Ты со мной не справишься, милая. На одного меня двух тебя мало. Предлагаю компромисс: продолжим игру еще немного. Я слизываю маленькие безобразия с тебя, а ты слизываешь то, что нащекодничала, с меня. Начинай с шеи. Не так быстро! Учти, пока мы меряемся силами, учтивейшая беседа продолжается. Поняла?

— Да, господин... О чём будем разговаривать? — Она присосалась к шее Уолтера.

— Ну, например, о твоем отце. Когда ты нас друг другу представила, он вел себя очень вежливо... Это что, засос? Мы иначе договаривались! Ты...

— М-м-м, — ответила Мэри, не отрываясь.

— А впрочем, ладно. Пусть будет засос. Так вот, он, разумеется, сказал, что видел спутника

своей дочери иным, но поскольку ты имеешь право на все, что пожелаешь, то он рад познакомиться со знаменитым писателем... Стоп! Теперь я. И, кстати, кто тут знаменитый писатель?

Мэри отыскалась и рефлекторно поправила волосы.

— Ну, мне пришлось сказать: «Мой медвежонок — большая знаменитость и очень добродушный человек. Вреда от него ни мне, ни семье не будет, а одна только польза»... Милый, зря ты так стараешься со щекой. Щека — не шея, не та чувствительность. Давай-ка опять я.

Кажется, он начинает проигрывать. Пока — по очкам. Еще не все потеряно.

— Я, кстати, так и не понял, кто он такой. Какой-то большой предприниматель, связанный с банком Барклайс... Но что конкретно? Ай, это не честно! Мы договаривались слизывать, а не покусывать! Стоп, стоп, иначе я тебя сейчас дисквалифицирую! Балл долой.

Мэри улыбнулась ему, как святая епископальной церкви. Сама невинность!

— Медвежонок, из-за своего спортивного азарта ты многое потерял. Ладно, мой папа... Барклайс владеет пятью сотнями фирм в сорока странах. Так вот, мой папа — вроде короля ста шестидесяти компаний, действующих в Северной Европе. Или, если хочешь, вице-короля... Он контролирует финансовые потоки, снимает и набирает правительства, выступает как верховный арбитр в серьезных конфликтах, воюет с другими финансовыми домами... Ой! Так, теперь тебе балл долой. То, что ты делал, это, конечно, очень приятно, но целовал ты меня шоколадными губами выше соска, а те-

перь добрался точнехонько до него. Не годится, сэр рыцарь, обманывать прекрасную даму. Если бы ты не жульничал, я бы сейчас сдалась.

— А разве правительства не ставятся по закону, у них там избирательная система... Ты победила, — хрипло резюмировал Уолтер, увлекая ее на кровать.

— То-то же. В наказание за упрямство ты получишь меня, только когда я отвечаю на твой дурацкий вопрос. В Финляндии, Латвии, Эстонии, Польше, Люксембурге и Бельгии правительства ставят папа. В Голландии, Дании и Литве — с некоторыми оговорками, но тоже папа. Самая прочная власть — та, что не выставляет себя напоказ, почти невидимая... Чехию, Венгрию, Украину и Россию мы делим с другими финансовыми домами, там сложности. Только в Швеции с Норвегией, да еще в Белоруссии — местные кое-что решают сами. Пока... Ты должен был лежать, не двигаясь и покорно внимать мне, а ты... ты... ой... а ты проделываешь незаконные операции у меня внизу... Эй, я не договорила. Эй, я же победила, твое сопротивление сломлено. Эй... Ладно, ты тоже победил.

Папа выключился со всей своей Северной Европой.

Минут на сорок вообще все выключилось, кроме рук, губ и антигравитационного инструментария.

Потом они прикончили шампанское, а вместе с ним и фрукты. Мэри попросила его лечь рядом, обнять и полежать с ней, как с обычной девчонкой из рода эльфийских князей. Уже задремывая, она сказала:

— Знаешь, ты прав, Уолтер... насчет зверушек и нас. Всем нужны маленькие порции серотонина.

А лучше большие. Очень большие. Просто огромные! Я, например, получаю от тебя ураган серотонина... и чувствую себя счастливой зверюшкой.

— ...Ты представляешь, Барри, я рассказал ей про животных. Ну, то, что нам с тобой отец говорил. И ей понравилось! Она сразу все приняла, ни чуть не стала спорить.

— А? Отец? Не возьму в толк, о чем это ты.

— До чего же ты непонятливый, Барри! Вспомни: все животные равны между собой, а мы равны с ними, поскольку мы такие же животные...

Из трубы раздалось обидное всхрюкивание. Смех Барри это вообще большое испытание для психики окружающих. Иногда хочется взять его на лопату и отшвырнуть подальше...

— Что тебя так развеселило, Барри?

Ну вот! Второе всхрюкивание. И прозвучало оно гораздо обиднее первого. Первое могло быть случайностью. А второе — уж точно злонамеренное.

— Ты агрессивно ведешь себя в моем личном пространстве, Барри!

— Не обижайся. Просто ты ведешь себя как ребенок. Кошки иногда едят мышей, ты об этом знаешь, я полагаю? Сначала играют с ними. Ласково покусывают. А уж потом... Все животные, конечно же, равны, но некоторые...

Уолтер перебил его:

— Может, ты уймешься, наконец, со своими поучениями? У меня все мысли о другом. Ты только представь себе: завтра она везет меня в замок Рэдчэпел. Собственный замок отца принцессы, а стало быть, королевский, Барри. И вот я туда прие-

ду, а на полу — медвежья шкура, а на стенах — головы лосей. Или, еще того хлеще, пригласят поучаствовать в тайной охоте на лис... Это ж замок, Барри. Там должны быть шкуры и головы. Как мне себя вести? Я очень переживаю, Барри...

В трубке откашлялись перед произнесением торжественных слов. Барри любил сказать что-нибудь торжественное.

— Существуют вещи, по поводу которых у честного человека двух мнений быть не может. Ты не должен мириться с подобными безобразиями даже ради своей любви.

Ответом ему был протяжный вздох и негромкое всхлипывание.

В тот вечер Уолтер никак не мог насытиться ею. После первого раза он утомленно лежал на ковре, рядом с разгромленной постелью, пил виски и старался понять: хватит ли его на второй заход? И если да, то в какой момент надо перестать надираться? Прямо сейчас? Нет, не годится. Ему слишком хорошо, чтобы отказываться от трети стакана ради мечты о еще более блестательном будущем.

Мэри сидела на нем, пила то же самое и беспринципно хихикала точь-в-точь как он сам. Легкая женщина, сущая пушинка. Он — шесть футов и два дюйма поверженной плоти, безжалостно давящей на ковер всем своим центнером, и она — птичка, невесомое райское создание весом в полтора ланча.

Сначала она пыталась объяснить Уолтеру, до чего же его тут ценят и уважают — даже шкуру

медвежью заменили ковром, снисходя к его убеждениям. И Уолтер на мгновение захотел попробовать, приятно ли будет голой заднице от медвежьей шкуры... судя по легкой ностальгии на рожице ее птички, отличная была шкура... но лежать на биологической одежде убитого животного было бы, разумеется, стыдно... нет, никуда не годится... о чём это ты, милая? А? Не о шкуре уже? Уже о другом разговор? Хи-хи-хи... Ну да, если бы как в Дюнкерке, то мы бы точно поехали за новой бутылкой и точно убили бы машину по второму разу... А? Просто позвать? Кого? И принесут нам виски? Хи-хи-хи... Отличная идея. Только она не годится совершенно, милая... То есть она только по внешень... по вищев... по внешней видимости хорошая идея, а по внутренности она... у-у-у... просто никуда. А? Да почему-почему... ты сидишь на мне, я лежу под тобой, а пришлось бы... пришлось бы, я говорю, расцепиться... нам... вывод какой? А какой тут вывод... никакого вывода. Просто мне с тобой так хорошо... Жутко хорошо. А? Ты чего ты... это... Хи-хи-хи... Чего?

Мэри выплеснула остатки из своего стакана в камин, затем вырвала стакан у собеседника и решительно отправила последние капли по той же траектории. Затем окинула взглядом тело гиганта, уложенного ею на обе лопатки — так, словно видела первый раз.

- Ну, насмотрись, насмотрись, моя птичка...
- Птичка? Кем ты меня назвал?
- Птичка. Не нравится?
- Готовься к долгой и мучительной казни! — произнесла Мэри и занялась им всерьез...

Потом она научила его курить сигары. Потом он рассказал ей, как дрался с полицейскими на Фарерских островах, в Торсхавне. Потом откуда-то взялась еще одна бутылка. Кажется, сама собой вынулась из воздуха. Или они кого-то звали? В замке Рэдчэпел прислуга так вышколена, что выполняет свои обязанности, оставаясь совершенно невидимой.

Потом они лежали обнявшись. Он чувствовал себя маленьким мальчиком, попавшим в волшебную сказку. И Мэри, кажется, тоже.

Он точно не мог пойти на третий заход. Внутри него бултыхался добрый бочонок виски. Да и просто — никаких сил. Но если Мэри опять всерьез поработает... И, кажется, она поглаживает его, примериваясь: с чего бы начать.

Примеривается, улыбается, как младенец, бормочет какие-то приятные слова... что?.. так чувствует себя, будто знает Уолтера лет десять... а он?.. да, и он тоже... о, смотри-ка, она уже не хочет с ним расцепляться... это ты о женитьбе и все такое, птичка?.. не называй меня птичкой... ладно, принцесса... ну да, о женитьбе, это я поясняю для бесполковых и непонятливых... по-детски, конечно, милая, я ж не из того теста... я, моя птичка, из совсем другого текста... в смысле, теста... Хи-хи-хи... У меня отец работал на верфи, а мать... А? Ну да, ты знаешь. И вот как ты это себе... ты... ты! Охренеть! Ты — и я. Принцесса и... А? Не так уж и... Свежей крови, говоришь... Со знаменитым писателем? А кто тут знаменитый писатель? Я? Если надо мной поработать, говоришь? Милая, делай со мной, что хочешь, только не отпускай на волю...

И вот она уже гладит его особенно. Чудо третьего захода уже катит на колеснице по горным дорогам, выбирая себе все более рискованные пути, еще чуть-чуть, и двинется по вертикали. А Мэри все еще сладко бормочет ему на ухо: «Хочешь девочку? Устроит тебя маленькая девочка? Или тебе подавай мальчика?» — «Девочка сойдет. От тебя сойдет даже ведро с яблоками, а не то что девочка...» — «У нас с тобой будет красавица. Вся в тебя и в меня тоже. Будет учиться в той же школе, где и я училась, станет еще и умницей...» — «Да нет, лучшие там, где я... Ты пойми: есть такая особая школа под Йорком, с зеленым, видишь ты, уклоном. Там аж три поколения Перси...» — «В элитной школе ей дадут больше. В конце концов, ты понимаешь, с кем ей придется жить». — «Но, милая, у нас там все свои. И самые прогри... прегро... самые прогрессивные взгляды... экологические... эй! Эй! Ты чем там занимаешься? Мне больно!» — «Ох, Уолтер, прости меня, я немножечко погорячилась... Сейчас посмотрим, я там ничего тебе не...» — «Ты там мне ничего не... Только настрой сбылся. Давай сначала».

Тут Мэри встала и потянулась за куревом. Лицо у нее сделалось такое, словно две трети выпитого испарились из ее желудка неведомо каким манером.

Уолтер и сам начал стремительно трезветь. Надеясь на самое лучшее продолжение изо всех возможных, он принял гладить ее по бедру. Мэри улыбнулась:

— Я не сержусь на тебя. Сейчас у нас все будет. Только скажи мне, эта ерунда насчет школы под Йорком... ты ведь несерьезно?

— Хм. Как раз очень серьезно. Там учились лучшие люди... совесть Британии. Туда Опра приезжала, правда, совсем уже старая. И Брижит Бардо... один раз.

Мэри поцеловала его в лоб с нежностью. Как мать целует непослушного ребенка.

— Милый, я надеюсь тебя переубедить... Но сейчас мы, кажется, слишком пьяны для серьезного разговора. Отложим до завтра?

Уолтер колебался. Ему не хотелось спорить с Мэри, сердить Мэри. Однако, в конце концов, существуют вещи, по поводу которых у честного человека двух мнений быть не может.

— Я пытаюсь тебе рассказать о самом лучшем месте на свете. О месте, где преподают самые правильные люди. И выпускники тоже становятся самыми правильными людьми. Тут не о чем спорить и нечего выбирать. Все могу тебе уступить, Мэри. Все! Только не школу.

Его рука оказалась немедленно и бесповоротно сброшенной с ее бедра. Словно штурмовая колонна, отбитая артиллерийским огнем от стен крепости...

Они поспорили еще немного. Вдруг Мэри замолчала. Уолтер еще говорил, доказывал, объяснял, а у нее уже как-то неуловимо изменилось лицо. Похоже, его слова уже не добирались до ее ушей. Осознав это, замолчал и он.

Тогда Мэри, глядя в сторону, холодно произнесла:

— Ты не понимаешь, Уолтер. Как жаль, что ты не понимаешь...

Опоздал. Раньше надо было отступить, а сейчас некая тонкая ниточка оказалась порванной.

Понимая это, Уолтер все-таки выдавил из себя:

— Я думаю, ты права. Нам лучше поговорить утром. Спокойной ночи, медовая.

— Что ж, спокойной ночи...

Горничная, образцово улыбаясь, передала Уолтеру записку.

— Мисс Уинтворт уехала...

— Давно?

— Боюсь, давно, мистер Перси.

— Куда?

Горничная в ответ улыбнулась еще образцнее.

— Куда, черт побери?!

— Полагаю, Вам стоит прочитать записку, мистер Перси.

Уолтер видел на ее лице полную безмятежность. А мгновение спустя уже спина горничной, прямая балетная спина, чистая вертикаль, удаляясь, отвечала на его разозленный взгляд полной безмятежностью.

Ну, разумеется... Эсэмэски для плебеев.

«Милый друг, я не имею ни малейшего желания обсуждать с тобой что-либо и, тем более, видеть тебя. Отныне мы существуем порознь. Для нас обоих будет очень хорошо, если ты не станешь упорствовать. Нам не следует причинять друг другу излишние неудобства. Но если у тебя возникнет желание поступить по-иному, как-либо восстановить наше общение, что ж, полагаю, тебе следует обратиться к господину Дракону: ему велено дать тебе исчерпывающие объяснения. Но я все же советовала бы тебе не проявлять упрямства и усвоить раз навсегда: Мэри и Уолтер расстались. Про-

щай, сэр Рыцарь. Я столько в тебя вложила, а ты не захотел понять меня! Печально».

Скомканная бумага полетела на пол.

Уолтер стоял на открытой площадке второго этажа, огороженной невысокою балюстрадой. Перед ним простирался стариинный парк, больше похожий на лес. Пели птицы, вовсю жарило августовское солнце, газоны у входа в дом источали запах недавней стрижки. На небе — ни облачка. Тишина и красота. Ветер дремлет под кустом роз. У всех все хорошо.

Господи, ну почему она такая ведьма? Неужели нельзя было поговорить, обсудить? Подумаешь, чуть-чуть рассорились! Он был прав, разумеется, он был прав... но, в конце концов, он готов извиниться. Все так делают. Если ты твердо знаешь, что женщина не права, но она тебе очень нужна, извинись — и дело в шляпе. А это... это как-то не по-человечески. Взрослые люди так не поступают. Девчонка! Глупышка...

Написала ему какой-то вздор. Непременно надо отыскать ее и объясниться. Вся ихссора — чушь. Не стоит выеденного яйца.

— Как вы поступите, мистер Перси?

Господин Дракон стоял в десяти шагах от Уолтера с учтивой миной на лице. Откуда он взялся? Мы не в горячей точке и не в шпионском фильме, так что за дурацкая манера оттачивать на плохо знакомых людях искусство бесшумной ходьбы!

Принудив себя к вежливости, Уолтер ответил:

— Легкая размолвка. Полагаю, к вечеру мы помиримся.

— Кажется, вы не понимаете, мистер Перси. — Он продолжал говорить с учтивостью, но голос его

неуловимо изменился: в нем зазвучали нотки наставления, обращенного к нерадивому ученику. — Очень жаль. Мне даны четкие инструкции. Я вынужден...

— Это вы не понимаете! — взбесился Уолтер. — Идиотская манера: лезть в чужие дела! Мы разберемся сами, нам не требуются советы со стороны!

— Я хотел бы вам помочь.

— Еще меньше нам требуется чья-либо помощь!

С языка Уолтера едва не слетело «убирайтесь!». Его останавливало одно: здесь, в чужом доме, такого позволять себе нельзя.

Неожиданно голос господина Дракона вновь потепел. Из него исчезло все учительское.

— Мистер Перси, понимаю ваши чувства. Что ж, вы в своем праве. Хотел бы попросить вас лишь об одной услуге: подарите мне три минуты вашего драгоценного времени. Выпьем кофе, я объясню кое-какие обстоятельства, оставшиеся для вас неизвестными, а потом, если пожелаете, летите за Мэри. Никто вам препятствовать не станет, уверяю вас. Я даже подскажу, где ее отыскать. Для вашей же пользы, всего-навсего три минуты.

Где она? Как далеко она? По здешней дороге минута езды — миля или чуть менее того... Три минуты — много. Но если он получит подсказку, быть может, беглянка найдется весьма скоро.

Уолтер, едва сдерживая раздражение, сел за столик.

— Вы ведь, насколько я знаю, любите со сливками?

— Что угодно, только быстрее.

Господин Дракон сделал знак служанке, и та сейчас же доставила на поднос две чашки.

— Я позаботился об этом заранее. Во вкусах мы с вами расходимся, я предпочитаю черный...

Уолтер сделал глоток-другой и отставил чашку.

— Что вы хотели мне сообщить?

— Две вещи. Первая касается вашей биографии на ближайшее время. Вторая объясняет, почему узор вашей судьбы сложится подобным образом.

Уолтер взглянул исподлобья, показывая, до какой степени сейчас неуместны витиеватые словесные аттракционы.

Господин Дракон неожиданно рассмеялся.

— Люблю подобные моменты, мистер Перси. Очень, очень люблю подобные моменты. Минут через десять вы умрете. Минут через пять утратите способность передвигаться. А минуты через три не сможете связно выражать свои мысли.

— Что? Как? То есть...

— Как именно? Кофе, мистер Перси. Ни убежать, ни позвать на помощь, ни сообщить... — Он ловким движением вырвал у собеседника айфон. — А выглядеть все будет как сердечный приступ. Сосредоточьтесь. У вас осталось время помолиться, если верите во что-нибудь, либо задать мне один-единственный вопрос.

«Ударить его? Убить его? Он сам убьет меня одним ударом. Надо... надо срочно найти какое-нибудь решение. Нонсенс! Шутка, розыгрыш. Поверить невозможно. Пугает. Глупая игра. Неприятное покалывание в позвоночнике и в ногах... Глупости. Я сам себя убеждаю, что отравлен. Мы же цивилизованные люди. У нас же не век рабовладения. У нас же не фашизм какой-нибудь! Но

это покалывание... Надо выглядеть достойно, сейчас он объяснит суть своего фокуса...»

— Почему?

— Лучший вопрос из всех возможных! Поздравляю, мистер Перси, вам удалось выбрать главное. Собственно, в этом и заключалась вторая вещь, которую я планировал вам сообщить. Объясняю. Вы ведь человек левых убеждений?

— При чем здесь это?

Господин Дракон продолжал, не обратив на его фразу ни малейшего внимания:

— А стало быть, должны помнить давно сказанные слова: «Все животные равны, но некоторые животные равнее других». Вы стали причинять неудобство одному из тех животных, что равнее прочих. Хотите что-нибудь сказать в свое оправдание?

— Я... люблю тебя... Мэри... — захрипел Уолтер.

— Я ей передам. Мисс Уинтворт получит удовольствие. — Палач перегнулся через столик и дружески похлопал Уолтера по плечу. — Рад был с вами познакомиться, мистер Перси. Вы достойнейший человек. А то ведь, знаете ли, чаще попадается всяческая дрянь — не люди, а сущие отбросы! С вами мне приятно было работать.

Он удалялся, насвистывая «All you need is love». На ходу бросил служанке: «Вызовите врача, парню нездоровится».

Уолтер почувствовал, что ему трудно дышать.

ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ МОЕЙ

аун Кнудсен действительно эпизодически появлялась в порнографических видеофильмах и фотосессиях с 1974 по 1980 год. Все ее биографические данные, приведенные в рассказе, реальны. Помимо них, о ней совершенно ничего не известно. Но она прекрасна.

0.

Ее звали Даун Кнудсен. Она родилась в Миннесоте, и больше о ней ничего сказать. Мальчик, который смотрел на ее фотоснимки, не думал о том, что в ней есть что-то большее, чем бюст 34J, чем округлые ягодицы и тяжелая, непропорциональная нижняя челюсть. Мальчик просто копался в винтажной порнографии, рассматривая женщин естественных и прекрасных, кругобедрых и ясноглазых, влюбляясь в каждую поочередно, а затем столь же быстро меняя их на соперниц.

Мальчику было внове возникшее у него чувство, не имевшее никакого отношения к половой неудовлетворенности. Он снова и снова возвращался к плоским, примитивным фотографиям, чтобы впитать еще немножко ее тела, еще немножко завидовать двум усатым, давно умершим мужчинам, входившим в нее одновременно. Потом мальчик решился.

Двери исчезли перед очередным клиентом, растворились в воздухе, превратились в серебристую пыль. Прежде чем отдать команду вызова, Мартин всегда откидывался на кресле и вперивался в дверной проем, точно безумный. Он любил момент растворения перегородок, получая визуальное удовлетворение, схожее во многом с половым. Когда из серебристой пыли выплывал клиент, Мартин доводил себя до духовного оргазма, и вошедший слышал приторно-сладострастное «Здравствуйте», выдававшее в Мартине человека нетрадиционной ориентации. Впрочем, это было заблуждением: клерк любил исключительно женщин. Чаще — нимфеток, хотя это стоило дороже.

Мальчик посмотрел на клерка, улыбнулся в ответ на приветствие и плюхнулся в кресло. Клерк смотрел на мальчика: гладкая белая кожа, густые темные брови, модная прическа, на вид — лет восемнадцать, не более. Судя по одежде, из богатых.

— Меня зовут Мартин Эшни, я буду менеджером вашего проекта, — сказал он. — Мы можем предоставить...

Мальчик ничего не ответил, просто поднял руку, и Мартин почувствовал в этом жесте привычку к власти, потому что слова сами испарились из головы, а воздух потребовал тишины.

— Я знаю, что вы можете и чего не можете. Давайте сразу перейдем к делу.

— Конечно, конечно. — Мартин кивнул.

Перед клиентом появился фирменный коктейль компании, легкая смесь из джина, нескольких ликеров, соков, пары граммов транквилизато-

ра и еще одного компонента, подначивающего тратить деньги без раздумий. Мальчик усмехнулся.

— Я знаю, из чего сделано это пойло.

— Да? — Мартин и сам этого не знал.

— Мой отец его выпускает.

Мартин стушевался.

— Не бойся, Мартин Эшни, я заплачу за то, чего потребую.

Мартин стушевался. В принципе он был немногим старше клиента — лет на шесть, не более, но тот производил впечатление древнего мудреца.

— Я хочу заказать полную реконструкцию.

Клерк напрягся в предвкушении успеха. Полную реконструкцию заказывали крайне редко — из-за стоимости. Не просто тело, но разум конкретного умершего человека, причем в заданном возрасте, со всеми соответствующими навыками и воспоминаниями. Позволить себе подобное могли разве что крупные корпорации — как Венская опера заказала двадцатипятилетнего Моцарта, который и по сей день пишет для нее чуть ли не весь репертуар, впрочем, значительно более блеклый, чем произведения, созданные им в первой жизни. Как Холли Маск III, потомок легендарного Элона Маска, заказал себе в личное пользование Платона, — и заведомо выучил ради общения с последним древнегреческий язык. Такие копии покупали едва ли раз в год, и удача была на стороне менеджера, который отхватывал подобный проект.

— Конечно, господин...

— ...Барри. Зови меня просто Барри.

— Да, господин Барри. Простите, но прежде чем мы перейдем к заказу, нужно выполнить одну формальность.

Мальчик молча положил на стол узкую карточку.

— Вы знаете... — пробормотал клерк, считывая данные.

— Конечно. У меня уже три ваших куклы.

Мартин поднял глаза. Операция проверки пла-тежеспособности завершилась успешно. Денег на счету хватило бы на две полные реконструкции.

— Вы же уже поняли, кто мой отец.

— Да, конечно.

Карточка все рассказала Мартину. С такими людьми нужно было вести себя крайне вежливо и осторожно.

— Итак, — сказал он. — Кого же вы хотите реконструировать?

— Ее.

И мальчик положил на стол фотографию. Бумажную фотографию — новую, распечатанную, не цифровую. Мартин взял ее с некоторым недоумением.

На снимке была женщина. Некрасивая, но с хорошим телом. Относительно хорошим, какое могло показаться привлекательным в середине двадцатого века. Впрочем, и сам снимок явно был сделан тогда же.

Пышные светлые волосы, вздернутый нос с несколько вывернутыми наружу ноздрями, очень тонкие губы, крупные передние зубы. Все ее лицо казалось каким-то мужиковатым, неправильным, не отвечающим никаким канонам привлекательности. Мартин бы не позарился. Впрочем, подобное тело интересно было бы изучить чуть внимательнее. Большая грудь, красивые бедра, ноги.

— Ее звали Даун Кнудсен. Или Даун Уоллас. Или Ди Ди Вицикер. Или Ди Ди Викс.

— Как много имен.

— И ни одного настоящего. Она появилась в тысяча девятьсот семьдесят четвертом и исчезла в тысяча девятьсот восемьдесятом. И все.

— Где появилась? — не понял Мартин.

— В порнобизнесе. Первые снимки появились в журналах в семьдесят четвертом. Спустя шесть лет — последние.

Мартин кивнул. Он понял, что мальчик путает понятия. Что ему вовсе не нужна полная реконструкция. Что достаточно идеальной копии тела — а разум мы разработаем такой, какой подчинит новоявленную Даун мальчику, который заставит ее влюбиться в своего заказчика и повелителя.

Положив снимок, Мартин сказал:

— Господин Барри, позволю себе заметить, что полная реконструкция обычно используется в отношении выдающихся умов, чтобы, например, беседовать с ними или использовать их талант себе во благо. В данном же случае гораздо более удобным способом будет конструкция тела в заданном возрасте и создание искусственного разума, исходя из ваших запросов.

Мальчик улыбнулся.

— Нет. Я же сказал: у меня уже есть три ваши куклы. Они шикарны. Они в постели ничего не боятся и творят то, чего не сделает ни одна современная женщина. Но мне не нужна кукла. Мне нужна она — человек.

— Но... Вы должны понимать, что это гораздо сложнее...

— Вы видели мои возможности.

— Я имею в виду не это.

— А что?

Мартин покачал головой.

— Чтобы создать слепок Наполеона, нужно просто задать год, место, еще ряд простых параметров, которые позволяют «поймать» исторического Наполеона в хроноскопические тиски и снять копию. Мы знаем целый ряд местонахождений человека подобного масштаба в тот или иной момент. Но в данном случае... что мы о ней знаем? Видимо, почти ничего.

— Почти. Я предоставлю вам информацию, которую сумел найти.

Мартин наклонил голову, показывая, что призывает мальчика к продолжению.

— Три с лишним сотни фотографий. Пять видеофрагментов. Она шведского происхождения, но родилась в Миннесоте. Работала в Малибу и в Майами, там были центры порнографии в семидесятые. Еще в Сан-Фернандо, Калифорния.

Клерк покачал головой.

— Фотографии и видео позволяют идеально восстановить тело в тот или иной период. Но не слепок. Тут придется искать. Мы никогда не пытались делать слепки с неизвестных людей прошлого. Обычно заказывают философов, музыкантов, ученых. Порнозвезд тоже, но лишь тела, а не души.

— Она не порнозвезда, — жестко сказал мальчик. — Она женщина.

Мартин колебался. С одной стороны, такие заказы на дороге не валяются. С другой — он не мог дать стопроцентную гарантию успеха. Найти эту Даун Кнудсен... Гм.

— Я оплачу все расходы. Я готов переплатить столько, сколько потребуется.

Мартин решился.

— Что ж, господин Барри. Мы — фирма с репутацией, недаром вы обратились к нам. И для нас нет невыполнимых задач.

Мальчик улыбнулся.

— Сделайте это.

Они разговаривали еще некоторое время. Мальчик передал клерку фотографии (уже в цифровом виде — первую он распечатал для пущего эффекта) и видеозаписи. Они договорились об авансе.

Уходя, мальчик обернулся уже в серебристом свечении дверей.

— И вот что, Мартин.

— Да, господин Барри?

— Осторожнее с ней, когда будете воспроизводить. Вы пока этого не видите. А я уже в капкане.

И он вышел, не по годам мудрый сын очень богатого и очень опасного человека. Мартин Эшли откинулся в кресле и закрыл глаза. Перед ним стояла Даун Кнудсен, обнаженная, с некрасивым лицом, едва заметно манящая к себе.

2.

Мистер Ромни, штатный психолог, повидал в жизни немало. Однажды ему пришлось вставлять мозги Сиду Вишесу во плоти, и с тех пор он ничего не боялся. Восстановленный Сид все-таки перерезал себе горло через полгода после реконструкции, чем сильно подвел владельца, антрепренера Бодинсона, не успевшего отбить затраченную сумму на гастролях психованного питомца.

Здесь ситуация была проще: девушка нужна была клиенту для личного пользования. Кроме того, она вряд ли страдала от звездной болезни и, более того, была извлечена из примерно двадцатишестилетнего возраста, здоровой, полной сил и энергии. Вытащенного из двадцатиоднолетия Вишеса пришлось сразу же лечить от жестокой психологической наркозависимости. И да, Сид так и не вспомнил, кто убил Нэнси. Но это неважно.

Девушку извлекли из тысяча девятьсот семьдесят девятого. Исходные данные, полученные Ромни, были примерно следующими: она — порнозвезда; о ней совершенно ничего не известно. Нашли ее случайно, отследили в одной из точек съемки в Майами и тут же вытащили в виде слепка. На этом информация исчерпывалась. Кроме того, психолог тщательно просмотрел все фотографии и видео. Ему показалось, что на записях девушка действительно испытывает наслаждение, а не играет. Играть начали позже, к середине восьмидесятых. Но в целом он ничего не сумел вытянуть из материала.

Была пара ее личных фотоснимков. В частности, она на пляже. Весела, бодра, смеется. Видимо, жизнь ее протекала достаточно хорошо.

Ромни был готов к первой встрече с только что созданным реконструктором.

Она еще не проснулась. Лежала в кровати, накрытая белоснежной простыней, удивительно некрасивая, с едва заметными горизонтальными морщинками на лбу, с блеклыми, почти невидимыми бровями, и ровно дышала, точно родилась не на прошлой неделе, а в свои пятидесятые.

— Еще нет, — сказал реконструктолог. — Думаю, минут через двадцать. Сами понимаете, насилиственно будить нельзя.

— Кто уж лучше меня... — Ромни не закончил фразу.

Он встречал многих. В основном, искусственные конструкты. Лишь пятый раз в жизни он принимал полного реконструкта, а предыдущим был Вишес, и на контрасте с ним Ромни заочно относился к новой пациентке как к манне небесной.

Она открыла глаза примерно через десять минут. Врач успел досконально изучить ее лицо, тяжелую челюсть, вывернутые ноздри. Один раз он провел рукой по ее пышным светлым волосам, не подвластным никакой расческе.

А потом она открыла глаза и спросила:

— Где я?

— Вы в больнице, моя милая, все в порядке.

— Я... Что со мной?

— Вы совершенно здоровы, вы нисколько не пострадали.

— Я попала в аварию?

— Нет, вам просто стало плохо на улице, теперь все позади.

Под простыней ее руки лихорадочно шарили по телу в поисках травм.

— Правда, — он накрыл ее руку своей прямо через простыню, — все хорошо.

Она начинала успокаиваться.

Эта, первая, стадия всегда была легкой. Реконструкту стоило врать — про аварию, приступ, инсульт, обморок, но ни в коем случае не говорить о том, какой нынче год и как обстоят дела на самом

деле. Обстановка в палате тоже воссоздавалась соответственно эпохе.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Грета, — ответила она.

Он не подал виду, что знает другое имя.

— А фамилия?

— Кнудсен.

— Вы шведка?

— По отцу, родилась здесь.

— Здесь — где?

— В Америке. Я же в Майами?

— Да, в Майами. А в каком городе вы родились?

— В Миннеаполисе.

Он кивнул, подтверждая: да, я верю, все так и есть.

Потом они беседовали еще. О море, о песке, об отце Греты, о ее собаке, о жизни в Майами, о ценах на бензин, о чем-то малозначимом, не играющем роли. И так — до тех пор, пока не постучал в дверь Мартин Эшли. Психолог извинился перед Гретой и вышел.

— Вообще-то, сеанс не окончен.

— Я просто узнать — все ли хорошо?

— Все прекрасно.

— Клиент тут.

— Мы не можем представить ему объект до окончания предподготовки, а это еще минимум месяц.

— Вы же знаете, док. Он ждал четыре месяца, ему не терпится.

— Я знаю. Но он этого не понимает?

— Нет. Он хочет видеть.

— Он может видеть, не показываясь?

— Да.

— Пусть так и увидит.

И Ромни исчез в палате.

Мартин миновал несколько кабинетов и оказался в небольшом и уютном, где, забросив ноги на стол, сидел мальчик.

— К беседе она еще не готова, но взглянуть можно.

— Я этого и просил.

— Пойдемте.

Они шли по коридору, и Мартин чувствовал себя странно. Он не хотел показывать Даун мальчику. Мальчик был недостоин ее. Слишком юн, смел, нагл.

Мальчик казался хладнокровным. Ничего не было в его глазах — ни предвкушения, ни сладострастия, ни радости. Он просто шел, как идут на работу, будто каждый день он заказывал полные реконструкции и получал их, пользовался и выбрасывал в помойку, точно отслуживших свое андроидов.

Они пришли в смотровую. Мартин включил прозрачную стену. Перед ними была Даун. Частично ее закрывал что-то говорящий Ромни.

— Я хочу видеть ее целиком.

— Обнаженной?

— Да.

— Господин Барри, сейчас это никак невозможно. Если вы хотите получить качественный товар, следует выполнять правила его эксплуатации. В течение следующих нескольких дней Даун должна думать, что находится в обычной больнице своего времени.

— Она ходит в душ?

- Видимо, сегодня пойдет.
- Наблюдать можно?
- Да, конечно.
- Вот и хорошо.

За время, в течение которого искали Даун, делали слепок, изготавливали тело и разум, Мартин успел изучить каждую ее черточку. Больше всего его удивляли втянутые соски, точно крошечные отверстия в центре околососочного пространства. Его возбуждала эта аномалия, заставляла возвращаться к ней снова и снова и думать об этом, и даже во сне к нему несколько раз приходила Даун, преподнося в руке свою объемистую грудь, и он погружался в нее и тонул, исчезал, сливался с молочной кожей, белыми участками, защищенными от загара нижним бельем.

Мартин пытался понять, что прячется за пустым взглядом мальчика. Мальчик смотрел на девушку без вожделения, без восхищения, без любви. Он был точно лед.

3.

- Вы уверены, что не нужно дополнительно разъяснять юридические аспекты вопроса?
 - Уверен.
 - Вы понимаете, что права и обязанности реконструированной личности, в отличие от того, что вы называете «куклой», полностью равны правам и обязанностям обычного человека?
- Мальчик нахмурился.
- Не полностью.

— Да, — кивнул Мартин. — Кроме того, что Даун, точнее, Грета, в настоящий момент числится вашей собственностью. Но вы понимаете, что собственность — понятие относительное, мне ли вам объяснять.

— Не тебе.

— Что ж, — Мартин поднялся, — тогда все улажено. Последнюю треть оплаты я жду по истечении двух недель при отсутствии обоснованных претензий.

— Да, — кивнул мальчик.

Постоплата была редким явлением. Если можно все, то никто не будет платить за то, что уже получил. Нет закона, нет преследования. Но компания работала в первую очередь на клиента. И клиент знал, что если он обманет компанию один раз, то ни одна компания больше никогда с ним не свяжется. И это, как ни странно, действовало. Все платили.

Грета уже была готова. Она сидела на кресле в большой гостиной, одетая в симпатичное платье, напоминающее римскую тогу, и листала электронный журнал. У нее был гибкий ум: она легко приспособилась к новому окружению и приняла факт своего пребывания в будущем без эксцессов. Единственное, что ей не нравилось, было имя Даун, которым ее принципиально называл мальчик. Он хотел, чтобы она была Даун Кнудсен — как на видео и на снимках. И ему нравилось то, что это не нравилось ей. Именно для этого — для сопротивления, для покорения — он и потребовал полную реконструкцию.

— Все улажено, — сказал Мартин.

Ромни тоже присутствовал. Он молча пожал руку сначала Грете, затем мальчику.

Она не говорила ни слова. Она вообще не любила говорить — зато любила смеяться. Мартину нравился ее заливистый смех, нравилось, как разевались ее волосы, открывая чрезмерно оттопыренные уши, нравились ее крупные зубы. Мальчику ничего не нравилось — его все устраивало, это более правильное слово. О чем думал Ромни, не знал никто. Но Мартин подозревал, что доктор тоже не хочет ее отпускать. Она перестала быть их творением, но стала их фетишем.

Они вышли, она и мальчик, и исчезли.

Ромни еще некоторое время провел в кабинете Мартина.

— Вы думаете о том же? — спросил врач после примерно полуминуты молчания.

— О чем?

— О ней.

Мартин усмехнулся. Спорить с проницательным психологом было бессмысленно.

— Да.

— И Поллак тоже о ней думает.

— Реаниматолог?

— Да. И второй реаниматолог. И шофер. И консультант по современности.

Мартин откинулся на спинку кресла.

— Что в ней такого, Ромни? Вы можете объяснить?

Психолог покачал головой.

— Не могу. Выведите ее фотографию.

— Новую?

— Нет, старую. Ту, где она на плетенке с красным покрывалом. Где уже раздевается, но еще сняла только футболку. И улыбается.

Мартин нашел нужный снимок и вывел в центр экрана.

— Нет, не совсем то, — протянул психолог. — Где она обнажена, но просто позирует ню, без порнографии, только чтобы обязательно улыблась.

У нее на удивление красивая улыбка при таком-то лице, подумал Мартин, извлекая искомый снимок из вороха ярлыков.

— Вот, хорошо, — кивнул Ромни. — Некрасивая, да?

— Тело красивое.

— Тело великолепное. Совершеннее практически некуда. Но лицо, как бы это сказать, смешное. Все какое-то комичное, не соответствующее телу. Такое лицо должно быть насажено на толстую шею, под ним должна быть толстушка с коротенькими и кривыми ножками, правда?

— Да, есть такое ощущение.

— Теперь возьми снимок, где она одета.

— Вот.

Мартин вывел первый снимок из той же фотосессии.

— Здесь тела не видно — бесформенная футболка, джинсы. Но все равно не оторвать глаз, правда?

— Да.

— Мне кажется, — сказал Ромни, — природа посмеялась над нами. И над этим мальчишкой. Природа создала совершенство, которое мы подсознательноствуем. Какой-то подкоркой. Сво-

им неконтролируемым либидо. Фрейд был бы счастлив, получив такое подтверждение своей теории.

Мартин кивнул.

— Нам повезло, — продолжил врач, — жить в хорошее время. Мы можем возродить к жизни мечту — если захотим.

— И будем иметь достаточно денег.

— Конечно. Но факт заключается в том, что имеется возможность. Мальчик ее реализовал, потому что мог.

— Вы хотите сделать себе вторую Грету?

Психолог рассмеялся.

— Хочу, Мартин. Но вы и сами понимаете.

Мартин все понимал. Он продал множество сексуальных кукол, прекрасных женщин, срисованных со старых фотографий, с комиксов манга, с кинематографических постеров, но никогда не испытывал по отношению к ним ничего, кроме желания разок переспать. Они были красивы и не очень, и они были сделаны под заказчика, чтобы удовлетворять его нужды. Даун Кнудсен не была куклой. Она была реальной женщиной, пронесшейся через столетие из своего семидесят девято-го в их далекий и странный год, захватившей с собой все свои чувства, всю свою внутреннюю энергию, всю свою сущность.

И Мартин не мог ее забыть.

4.

Мальчик появился через четыре с половиной месяца. Он был насуплен, зол и угрюм. Когда он материализовался в дверях, Мартин попытался изобразить дежурную улыбку, но мальчик отмел

ее уже знакомым властным движением руки. Мартин начал задавать вопрос о причине визита, но мальчик прервал его, как делал и раньше.

— Я хочу еще одну полную реконструкцию.

Мартин удивился. Сильно удивился.

— Да? — он даже не смог произнести ничего более толкового.

— Да.

— Чью?

— Ее же. Даун.

Внутри Мартина что-то щелкнуло, екнуло, дернулось, перевернулось.

— А что... — протянул он, — с той... первой...

— Я убил ее.

Мартин не без труда справился с эмоциями и сказал искусственным, механическим голосом:

— В той же самой конфигурации?

— Да, — кивнул мальчик. — Я вижу, вам интересно. Мне не жалко. Я убил ее, потому что не смог покорить. Я хотел этого, но у меня не получилось с первого раза. Теперь я знаю все свои ошибки. Я знаю, как нужно делать это — и я сделаю это правильно. Поэтому мне и нужна вторая копия. Может, я заслужил скидку как постоянный клиент?

Мартин не понял, шутка это или нет. На всякий случай он вежливо улыбнулся.

— Полагаю, да. Правда, я сам не могу решить подобный вопрос, но не думаю, что будут какие-либо препятствия. Размер скидки уточнит мой начальник.

— Отлично. Сроки те же?

— Да.

— И материалы у вас есть?

— Безусловно.

— Тогда не вижу смысла тратить наше время.
И он встал.

— Простите, господин Барри, — тихо окликнул исчезающего уже в серебристой дымке клиента Мартин, — можно один личный вопрос?

— Да, можно, — тот пожал плечами.

— Зачем вы убили ту, первую? Ее можно было, к примеру, продать. Или отпустить. Она бы не мешала второй.

Мальчик чуть наклонил голову влево.

— Теперь и ты это понял, — сказал он. — Понял, что она такое. И поверь, ты бы тоже не отпустил, потому что не смог бы смириться с тем, что ты — не единственный ее обладатель. Хотя я сделал это не специально. Так получилось. У меня слишком низкие перила на балконе, вот и все.

И он ушел.

Мартин смотрел на рассеивающуюся серебристую дымку и пытался сосредоточиться. Постепенно, через двадцать с лишним минут, в его голове появились первые проблески грядущего смысла, первые обрывки ненаписанного плана. Он вызвал на экран черно-белую фотографию Даун. Она, обнаженная, сидит на диване и смотрит в кадр. Морщины на лбу, едва заметные брови, казущееся нахохлившимся, чуть одутловатое лицо. Он опустил взгляд на ее божественную грудь, а потом закрыл глаза.

5.

Мартин не сразу решился провести с ней наедине больше чем пять минут. Он говорил себе: доктор же проводит, почему мне нельзя. Что я могу такое натворить. Она уже знает, где она,

только пока не знает, почему, и я не собираюсь ей рассказывать.

С первой Гретой Мартин почти не общался. Несколько раз пересекался по необходимости, так сказать, контролируя ход процесса. Ромни не поощрял общение с реконструктами, поскольку их неподготовленную психику было слишком легко повредить. Но почему-то он стал доверять Мартину, видя в нем, судя по всему, товарища по несчастью и в определенной мере коллегу. Мартин ревновал Грету к Ромни и не знал, испытывает ли врач аналогичное чувство по отношению к нему.

Теперь Мартин сидел напротив Греты в одной из комнат ее временной квартиры. Он просто зашел к ней, поскольку имел доступ, а Ромни в этот момент по делам уехал в город. Грете было интересно. Ромни серьезно фильтровал поступавшую к ней информацию, ограничивал доступ в сеть, рассказывал лишь то, что гарантированно не могло травмировать. Конечно, он перестраховывался. Мартин сказал ей: задавай вопросы, я отвечу. И она задавала — о государственном устройстве, о технологиях воскрешения, о чем-то еще.

— Знаешь, — сказала она в какой-то момент, — это очень странно: сознавать, что я давно умерла. Что меня на самом деле нет. И, кроме того, не знать, что со мной было после двадцати шести.

— Так или иначе, ты здесь, и ты проживешь дольше, чем могла прожить в своем двадцатом веке. И тебе не придется...

Он оборвал фразу на полуслове.

— Вы не любите поднимать эту тему, — кивнула Грета. — Ни Ромни, ни Поллак, ни теперь ты. Для вас это нечто запретное. Женщина меняет в

жизни полсотни партнеров — это нормально. А если она хотя бы с одним появляется на экране — это уже падение нравов.

— Ты же понимаешь, что падение нравов ни при чем. В мире, где все возможно, понятие нравственности отсутствует.

— Нет, — усмехнулась она. — Присутствует. Как и честность, как и культура. Вы отменили все запреты — но не впали же в анархию, не стали ходить по улицам с дробовиками и охотиться за консервными банками, оставшимися в брошенных супермаркетах. Вы остались цивилизацией. Поэтому у вас есть и нравственность. Снимать порно можно. Можно снимать даже снафы — не вопрос. Только все это остается под бременем негласного порицания, ведь так?

Мартин подумал.

— Да, так, ты права. Странно, ты понимаешь нас лучше нас самих.

— Потому что я смотрю со стороны. И я не слепая. Я вижу, что я значу для вас. То есть я понимаю не только ваше общество в целом, но и каждого из вас в отдельности — тебя, и Ромни, и прочих.

Мартин встал и подошел к окну. Город уходил далеко за горизонт, в стеклах небоскребов отражалось послеполуденное солнце.

— Кто я такая? — спросила она.

— Это единственное, чего ты не понимаешь.

— Да, единственное.

— Ты — человек. Такой же, как я, Ромни и твой заказчик. Ты с ним еще встретишься.

— Послезавтра смотрины.

— Да. У тебя есть права — такие же, как у всех людей.

Она покачала головой.

— Но тогда я, получается, могу встать и уйти.

— Ты все-таки не совсем понимаешь нашу систему. Ты встанешь и уйдешь — но что ты будешь есть? Как ты будешь жить? Мы не будем тебя держать, но заказчик достанет тебя из-под земли, потому что заплатил кучу денег. Знаешь, почему у нас высокий уровень доверия и почти нет преступности?

— Зуб за зуб.

— Именно так. Сегодня ты припарковал машину в неправильном месте. И кто-то нацарапает на ней неприличное слово, потому что ты заехал, например, на его территорию. Он имеет право нацарапать, ты имеешь право его за это застрелить — но царапину все равно придется закрашивать. Не проще ли сразу встать, как положено?

— А если я встала, как положено, а какой-то ублюдок нацарапал неприличное слово?

— Убей его. Отрежь ему пальцы. Ты можешь все, ты имеешь право на все. И поэтому он будет думать, прежде чем писать.

Грета поднялась и встала рядом с Мартином.

— Вы чудовищны. Вы этого сами не понимаете, но вы ужасны.

— Да. Поэтому ты — островок прекрасного среди нас.

Она дотронулась до его плеча, он повернулся к ней — и они впервые поцеловались. У нее были чуть солоноватые губы и невероятно гладкая кожа. Он проводил рукой по ее талии, по спине, по ягодицам, и ему было хорошо, как никогда.

— Вы все меня хотите, потому что у вас в подсознании написано: она из порно, ее нужно хотеть, — тихо сказала она.

— Нет, — ответил Мартин. — Я хочу не Даун, я хочу Грету.

Она улыбнулась и прижалась к нему.

После они лежали на диване и смотрели двухмерные фотографии, проецируемые на потолок. Старые фотографии. Она говорила: это «Кадиллак», его как раз выпустили в семьдесят шестом, у Бобби был такой, только красный. А это закусочная, тут ели бургеры, а обслуживали людей другие люди, а не машины, как у вас.

А потом он внезапно прервал виртуальную экскурсию и сказал.

— Тебя убьют.

— Кто?

— Твой заказчик.

— Почему?

— Потому что ты — вторая копия.

И он рассказал ей все — от первого появления мальчика до того самого момента, когда он, Мартин, позвонил в ее дверь. Он знал, что рассказывать нельзя, что Ромни сотрет его в порошок, что вся работа может пойти прахом — и пойдет, потому что мальчик не сможет исправить свои ошибки, используя в качестве объекта Даун, знающую все.

Она слушала не очень внимательно, глядя в потолок и улыбаясь какой-то странной, мечтательной улыбкой.

— Твоя версия немного отличается от Ромни, — вдруг сказала она, когда он закончил.

Мартин подскочил.

— Ты все это знала?

— Док рассказал мне.

— Но почему...

— Мне был интересен твой вариант.

Он не знал, что ответить.

— Ты и с ним спала.

— Ты ждал от меня чего-то другого?

Она улыбнулась.

Мартин поднялся и начал одеваться.

— Глупый. Ты все равно отдашь меня другому мужчине. И до тебя у меня было множество мужчин. И никого из них я не любила.

— А меня — любишь?

— И тебя — нет.

Мартин, уже натянувший штаны, подошел и сел на корточки. Она лежала перед ним — обнаженная, распахнутая, невыносимо сексуальная.

— А зачем все это? Зачем?

— Мое первое «я» не знало. Я — знаю. Я знаю, что вы все не можете без меня, что вы не хотите меня отдавать. Вот тут-то и возникает противоречие.

— Какое?

— У меня те же права, что и у вас. Я имею право на все, ты сам сказал. А вы пытаетесь представить меня как вещь.

— Пока заказчик жив — ты принадлежишь ему.

— Ключевое слово «жив».

И она рассмеялась. Не тем милым, добрым смехом, которым смеялась раньше, не тем очаровательным хохотком, а каким-то другим, холодным, страшным.

Он вышел — и не видел, как она, сгибаясь в три погибели, рыдала на ковре, размазывая слезы по щекам. Потому что она не знала, что дальше. Потому что она сжимала зубы, чтобы стать жестокой и умной. Потому что она никого не любила — и очень хотела наконец кого-то полюбить.

Сцена прощания была точь-в-точь такой же, как и в первый раз. Она молчала, мальчик делал мудрое лицо, Ромни давал какие-то напутствия. И точно так же они с Ромни сидели на диване и смотрели в пустоту, вспоминая женщину по имени Гreta, она же Даун Кнудсен.

— Что с ней было до семьдесят четвертого, Ромни? — спросил Мартин.

— Ничего особенного. Школа, работа в кафе, понравилась фотографу, предложил сняться в стиле ню, и вот она в бизнесе. Хорошо платили, партнеры постоянные, ее все устраивало. Не дешевка.

— А после восьмидесятого?

Ромни покачал головой.

— Я ей не рассказал.

— Но ты знаешь?

— Да.

— Откуда?

— Я продолжал копать.

— И?

— Она сгорела за полтора года. Рак.

— Значит... мы спасли ее?

Ромни усмехнулся.

— Ты глупеешь, Мартин. Это синдром любви, право слово. Мы не спасли ее в первый раз, и я не знаю, спасем ли во второй. Мы не вшили ей рак, потому что могли позволить себе не вшивать его. Но мы с тобой понимаем, что болезнь в данном случае совершенно не опасна по сравнению с человеческими чувствами — завистью, ревностью.

— Если она умрет...

— Он станет возрождать ее снова и снова — если у него будет хватать денег. А пока его отец держит бизнес, деньги будут поступать. Возможно, он будет экономить. Скажем, менять ее раз в два года — и каждый раз добиваться.

— Откуда ты знаешь?

— Я же психолог, не забудь. Я все вижу.

Мартин встал, подошел к стене, оперся на нее рукой.

— Что нам делать, Ромни?

Психолог откинулся на спинку дивана.

— Ждать третьего раза. Просто ждать.

Мартин покачал головой.

7.

Она вернулась на следующий день — к вечеру, измотанная и усталая. Она вошла, как клиент, и Мартин, уже собиравшийся уйти из офиса, по привычке хотел сказать «здравствуйте», но онемел и больше ничего не сказал, потому что она подошла и поцеловала его в губы.

— А где... Барри? — промямлил он, отрываясь от нее.

— Барри нет. У него балкон с низкими перилами, ты же знаешь.

— Как?..

— Я не сталкивалась с ним. Он просто слишком чувствителен к алкоголю. Он упал сам.

Мартин чувствовал ложь.

— Ты знаешь, кто его отец? — спросил он.

— Знаю. Отец закажет у вас его полную реконструкцию — и вернет себе сына.

— Нет. Реконструкция возможна только по прошествии не менее чем полувека после смерти реконструируемого. Он придет за тобой, его отец.

— Придет. Поэтому вы должны успеть оба — ты и Ромни. Поллак как-нибудь обойдется.

Она улыбнулась. И Мартин понял, что не может жить без этой улыбки.

— Вызвать Ромни?

— Да.

— Он уже уехал домой.

— Вернется.

Он вызвал психолога. «Еду!» — ответил тот.

Гreta сидела напротив и смотрела на Мартина печально, с едва заметной полуулыбкой, вынужденной, наброшенной на лицо, подобно вуали. В сопроводительных документах несколько раз подчеркивалось: в отличие от искусственной личности полный реконструкт не имеет априорных ограничений. Он может сбежать, может проявить агрессию, у него есть свобода воли, выбора и веры. Но мальчик не захотел это слушать. «Сам почитаю», — бросил он. И ошибся.

Мартин очень хотел поцеловать Грету, но сдерживался. Он понимал, что теперь все будет иначе, что теперь все они под дамокловым мечом, и этот меч рано или поздно сорвется, как ни укрепляй нить.

Когда появился Ромни, они так и сидели — друг напротив друга. Мартин смотрел на Грету, Грета — в пол.

— Что случилось?

— То, что и должно было, — ответила Грета.

— Когда?

— Часа два назад.

— Значит, еще есть время.

У Ромни был вид супершпиона из комиксов. Он что-то тщательно скрывал, и этот факт был написан у него на лице, выдавая его с головой. Не хватало только черного непроницаемого костюма и черных очков.

— Что... — начал было Мартин, но Ромни прервал его:

— Выйдем.

Они вышли из приемной, прошли по коридору в одну из переговорных.

— Мартин, послушай меня. У нас слишком мало времени — я не думал, что получится так быстро.

— Что получится, черт побери?

— Грета номер два — не реконструкт. Она конструкт.

— То есть...

— То есть ее разум спроектирован мной. Она об этом не знает.

— То есть...

— То есть сейчас ты берешь ее за руку, садишься на свой автомобиль и едешь вот по этому адресу. — Ромни сунул в руку Мартина бумажку. — Человек ждет тебя не сегодня, но он будет на месте. Он выведет тебя из зоны слежения, и вы сможете исчезнуть. Деньги тоже получишь от него.

Мартин сделал шаг назад.

— Ромни, это какое-то безумие. Мы не в шпионском боевике — мы в реальности. Так не бывает...

— Так бывает. Ты хочешь остаться с ней навсегда?

— Я... Я...

— Да или нет?

— Да, — внезапно твердо сказал Мартин.

— Это твой единственный шанс. И возьми еще вот это. Прочтешь потом. Только одна поправка: я думал, что она просто сбежит. Просто сбежит.

Он отдал Мартина конверт.

Мужчины вернулись в комнату. Грета сидела на стуле, поджав под себя ноги. Ей очень шли старомодные обтягивающие джинсы с расклешенными штанинами.

— Грета, езжай с Мартином, он тебя проводит.

— А ты?

— Я буду позже.

Она кивнула и чмокнула доктора в щеку. Мартин бросил последний взгляд на Ромни и вышел следом за ней.

8.

«Дорогой Мартин!

Как бы банально это ни звучало, но теперь, когда ты читаешь это письмо, меня уже нет в живых. Как только ты уехал, я принял яд. По крайней мере, я надеюсь, что сумел это сделать, поскольку в противном случае все бессмысленно — они сумеют меня расколоть, потому что я не герой.

Я надеюсь, что успел рассказать тебе о том, что Грета — конструкт. Если не успел, то сообщаю теперь: ее разум создал я. Как ее зовут на самом деле, я не знаю, да и никто, видимо, уже никогда не узнает. Может, и Даун. Имя «Грета» я придумал для достоверности.

И да, первая Грета-Даун тоже была конструктом. По очень простой причине: реконструктов не существует. Нет такой технологии, какая позволя-

ла бы вернуться в прошлое и кого-то там найти, и тем более снять с него ментальный слепок. Сида Вишеса тоже создал я — за полгода, перекопав и загрузив в память конструкционного процессора сотни книг, воспоминаний, фотоснимков, описаний и впечатлений. Никто не усомнился бы в том, что Сид — не настоящий. Прости, но о Даун Кнудсен ничего не было известно — лишь то, что она красиво улыбалась и снималась в порнографии в течение шести лет, с тысяча девятьсот семьдесят четвертого по тысяча девятьсот восемьдесятый. Вся эта мистификация задумана достаточно давно с целью выхода на неконкурентный рынок — и она с блеском удались. Пока другие компании-конструкционисты пытаются разработать технологию личностных слепков с мертвецов, мы просто создаем очень сложные, идеально выверенные конструкты со снятыми ограничениями. По сути, мы делаем людей. Ты не должен знать об этом, поскольку ты — просто менеджер отдела продаж. Это не в твоей компетенции, потому что ты не можешь не верить в то, что говоришь. Ты хорош как продавец, потому что веришь.

Сейчас ты читаешь это письмо, а где-то неподалеку от тебя — самый прекрасный конструкт, который я когда-либо создавал. Самый сложный, самый изящный. Над разумом «полного конструкта» (назовем его так) работает целая команда психологов. В данном случае я использовал личностные данные, разработанные для первой Греты, и сделал на их базе вторую. В одиночку, за четыре месяца напряженной работы. Когда малыш Барри забрал первую Грету, я уже работал над второй, потому что знал, что она понадобится.

Я надеюсь, он никогда вас не найдет. Хотя ис-
кать, конечно, будет, потому что Грета (или Даун)
не отпустит его никогда. Я смотрел на ее фото-
снимки еще до того, как начал работать над пер-
вым конструктом, и уже тогда понимал, что не
могу без нее, что я увидел совершенство, вопло-
щенный идеал. Она стала моим фетищем, моим
навязчивым желанием, моим богом — и я создал
разум, который посчитал подходящим для этого
тела, этой улыбки. Но я отдаю ее тебе — потому
что ты молод и любишь ее значительно сильнее.
И ты сможешь сделать ее счастливой. Представь
себе, что она действительно пришла из тысяча де-
вятьсот семьдесят девятого, что ее воспоминания
не сымитированы реконструкционным процессо-
ром, а на самом деле имели место. Забудь о том,
что она сделана нами.

Помни лишь, что она — человек, и у нее нет ог-
раничителей, присущих обычному конструкту.
Поэтому прошу тебя, милый Мартин, люби ее
больше жизни, но при этом будь очень, очень ос-
торожен.

Твой Ромни».

ЛАЙК

*There are seven pillars of Gothic mould,
In Chillon's dungeons deep and old,
There are seven columns, massy and grey,
Dim with a dull imprison'd ray,
A sunbeam which hath lost its way,
And through the crevice and the cleft...¹*

 любимые строки, казалось, возникали сами по себе. Приходили из чарующего эфира Романтики, из перины облаков, на которой блаженно развалилось ленивое летнее солнце, из шуршания листьев на легком ветру. Любимые строки великого англичанина жили в памяти, но Борис все равно поглядывал на чуть пожелтевшие страницы старой книги. Ему нравилось смотреть на них. Ему нравилось читать их. Он наслаждался.

*And in each pillar there is a ring,
And in each ring there is a chain;
That iron is a cankering thing,
For in these limbs its teeth remain,
With marks that will not wear away,
Till I have done with this new day,
Which now is painful to these eyes,
Which have not seen the sun so rise...*

¹ Здесь и далее: Джордж Байрон «Шильонский узник».

Гудение. Едва уловимое гудение чего-то механического.

Отвратительно.

«Электрический двигатель? Откуда?»

Отвратительно.

Садовники приехали? Нет, вряд ли: московские парки приводят в порядок до десяти утра, после этого садовникам и уборщикам запрещается показываться на глаза благородной публике и уж тем более пользоваться транспортом. Садовников быть не должно, однако гудение, напоминающее жужжание надоедливой мухи, не унималось.

Борис поморщился и попытался отвлечься от назойливого звука с помощью любимых стихов:

*They chain'd us each to a column stone,
And we were three-yet, each alone;
We could not move a single pace,
We could not see each other's face,
But with that pale and livid light
That made us strangers in our sight...*

Теперь гудело совсем рядом. Или жужжало, если продолжать сравнение с мухами. Другими словами: мешало до безумия.

«Где проклятые полицейские?!»

Борис искал уединения, тишины — для этого он вырвался в парк на полдня, отменив две деловые встречи. Взял с собой любимую книгу, развалился на траве, планируя повалиться, почитать, подумать... И что получил? Какую-то чернь под боком? Садовника? Уборщика?! Что за быдло осмелилось нарушить его покой? Раздраженный, он достал из кармана коммуникатор и пометил: «Подать жалобу на полицию. Подключить маминого адвоката по гражданским искам. Согласиться на

мировую: извинения и небольшая компенсация. Сотрудникам, допустившим прокол, — выговор».

Отвратительно!

Проклятое гудение потухло в тот самый миг, когда Борис дописал последнее слово. Умолкло, словно по мановению волшебной палочки, но успело все испортить. В парке вновь воцарилась романтическая тишина, наполненная запахами цветущих трав, но прежнее настроение, увы, возвращаться отказывалось. Что-то неуловимо поменялось в окружающем мире, в его нежной утренней картине: измятая трава, шумящие липы... Точно — исчезла Романтика.

Бабочкой упорхнула, испугавшись непотребного гудения... Или шагов?

«Да что же это делается?!»

Борис, до того валявшийся на траве, сел, повернулся на звук, точнее на шорох шагов и скривился: к облюбованной им рощице неспешно приближался социос.

«Как он здесь оказался?»

Сигналы сети в лесной зоне парка специально «глушили», и это простое в сущности действие полностью гарантировало отсутствие анчоусов: навигаторы, потеряв GPS, отключались, и социосы тут же разворачивались в обратном направлении, торопясь вернуть на экран визора привычные стрелки указателей.

Но этот экземпляр не развернулся.

«Почему?»

Голова приближающегося социоса была повернута направо: то ли высматривал что-то, то ли прислушивался к чему-то...

«Пытается услышать сигнал сети? — хихикнул про себя Борис. Однако уже в следующий миг веселость испарилась, и Бориса пронзила тревожная мысль: — Вдруг он опасен?!»

Мысль явилась не просто так: визор — мобильное устройство связи, встроенное в стильные квадратные очки, — социос держал в руке, нахально демонстрируя Борису свою веснушчатую рожу, а стандартный социос скорее от пива откажется, чем визор снимет. Кстати! Привычной банки пива тоже не наблюдалось!

«Сумасшедший социос!»

Разум требовал вернуться на траву, улечься, постараться остаться незамеченным и вызвать полицию, однако веснушчатый повернул голову и разум с грустью констатировал, что к нему опять никто не прислушался.

Борис вздрогнул.

Социос тоже.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, и этого времени им хватило, чтобы успокоиться. Во всяком случае — Борису.

Социос оказался стандартным: облегающая рыжая футболка с надписью «I like free!» подчеркивает нарастающее пивное пузо; из торчащих рукавов комично торчат тоненькие белые ручки; на ногах мешковатые джинсы и полосатые кеды со звездами; на плече трендовый рюкзак хитового цвета — сиреневый с блестками.

Внешность безобидная, но в первую очередь Борису помогло успокоиться выражение растерянности на простоватом лице социоса. Люди с такими лицами скорее расплачутся, чем укусят.

И первые же слова неожиданного собеседника полностью подтвердили этот вывод.

— Колесо нелайк, — жалобно произнес веснушчатый, ткнув пальцем в сторону дорожки. — Жипса нелайк, общаться нелайк. — Социос плаксиво скривил губы. — Френды непостить, общаться нелайк, жипса...

— Я понял, — торопливо перебил страдальца Борис. Выслушивать краткую, необычайно трагическую, но совершенно понятную историю не имело никакого смысла: придурак вырулил за пределы сети, потерял связь с френдами, а вернуться не успел — поломался сигвей. Спутниками навигаторами и телесвязью массовые «общаться» не оснащали, вся коммуникация только через сеть, потеряв которую социос впал в панику. Вот и вышла нежданная встреча в парке.

«Тыфу, — поправил себя Борис. — Не «общаться», а визор!»

И тут же кольнула неприятная мысль:

«Получается, мне достаточно переброситься с социосом парой фраз, чтобы деградировать до его уровня?»

— Э? — напомнил о себе парнишка.

На экранах его «общаться» грустно бликовали фотографии поврежденного сигвея.

— Я тебя понял, — повторил Борис.

— Э?

«Проклятье! Как же транслитить эту фразу на базовый соинглиш?»

— Агри, — медленно уточнил Борис, мучительно припоминая доступные социосам слова. — Френд.

— Френд? — оживился социос. И тут же с печалью указал на «общаться». — Нелайк.

Добавление в ленту невозможно. Печаль. Трагедия. Веснушчатая рожа переполнилась такой грустью, что Борис едва не расхохотался. Однако через пару секунд печаль социоса сменилась гордостью:

— Шесть кило френд в «симах»!

Он потряс «общаться».

— В где? — растерялся Борис.

— Ероп.

«В «симах»... Ах, да — Symphony. Чертов соц-инглиш!»

ГИПЕР: *Твоя жизнь — твоя Symphony! Качай версию 6.3.3! Еще больше нот! Еще больше Symphony!* Автоскачивание начнется через десять секунд...

— Как тебя зовут? — вырвалось у Бориса.

— Э?

— Наме?

— Э?

«Что я делаю не так?»

Социос привычно смотрел не мигая... Нет, мигая, конечно, но раза в четыре медленнее нормальных людей: привычка, выработанная постоянным глазением в «общаться».

— Ник! — вспомнил Борис рекомендованное социнглишем определение. И повторил, внятно подчеркивая вопросительную интонацию. — Ник?

— Ванек20122012, — бодро отрапортовал социос.

— Креативно, — похвалил Борис.

— Лайк.

— Ты сразу показался умным.

— Э?

— Респект.

— Лайк.

Ванек расплылся в довольной улыбке. В лайковом смайле. В этот момент его веснушчатая рожа показалась особенно противной, однако Борис заставил себя отринуть личное отношение.

— Ю ник? — осведомился Ванек.

— Юмастер01.

— Кул, — в ответе социоса явственно ощущалось почтительное приздыхание. Нормальная, в общем-то, реакция черни, которой посчастливилось встретить образованного человека. — Кул!

— Я знаю.

— Э?

— Лайк.

— Лайк.

ГИПЕР: Симфония сложна, но в ее основе всего семь нот. Будь сложным! Будь кратким!

Раздражение спало, и дурацкий диалог на социнглише стал казаться забавным.

«Я не деградирую до уровня этого дебила. Я развлекаюсь. Что, в конце концов, плохого в том, чтобы пообщаться с социосом? Тетя Маша разговаривает со своей кошкой и уверяет, что IQ животного превосходит IQ многих людей. Правда, тете Маше девяносто три года, а кошку привезли из самого Коннектикута, но это не важно. Важно то, что кошка тети Маши умна».

— Епор, — вернулся к плаксивому тону Ванек. — Ехать. Работать.

И неумело изобразил перед собой вопросительный знак.

«Могу ли я починить твой сигвей?»

Коммуникатор Бориса был подключен к спутнику, «глушилки» ему не мешали и от собеседника можно было избавиться одним звонком, но Борис

почувствовал себя исследователем и увлекся. Когда еще представится возможность пообщаться с настоящим социосом?

А Ванек, в свою очередь, освоился настолько, что обратил внимание на книгу:

— Э?
— Книга.
— Э?
— Читать.
— Чи-тать?

Это определение социнглиш не поддерживал.

ГИПЕР: Автомодератор поможет тебе быть великим! Слова длиннее восьми букв удаляются. Предложения длиннее четырех слов удаляются. Будь великим! Будь лайк!

— Рид.
— Рид? — изумленный Ванек показал на «общаться». — Рид хер.

Да, хер... В смысле, в «общаться» есть рид, но как объяснить социосу разницу между рид в визоре и чтением книги, Борис не знал. Впрочем, Ванек старался сам. Не дождавшись ответа, он неожиданно ткнул пальцем в книгу и победоносно, словно вспомнив нечто важное, выкрикнул:

— Рид!

Возможно, он видел изображение книги на каком-то сайте. А может, и не только изображение. Вероятно, на том же сайте кратко рассказывалось о предназначении книг, потому что взгляд васильковых глазок стал предельно почтительным, и Ванек с придыханием произнес:

— Блогер?

Борис почувствовал себя оплеванным.

ГИПЕР: Еще больше лайк! Еще больше общаться!

«Социосы считают, что блогеры читают книги?»

Но абсурд происходящего вызвал не раздражение, а смех. Злость исчезла, на одно, на одно лишь мимолетное мгновение уступив место легкой грусти: Борис оценил пропасть, что отделяла его от собеседника. А потом исчезла и грусть: к чему жалеть идиотов? Каждый получает то, к чему стремится.

— Блогер?

Борис мягко улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Ероп.

— Не блогер? — растерялся Ванек.

— Френд.

— Лайк.

— Лайк.

Ванек поднял «общаться» и сфотографировал Бориса. Борис снова улыбнулся.

«Как же не вовремя явился креативник!»

За парком Иван следил без малого два месяца. Тщательно составил график появлений креативников, «срисовал» их всех — сфотографировал и разослал свои изображения, вычислил безопасное время: вторник, среда и пятница с девяти до полудня, потратил неделю на окончательную проверку и убедился, что не ошибся. Два месяца в парке проходили встречи, но сегодня в закрытой от всевидящей сети зоне нарисовался внеплановый креативник. Причем, судя по высокомерно задранному носу, креативник не простой, не модератор какой-нибудь или десятник сетевых троллей... Впрочем, тролли — это вчерашний день, сеть защищена до

минусовых отражений, а слухи, что где-то в Эквадоре хостятся нерукопожаты, добраться до которых можно через кривые мадагаскарские зеркала — не более чем слухи. Иван пробовал. Научившись отключать роботов толерантности, он заполучил двадцать минут неподнадзорной сети в сутки, однако все попытки пройти по заученным на память адресам ничего не дали: сайты оказались или заблокированными, или зараженными прилипчивым «указателем совестливости», который едва не сдал его Комиссии сетевой свободы.

Так что нет, не модератор и не десятник троллей. Впрочем, гадать о должности нежданного креативника у Ивана не было ни времени, ни желания. Скоро придет Надежда, и если креативник увидит девушку, то сразу догадается, что «невинный социос» забрел в защищенный от сети уголок отнюдь не случайно. Креативника необходимо гнать отсюда и как можно скорей.

Оставалось решить, как это сделать.

Социос, казалось, задремал. Стоя. С открытыми глазами. Изменения не были особенно заметны: как моргал в четыре раза реже положенного, так и продолжал моргать, однако Борис был достаточно внимателен и заметил, что взгляд васильковых глаз социоса стал еще более придурковатым, словно ему снилась переписка в сети.

«А может, он нарк?»

Ванек молчал, обращаться к нему не хотелось, поэтому встревоженный Борис взялся за коммуникатор и, делая вид, что проверяет наличие сети, подключился к «общаться» собеседника — уро-

вень доступа позволял. Сначала в «личку»: если Ванек попадал в поле зрения полиции, страничка должна быть помечена красным восклицательным знаком... Которого не оказалось.

«Не нарк. Хорошо».

Борис бросил быстрый взгляд на Ванька — тот по-прежнему смотрел в никуда, — и продолжил изучение «лички». И убедился, что парень чист, как только что отформатированная флешка. Возглавляла «общаться», как и положено, мобильная версия Symphony, правда, предыдущая. Кроме того, веснушчатый социос участвовал в семи браузерных играх и частенько наведывался на рекомендованные Толерантным обзором ржунадпоп.рф и ржунадрашка.рф. Сайт Обзора тоже присутствовал, судя по отчету, посещался не реже трех раз в сутки (норма), а вот зарукопожатность.сом Ванек отчего-то не жаловал, заходил два раза в неделю (критический минимум), зато оказался подписчиком новейшего проекта Комиссии свободной совестливости «История рашки от ведущих блогеров».

«Теперь понятно, откуда у него уважение к идиотам».

Участие в исрашвебло.рф подняло личный индекс Ванька на сто семьдесят один пункт, превратив в практически эталонного социоса. Со всеми достоинствами и недостатками.

Ванек, продолжая смотреть в никуда, рыгнул. Борис поморщился. И гримаса, к некоторому его удивлению, «включила» социоса. Веснушчатый покосился на Бориса:

— Нелайк.

— Ероп?

- Перегруз.
- Ероп?
- Надо выход.
- Ероп?
- Плюстопицот.

Ванек взялся за ремень.

«Надеюсь, он не собирается справлять тут нужду!»

Свободу социосы понимали буквально, а некоторые из них настолько сильно путали виртуальность с реалом, что могли навалить инсталляцию даже посреди торгового центра. Что же касается кинотеатров, то их приличные люди давно не упоминали всуе.

- Что ты делаешь?
- Нелайк? — Ванек удивленно посмотрел на Бориса. Вряд ли он понял смысл слов, сориентировался на интонацию. — Френд?
- Френд, — подтвердил Борис.
- Лайк.

Ванек приспустил штаны.

«Дерьмо!»

Пока еще не в буквальном смысле, однако Ванек был настроен решительно.

«Скотина! Животное!»

А вот теперь день был действительно испорчен. Тупая веснушчатая чернь, не имеющая представления об этике и элементарной порядочности, перестала развлекать Бориса. Милый идиотизм «френда» превратился в звериный оскал недоразвитого ублюдка, недочеловека, неспособного ни мысль выразить, ни мысль понять.

«Чернь!»

— Лайк.

Ванек присел на корточки.

— Чернь! — Разъяренный Борис подхватил с земли книгу и бросился к дорожке. — Мерзавец! Гадина! Чернь!!

Надежда, как свойственно женщинам и девушкам, слегка опоздала, но сегодня Ивана это обстоятельство порадовало. Он боялся, что она столкнется с креативником, однако все обошлось: девушка пришла к условленному месту через пятнадцать минут после исчезновения неожиданного «френды». Улыбнулась, увидев Ивана, стянула берет-балахлаву и поинтересовалась:

— Сегодня?

Она еще не до конца справилась с насаждаемой Sym краткостью, а потому часто использовала простейшие конструкции.

«Чем займемся сегодня?»

— Ты прочитала? — спросил Иван.

— Да.

— А мне почитаешь?

Надежда на мгновение нахмурилась — читать вслух у нее пока получалось не очень хорошо, но потом упрямо кивнула и достала из рюкзака потрепанный томик Лермонтова.

*Белеет парус одинокий
В тумане неба голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?*

Строка за строкой, слово за словом. Короткое стихотворение Надежда прочитала медленно, довольно монотонно и даже один раз запнулась, но Иван все равно остался доволен. Она читала вслух. Она слышала то, что говорит.

И потому когда прозвучало финальное:

*А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой, —*

Иван вздохнул и тихо произнес:

— Спасибо.

Девушка улыбнулась и быстро вернула книгу в рюкзак: даже здесь, в свободной от сети зоне, следовало быть осторожными. Комиссия не дремлет.

— Понравилось?

— Лайк.

— Нет, этого недостаточно. — Теперь нахмурился Иван. — Расскажи, как ты услышала стихотворение? Что почувствовала? Что увидела?

— Увидела? — растерялась Надежда.

Сложный вопрос и был темой их сегодняшнего занятия.

— Ты когда-нибудь видела море? Ты видела закат на море?

— Да.

— О чём ты думала в тот момент?

— Тогда?

— Да.

— Я думала: лайк. — Девушка криво улыбнулась. — Именно так.

ГИПЕР: Больше жизни — больше лайк!

— Тот закат никогда не повторится, — медленно произнес Иван. — Будет другой, но не тот же. В другом море или для другой тебя. Тот закат, который ты видела, уже не вернуть. Тот закат — часть твоей жизни, может, маленькая часть, но очень важная, потому что никогда не повторится. Тот закат уникален, а потому вспомни, что ты чувствовала? О чём думала?

— Я все рассказала, — вздохнула Надежда. — Тогда я была такой.

— Тогда придумай мне мысли, что прятались под лайком.

— Придумать?

— Расскажи, о чем бы ты хотела подумать в тот миг? — Иван вскочил на ноги. — Представь себя тогда! — И вновь уселся рядом с Надеждой, взял ее за руку. — Вспомни: море тихое, словно нарисовано под постепенно чернеющим небом. Шум прибоя едва различим, потому что волны не накатывают, а едва доползают до берега... Скажи, какой был пляж?

— Песок. — Девушка улыбнулась. — Белый-белый песок.

— Еще.

— Очень мягкий на ощупь. Словно пыль.

— Еще.

— Я не знаю! — Она почти разозлилась.

— Еще!

Несколько мгновений Надежда яростно смотрела на Ивана. Он подумал — взорвется. Уйдет. Но девушка справилась.

— Он оставался белым даже ночью!

И полукрик прозвучал песней.

— Очень хорошо, — прошептал Иван.

— Небо становилось черным, горизонт еще был красным, а песок оставался белым. — Надежда провела рукой по волосам. — Я видела эту красоту. Я могу рассказать о ней. — Секундная пауза. — И я хотела, чтобы в море появилась большая лодка. Одоловая.

— Старинная, — поправил ее Иван.

— Да, старинная, — согласилась девушка. — С такими...

Неуверенный жест рукой.

— Парусами? — подсказал Иван.

— Цвета заката.

— Какого цвета?

— Красными.

— Может, алыми?

— Это какими?

— Удивительными.

Несколько мгновений Надежда недоуменно смотрела на Ивана, а затем, поняв, кивнула:

— Тогда, да — алыми.

И подавила желание добраться до «общаться» и отыскать в архиве фотографию старинного корабля под парусами удивительного цвета — она представила его во всей красе.

— Лайк, — тихо-тихо сказал Иван, и они улыбнулись дурацкой шутке.

ЗДРАВСТВУЙ, МИР!

«Файрик» закончился у всех одновременно. Я понял это, когда Сейлор вырвала у меня из рук банку, приложилась к ней жадно и тут же взмыла от досады. Повернулась к Марьяше, но та, запрокинув голову, тоже вытряхивала на язык последние капли.

— Вот жопа!

Сейлор размахнулась так, что едва не задела меня по зубам, швырнула банку в стоявшую неподалеку урну. Не попала. Банка стукнулась о край урны, звякнула, отлетела на газон.

— Зачем соришь? — поинтересовалась Марьяша.

— Достало!

Марьяша неодобрительно покачала головой.

— Сорить нехоро...

— А я говорю — достало!

Сейлор зло сжала губы и запустила вторую банку. И опять не попала. Теперь на газоне валялись два «файрика». По мне, так пусть бы и лежали. Даже красиво — черно-алое на ярко-зеленом. Завтра утром джумши все равно уберут.

Но Марьяше такой натюрморт не понравился — подвинутая она на биологии, экологии и прочей фигне. Встала, неторопливо продефилировала

к урне, опустила в нее свою баночку. Затем шагнула на газон, наклонилась. Юбка — то, что Марьяша носит в качестве юбки — вздернулась, демонстрируя округлую, успевшую загореть в солярии попу и сверкающе-белую полоску трусиков. Сейлор хихикнула, а я ощущал, как становится тесно в шириинке.

Марьяша выпрямилась, сделала еще шаг, наклонилась за последней банкой. Хе, оказывается, не одни мы любуемся представлением. Проходивший по аллее дядька, воровато косясь в нашу сторону, ловил попку Марьяши экраном айфона.

— Эй, педак, ты что там вытворяешь? — окликнул я его.

Дядя сунул айфон в карман, заспешил прочь. Успел сделать пару снимков или нет? Догонять, проверять мне было лениво.

Мне, но не Сейлор. Девушку как ветром с лавки сдуло.

— Ах ты, педофиил долбаный! Ты какого хрена на мою подругу зырил?

В три прыжка она догнала не в меру любопытного дядю, ухватила за рубашку. Тот дернулся, пытаясь высвободиться, но Сейлор вцепилась, что репей. Хоть и тощая, как щепка, и росточка среднего, но отчаянная!

Зато дядя струхнул. Ему б сейчас стоять, да оправдываться, втянув голову в плечи. И ничего б ему не было. Айфон разбили бы в крайнем случае — не фоткой, чего не надо!

Дядя поступил иначе:

— Да отцепись ты, мелюзга! — резко обернулся, саданул девчонку пятерней в грудь.

Не саданул, скорее толкнул. Но ей хватило. Рубашка треснула, разрываясь, Сейлор отлетела, шлепнулась задницей на тротуарную плитку.

Как не лениво мне было, но ничего не поделешь — наших бьют! Я вскочил со скамейки... Однако мое вмешательство не потребовалось.

— Йая!

Оглушительный вопль заставил всех, кто был в эту минуту в парке, оглянуться. Марьяша, только что стоявшая возле урны, летела на подмогу. Да, именно летела в громадном прыжке. Хряссы! Дядька не успел увернуться — мускулистая, тренированная нога Марьяши врезала ему по почке. Дядька упал на четвереньки, попытался было подняться, но тут же получил под ребра. А потом Марьяша снова подпрыгнула и саданула его пятками по хребту, впечатывая обидчика подруги в тротуар. Ох, люблю смотреть, как она дерется! В спортзале понаблюдать, как мускулы качает, тоже ничего. Но драка — вообще лучше любого кино.

Сейлор не стала рассиживаться, подскочила, врезала дядьке каблуком в рожу, так что кровянка брызнула. И понеслось! Девчонки молотили упавшего с двух сторон, и неизвестно, от кого ему больше доставалось. Конечно, у Марьяши ноги сильнее, зато обуты в мягкие кроссовки, а у Сейлор — берцы с железными набойками на каблуках.

Людей в парке было немного, и едва первое вмешательство, вызванное криком Марьяши, прошло, все дружно вспомнили о неотложных делах и заспешили кто куда, лишь бы подальше от нашей скамейки. Впрочем, нет, не все. Трое осторожно подкрадывались, держа перед собой айфоны. Зна-

чит, уже к вечеру драчку в инет сольют, как без этого? Я б и сам поснимал, да лениво...

Над головой застремотало. Оперативно работают. Интересно, вызвал кто из зевак или сами за-секли? На газон, приминая траву, опустился синий, лупоглазый, похожий на стрекозу винтач с белой надписью «POLICE» на фюзеляже.

— Эй, малолетки, кончай развлекаться! — гаркнули в мегафон.

Ясное дело, девчонки и ухом не повели, продолжали методично пинать дядьку. Тот больше не пытался подняться, только голову руками прикрывал.

Два полицая в полной экипировке — даже забрала опущены — выпрыгнули из «стрекозы», не торопливо подошли.

— Ну и что это такое? — полюбопытствовал один.

— Он мою подругу ударил! — тут же отзвалась Марьяша.

— Педофила долбаный! — поддержала Сейлор.

Полицай неуверенно положил руку на пристегнутую к поясу дубинку. Убрал. Была б между взрослыми пацанами потасовка, он бы отвел душу. Но на детей кто руку поднимет, да еще при свидетелях?

— Ладно, девчонки, хватит, — предложил он примирительно, — а то забьете до смерти, не ровен час. И кто отвечать будет?

— Ты, морда синяя, и ответиши! — пообещала Сейлор. — За то, что педаки у тебя по улицам ходят!

Полицейский вновь положил руку на дубинку.

— Что, так и будете стоять, пока мужика не убьют? — не выдержал один «снимальщик». — Вы девок хоть в сторону оттащите!

— Умный, да? А сам меня после в инет сольешь? Дураков нет, мне на пенсию еще долго зарабатывать.

Второй полицай повернул забрало в мою сторону:

— Твои подруги? Останови их, а? Достаточно ему уже вломили.

Я пожал плечами. Вмешиваться в драку было лениво. Но дядьке и в самом деле достаточно — под головой у него расплывалась лужа крови.

— Сейлор, хватит! Марьяша!

Марьяша оглянулась на меня, опустила занесенную ногу. Но Сейлор пришлось брать за плечи и оттягивать в сторону. Берцы ее были заляпаны кровью.

— Пусти! — Она даже брыкнуться попыталась.

— Забирайте его, что ли? — посоветовал я полицаям.

Ребята подхватили тело, потащили к вертолету.

— У него там айфон с «веселыми картинками», поглядите! — крикнул я им вдогонку. На всякий случай. Чтоб дядька, когда очухается, не вздумал жалобу на девчонок писать. Обвинение в педофилии — это вам не шуточки. Конвенция о правах детей, ля-ля, фа-фа — кастрируют, ойкнуть не успеет. Так что ему же лучше спустить дело на тормозах.

Полицейские исчезли в брюхе «стрекозы», она тут же залопотала пропеллером, разгоняя пыль и зевак с айфонами, оттолкнулась от лужайки. Минута — и нет никого.

— Гад! — Сейлор плюхнулась на скамейку. — Жалко, «синие» помешали, не успела набуцать ему как следует.

— Ни фига себе, «не успела»! — Я присвистнул. — Да он на кровянку весь изошел. Ты чего сегодня злая такая?

— Я же говорю — жопа полная! Осталось колес наглотаться да с крыши вниз башкой!

Марьяша примостилась рядом с подругой, обняла, прижала к туго обтянутой майкой груди. Я позавидовал на миг. Ничего, вечером и мне перепадет.

— А все-таки, — я тоже присел, тронул Сейлор за плечо, — что случилось? Колись давай.

— Кураторша пообещала вчера, что хорошей характеристики Светке не видать как своих ушей.

— Сука... Педофишка долбаная!

— Подумаешь, характеристика...

— Тебе, может, и «подумаешь»! — взвилась девушка. — А мне с ней куда? В джумши идти, тротуары мыть? Винтачи всяkim приуркам заправлять? Уж лучше с крыши...

Возразить было нечего. Это нам с Марьяшой родители теплые mestечки прикупят. Сейлор своей мамашке и даром не нужна. Та ей даже карманых денег сверх установленного законом минимума не отстегивает. А папашки у нее так и вовсе каждые два месяца меняются. Значит, придется самой то ли в университет устраиваться, то ли работу искать. Вдобавок и внешности Сейлор неказистой. Невезучая, что тут скажешь! Подруг в классе — одна Марьяша, парни... Не знаю, что она со своей девственностью сделала, но подозреваю, парней — настоящих, а не силиконовых — у нее не было, пока Марьяша нас не познакомила.

— Я всю ночь ролики на «Рутюбе» смотрела, — продолжала Сейлор уже не зло, а как-то безнадеж-

но. — А че, прикольно. Главное, залезть повыше. Летиши, летиши, а потом хрясь о бетон! И мозги в разные стороны.

— Перестань. Юсси что-нибудь придумает. — Марьяша нежно погладила ее по коротким сиренево-синим волосам. Посмотрела на меня: — Правда?

Я неопределенно дернул плечом. Что тут придумаешь? Предположил:

— Может, не напишет? Пугает только.

— Напишет, напишет, — отмела предположение Марьяша. — Эта тварь если сказала, то сделает.

— А если поговорить с ней, попросить?

— Юсси, ты придурак или как?! — опять взвизгнула Сейлор. — Как я с ней поговорю, если я ее в глаза не видела?

Я прикусил язык. В самом деле, глупость сморозил. Никто ведь не знает школьных кураторов. Даже родители.

— Юсси, — вновь заговорила Марьяша, — а ты еще тусуешься с Каспером?

— Ну? — не понял я. К чему этот поворот в разговоре?

— А ты его попроси. Пусть нашу кураторшу по базам пробьет. Он ведь сможет?

И тут до меня дошло! Каспер — самый крутой хакер из тех, кого я знаю. Честно говоря — единственный хакер, кого я знаю. Выяснить личность человека, работающего куратором в школе у девчонок, он, конечно, сможет. Но...

Я нахмурился.

— Это же уголовщина. Знаете, что Каспер за такое потребует? И не дешевку какую, а чтоб понастоящему. Причем эксклюзив.

Сейлор улыбнулась, села прямо.

— Эксклюзив я ему добуду, не сомневайся!

Я хотел было спросить, где именно добудет. Но глянул в бледные, похожие на ледяные шарики глаза Сейлор и передумал.

Прошлой осенью понадобилось мне посмотреть фильм по программе курса истории психологии. Фильм был так себе, скучотища. Интересного в нем всего и оказалось, что школу показывали, какой она была лет сто назад. Вроде и времени не так много прошло с тех пор — это ж мои прадеды в такой учились, — а выглядит, будто каменный век, джунгли первобытные. Детворы в классах — как сардин в банке, одеты по-чмошному, столов на всех не хватает, сидят по двое. На стенах вместо проекционных голоэкранов — картонки размалеванные, доска чуть ли не деревянная. И вместо айпадов у ребятни на столах макулатура лежит, талмуды бумажные. И не по одному, по целой сумке такой макулатуры тягать приходилось на собственном горбу.

Но это еще не самая жесть. Там в каждом классе собственный живой учитель сидел — вот что меня больше всего поразило. Это где ж их столько набирали?

Сейчас не так. Классы просторные, светлые, в каждом не больше десяти учеников. Уроки транслируются на голопроекторы, задания — прямо на айпады. И уроки, и задания унифицированные, единые на всю страну, разработанные специальными институтами согласно закону о доступности и социальной справедливости образования, отве-

чающие всем требованиям занимательности, познавательности и этой, как там ее... развивательности, что ли? У малышей в классах воспитатели из ювенальной полиции дежурят с электрошокерами на изготововку, чтобы не мешали те друг другу развиваться и познаваться. К старшим взрослым не суются без надобности — нечего провоцировать немотивированную подростковую жестокость, травмировать неокрепшую психику. И это правильно. Что старшеклассники натворить могут? Подраться? Так это лучше делать после уроков, на специально отведенной для этого «территории, свободной от взрослых». Аппаратуру побить? Какой придурок подобное делать станет, если везде камеры натыканы? С твоих же карманнных денег и вычтут. И будешь потом не «файрики» и не травку, а палец сосать. И это еще хорошо, если палец...

Учителя в школах остались, куда ж без них? Только они не учат, они контролируют процесс. За каждым классом закреплен куратор, обязанность которого следить, как ученики выполняют задания, как ведут себя на уроках и наверняка многое еще за чем. Куратор рекомендует перевести в другой класс, в другую школу, повысить или понизить доступный уровень. А в одиннадцатом классе куратор пишет на каждого итоговую характеристику, «путевку в жизнь», как говорит мой папашка. Разумеется, главная задача выпускника — получить высокий балл на Едином Государственном Экзамене. Но баллы баллами, а характеристика характеристикой.

Ни в лицо, ни по фамилиям кураторов не знает никто — согласно тому же самому закону о дос-

тупности и справедливости. И это правильно. К примеру, у кого-то отец — большой босс, а сыну куратор дурную характеристику писать вздумал. Папашка попросит такого не делать, куратор не посмеет отказать — и где тогда социальная справедливость окажется? А так — просить некого. «Образовательный процесс должен быть максимально объективен, а потому обезличен. Уровень знаний и социальной адаптации учащегося оценивает система образования в целом, а не конкретный ее представитель...»

Именно эту статью закона мы собирались нарушить.

Против ожидания, с Каспером я договорился легко. Он не пытался уточнять, где я достану обещанную плату — не первый год тусуемся, знает, что я слово держу. К вечеру следующего дня у нас на руках были необходимые данные. Людмила Кудряшова (Олеговна), 57 лет, в сожительстве не состоит, детей нет. С голограммой на нас смотрела унылая тетка, чем-то похожая на персонажей учебного фильма. Все складывалось удачней, чем мы смели надеяться. Не нужно искать место для встречи, устраивать засады. Заявимся к кураторшу домой — никто не помешает потолковать по душам.

Еще день ушел на приготовления и слежку за «объектом» — благо «Комплект грабителя-налетчика» на Амазоне можно купить за копейки, а видеокурс «Гоп-стоп. Быстрое вхождение в профессию» вообще на халяву из инета скачать. Кураторшу мы подкараулили у подъезда. Стояли порознь —

трое подростков сразу в глаза бросаются, а на одного никто внимания не обратит. А едва женщина к двери подошла, магнитный ключ вынула из сумочки — и мы тут как тут. На руках перчатки, чтоб «пальчиков» в квартире не оставить, маски на ходу натянули. Марьяша как всегда первая успела, придержала дверь. Кураторша оглянулась, почуяв неладное, а поздно! Мы уже в подъезде.

— Что вы...

И не успела договорить — Сейлор выхватила нож, щелкнула, выпуская лезвие, приставила к горлу. Здорово получилось, как в кино.

— Не трепыхайся, если жить хочешь! Веди к себе.

Лицо у кураторши побелело враз. И стриженные под ежик волосы вздыбились. Куда там трепыхаться! Я уж опасаться начал, не обмочилась ли она со страху. Покорно провела нас в лифт, поднялась на свой этаж. Дверь квартиры открыть не смогла, руки так тряслись, что связка с ключами на пол звякнула. Пришлось мне.

В квартире она немного ожила.

— У меня нет ничего ценного... — заблеяла.

Сейлор тут же заставила ее умолкнуть — с размаху пятерней по роже. Хорошо, что не кулаком. Женщина ойкнула, шлепнулась задницей на линолеум. Марьяша тут же ухватила ее за шиворот, поволокла в комнату. Сильная, сквозь водолазку видно, как бицепсы играют.

В комнате девушки водрузили кураторшу на стул, зафиксировали приготовленной для этого случая веревкой. На перемазанный алой помадой рот налепили пластырь, чтоб не вякала. Мне и делать ничего не требовалось, лишь стоять и любо-

ваться. И сожалеть, что не додумался представление на айфон запечатлеть.

Покончив с кураторшой, Сейлор отправилась изучать квартиру. Заглянула в спальню, в ванную, прошла на кухню. И тут же оттуда раздался радостный вопль. Девушка влетела в комнату с чернобелым котяром в руке. Глаза у кота были такие же огромные и перепуганные, как у его хозяйки.

Сейлор снова щелкнула ножиком, поднесла острие к котячьему пузу...

— Стой! — Марьяша рванулась к ней. — Котэ не тронь!

Сейлор растерялась, не зная, что делать. Ка-жется, придуманный ею план рушился.

— Котэ не тронь, я сказала!

В голосе Марьяши звенел такой металл, что боязно делалась — одно неверное движение, и порежешься.

— Не больно-то и хотелось! — Сейлор отшвырнула кота в сторону.

Котяра присел на все четыре и тут же шмыгнул под шкаф. А мы остались стоять, таращась друг на друга.

С минуту в комнате висела тишина. Потом Сейлор махнула рукой на дверь в спальню:

— Пошли туда!

Едва зашли, зашептала ожесточенно:

— И что теперь делать? Как ее запугать, если кота не трогать? Ее же запугать нужно сначала, чтоб не артачилась!

— По-моему, она и так чуть не обделалась, — неуверенно ввернул я.

— Да, ты не знаешь, какая она упертая! Просто так ни почем не согласится... — Сейлор вздохнула.

И предложила: — Тогда резануть ее немножко?
Может, она крови боится?

Идея мне не понравилась. Но чтобы возражать, требовалось придумать что-нибудь взамен. И тут меня осенило:

— Книги! У нее там полный шкаф бумажного хлама!

— И что?

Девчонки не поняли. Ох и тормозят они иногда. Ничего не поделаешь — гендерные особенности строения мозга, так, что ли, это называется? Пришлось разжевывать:

— Какой нормальный человек будет держать у себя в квартире бумажные книги? Да еще столько! Она их коллекционирует, это же ясно! А если коллекционирует, значит, дорогие.

— Юсси, ты такой умный! — восхитилась Марьяша.

А Сейлор и говорить ничего не стала. Метнулась в комнату, распахнула стеклянную дверцу шкафа, сдернула на пол целую полку, схватила первую попавшуюся книженцию — хрясь пополам! Тут и мы подоспели. Хрясь, хрясь, хрясь — две минуты, и пол под ногами был устлан макулатурой. Кураторша мычала, дергалась, чуть стул не переворачивала. Проняло, правильно я сообразил.

— Ладно, хватит пока, — подняла руку Сейлор. И повернулась к кураторше: — А теперь слушайте внимательно. Мы не грабители, мы пришли не за вашими цацками и деньгами.

Она сделала эффектную паузу, как в кино. Кураторша внимала каждому ее слову.

— Мы пришли попросить, чтобы вы написали характеристику одной девочке, выпускнице. Хорошую характеристику. Это ведь не трудно, правда?

Кураторша помедлила. Кивнула неуверенно.

— Вот и замечательно. Пишите.

Марьяша схватила лежавший на столе айпад, бросила его на колени женщины, освободила ей руки по локоть.

— Пишите, — продолжала командовать Сейлор. — Характеристика на Светлану Мастайкину Натальевну.

Коснувшись было сенсор-экрана пальцы кураторши замерли. Сейлор нахмурился:

— Что-то не так?

Протянула руку к шкафу, и на пол посыпались книги со второй полки. Кураторша быстро-быстро затрясла головой и принялась печатать.

Через пять минут характеристика была готова. Отличная характеристика, от такой и я бы в свое время не отказался.

Едва письмо ушло на сервер гороно, Сейлор отобрала айпад, уселась на груду недорванных книг — ожидать подтверждения. Сколько придется ждать, не знал никто из нас. Я подошел к шкафу, начал читать надписи на корешках. Марьяша наведалась на кухню, принесла пачку молока для себя и минералку для нас.

Однако подтверждение пришло неожиданно быстро.

— Есть! — радостно подскочила Сейлор, так что кот, попытавшийся было выползти из-под шкафа, мигом задвинулся обратно,

— Готово? — уточнил я. — Можем уходить?

Девчонки уставились на меня, как будто впервые увидели.

— Юсси, ты чего тушишь? — наконец произнесла Марьяша. — Она аннулирует характеристику, как только ее развязнут.

— А как же?..

Я растерялся. И ведь в самом деле аннулирует! Как это мне раньше в голову не пришло? Казалось, такой хороший план. А на поверку...

— Доставай айфон, — распорядилась Сейлор.

— Зачем?

— Кино будешь снимать для Каспера. Ты ж ему обещал эксклюзив.

В третий раз щелкнула ножом и медленно пошла к кураторше. Та замерла. Не то что мычать и трепыхаться, но и дышать не решалась.

Но это ее не спасло. Сейлор схватила за отвороты блузы, рванула их в стороны, обнажив бледный впалый живот женщины, дряблую грудь в бежевом бюстгальтере. Поводила ножичком, словно примеряясь... И резко всадила его чуть выше пупка.

Снаффом в наше время никого не удивишь. Я столько его переглядел, всякого-разного! Но самому снимать не приходилось ни разу. И видеть вживую, как убивают человека, не приходилось.

Сейлор била четко и коротко, не замахиваясь. Просто колола — в живот, в грудь, в шею. Но острый клинок входил глубоко, почти по самую рукоять. Снова, и снова, и снова. Долго. Бесконечно долго. Сначала кураторша мычала и дергалась, мотала головой, рыдала. Потом только вздрагивала и постанывала. Потом замолкла, грузно обвисла на веревках. Кровь стекала ручейками по коже, очень скоро переставшей быть белой, по юбке, по колго-

там, собиралась в большую блестящую лужу под стулом, цеплялась за подошвы берцев, рубчатыми следами мазала линолеум в комнате. А самое отвратительное — человек воняет, когда его убивают. И не только кровью. Все же снимать оказалось легче, чем просто наблюдать. Сосредотачиваешься на ракурсе, на экспозиции и будто отстраняешься от происходящего. Если бы не это, блеванул бы наверное.

Пока Сейлор занималась убийством, Марьяша переворачивала квартиру вверх дном. Создавала видимость ограбления, чтобы пустить следствие по ложному следу. И лишь когда мне начало казаться, что рука с айфоном отваливается, вернулась.

— Хватит, уходим. Я у нее серьги с какими-то камешками нашла, цепку золотую и карту Сбербанка — поверят. По дороге выброшу.

— Дай карту, — попросила Сейлор. — Деньги сниму.

— Нет, рискованно. Спалишься.

Марьяша отобрала у подруги нож, деловито перерезала кураторше горло. И пластырь со рта отлепить не забыла — какой идиот пленника пытать станет, предварительно заткнув ему рот? А я окончательно понял — подруги все спланировали заранее, чтобы хорошую характеристику для Сейлор добыть. Меня в подробности плана посвящать не захотели, потому что боялись — откажусь. А снимим им на Каспера не выйти.

Тихо уйти у нас не получилось. Едва Марьяша приоткрыла дверь квартиры, как котяра с отчаянным мявом рванул из-под шкафа. Сейлор взвизгнула от неожиданности, отпрянула в сторону, са-

данула меня локтем под дых, вдобавок на пальцы наступила. Тут уж и я подпрыгнул и согнулся от боли одновременно, налетел на шкафчик с обувью, все это загрохотало, посыпалось на пол (включая Сейлор). А злопакостный котяра шмыгнулся в приоткрытую дверь, только его и видели.

— У-у, тварь! — прошипела Сейлор, приподнимаясь и потирая ушибленную об угол перевернутого шкафчика задницу. — Порву заразу, если поймаю!

— Это я тебя порву, если котэ тронешь, — пообещала Марьяша. И тут же обняла подружку, помогая встать, чмокнула в губы: — Ну, не дуйся! Марьяша Сейлор — лавки!

Сразу от дома кураторши я поспешил к Касперу. Хакер ждать не любит. Да и стремно такой снафф в собственном айфоне таскать. Перед глазами еще маячило подергивающееся, окровавленное тело старухи — и пока в подземке ехал, и пока шел через бульвар к знакомой тридцатистяжке. И лишь когда руку к кнопке домофона протянул, в голове стрельнуло — что-то не так!

Я замер, пытаясь понять, что не так. И сообразил. Ощутил, вернее, — айфона нет в заднем кармане джинсов!

Я быстро облапал себя. Так и есть — айфон исчез. Банковские чипкарты на месте, пакетик с дурью, две связки ключей — моя и кураторши, я ее машинально в карман сунул, когда дверь отмыкал, — только айфона нет. Вывалился где-то по дороге, а я так замечтался, что и не заметил. Айфона не жалко, старье. Я его все равно поменять соби-

рался, просто ждал, когда выбранная модель на Амазоне появится. Снафф пропал, вот беда. Что я теперь Касперу принесу?

Оставалась крохотная надежда, что обронил я его неподалеку от тридцатиэтажки, на бульваре. Людей здесь мало ходит, могли не успеть подобрать. Да и кому он нужен? Айфон даже за копейки не продашь, сразу по имени-коду засекут. Разве что любитель тырить чужое видео полюбопытствует.

На миг кольнуло беспокойство — если ролик попадет в инет, не узнают ли нас? Нет, не узнают, масок мы не снимали, друг друга по именам не называли. Меня вообще в кадре нет. С той стороны опасности не предвидится. Опасность здесь, за дверью. Может, Каспер смотрит сейчас на меня и думает, чего это я у подъезда мнусь?

Я развернулся и поспешил обратно той же дорогой. Под ноги смотрел внимательно и одновременно прикидывал, где айфон мог выронить. И чем дальше шел, тем больше убеждался — нигде. Не садился, не наклонялся, не опирался ни обо что, не толкался ни с кем.

Когда до входа в подземку добрался, уверился окончательно — айфон из кармана в квартире кураторши выпал, когда я об шкафчик саданулся. Больше — негде. Так и валяется на полу. И как же мне повезло, что ключи в кармане оказались! Вернусь туда, заберу, и все будет в полном ажуре. А девчонкам и рассказывать не стану, а то засмеют.

...Я не успел. Понял это, едва свернул во двор дома, где жила куратор. На площадке для спецтранспорта стояли два вертолета. Белый с красными крестами на фюзеляже и синий, полицейский.

Конечно, это могло быть совпадением — во двор выходили подъезды четырех двенадцатиэтажек. Но в совпадение мне почему-то верилось плохо. Я постоял немного, развернулся и пошел прочь. Упрашивая судьбу, чтоб айфон потерялся где-нибудь в подземке, и черт с ним, со снаффом. Потому что иначе...

Это в комедиях полиция всегда смешная и туповатая. Меня вычислили на следующий же день. Пришел с университета, а дома гости. Прилизанный розовощекий хлыщ — следователь из городской прокуратуры — и с ним двое громил из оперативного отдела.

— Юрий, добрый вечер! — Следователь вскочил мне навстречу, радостно улыбаясь. Чуть ли не обниматься кинулся. Зато родители выглядели растерянными. И это мягко сказано. — А мы тебя обрадовать пришли. Айфон, который ты вчера потерял, нашелся.

Мой айфон и в самом деле лежал на столе перед родителями. И бесполезно было запираться, врать, что, мол, не мой, просто похож. Наверняка проверили и перепроверили.

— Ты такое видео интересное снял, — продолжал следователь, не оставляя мне времени ответить на приветствие. — Настоящий снафф! Мы всей группой посмотрели с удовольствием.

— Позвольте, позвольте! — наконец подал голос отец. — В чем, собственно, вы обвиняете моего сына? В том, что он заснял какую-то драку? А как же свобода распространения информации?

— Не драку, — следователь покачал головой, — а убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору с особой жестокостью и цинизмом. Статья 105-2 пункты «д», «ж», «з», а возможно и «к», «л».

— И кого... — Мама не решилась произнести слово «убили».

Но следователь ее вопрос понял прекрасно:

— Людмила Кудряшова Олеговна, пятьдесят семь лет, куратор двадцать четвертого городского лицея. Вчера была убита в собственной квартире. На месте преступления найден айфон вашего сына.

— Так это старуха! — облегченно выдохнула мама.

— Кураторша, — поддержал ее тон отец. — Сама виновата, что подставилась. Помню, и я когда в школе учился, мечтал куратору бошку разбить.

Они как-то сразу смирились, что их сын во всем этом участвовал. Я энергично затряс головой:

— Это не я там был! Я потерял айфон, и кто-то...

Следователь с готовностью закивал. Он ждал этих моих слов:

— Разумеется, разумеется! Проведем экспертизу голоса за кадром, сравним твои биофизические параметры с тем, что зафиксировали камеры наблюдения на лестничной площадке. Следствие разберется, собирайся.

— К...куда? — слова застряли у меня в горле. И ноги сделались ватными, непослушными. И в животе неприятно похолодело.

— Вы хотите его забрать в тюрьму?! — Тут и мама вскочила. — За что? Он ведь только снимал, правда?

— А можно как-то решить с домашним арестом? — подался к следователю отец. — Или с подпиской о невыезде?

Следователь улыбнулся шире, чем прежде.

— Практика показывает, что организатор любительского снаффа как раз и ведет видеосъемку. Но вы правы, решить можно. Если ваш сын согласится сотрудничать со следствием. И для начала назовет имена исполнителей. Исполнительниц.

— Так это девки какие-то устроили? — Отец повернулся ко мне: — Сынок, скажи, кто они. Ты же не виноват!

Я отрицательно покачал головой.

— Жаль. — Следователя мой отказ не смущил. — Тогда советую искать хорошего адвоката. Если окажется, что ваш сын единственный совершенолетний в банде...

— В банде?! — Мама зажала рот руками и села обратно на стул. Ноги, видно, не держали. А у отца лицо пошло красными пятнами.

— Юрий, ты хоть знаешь, сколько хороший адвокат по умышленным убийствам стоит? Эх, думал тебе «Опель» к сентябрю купить, а ты ради каких-то бандитов...

Рукой махнул, отвернулся. И мне вдруг так обидно стало. «Опель», тот самый, что мы по каталогу смотрели. Красно-оранжевый, трехместный, с двумя пропеллерами. Подумать только, у меня будет собственный винтаж! Не будет теперь...

— Умышленное с отягчающими, — добавил масла в огонь следователь. — Так что на ближайшие лет пять вертолет ему не понадобится.

Пять лет?! За какую-то старуху? К обиде добавилась злость. Девки меня попросту подставили, а я их выгораживать должен? С какой радости, если разобраться? Сейлор все равно хотела с крыши прыгать, может, и прыгнет, она ж психованная! Так не одинаково, в тюрьме или на свободе она себе жизнь укоротит?

Я опустил глаза, промямлил:

— Сейлор... то есть, Светлана Мастайкина.

Следователь быстро повернулся ко мне:

— Как? Мастайкина? Ученица лицея, верно?

— Да.

— Молодец, хорошо. А вторая?

Выдавать Марьяшу не хотелось. Лучше, чем она, у меня девчонок не было... Не было, так будут, если в тюрьму не сяду! И вообще, пусть ее папашка отмазывает!

— Мириам Аль-Баради, — еле слышно выдавил из себя.

У отца брови полезли вверх, и опера удивленно переглянулись. А следователь захихикал нервно.

— Дочь вице-мэра?! Очень хорошо! Думаю, вопрос с подпиской о невыезде мы решим незамедлительно.

В наше время судебная машина работает быстро. Недели не прошло, как меня вызвали на оглашение приговора.

Нас провели в небольшую, почти пустую комнату. По одну сторону — информационная панель

во всю стену, по другую — дюжина кресел. Я пристосился на крайнее, мама и отец — рядом. Больше никого в комнате не было — меня ведь не брали под стражу, и адвоката нанимать не пришлось. Где-то рядом, возможно прямо за стеной, в таких же комнатах сидели Сейлор и Марьяша. Хоть я и убедил себя, что девки сами глупость затеяли, значит, сами и виноваты, что попались, но смотреть в глаза бывшим подругам не хотелось. Следователь пообещал, что и не придется. По крайней мере, ближайшие лет семь.

— Встать, суд идет! — рявкнуло из динамиков.

Родители поспешили вскочили. Разумеется, никакой судья в комнату входить не собирался, — дань традициям. Я тоже нехотя поднялся.

Проиграла бравурная мелодия, стихла. На экране вспыхнула надпись: «Суд приступил к ознакомлению с доводами сторон». Мы вновь сели.

— Не волнуйся, все обойдется. — Мама сжала мне руку. — Следователь обещал.

Я кивнул. Но все равно было как-то муторно. Поскорее бы все закончилось, что ли!

Время тянулось, как резиновое. Где-то там судебная машина изучала предоставленную прокурором и адвокатами информацию, выискивала по базам данных прецеденты, обзванивала присяжных согласно случайно-репрезентативной выборке. Нам оставалось лишь ждать и надеяться. Абсолютно объективная система правосудия, недостижимый идеал для тех времен, когда окончательное решение принимал живой человек, на которого могла повлиять любая непредвиденная случайность — например, чрезмерное скопление газа в кишечнике.

Наконец надпись на экране сменилась: «Приготовиться к оглашению приговора». Мама сразу напряглась, выпрямила спину. Я сглотнул неожиданно подкативший к горлу комок.

«Учитывая активное способствование раскрытию преступления суд приговаривает подсудимого Юрия Акселя (Богдан-Потаповича) к исправительным общественно-полезным работам сроком на три месяца».

— Ура! — Мама вскочила, кинулась мне на шею. Потом они начали обниматься с отцом: — Слава богу, обошлось!

— Еще бы! Следователь врать не станет. — Отец тоже был доволен.

И я улыбнулся. Три месяца мыть общественные сортиры, как последний джумш, — это, конечно, не подарок. Пропало лето, считай. Но ведь не тюрьма! И сколько его, того лета? Зато в сентябре у меня будет собственный винтач. Красно-оранжевый, верткий и быстрый, с широким задним сиденьем, на которое так удобно...

«Местом отбывания наказания назначить, — вспыхнула новая надпись, — летний оздоровительный лагерь для младших школьников. В должности помощника воспитателя. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит».

Улыбка замерзла на моих губах. И весь я будто окоченел от ужаса.

— За что?!!!

ТОТАЛЬНАЯ РАСПРОДАЖА

Сухая желтая трава шелестела на обочине шоссе, а дальше вставали сосны, чернел между ними кустарник, и прозрачно синело над дорогой холодное осеннее небо.

Реалист зябко передернул плечами и закурил. Поднял воротник короткого полупальто, нервно с подыванием зевнул, зажимая сигарету в уголке рта, снова передернул плечами.

Стоял у борта грязно-белого фургона, в котором гудела и пощелкивала аппаратура, и смотрел вниз, на город.

Солнце уже поднималось, но городок еще спал. Странно. Реалист думал, что начаться должно раньше. Но пока все было тихо, на улицах пустота, легкий ветерок треплет какую-то тряпку, бьющуюся в оконном проеме заводского корпуса. Корпус был страшноватенький — давно заброшенный, заросший все той же ломкой травой и полный черной сырой темноты. Реалисту он не нравился, но на картинке в реал-ньюсе смотрелся замечательно и легко монтировался с нужной несущей информацией.

Хлопнула задняя дверь фургона, потягиваясь, вылез в осеннее утро Африканец.

Как всегда — мертвенно-бледный, со спадающими на глаза грязными дредами, тощий, но с выпирающим вперед брюшком, на котором топорщились полы облегающей цветастой рубахи.

Очки с выведенной на них картинкой, к нижней губе прилепилась сигарета без фильтра, в руке — банка наркоэнергетика. Все вместе бесило Реалиста неимоверно, но Африканец был лучшим монтажером реал-ньюсов, работающим на сером и черном рынках. Поговаривали, что он монтировал реалы для любителей молоденьких мальчиков и расчлененки... и заказчики остались довольны. Для Реалиста это было отличной оценкой професионализма монтажера — порнобизнес всегда был на переднем крае работы с потребителями, их методы изучали все настоящие маркетологи и создали реал-ньюсов. Правда, признаваться в этом прилюдно для сотрудников серьезных агентств было моветоном. Но Африканец обитал в том слое придонного ила, где профессиональная репутация базировалась только на количестве грамотно реализованных заказов, а кто заказчик — никого не интересовало. Главное — сколько заплатили.

Африканец глубоко затянулся, откашлялся и, поставив оранжево-черную банку на порожек фургона, принял с наслаждением отливать.

— Что-то тихо, пора бы уж им зашевелиться, — мотнул он головой в сторону города, поливая упругой, поблескивающей в лучах осеннего солнца, струей обочину.

И тут же снизу послышался визг тормозов, глухой удар и надрывный женский вопль.

— О, началось. — Африканец бросился к фургону. Он смешно подпрыгивал и дергался, пытаясь

застегнуть заевшую молнию. Банку энергетика он забыл, и Реалист зашвырнул ее в траву.

Все шло точно по графику. Как он и рассчитывал, уложились за неделю.

— У нас возникли определенные трудности с реализацией некоторых видов продукции, что привело к затовариванию складов компании. Мы считаем, что повышение маркетинговой активности и акции, рассчитанные на привлечение локальных потребителей, могут... — Дева щебетала и журчала. Откинувшись на стуле, Реалист наблюдал, как подрагивают большие, на грани вульгарности, но не переступающие ее, груди маркетологии в вырезе блузки, и гадал, имеет ли ее шеф или нет.

Шеф сидел рядом, активно потел и, сопя, поглощал жюльен.

— Вам нужна тотальная распродажа, так? — прервал Реалист девицу, и та, замолчав, захлопала глазками. Так... нет заготовленной реплики в ответ на простую фразу. Значит — точно, шеф употребляет. И активно, иначе непонятно, зачем он ее держит.

— Распродать надо все? К ликвидации готовитесь? — Теперь Реалист обращался только к шефу, массивному, с толстой шеей бывшего борца и основательным брюхом, вылезающим из разъезжающейся рубахи.

— Ага. Ваше по нулям. — Потенциальный заказчик проглотил жюльен, запил пивом.

И шмыгнул носом.

— Городишко снульный, народ вечерами в медиа-нет залипает, днем кто по конторам — колл-цен-

тры там пара фирмешек держит, онлайн-консультантами кто батрачит, кто еще какую сетевку мелкую лабает, некоторые в реале как-то копаются. Городок, похоже, тухнет, на складах мыши вот с такими брюхами ходят, — и он показал на свое брюхо, — короче, хотим с парнями там все свернуть по-быстрому, надо потребил пошевелить там, то да се.

— Бюджет какой?

Заказчик толстым пальцем начертил на экране комма цифру, показал Реалисту. Тот кивнул. Цифра была не заоблачной, но вполне пристойной.

Реалист поднес к глазам бинокль. Его он таскал с собой на все полевые работы. Создание реала, конечно, штука медиасферная, но за реакцией потребил приходится часто следить вот так, глазами, в грубом трехмере.

На центральной улице столкнулись две машины.

Исход начинался.

Сейчас тронулись самые восприимчивые, уже пробежавшие по всем магазинам, сметая с прилавков все, что может понадобиться во время Армагеддона. Соль, сахар, спички, водку, сигареты и презервативы.

Теперь они рванут из города, следя туда, где их ждет обещанное спасение. Это Реалист продумал тщательно и вбрасывал инфу аккуратно и ненавязчиво.

Авария была прекрасным штрихом.

Оба водителя уже судорожно газовали, пытаясь расцепить помятые машины, а их жены и старшие дети — толстенькие, раскормленные в мест-

ной бигмачнице, визжали от ужаса, глядя на экраны своих коммов.

Реалист знал, что они видят — все местные каналы сейчас транслировали стену саранчи, надвигающуюся на лес. Нервный голос диктора зачитывал сопроводительный текст.

Африканец свое дело отпахал на все сто.

Рычание двигателей усилилось. Воздух наполнился истеричным визгом клаксонов.

Распахнулись двери склада, и старший продавец, стоя в дверях, заорал в мегафон:

— Тотальная распродажа!!! Все самое необходимое! Спасение близко!

Реалист нервно хихикнул. Идиотизм ситуации стремительно нарастал, но потребилы внизу отреагировали так, как и планировалось.

— Как минимум 20 процентов я вам гарантирую. Рванут покупать, как миленькие. — Реалист остановил смонтированный Африканцем демонстрационный реал-сюжет.

— Вы сами говорите: потребители в городе смотрят местные каналы медиасферы, в соцсетях общаются в основном со своими же однокашниками. Я заказал анализ — результаты типовые. Ваши потребилы пользуются медиасферой для заказа товаров — это местные реал-каналы. Дальше, как везде, идут федеральные развлекательные медиа, включая новостные блоки, потом... да, потом порнореал, но дешевенький, это, значит, денег у ваших потребил немного, и, вот это интересно, почти вровень с порнореалом — высокий интерес к

сайтам, которые у нас принято называть «ужастиками».

— Это еще что? — заказчик переводил взгляд с Реалиста на Африканца. Они сидели в тихом маленьком баре, где принципиально не транслировались медиаролики, не было голограммических стен и прочих ньюс-включений. Его давным-давно облюбовали реалисты и другие спецы из медиасфера.

— Это? Ну, знаете — все сценарии апокалипсиса! Ученые предсказали будущее — нажмите, чтобы узнать! Вы не поверите, что родила эта женщина! — Африканец отлично скопировал высокий чуть гнусавый голос, которым говорили инфоботы большинства новостных сайтов.

— А, эти! — махнул рукой заказчик. — Да кто им верит.

— Совершенно неважно, верят или нет. И, чтобы вы знали, верят им очень многие. Главное — они воздействуют на ваших потенциальных покупателей и совершенно в рамках закона. Значит, мы просто дадим им то, что они хотят.

Заказчик вопросительно поднял бровь:

— И что они хотят?

— Апокалипсис. Ма-аленький такой, — Африканец пальцами показал, насколько маленький, — с мышкину письку, апокалипсис.

— И что самое главное, все в рамках закона, — ослабился Реалист. Ну, в основном, добавил он мысленно, но озвучивать, конечно, не стал.

Из городского универмага все выгребли еще накануне. Первый всплеск покупательской активности парни Реалиста зафиксировали уже на вто-

рой день после того, как по местным каналам пошли их тщательно подобранные вбросы. Сюжеты потихоньку нагнетали обстановку, но — никакой конкретики, никаких прямых призывов.

Первыми рванули в магазины домохозяйки. Оживленно переговариваясь, они сметали в тележки пакеты с замороженными овощами и готовые детские завтраки, памперсы и пластиковые контейнеры для хранения продуктов, пятилитровые бутыли питьевой воды и зубную пасту, макароны и сухое печенье. Они сверялись со списками и хмурили брови, проверяя длинные свитки кассовых чеков.

На их розовых и сиреневых коммах обновлялись мобильные версии новостных сюжетов: Реалист использовал здесь свой любимый ход с инопланетным вторжением. Просто неподтвержденные слухи и мутные картинки боевых треножников, шагающих по анонимной средней полосе. Когдато он делал этот реал для федерального канала, льющего сигнал на сельские районы Северной Европы, и для стимуляции потребил это сработало прекрасно.

Стоя у окна местной гостиницы, Реалист курил и смотрел, как допоздна не гаснет свет на кухнях маленьких частных домиков и в кварталах многоэтажек.

Они готовили терабайты высококачественной картинки и аудиосопровождения. Африканец кроил и резал сюжеты реалов федеральных каналов, где мелькали узнаваемые лица и фрагменты старых, еще прошлого века, лент, в которых цунами опрокидывало дома, Земля разлеталась на осколки, и жуткие монстры поднимались из преисподней.

Как всегда, вскоре для Реалиста окружающий мир превратился в зыбкую текучую массу, из которой всплывали на поверхность лица плачущих окровавленных детей, подносящих ко рту ложки, полные овсяных хлопьев известных брэндов, оторванные ноги в модных кроссовках с хорошо видимым логотипом, разогревочных распятий пророков на стадионах перед выступлением полуоголых поп-звездочек, и волны пламени, встающих над лесами.

— С пастором местным договорились? — вынырнул он из своей сценарной реальности.

— Само собой, — ассистентом у него, как всегда, была разбитная девица по прозвищу Пипка. Как ее звали, никто не помнил, но все знали, что у нее есть муж-козел, ребенок, который живет с бабушкой, и страсть к обтягивающим майкам.

Пипка могла всучить спонсорский подарок или взятку кому угодно.

— Ежедневный эфир на местном канале в течение четырех дней подряд — да еще и в прайм-тайм. Этот алкаш прыгал до потолка, ему же отчеты о работе с паствой писать надо!

Накануне первых проповедей Африканец без труда подключился к каналу порнореала, облюбованному батюшкой, и слегка подкорректировал сюжеты.

На следующий день батюшка выступил с вдохновенной проповедью о наступлении последних дней, необходимости укрепления семьи, заботе о близких и поисках укрытия в любви к господу.

Проповедь прерывалась рекламными блоками, большую часть которых выкупил по настоянию

Реалиста заказчик. Выкупал с неохотой, сопя и приговаривая, что это выброшенные деньги.

Вечером Африканец в очередной раз просмотрел сетку вещания, которую скинула ему Пипка. Они выкупили время в программах местных каналов и на региональных новостных сайтах.

Пару ночей Реалист просидел у Пипки в квартире, питаясь пиццей и энергетиками, нацеливая свои материалы на этот чертов городок с его чертовыми складами и чертовым заказчиком, пока не убедился в том, что любой потребила, который зайдет на новостные и развлекательные сайты, увидит именно те материалы, которые заготовили и вбросили они.

Вечером на второй день Реалист тяжело поднялся и, пошатываясь, вышел из Пипкиного подъезда. Такси уже ждало.

Реалист тяжело плюхнулся на заднее сиденье и назвал водителю адрес. Поднялась перегородка, и они рванули через весь город. Он смотрел на здание детского мира, которое так и не восстановили до конца после экстаза потребил, закончившийся смертью нескольких десятков неудачников. С легкой руки НТВ-шников к ней приклеилось название «рождественская бойня».

В тусовке ходили упорные слухи, что это было не просто так — кто-то оттестировал искин-программу повышения потребительской активности, и тест оказался даже слишком успешным.

Ушли на набережную, вдоль которой выстроились мойки и салончики порнореала для автомобилистов, вперемешку с крохотными кафе, где кисли под дождем на открытых столиках остатки сэндвичей из суррогатного хлеба с искусственной ветчи-

ной и китайским салатом. Вылетели к Электрозаводской, и тут Реалист отключился.

Таксист, к удивлению Реалиста, не стал стоять и ждать, не выключая счетчика, а честно разбудил ошалевшего от недосыпа и рекламной реальности пассажира. Покачиваясь, Реалист добрел до своей квартиры, усилием воли заставил себя раздеться и провалился в мертвенный сон, едва голова коснулась подушки.

— А вот и околоточные, — меланхолично жуя очередной батончик, прокомментировал Реалист.

Длинная приземистая машина местной полиции как раз подлетала к перекрестку. После того как полицейских было решено переименовать в околоточных в духе возрождения национальных традиций, кто-то ехидно обозвал их копоколами. И, правда, подумал Реалист, натуральные... околачиватели. Выглядели они совершенно растерянными и явно не понимали, что им делать.

Один из них, попытавшись втянуть висящее над широким ремнем пузо, добыл из чехла служебный терминал, на котором, как знал Реалист, сменяли друг друга сообщения с высшим приоритетом.

Система мониторинга в околотке была старенькой, сообщения в нее вводились и сортировались вручную пожилой коротко стриженной лесбиянкой, в каморке которой непрерывно хрюпел старенький визор, настроенный на канал областного реала. Сейчас там крутили репортажи с минимумом текста, который состоял из эмоциональных возгласов внушительного мужичка с микро-

фоном, рева урагана и картин огненной стены, встававшей над корабельными соснами.

А сейчас его сменит реал-њюс, в котором местные наверняка узнают заброшенный заводской корпус.

Его сняли в последний момент — вчера утром. И быстро смонтировали с реал-њюсом из архива Африканца.

Реалист глянул на свой портативный инфоблок. На исцарапанном экране подрагивала картинка — камера скакала в руках оператора, снимающего, как темный проем заполняет слизистая масса, поднимающаяся словно безумное тесто в адском котле.

Теперь сирены выли по всему городу. Вчера уехали только самые нервные. Сегодня не выдержали остальные. Завыли многоквартирные дома, зазвенели стекла на лестницах — кого-то вытолкнули из окна, человек неловко грохнулся на козырек крыши, слетел на асфальт, поднялся и, тяжело хромая, побежал к ближайшему магазину.

— Все правильно, все совершенно правильно, — пробормотал Реалист, водя биноклем.

Машины горожан трещали и лопались, в них не оставалось места для людей. Визжащих детей запихивали и утрамбовывали между шуршащими пакетами из супермаркета, упаковками желтой туалетной бумаги, сиреневенькими бумажными полотенцами и картонными упаковками садовых горшков — все со склада заказчика! Хрипящих от злобы собачек и воющих котов швыряли поверх новеньких китайских бум-боксов и упаковок бизнес-ланчей с подпольных дальневосточных фабрик. Лопались плохо закрученные на списанных

линиях бутылки с поддельной минералкой и начинилась паническая трусливая ругань.

Толстенькие, как свиные колбаски, девочки-подростки волокли охапки обтягивающих топиков и снова вошедших в моду джинсов с заниженной талией — их у заказчика скупили на корню подогретые Пипкой арендаторы местного вещевого рынка.

Накануне начала кампании Реалист расслаблялся. Правда, делать это пришлось вместе с заказчиком, в неплохом кабачке соседнего городка.

— Что может пойти не так? — неожиданно прямо глянул толстенький заказчик в глаза Реалисту, и тот вдруг увидел, каким был этот человек несколько лет назад — плотным, уже обрастающим жирком, но жестким и сильным. С короткой стрижкой, еще только недавно научившийся быть сытым, а потому сохранивший беспощадность голодной юности, когда чтобы что-то получить, это надо было вырвать с мясом и кровью.

— А-а, ничего. — Он махнул куриной ножкой куда-то в сторону. — С тех пор как нефтяные потоки пошли мимо нас, для таких, как вы и я, наступили благословенные времена. Мы же стали торговой площадкой в самом прямом смысле слова. Нам осталось только одно — превратиться в огромный базар. А на базаре позволены любые методы рекламы. И правило одно, вы сами знаете — законно все, что помогает торговле. Вы закон о рекламе читали?

Заказчик произвел некое движение бровью.

— Понятно. То есть имеете только общее представление. Оно и правильно. Вам надо свое дело делать, — Реалист чувствовал, как коньёк разливается по организму. Голова становилась очень ясной и легкой. Он любил это ощущение — чувство начала *расширения*. — И я вам гарантирую, мы ни в чем и никак не переступим грань закона. Мы просто возьмем и сделаем таран из совершенно законных способов и методов. И врежем по вашим потребилам так, чтобы они побежали туда, куда вам надо.

И куда надо мне, подумал Реалист про себя. Но об этом заказчику знать было совершенно не нужно.

Он зашел за машину и снова достал комм. Попытал в виртуальную клавиатуру и секунду спустя увидел расплывающуюся в улыбке Пипку.

— Сейчас они рванут.

— Ты первых упустил, — хихикнула она в ответ. — Прилетели сюда в четыре утра, колотились в придорожный мотель, как полоумные, расплатились и попрятались по номерам.

— Отлично. Давай, контролируй, — улыбнулся он тоже, чувствуя, как продолжает медленно нарастать прозрачная холодящая нутро волна, которая сменится пустотой и усталостью после успешного окончания кампании.

Разве она не могла кончиться иначе?

Прайм-тайм на местном канале для ток-шоу они закупили без труда. Пришлось немножко по-возиться с закупкой зрителей, но заказчик проникся важностью момента, чуть увеличил бюджет, и Реалист с Пипкой завалились в гости к Хозяину

Привидений. Тот жил в переоборудованном подвале старой девятиэтажки на окраине Москвы и не отрывался от своей стены мониторов. Он дирижировал голосованиями и репликами зрителей в студии, он гениально монтировал на лету фрагменты из разных передач и отправлял их в прямой эфир реалов ток-шоу, он лепил личности и разрушал их в промежутках между рекламами.

Развернувшись на своем стуле, он раскинул руки в приветственном жесте и приготовился выслушать сумму.

Услышав, посерезнел, кивнул и развернулся к рабочему столу.

— Так, давай смотреть, что у меня есть...

У него было все. Хозяин Привидений в свое время заполучил гигантский архив одного из старых, еще телевизионных каналов, сервер которого оказался беспризорным после очередного перераспределения собственников в период После Нефти.

Так безвестный хакер и превратился в Хозяина Привидений. Он успел сачкать архив, после чего купил на черном рынке хороший искин, добротно вскрытый местными умельцами, и засел за программирование.

Теперь он торговал персонажами — создавал аудиторию для ток-шоу. Услуги его пользовались большим спросом, поскольку заплатить за двадцать виртуальных бабушек было куда дешевле, чем организовывать настоящую массовку.

Три часа Реалист отбирал персонажей. Они должны были быть настоящими — фактурными, такими, чтоб ни у кого из жителей городка-цели не возникло сомнений в том, что это бабушка, живу-

щая на соседней улице, и дальнобойщик, который раз в две недели останавливается у развалин их городского заводика.

И после первой распродажи они выстрелили. Реалист вводил их аккуратно, потихоньку, сначала по три-четыре реплики, но уже два дня спустя все местные ток-шоу обсуждали смонтированные Африканцем реалы с сюжетами тотального разрушения сел и городков в характерном среднерусском пейзаже.

Пипка тут же зафиксировала вал звонков и увеличение голосового трафика — звонили родне.

Тут же вспомнили о разрешенной задержке при междугородних звонках и поставили на задержку голосовой ролик с рекламой местных распродаж.

На следующее утро Заказчик нанял еще троих операторов погрузчиков — со складов выбрасывали все.

И тогда Реалист понял — пора.

Пипка притащила двух помощниц, и они прошлись по всем местным врачам и предложили им очень выгодные расценки на партии антидепрессантов, в первую очередь детских.

Они прошлись по школам и навестили воспитательниц детского сада, которых уже захлестывал вал обращений от родителей. Дети рыдали, детям не хотелось играть, дети смотрели в небо и ждали, когда встанет над лесом огненная стена, о которой говорили везде и всюду.

Заказчик ликовал — детские сладости, разлетающиеся в руках машинки и куклы с дешевой, уже начинающей выцветать краской расходились на ура.

К концу недели город был вычищен, Заказчик с маркетологиней уехал отдохать, честно расплатившись и даже накинув небольшую премию, наставала пора заключительного этапа.

— Давай, выпускай! — скомандовал Реалист, и Африканец исчез в фургоне. Это был единственный момент, из-за которого Реалист немного нервничал. Африканец перекрыл сигнал местных студий, пустив «прямой репортаж», в котором по узнаваемым улицам городка шли кошмарные монстры, переворачивая машины и разрывая на кровавые ошметки детей, котят и старушек. Все было бы в рамках закона, содержание реалов не модерировалось, если не относилось к прямой трансляции заседаний Госдумы и трансляции речей главы государства. Но Африканец предложил шикарную фишку — пустить в правом верхнем углу метку реального времени.

До этого могли докопаться, при желании.

Город взывал. Накопившуюся пробку протаранили новые автомобили. Подпрыгнув, загорелась чадным ленивым пламенем старенькая «Приора». Тощий мужичок в растянутых адидасовских трениках забегал вокруг, пытаясь потушить авто. Оранжевый огнетушитель не работал, пламя перекинулось в салон, где начали рваться банки зеленого горошка, вывезенные им позавчера из магазина.

Глухо хлопнуло, и полез густой черный дым из окон девятиэтажки на окраине — видно, кто-то забыл закрыть газ.

Реалист удовлетворенно кивнул — теперь можно разворачиваться и уезжать, дальше потребили сами додумают что угодно — и чудовищ Апокалипсиса, и разверзающуюся геенну огненную. Свою

задачу они уже выполнили — на складах Заказчика не осталось даже пластиковых поддонов.

Теперь можно было выпускать жителей из города.

Виляющая на плохом асфальте колонна пронеслась мимо фургона. Вцепившиеся в рули кредитных китайских и корейских авто мужчины и женщины одним глазом косились на дорогу, но все их внимание было приковано к висящим в держателях экранам визоров.

На них разворачивалась рожденная больным порновоображением Африканца картина гибели города.

Копы уезжали последними, когда город уже во всю дымил. Ленивый осенний ветер катил по се-рым от дыма улицам пластиковые пакеты, ломкие листья и разноцветные листовки о тотальных распродажах.

Догорали машины на перекрестке.

Желтенький автомобильчик, боязливо прижимавшийся боком к чадящему внедорожнику, вдруг вздохнул и звонко выстрелил из открытых окон баллончиками лака для волос.

Реалист захлопнул дверь фургона.

— Поехали. Дело сделано.

Город скрывался за поворотом, и вдруг, на одно долгое мгновение, ему показалось, что там, в дыму мелькнул длинный скорпионий хвост полупрозрачного чудовища, которому теперь принадлежал город.

Он сидел в своем любимом кабачке и тихо на-качивался пивом.

Реалист любил сидеть вот так, в одиночку, за столиком в глубине зала, сидеть и смотреть на де-

ревянные стены, где принципиально не было реалпанелей. Слушать похрипывающий джаз из динамиков и ни о чем не думать.

Денег хватало.

Пока он с Африканцем доклеивал последние реалы, Пипка моталась по соседним городам, договариваясь с местными гостиницами, кафе и окраинными лавками. Она знала, что не надо быть жадной. И на ее специальное рекламное предложение согласились все.

Реалисту нравилась простота и красота этой операции. Он не нарушил ни единого пункта контракта — он просто чередовал рекламные блоки, показывая потребилам то, что было нужно ему.

Цены вокруг городка взвинтили, но ошалевшим от ужаса беженцам было все равно. Они платили, не торгуясь, и бежали дальше с белыми глазами и протухающими на задних сиденьях собачками, детьми и консервами.

Гуднул комм в кармане.

Реалист вытащил пластинку, развернул.

— Да. Говорите.

Послушал косноязычную речь собеседника и тяжело вздохнул. Потер пальцем переносицу.

— Господи. Ну, зачем? Зачем апокалипсис-распродажа в городе с названием Нижние Жмуры?!

ДУША СО ШРАМОМ

Юля проснулась за секунду до звонка. Почувствовала или ангел-хранитель ткнул легонько под лопатку, кольнул перышком у сердца. Он был грустен и отчаянно болен, Юлин ангел-хранитель, ему не хватало сил барахтаться в гнойном болоте, в которое превратилась Юлина жизнь. Только и мог предупредить.

Под боком заворочался Мика, забеспокоился. Юля глянула на часы — полпятого, темно, когда звонок деликатно тренькнул.

Юля не испугалась. Устала, сколько можно...

— Спи, — шепнула она в приоткрытый Микин глаз, — это не к нам, это ошиблись.

Сын послушно зажмурился.

Юля набросила халат и подкралась к двери. Хорошая, мощная дверь, с мужем выбирали. Она — под обои, он — наугад, только бы Юля отстала, на конец, с бесконечным ремонтом. Глазок тоже хороший, все как на ладони.

На «ладони» стоял и широко улыбался мужчина в костюме, модных очках и в легкой небритости. Редкая щетина на раздутом оптикой лице делала его похожим на вымокшего ежа.

— Юлия Михайловна, — проворковал мужчина, — а я вас жду.

Юля прерывисто вздохнула: а я вас не жду. Со-
всем-совсем!

— Что вы хотели? — спросила она. — Вы сооб-
ражаете, который час!

— Поздно, — согласился мужчина. — Или
рано. Неважно. Давайте уже закончим и пойдем
спать. В смысле, разойдемся.

— Мне нечего сказать! — Это была правда, но
Юле не верили.

— Зато мне есть, что сказать. — Мужчина сло-
жился пополам и тут же вынырнул в поле зрения с
разверстым портфелем хорошей кожи. — Вот тут
документики, ознакомьтесь.

— Я не открою, — сказала Юля пересохшим го-
лосом.

— Ваше право, — слегка огорчился щетини-
стый. — Но Юлия Михайловна, дорогая, я работаю
в серьезном учреждении. У нас много сотрудни-
ков. Я буду дежурить до десяти, потом меня сме-
нят. Когда-нибудь вам придется открыть дверь. Да-
вайте не будем портить друг другу нервы и аппе-
тит. Раньше сяд... э-э... раньше начнем, раньше
закончим. Вопросец-то проходной, поверьте мо-
ему адвокатскому опыту.

Юля закрыла глаза и ткнулась лбом в прохлад-
ную сталь. Господи...

— Юлия Михайловна, — выдержав очень точ-
ную паузу, адвокат напомнил о себе, — вы еще
здесь?

Он потянулся к звонку.

— Не надо! — шепотом крикнула Юля. — Ре-
бенка разбудите...

Мика лежал тихо как мышонок, но Юля знала,
что не спит. Боженька, взмолилась она, ну пожа-

луйста! Ну что тебе стоит, чтобы он всего этого не слышал. Не видел. Не знал.

— Надо, — деловито кивнул небритый. — В конце концов, я и здесь подожду, если вас пугает... Возьмите только бумаги.

Будет звонить каждую минуту, поняла Юля и, решившись, приникла к «глазку». Лестничная площадка была пуста, если не считать, конечно, настырного адвоката. Он не казался опасным, наоборот, смешным. Этакий очкастый головастик.

— Ладно, только бумаги, — согласилась Юля; действительно, потянуть до утра, а там что-нибудь придумается.

— Чудесненько!

Юля проверила цепочку и провернула тугую рукоять засова. Клацнули, втягиваясь, стальные штыри-распорки. Юля приоткрыла дверь:

— Давайте.

Небритый дернул дверь на себя — цепочка натянулась до звона, и вставил в щель портфель.

— Юлия Михайловна, — заботливо попросил он. — В стороночку, пожалуйста... Кабан, попрошу вас!

За дверью быстро и тяжело затопали. Юля шепотом завизжала и налегла на стальную плиту; опомнилась и потянула, но чертов портфель мешал, будто прилип к косяку, уж как Юля не пихала его онемевшими от ужаса руками. А над портфелем, над Юлиной головой, устрашающего вида железяка ловила кусачими губами цепочку. Поймала и... Крак! Цепочка повисла двумя жалкими обрубками.

— М-мама! — завопила было Юля, но голос куда-то пропал. — М-милиция!

Дверь распахнулась и бросила вцепившуюся в нее Юлю прямо во что-то огромное, сопящее и невыносимо воняющее дешевым одеколоном.

— Ну, Юлия Михайловна! — Адвокат терся где-то сбоку и говорил обиженно и гулко, словно из аквариума. — Ну, я же просил в стороночку... Кабан, только аккуратно!

Кабан поднял Юлю за плечи, как, наверное, поднял бы картонный манекен. Юля бешено забилась. Когда-то она занималась карате — не всерьез, а так, на всякий случай, какими случаями ее страшали подружки и криминальные сводки. Она пыталась лягнуть циклопообразного Кабана в пах, но ватные ноги бились в тугое как боксерская груша пузо и до предмета не доставали. Попыталась укусить врага за нос, но и нос, расплывшийся по раздольной кабаньей ряшке этакой хрящеватой кляксой, никак не давался. Кабан равнодушно отставил Юлю в сторонку, прислонив к стене — ноги ее не держали, и шагнул в спальню, где кровать, пуховое одеяло горкой, а в горке, в норке, Мика... Так обыденно, словно к себе домой, шагнул, что Юля не удивилась бы, надень он тапочки из тех, что на подставке для гостевой обуви. Женщина, наконец, заскулила, отчаянно и без слез.

— Юлия Михайловна, — озабочился адвокат, заглядывая через порог. — Может, вызовем полицию? Как скажете!

Юля рванулась за Кабаном, едва не упала — ноги подвели, и по шажочку, придерживаясь за стену, заползла в спальню.

Мика сверкал на Кабана из одеяла круглыми, с блюдце, глазами, но бандюга и на Мику времени не тратил. Он по-звериному сопел из глубин пла-

тянного шкафа. Юля видела только круглый, как у бабы-торговки, и наверняка каменный зад в обтертых джинсах. Она схватила Мику вместе с одеялом — силы вернулись, как только она почуяла испуганный стрекот его сердечка, и побежала вон. Адвокат отсвечивал в дверях, так и не вошел, пройдоха, даже посторонился. Но там, за дверью, было еще хуже, еще гаже, и Юля шарахнулась обратно. Едва разминулась с Кабаном. Тот закончил со свежим бельем и теперь вдумчиво копался в корзине с грязным.

Юля более-менее пришла в себя только в кухне, в самом дальнем углу, с прижатым к груди сыном. Кабан топтался в гостиной, из коридора же заглядывал адвокат.

— Юлия Михайловна, разрешите? Я, право, без спросу, но если не желаете — ухожу сразу. Как скажете!

Юлино молчание он принял за согласие. Пристроился рядом, бочком, и стал раскладывать на столе бумаги. Они все-таки имели место и, если честно, пугали Юлю не меньше Кабана.

— Ну-с, Юлия Михайловна, предлагаю решать по-деловому, без нервов, знаете ли, без эмоций. Где находится ваш муж?

Юля молчала.

Адвокат сокрушенно покачал головой.

— Кабан, уважаемый?..

Плосконосый бандит проявился в дверном проеме.

— Нет здесь хоря, — просопел он. — И барахла его нет.

Адвокат стрельнул глазами, и Кабан без возражений перевернул мусорное ведро. Запустил в кучу руки, начал ворошить. Поднял и развернул

пакет, в который Юля сложила использованные дамские принадлежности.

— Бабье, — подтвердил Кабан, хрюкнул и полез в холодильник. Адвокат передернулся и брезгливым движением потер ладонями о брюки.

— Борщ. — Кабан шумно вдохнул из кастрюли. — Хреновый, жидкий. Бухло тоже бабье. Нет его здесь, Сергеич!

— А где есть? — в голосе адвоката проклонулось раздражение.

Но Кабан чихать хотел на адвокатово раздражение. Он глянул на Юлю сверху вниз неожиданно острым взглядом. Девушка вдруг поняла, отстраненно и совсем равнодушно, что это — тоже человек. Не чугунный робот, не животное, а человек, только совсем особый, с каким ей никогда еще не приходилось встречаться.

— Сестренка, — хринул человек-Кабан, — помоги нам его найти. Всем хорошо будет. На хер он тебе? С дитем бросил, на лавэ кинул. Ты мозги-то наморщи.

— Я не знаю, где мой муж, — разлепила непослушные губы Юля. — Я подала на развод...

— Кто же тогда знает? — вмешался адвокат. — Кабан, уважаемый, вы закончили? Ступайте!

Возгоревшиеся было кабаньи глазки потухли. Кабан развернулся как бульдозер, даже в огромной Юлиной кухне ему было тесновато, и залязгал тяжелыми ботинками-гусеницами к выходу. После ботинок оставалась грязь.

— С кем работать приходится, видели? — вздохнул адвокат. — Кабан, кстати, его фамилия, а не то, что вы подумали. А ведь все ваш муженек,

Юлия Сергеевна! Зачем вы его покрываете? Любите? Запутал? Не понимаю.

— Я не люблю... даже не ненавижу уже, — прошелестела Юля. — Все перегорело, хоть в петлю... Оставили бы вы нас в покое, а? Я, правда, не знаю, где он. Сбежал, пропал...

— Пропал не он, Юлия Михайловна. — Адвокат назидательно воздел палец. — Пропали восемь надцать миллионов в известной вам валюте!

Он вдруг смутился. Девушке как назло отказал наработанный рефлекс — отвернуться, спрятать изуродованную щеку от чужого вороватого любопытства; адвокат задержался взглядом на извилистом шраме, сморгнул и сказал почти по-человечески:

— Может, вы думаете, мы его обидеть хотим? Полно вам! При таких суммах он уже не должник, он партнер. А мы — коллекторское агентство, не гоп-стоп какой. Нам не уголовное дело нужно, а отбить затраты. Понимаете?

Юля кивнула.

— Насчет петли не советую, конечно. Вы же молодая, красивая женщина... — Адвокат смущенно кашлянул. — Вам бы жить и радоваться. Сыном заниматься — наслышан, наслышан о ваших проблемах. Но препятствовать не могу — как скажете, так и будет. Искренне сочувствую, но для нашего агентства, к сожалению, этот... вопрос не критичен.

Адвокат помолчал.

— Документики я оставлю, Юлия Михайловна. Если вкратце: через девяносто дней мы имеем законное право ставить вопрос о признании вашего пропавшего без вести мужа скончавшимся. Соответственно, о вступлении вас и вашего сына в права наследства. Следовательно, и о предъявлении

вам в судебном порядке претензий на возмещение долга. Рассчитаться вы не сможете, согласны? У вас и профессии-то никакой. А вот у вашего сына долгое будущее, которое он может потратить на выплату отцовских долгов. Подумайте. Может, и вспомните чего, нам любая зацепка к пользе. До свидания!

Юля долго сидела, раскачиваясь. Не думала ни о чем, в голове стояла оглушительная тишина, словно в церкви, куда она зачастила в последние годы. Тишина, нарушаемая только шуршанием медленных и никчемных мыслей — о Микиной каше, которую рассыпал Кабан, о новой цепочке, которую теперь покупать и как-то прилаживать. Юля закрыла глаза, зарылась в одеяло, чтобы и звуки снаружи не доносились, и прижала к себе Мику. Когда сын немного успокоился, когда его сердце забилось в такт материнскому, удар в удар, Юля потянулась за телефоном.

— Але-е, — сонно ответил телефон. — Ты, что ли, мать?

— Я...

— Опять?! — голос на том конце провода звенел. — Опять приходили? С-сволочи! Как ты?

— Нормально.

— Я тебе дам, нормально! — вызверилась психотерапевт, а с недавних пор сердечная подруга Ленка. — А ну-ка, мать, реви!

Юля промолчала, и Ленка вдруг зашмыгала сама.

— А я тебе работу нашла, — всхлипнула она. — Приеду — расскажу, только ты без глупостей, ладно? Дождись!

— У меня денег нет.

— Ну... все равно приеду, — вздохнула Ленка. — Потом отдашь!

Юля положила трубку. Мика задумчиво таращился на нее из одеяла и молчал. Уже больше года молчал, смотрел и думал — о чем? Психиатр только руками разводил, но Юля знала, что Мика просто спрятался в своем шестилетнем мирке и смотрит оттуда страшную сказку под названием жизнь.

Барсуков встал в семь утра, сделал зарядку, выпил кофе, помылся, побрился тупой, словно каменный топор, бритвой, прилично оделся и не утерпел, выкурил-таки сигаретку.

Сегодня была суббота, второй рабочий день после среды. Сегодня Барсукова ждали тушки, и Барсуков собирался быть в тонусе как минимум до двадцати одного ноль-ноль. Тушек из группы психологической реабилитации Барсуков любил нежной, хотя и корыстной любовью. Тушки портили холст этюдами и пейзажами — в целях успокоения нервов и просветления чувств, — чем держали на плаву дипломированного художника и запойного гения Григория Барсукова.

Кроме того, сегодня грозился заскочить Пашка — именно заскочить, поскольку «разговор, Барсук, к тебе деловой, нам товарищ майор на линии не нужен». Пашка, конечно, тот еще хмырь и в долг не даст, но Барсуков немного стеснялся однокурсника. Пашку возил живой шофер, Пашка щеголял красным шарфом до пола, пиджаком в блестках и настоящей вересковой трубкой. Пашка стал процветающим галеристом, и все, что Барсук

ков мог противопоставить его успеху — чистый вид и трезвый взгляд.

Пашка обещал к девяти, перезвонил в полдень и приехал к двум. На раритетной «Испано-Сюиза».

— Не кипишуй, Барсук, — вальяжно оборвал он робкое Барсуково возмущение. — Приседай, подброшу.

Барсуков назвал координаты, дюжий Пашкин шофер поколдовал в навигаторе, и серебристый корабль отчалил к ближайшей дорожной развязке.

— Мытищи, Мытищи... — пробурчал Пашка и изящно выматерился. — Знаешь, Барсук, зачем ты в этот дебил-дом ездишь? Нет, не на работу! Ты на убогих смотришь и радуешься, что еще не спился.

Пашка закурил. Барсуков молчал, принюхиваясь. Настоящий табак!

— Сопьешься, — предрек галерист после значительной паузы.

Барсуков пожал плечами.

— Я тебе, Барсук, работу дам, — сказал Пашка, не дождавшись ответа. — Настоящую. Денежную. Про Мытищи забудешь. Дебилы — побоку. Тебя уважаемые люди узнают.

Пашка погладил экран навигатора. Барсуков присмотрелся: обычная транспортная схема... ан нет, необычная! Кружочки транспортных терминалов сплетались в густую паучью сеть, много гуще того, что Барсуков когда-либо видел. Гуще, чем в институтском учебнике географии. Гуще, чем на проездной карте, с которой молодой Барсуков объездил, считай, полсвета в поисках сначала успеха, а затем пропитания.

— Вот кто о тебе узнает! — Пашка погладил экран. — Соображаешь?

Под его пальцами зажглась надпись «Нью-Йорк» и значок «Спецпропуск».

Шепотки про Нью-Йорк и страну «Америгу», которых нет на обычных дорожных картах, Барсуков слышал часто. Как и все, впрочем.

А Пашка разливался прокуренным соловьем. Работа, мол, непыльная. Портреты. Женские в основном. Заказчик серьезный. Ну, понятно, Пашкина комиссия. Понятно — качество и сроки.

— Есть один нюанс, — поморщился Пашка. — Ничего противозаконного, но... Впрочем, сам увидишь.

Барсукова высадили перед скорбным домом.

— Сегодня заканчивай с богадельней, — велел Пашка, — завтра выходи.

Согласия Пашка не спрашивал. Он лучше знал.

Барсуков проводил серебристый кабриолет взглядом и не удержался-таки. Выкурил еще одну сигаретку.

Альтернативно-чувствующие ждали его. Тушки... Барсуков вздохнул и в который раз зарекся думать это слово. Они были разные. Не глупые, и не умные. Не веселые, и не грустные. Почти все работали — курсы психологической реабилитации стоили дорого. Менеджеры, продавцы, консультанты. Среди них встречались тушки... люди с запяtkами вкуса и способностей.

Барсуков развернул голограмму «Яблоневый сад» и предложил поработать кистью и красками. Через полчаса прошелся среди мольбертов, зная, что увидит. Яблоки, одни только яблоки. Красное и желтое. Тушки... люди выбирали самое яркое из того, что видели. Словно мотыльки.

У крайнего мольберта пухлая девушка задумчиво грызла кисть. Губы, щеки стали зелеными, и Барсуков заинтересовался. Девушка нарисовала небо и яблоневые ветви, протянутые к небу словно руки. Надо же... Как ее зовут?

«Я Маша» — прочитал Барсуков на бейдже и застыдился.

— Плохо, да? — спросила Маша с непоколебимой уверенностью человека, у которого всегда все плохо.

Конечно, рисовала она из рук вон. Но рисунок Барсукову неожиданно понравился. В нем был намек на чувство.

— Все сегодня наперекояк! — пожаловалась Маша, не дожидаясь ответа. — Скажите, господин Барсуков... — Девушка замялась, но продолжила: — ...как опытный и эмоционально развитый гражданин, объясните, что такое любовь?

Барсуков потерял дар речи.

— Как определить? — напирала Маша. — Я познакомилась с молодым человеком. Он... ну, немного не такой, как все. Я не могу понять, люблю его или нет.

И Барсуков вспомнил. Месяц назад ему дали группу новеньких, и кураторша не пощадила, заставила похмельного Барсукова изучить дела.

«У этой, — вспомнилось Барсукову, — наркозависимые родители. Ей еще повезло, руки-ноги-голова на месте. Работает консультантом в обувном магазине. Абсолютная эмоциональная глухота. Как пробка, господи прости».

Маша таращела, аки сузdalская трещотка, и Барсуков быстро уяснил, что необычен молодой человек, во-первых, пламенными речами, а во-вто-

рых, банальным отсутствием жилья. Маша, как девушка инстинктивно добрая, бродягу пустила и в третью ночь (как советовала методичка — не раньше) совершила с ним добровольный коитус. Молодой человек предложил руку и сердце (как подозревал Барсуков — в обмен на доступ к холодильнику). Маша сверилась с методичкой и взяла тайм-аут. Теперь тайм-аут истекал, а четких указаний — «да» или «нет» — методичка не давала. Явная недоработка. Крепким обувным умом Маша понимала, что замуж надо. Но мировая медиакультура дезориентировала девушку. Замуж следовало по любви, и Маша прилежно ее искала. Замеряла пульс и давление, вела дневник мыслей и эмоций, но сделять вывод затруднялась.

Барсуков в смущении пролистал дневник. Парочка любилась с неутомимостью паровой машины. Отличить любовную тахикардию от посткоитального сердцебиения не представлялось возможным.

— Ой, это не мое! — Девушка вдруг покраснела и затрепетала ресницами. — Не знаю, откуда это!

Барсуков выхватил из дневника лист тонкой прочной бумаги, разрисованный линиями и значками. Скомкал и воровато сунул катышек в карман. Кажется, не заметили! А эта... и впрямь как пробка! Тушка чертова!

Маша смотрела взглядом готовой к забою коровы. Будто сейчас Барсуков прокусит ей уши клеммами, запустит разрядник, и отойдет она, тушка Маша, не успев даже обмочиться.

Барсуков перевел взгляд на рисунок: ветви тянулись к небу в немой мольбе.

— Гони бродягу, — сказал он жестко. — Подведет тебя под статью.

Настроение резко испортилось.

Барсуков ушел прямо с занятия, написал заявление, получил расчет, выкурил-таки еще сигаретку и помчался домой. Дома ждал дерзкий — Барсуков не отрицал, — но сладкий вискарек.

Работа оказалась и впрямь непыльная: сиди в просторной студии, работай по профессии. Но капелька дегтя в бочке меда плавала.

Натурщицы.

Барсуков видел их только издали и не горел желанием познакомиться.

«Кунсткамера, — объяснил Пашка. — Уродство, ставшее красотой. Пиши уродов, Барсук, пиши! Рынок требует остренького!»

Моделям отвели просторные апартаменты, увешанные полуопрозрачными зеркалами, сканерами и камерами. Натурщицы слонялись по апартаментам отведенные часы, спали, кололись, вязали, пили, кто-то даже читал.

Художники за стеной работали. Барсуков буквально за неделю оформил «живыми» красками безногую тетку, бывшую олимпийскую чемпионку, подсевшую, судя по расплывающемуся взгляду, на что-то окончательное. Портретец вышел так себе, хотя и жил, как положено. Отзывался на настроение хозяина — чемпионка то улыбалась, то хмурилась, то рыдала навзрыд. Пашка быстро его пристроил, но Барсукова выматерил.

— Чемпионку помнят, — объяснил галерист, — поэтому взяли и не хрюкнули. Но меня, Барсук, за

лошка держать не следует! Или работай, или взад к дебилам проваливай.

Барсуков усиленно работал, и даже с вискариком практически завязал. Все ждал, когда вернется форма, когда придет легкая кисть, которой до слез, до скрежета зубовного завидовал во времена оны бездарь Пашка.

Через месяц чемпионку снова привезли, с почерневшими руками.

«Три дня, и в хоспис», — сказал врач, и Барсуков трое суток отработал на ять. Чемпионка смотрела с портрета звериным взглядом умирающего человека.

— Пойдет, — залоснился удовольствием Пашка. — Хвалю, отдыхай.

Вернувшись из краткосрочного отпуска, Барсуков увидел в студии, в уголке за вешалкой, мальчика.

— Ты кто, малыш? — спросил Барсуков.

Мальчик промолчал.

— Мужчина, у вас какой-то интерес к ребенку? — вкрадчиво поинтересовался некто в дорогих очках и легкой небритости.

Не студия, а базар, огорчился Барсуков, торопливо отстраняясь от мальчика. Ни господина в очках, ни свиноподобного амбала за его спиной Барсуков не помнил, хотя в студии действительно царил восточный базар: здесь работали, ели и спали.

— Барсук, спасай, — приказал Пашка, даже не поздоровавшись. — Одного уволил, двоих депремировал. Не дается, сучка!

За стеклом сидела женщина с изуродованным лицом.

За что ее так, господи?! Барсуков сразу понял — не авария. Не случайный хулиган с ножом.

Женщину уродовали, целенаправленно и со вкусом. Работал заплечных дел художник.

Барсуков посмотрел холст. Его коллеги-предшественники состязание палачу проиграли. Во всех набросках главным оставался шрам. За шрамом не было видно женщины.

— Возьму, — решил Барсуков, хотя только что был уверен в обратном. — Сколько?

— Сто десять плюс роялти, — отреагировал Пашка. — Больше не проси.

— Времени у меня сколько? — мягко поправил галериста Барсуков.

— Две-три недели, — вмешался давешний хлыщ в очках. — Потом суд.

Быстро выяснилось, что молчаливый мальчик за вешалкой — сын уродки. А небритые очки и свиное рыло — какие-то не то родственники, не то знакомые, сопровождающие мать с сыном даже в туалет.

Ну что ж, родственники так родственники. Лишь бы под ногами не путались.

На следующий день Барсуков окончательно уверился, что орешек ему попался крепкий. Женщина за зеркальным стеклом практически не двигалась, сидела, закаменев лицом, и шрам на обозрение не выставляла. Но он все равно выползал из-под кисти как заколдованный, расплываясь, заполнял собой портрет, выталкивая женщину вон.

Барсуков порвал холст и пережил Пашкину истерику.

— Дайте ей одежду, — велел он. — И выпить... или покурить-уколоться, что она предпочитает. Сидит как вымороженное полено.

Женщина закуталась в халат, попросила кофе и отказалась от остального. Барсуков разглядывал ее, упершись лбом в стекло. Женщина заволновалась, хотя видеть художника не могла.

А Барсуков размышлял.

Высокий лоб. Черные волосы. Серые потухшие глаза. Правильные черты лица. Красивая от природы фигура, еще не загубленная наплевательским отношением.

И шрам, пожирающий человека.

Барсуков сделал кое-какие наброски и снова порвал. Не выдержал, закурил-таки сигаретку.

— Может, ей сына не хватает? — спросил он. — Бывает же так: сама по себе — ничто, вся в детей ушла.

— Не тот случай, — качнул головой Пашка. — Она из бывших, свысока падала. Насчет сына — что мы можем сделать? Не за стекло же его, там как в женской бане. Она его утром привозит, вечером забирает, а днем он под вешалкой сидит.

— Пусть лучше дома сидит, а? Вместе с матерью, — предложил Барсуков. — А я приезжать буду.

Пашка закручинился, поскольку бизнес на уродах, как и подозревал Барсуков, расцветал в опасной близости от клинка фемиды и широкой огласки не искал.

— Ладно, — согласился Пашка, оценив одним взглядом груду испорченного холста. — Будешь ездить к ней частным порядком. А я потом выкуплю. Накину чуть-чуть.

Барсуков спустился к выходу и начал ждать. Он хотел увидеть женщину в естественной обстановке. Как ее, кстати? Юлия Михайловна?

Юлия Михайловна разочаровала Барсукова. Если в студии ее лицо казалось замороженным, то на улице — просто каменным. Женщина прикрыла шрам причудливой шляпкой и побрела навстречу ветру. Мальчик держался за нее двумя руками.

— Юлия Михайловна! — окликнул художник эту нелепую парочку.

Женщина вздрогнула и обернулась.

Барсуков даже улыбнуться успел, прежде чем его крепко взяли за шиворот.

— И все-таки, мужчина, у вас нездоровыи интерес к ребенку, — сказал давешний, в очках. — Кабан, уважаемый, не могли бы вы поинтересоваться у господина...

У Барсукова мерзко захолодело в животе.

— Я художник, — выдавил он сквозь перехваченную воротом гортань. — Я портрет пишу...

— Он художник, — подтвердила женщина едва слышно и посмотрела Барсукову в глаза. — Меня предупреждали, что вы приедете завтра.

Барсуков кивнул, чуть не удавившись в Кабаньем захвате.

— Вот завтра и приезжайте, — сварливо резюмировали очки. — Кабан, уважаемый!

Кабан отпустил ворот и бережно отряхнул Барсукову пальто. Барсуков почувствовал, как затрещали ключицы под Кабаньими пальцами.

Назавтра Барсуков стоял у дверей при полном параде: костюм, галстук, вычищенные ботинки.

— Вы один? — спросили из-за дверей.

— Э-э... да! — немного растерялся Барсуков.

Его впустили. Барсуков, потея в костюме, развернул в холле освещение, настроил камеры, поставил мольберт. Юлия Михайловна равнодушно

наблюдала за возней и только спросила, прежде чем выйти на свет:

— Раздеться?

— Нет-нет! — поспешил остановить ее Барсуков и мимолетно удивился: почему же нет? Пашка примет работу только в стиле ню.

— Это хорошо, — сказала женщина и повысила голос: — Мика!

Мальчик несмело вошел и спрятался под вешалкой.

Барсуков работал несколько часов, прерываясь только на кофе. Раздражался, успокаивался, снова раздражался. Вечером сорвался и выкурил сигаретку.

— Я завтра приду, — буркнул он и заметил с неудовольствием, что женщина его боится. — Сегодня что-то не идет.

Он накрыл холст пленкой. Шрам просвечивал сквозь мутный полиэтилен.

Но и назавтра не пошло, хотя мальчик Мика заболел, и Юлия Михайловна явила, наконец, слабые признаки жизни. Она регулярно убегала в детскую, отчего Барсуков свирепел еще больше.

— Хотите кофе? — виновато предложила Юлия Михайловна в одну из недолгих передышек.

Барсуков согласился. Они сели в кухне, по-простецки, Юлия Михайловна оказалась совсем рядом — сидела, раскачивая легкомысленный тапок с помпонами, пахла чем-то неуловимо-приятным.

— Как вас зовут? — спросила она. — Извините, я должна была раньше...

— Нет-нет, ничего, — почти смутился Барсуков. — Григорий. Григорий Барсуков. Не слышали?

— Я не интересовалась искусством, — призналась женщина. — Меня зовут Юлией... впрочем, вы знаете. Называйте меня Юлей, если хотите.

Женщина помолчала.

— Я вижу, что у вас... проблемы со мной, да?

— Да, — кивнул Барсуков.

— Григорий, мне очень нужны эти деньги, — сказала Юля глухо. — Вы просто не представляете... Я практически на все готова.

Барсуков вздохнул.

— Он... настолько отвратителен? — спросила Юля, и Барсуков понял, что она о шраме. — Я накоплю денег и сделаю операцию. Мне сказали, что можно заполировать, но подвижность к мышцам не вернется. Ну, хоть так...

— Мне иногда кажется, что он живет своей жизнью, — попытался объяснить Барсуков. — Все время вылезает.

— А разве вам не это нужно? — удивилась Юля. — Вы же меня... как двухголовое чудище какое-то продаете.

Барсуков хлопнул ладонью по столу, и Юля вздрогнула.

— Я вас не продаю, Юля! Я пишу ваш портрет!

Женщина вдруг сверкнула глазами.

— Да какая разница, Гриша! Не подведите меня! — потребовала она. — Мне нужны эти деньги. Потому что скоро меня и впрямь захотят продать, вместе с сыном, а защитить меня некому.

— Что случилось? — решился на вопрос Барсуков. — Эти люди, которые за вами ходят, этот шрам — откуда они? Зачем?

— Тут вы правы — незачем! — Юля поднялась. — Мой бывший муж исчез, оставив серьез-

ные долги. Восемнадцать миллионов! Все почему-то считают, что я к этому причастна... впрочем, неважно. Спасибо вам за тактичность, Григорий. Я спросила, насколько ужасно мое лицо, вы не стали врать в ответ. Работаем дальше?

Работали до ночи. Барсуков, уезжая, забрал наброски с собой и выбросил в ближайшую урну. Он не спал до утра. Нашупать решение не получалось: Юля не раскрывалась, и шрам оставался самой живой частью ее лица. А Барсуков не желал обнародовать за своей подписью художества маньяка-людореза.

Назавтра злой и не высавшийся Барсуков немного накричал на Юлю, а потом долго и сердито работал в стол. В никуда. Женщина обиделась, но виду не подала. Она отвернулась, скрывая шрам, и часы подряд смотрела влажными глазами в окно.

За окном же бушевала осень. Барсуков уходил в нее, дождливую, как побитый пес. Дни утекали, снова объявились очкастый и Кабан, а предъявить Пашке было нечего.

Хотя портрет проявлялся с каждым часом. Его питали умные «живые» краски, барсуковский талант и Юлиана отчаянная надежда. Но это был не тот портрет, за который Пашка согласился бы платить. На нем не было шрама. Совсем. Как только он появлялся, Барсуков безжалостно его вымарывал и продолжал исступленно творить незнакомую женщину.

Она ослепительно красивая, понял в какой-то момент Барсуков. Не выхоленной глямурной, а нутряной, солнечной, энергичной, как взрыв сверхновой, красотой.

Она добрая и теплая.

Она совсем не глупая.

Когда портрет улыбнулся, Барсуков понял, что пропал. Сроки вышли, а показать это чудо он не решится ни Пашке, ни Юле. Особенно ей. Вот она — на портрете — смеется. Вот сердится и плачет. Она — портретная — делает все, кроме того, что делает она же живая. Она категорически отказывается умирать.

Барсуков в конце концов потерялся во времени и, кажется, даже разок заночевал у мольберта. Во всяком случае он не мог вспомнить потом, когда и как объявился бледный Мика с перевязанным горлом, увидел портрет...

И сказал захлебывающимся шепотом:

— Мама?!

Барсуков увидел, как распахиваются все шире и шире Юлины глаза, и едва успел подхватить ее — под громогласный мальчишечий рев мама упала в обморок.

— Только превью, — твердо сказал Барсуков. — Оригинал еще в работе.

— Что-то ты раздухарился, Барсук, — процедил Пашка, — ой, не к добру, ой, смотри у меня!

— Паша, я знаю, что тебя не устроит, — пошел в наступление Барсуков. — Случай сверхсложный, ты же понимаешь. Позволь пообщаться с заказчиком. Я смогу убедить его.

— Еще будут пожелания? — кротко осведомился галерист.

— Да. Гонорар Юлии Михайловне необходимо выплатить сейчас же и в полном объеме. Можно за мой счет.

— Ну, это понятно, что за счет... Показывай! — велел Пашка.

Барсуков развернул голограмму.

— И зачем ты это привез? — скучным голосом спросил галерист. — Куда я это дену?

— Паша, давай по-взрослому, — не уступил Барсуков. — Все стоит денег. Моя работа тоже. Сведи с америганцем!

— С «америганцем»?! — передразнил Пашка. — Каким «америганцем», Барсук? Ты карты видел? Географию в школе учил?

— Я географию на войне учил, — скривился Барсуков, — пока ты галерею строил. И настоящие карты тоже видел. Сведи с заказчиком!

— А и черт с тобой, — подумав, сдался Пашка. — Убедишь заказчика — долю дам. Проваливай!

— Паша, деньги! — стоял на своем Барсуков. — Для Юлии Михайловны. Ты же знаешь, она под судом.

— Трахнул, что ли? Не побрезговал? — полюбопытствовал галерист, но, перехватив взгляд Григория, замахал руками. — Шучу, шучу, не кипятись! Деньги будут... как только с заказчиком договоришься.

Барсуков встал:

— Поехали!

Поехали. Серебристая «Испано-Сюиза» долго искала дорогу до внушительного особняка на берегу озера. Пашка нервничал, мило матерился и курил трубку за трубкой.

А Барсуков отчаянно боялся. Юля прислала еще утром текстовую реплику: «Гриша, они ходят в галереи Мику забрать!» — и с тех пор молчала. Пока галерист с помощником разворачивали в

холле выставку, Барсуков безуспешно набирал Юлин номер, посыпал реплики и оставлял голосовую почту. Но телефоны в зале суда традиционно глушились.

Адвокат и деньги, вот что нужно!

Барсуков спрятал телефон и впервые за много лет увидел американца. Он был стар и невероятно толст, заморский гость, настолько, что дажеходить не мог. Его катил в роботизированной тележке слуга-азиат.

— Не нравлюсь? А ты чего ждал, дубина?! — рыкнул американец на галериста.

— Мистер Претт желает вам здоровья, — прочирикал азиат по-русски, и Барсуков затряс головой. Черт возьми, за пятнадцать лет он, оказывается, не забыл английского! А Пашка, дурак, никогда его не знал.

Пашка опомнился и запел. Когда Паша пел за-казчику, соловьи в окрестных лесах теряли от зависти голос.

Американец Претт откровенно скучал, перебирая работы. Наркозависимая чемпионка задержала его на полминуты, и Барсуков против воли почувствовал, как сладко затрепетало в груди, в том месте, где пряталось тщеславие.

— Это беру, — прокудахтал Претт. — Сколько? Миллион? Скажи ему, миллион. Еще есть?

Американец потратил шесть миллионов, пока добрался до барсуковского шедевра и движением пальца остановил азиата.

— Скажи ему, что я сплю, — объявил он и действительно смыкнул веки.

— Мистер Претт устал! — объявил слуга.

Пашка отчаянно семафорил Барсукову, но Григорий видел только америганца, его обвислые щеки и заплывшие глазницы. Между век сверкали, как из бойниц, умные глаза.

— Начни со ста, — проворчал Претт. — Эти ублюдки, наконец, сделали хоть что-то человеческое.

— Мистер Претт предлагает сто, — объявил слуга.

— Мы рассчитываем хотя бы на полмиллиона, — Пашка оглянулся на Барсукова и сделал зверское лицо.

Григорий развернулся и, не чувствуя ног, зашагал к выходу.

— Скажи ему, что я согласен, — прохрюкал мистер Претт. — Когда я продам это в Бостоне за двести миллионов, пошли ему телеграмму. Жлобов нужно макать лицом в навоз.

Барсуков скатился по ступеням особняка и запрыгнул в «Испано-Сюизу»...

А Юля сидела в зале судебных заседаний и старалась не паниковать.

«Тебя будут прессовать, — объяснял утром Гриша, а она, дурочка, лежала на его плече, не слушала и думала совсем о другом. — Без особой цели, просто так принято. Наложат арест на имущество. Постараются забрать на время разбирательства Мику. Не давай! У тебя заключение врача на руках».

Заключение врача кануло в номерной папке. Юля смотрела на судью, молодую женщину с жестким взглядом, и пыталась угадать, есть ли у нее дети.

«Я вернусь с деньгами, — обещал любимый, такой смешной и милый художник Гриша. — Протя-

ни только день. Вечером Мика должен оставаться с тобой... с нами».

Мика остался. Юля не ошиблась: судья в целом соглашалась с доводами обвинения, но Мику оставила с матерью. Юля до того не бывала в суде, и не знала, можно ли благодарить судью. Она только надеялась, что судья поняла ее красноречивый взгляд.

Юля вышла в вечерний дождь, спрятавшись вместе с Микой под зонтом, и почти сразу же наткнулась на Кабана. Здоровяк ждал их у выхода, прикрывшись от дождя газеткой, и не говоря ни слова двинулся следом. У Юли разом испортилось настроение. Она заспешила, ступила в лужу и, наверное, натворила бы глупостей, если бы перед ней не встал дорогущий серебристый автомобиль.

— Садись, — пригласил ее Гриша, а сам поднялся из-за руля и преградил здоровяку дорогу.

— Кабан, уважаемый? — осведомился художник.

— Ну? — буркнул Кабан.

— Не нужно ехать за нами, — попросил художник. — Это незаконно и несправедливо. Мы этого не хотим.

Бандит только плечами пожал, мол, а мне какое дело до твоих хотелок?

Тогда художник сделал резкое движение, и здоровяк вдруг встал перед ним на колени, выпутил глаза и, кажется, перестал дышать. Юля тихо взвизгнула.

Григорий прыгнул обратно за руль и вдавил акселератор.

— Разведчики научили, — смущенно объяснил он. — Давным-давно. Селезенка, болевой шок. Руку отбил, ей-богу — и впрямь кабан.

Юля перевела дух.

— Они нас все равно найдут.

— Не найдут, — отрезал Гриша, выруливая на трассу и увеличивая скорость. — Зато я знаю, где твой муж. В Америге. Искать деньги нужно там. Ну, и тех, кто при деньгах, тоже.

— Где?! — Юля так удивилась, что даже забыла разозлиться. — В Америге? Ты веришь в эти сказки?

— Не перебивай, пожалуйста, — мягко улыбнулся Григорий. — Это не сказки. Ты никогда не видела настоящей карты — только транспортные схемы: от пункта А до пункта Б... ну и так далее. Ты не учила в школе географию — потому что зачем она тебе в твоей жизни? А что такое астрономия, и не знаешь ведь?

— Знаю! — начала злиться Юля.

— Не сердись, — Гриша сжал ее руку. — Например, что на Марсе живут люди, ты точно не знаешь.

— Вранье, — неуверенно заспорила Юля. — Какие еще люди на Марсе?

— Этого не знаю, — признался Гриша. — Америганцы, наверное.

Он пошарил в кармане и протянул Юле тщательно отглаженный листок, испещренный линиями и значками.

— Вот транспортная схема, подробная. На бумаге, потому что в сети такие вещи блокируются. Красным обозначены узлы, с которых открыты трассы в Америгу. Не показывай ее никому, пожалуйста.

— И что? — забеспокоилась Юля.

— Тебе нужно добраться до Америги, найти там мужа и закрыть вопрос с долгом.

— Я не хочу, — помолчав, призналась Юля. — Я... не знаю, что сделаю, когда его увижу.

— Тогда еще проще, закрой долг сама. — Барсуков пошарил под сиденьем и вытащил компактный тубус.

— Это твой портрет, — сказал он. — Я смог его оценить сегодня, и ты знаешь... мы хорошо поработали! Денег должно хватить и на погашение долга, и на безбедную жизнь для вас с Микой.

— А ты? — Юля охрипла. — Ты нас бросаешь?! Из-за... — Она хотела сказать «шрама» и осеклась.

— Нет, не бросаю, — ответил Григорий хрупким голосом. — Но в Америге меня арестуют, я же воевал. А здесь арестуют тебя, рано или поздно. Юлечка, приходится выбирать.

«И я уже выбрал!» — говорил его взгляд.

Барсуков встал в семь утра, сделал зарядку, выпил кофе, помылся, побрился новой бритвой,лично оделся и не утерпел, выкурил-таки сигаретку.

Сегодня была суббота, второй рабочий день после среды. Сегодня Барсукова опять ждали тушки, и Барсуков, ей-богу, любил их.

За окном хмурилась слякотная зима. Барсуков в который раз обходил ряды мольбертов, поправляя, расхваливая и осторожно критикуя. Возле пухлой девушки с перемазанными краской губами привычно остановился.

— Опять рисовали небо, Маша? — спросил он.

— Мне снится, как я летаю, — призналась девушка и несмело улыбнулась. — Знаете, Григорий, я поняла, что такое любовь. Ну, то есть прочитала,

а потом поняла. Любовь — это когда хочется отдать все-все другому человеку. Это правда?

— Правда, — улыбнулся Барсуков.

— А если и он?..

— А это, Маша, уже счастье.

Маша сунула кисточку в рот и задумалась.

Барсуков отошел к подоконнику и в сотый раз достал распечатку.

«Я все сделала, Гриша! Приезжай, мы ждем! Юля».

ОБЪЕКТЫ В ЗЕРКАЛЕ БЛИЖЕ, ЧЕМ КАЖУТСЯ

To Irene, Michael and Andrew.

3 то было время, когда весь мир принадлежал нам, и будущее зависело только от нас. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: это была молодость.

Я стоял на веддинге, собирая «цитрусы». Так это называлось в курилке. Вообще-то, курилки не было. И веддинга. И цитрусов тоже не было.

Весело жили мы, заводские.

С заводом городу повезло, конечно.

— Это русская деловая хватка, — сказал однажды Кен Маклелланд. — Если долго сидеть на берегу реки, ожидая, когда мимо проплынет труп твоего врага, рано или поздно рядом построят завод.

— Ну да, мы такие, — согласился я. — Запиши, а то забудешь.

Кен записал.

Город наш делился на Левобережье и Правобережье. «Левые» работали на заводе, «правые» занимались всем остальным. Не по идейным соображениям, просто слева до завода близко, а справа — только через реку, сквозь пробку на дряхлом

мосту. У нас все кандидаты в мэры шли на выборы с лозунгом «Я построю переправу!». А потом на федеральной трассе неподалеку отгрохали шикарный виадук. Так и старый мост разгрузился, и стало всем хорошо, особенно начальникам.

— Это русская смекалка, — сказал Кен. — Если долго сидеть на берегу реки, ожидая, когда мимо проплынет труп твоего врага, рано или поздно рядом построят мост.

— Запиши, а то забудешь, — привычно согласился я.

Кен грустно покачал головой, но записал.

Его у нас долго не принимали всерьез. А потом как-то шли мы, тащили ржавое железо с кладбища автомобилей и наткнулись на стаю «правых». Вроде бы в восьмом классе мы учились, да, точно, в восьмом... «Правые» начали кричать всякое, как обычно бывает перед дракой. Ну и Кена пиндосом обозвали. А Кен этого очень не любил. Не был он пиндосом, честь ему и хвала. И дело тут не в обрушении — просто не был он пиндосом, и точка.

Кен тогда нес, как коромысло, на плечах реактивную тягу от «Жигулей». И пока я думал, что бы «правым» ответить, Кен схватил эту оглоблю наперевес и заорал:

— Я Кеннет Маклелланд из клана Маклелландов! Сюда идите, правые-неправые, осться должен только один!

«Правые» как упали, так еле встали. Ржали до икоты. Кена полюбили безоговорочно. Я молчу, что в школе творилось — фурор и триумф. А из той правобережной стаи трое обалдуев выросли офицерами дорожной полиции. И теперь если Кен

слегка нарушает — не по злому умыслу, а исключительно по обрусению, — эти ему говорят:

— Зачем же вы хулиганите, Кеннет Дональдович? Как же вам не стыдно? Не надо так. Иначе придется в следующий раз наказать.

А Кен им:

— Да работа у меня нервная. Больше не буду, честное слово.

Ну полное взаимопонимание и дружба народов. А всего-то десять лет назад пообещал навернуть реактивной тягой.

Мы с Кеном были не просто «левые», а «левые» в квадрате — наши отцы строили завод. Естественно, мы оба на завод и угодили. С той разницей, что я стоял на веддинге, а Кеннет Дональдович бродил вдоль конвейера, при галстуке и с озабоченным лицом. Лицом Кен зарабатывал деньги. Галстуком он иногда, забывшись, утирал вспотевший лоб. Русских это умиляло, американцев смешило, а вот пиндоны на Кена стучали.

— Что за манера, твою мать, сморкаться в долбаный галстук?! — спрашивали Кена в дирекции. — Разве может так себя вести менеджер по долбаной культуре производства?!

«Культура производства» только звучит не-серъезно. Не знаю, может, у вас так обзываются санитария на рабочем месте. А в нашей компании это и инженерно-креативный отдел, и гестапо сразу. «Культуристы» отвечают за долбаную эффективность. Страшнее ругательства, чем «эффективность», на заводе вообще нет.

— Я не сморкаюсь, — отвечал Кен. — Я вытираю трудовой пот. У меня работа нервная. Больше не буду, честное слово.

Кена штрафовали, он возвращался на конвейер и спрашивал линейного технолога Джейн Семашко:

— Какая падла?..

— В большой семье не щелкай клювом! — отвечала Джейн, выразительно поднимая вверх красивые глаза.

Кен затравленно обводил взглядом камеры слежения, потом ряды тонированных стекол под потолком — кабинеты начальства, — и нервно теребил галстук. Джейн привычно давала ему по рукам.

— Оставь в покое удавку, — говорила она. — Пойдем на веддинг, посмотрим, как там наш Витя. Я буду следить, чтобы он все правильно делал, а ты — думать, как сделать так, чтобы он делал это лучше.

И они приходили, и вставали у меня над душой.

Я был рад видеть ребят, да и к зрителям мы на веддинге давно привыкли. Что инспекция, что делегация — первым делом все бегут к нам и застыгают в эйфории.

Есть в «женитьбе» некая мистика. Момент волшебства. Именно здесь автомобиль становится автомобилем. Недоделанной, но все-таки уже машиной. Понизу на веддинг-пост выкатывается платформа: задний мост и передний модуль. Сверху приплывает кузов — чпок! — и поженились. И вот она, машинка.

А уж хорошенъкая!.. «Цитрусы», то есть, проштите, «Циррусы» — симпатяги, особенно трехдверки удались. Глядишь, любуешься — и видишь, какая пропасть между Россией и остальным миром. Мы можем красиво дизайнить только военную технику. Наши танки, вертолеты и самолеты прекрасны. Еще нам топоры удаются и ломы.

Если исходить из проверенного временем постулата «Все — дизайн», выводы напрашиваются сами. Русские — нация очень добрых воинов. Мы бы всех победили, только нам их жалко. И вообще, лень оторвать задницу от лавки. И нечего стесняться. Может, это наша историческая роль: сидеть на берегу реки, вяло шкрябая точилом по дедовской кatanе. А там, глядишь, придет кто-нибудь и завод построит...

В общем, я, русский воин, стоял на веддинге и собирал цитрусы. А американцы смотрели. Молча. Кен и Джейн знали, что такое конвейер, отнюдь не вприглядку, у обоих была квалификация сборщика С2, и они могли оценить четкость моей работы, как никто другой. Завод был чемпионом марки, веддинг — чемпионом завода, а наша смена — чемпионом среди чемпионов.

Тяжко нам приходилось, честно говоря.

Конвейер, что называется, «сушит мозги». Он едет — и у тебя вслед за ним крыша едет. Поэтому рано или поздно ты начнешь злостно нарушать технологию — крутить, допустим, левой рукой одну гайку, а правой другую. Так можно выиграть до тридцати секунд на каждой машине. Чтобы потом эти полминуты спокойно постоять, «отдыхая», то есть, почесываясь, скаля зубы, подтягивая штаны, жалуясь на жизнь, ругая пиндосов... Хоть не на долго почувствовать себя человеком, а не промышленным киборгом.

Я себе такого позволить не мог.

Когда-то на веддинг-постах суетилось четверо, а то и шестеро. Сейчас мы с напарником плавно и,

говорят, красиво орудовали вдвоем. Казалось бы, чего сложного — помочь Железному Джону со-вместить платформу с кузовом и завести с двух сторон рамы с гайковертами. Еще кассеты с гайками вовремя заряжать... Только нужен за роботом глаз да глаз, и регулярно — четко рассчитанный пинок. Иначе «свадьба» выйдет боком.

На конвейере многие спасаются тем, что стихи читают про себя или песни поют. Но я знал: стоит мне задуматься во время бритья — порежусь самым безопасным лезвием. А завод тебе не ванная, здесь можно без руки остаться запросто. Когда я дорос до веддинга, думал, наконец расслаблюсь — «вкалывают роботы, счастлив человек», — а стало еще хуже. По закону подлости, едва отвлекусь, простейшие операции идут вкривь и вкось.

Я физически не мог работать плохо — и все сильнее уставал. А главное, чувствовал, как необратимо глупею. Пора было валить отсюда, но я решил еще потерпеть: Вася-Профсоюз намекнул, что зимой бригаде светит турне по европейским заводам — показать немецким туркам и турецким чуркам, как надо веддить цитрусы. Если, конечно, будем вести себя с оглядкой на Кодекс корпоративной этики, то есть, нарушать технологию незаметно, жаловаться на жизнь негромко и ругать пиндоров нематерно... «А Железный Джон с нами поедет? — спросил тим-лидер. — У него же настройки индивидуальные. Мы его два года дрессировали. Мы без своего робота никуда». Васю заклинило, он пообещал все уточнить и убежал в сторону дирекции. Курилка долго хохотала.

Курилки не было, я сказал уже. И веддинга, строго говоря, никакого. А уж «цитрусов» не было и в помине.

«Курилкой» называли зону отдыха. Естественно, там никто не курил. Никто даже не помнил, какой штраф полагается за курение на заводе. Поговаривали, будто этот пункт хотели выкинуть из договора, но воспротивился директор, мистер Джозеф Пападакис. Он иногда нервно дымил на рабочем месте. И сам себя потом штрафовал.

Это, конечно, были только слухи: трудовой договор обязан предусматривать любые нарушения. Джейн уверяла, что своими глазами видела там параграф о запрете призывов к свержению власти. Я хотел проверить, не шутит ли она, но забыл. После смены было не до того: принять бы душ да упасть в койку.

Во сне я регулярно видел «цитрусы». Иногда они женились.

За «цитрусов» нас драли жестоко. Веддинг, он на любом автозаводе планеты будет веддингом, это простительно. А «курилку» господа начальники списали на местный колорит. Даром что сами, обрусы, поголовно этим колоритом страдали: кто в галстук сморкается, кто водку с пивом мешает, кто вообще болеет за «Спартак»... Даже Пападакис, редкостный пиндос, и тот перешел с барбекю-гриля на шашлык.

Но слово «цитрус» на заводе было вне закона, хоть ты так апельсин обзови. Нельзя шутить с брендом. «Цитрус» у пиндосов однозначно ассо-

цирируется с «лимоном», каковой в американском жаргоне — дерымовая тачка.

Доходило до полного идиотизма: вы могли купить «Циррус» любого цвета при условии, что он не желтый.

Каким местом думал тот, кто утвердил это имя — раз пиндосы такие нервные, — осталось загадкой. Над названием марки, запускавшейся как «всемирный автомобиль», долго размышляло супербрендовое рекламное агентство. Может, в том агентстве окопались промышленные диверсанты, японские или китайские, черт их знает.

Русские охотно соглашались с тем, что «Циррусы» — неплохие машинки, но звать их цитрусами продолжали упорно. Это была такая же местная болячка, как манера жаловаться на жизнь, нарушать технологию и ругать пиндосов. Весь город на «цитрусах» ездил, и весь город их так называл.

Когда в прошлом году Пападакис, наливаясь кровью от похоти, вручил ключ от красной трехдверки нашей Мисс Города, та подпрыгнула и радостно заорала в микрофон:

— Ой, цитрус!!!

Прямой эфир шел на всю губернию. Директор чуть в обморок не хлопнулся. Пиар-службу лишили премии за подрыв авторитета марки. Пиарщики дико разозлились на красавицу и пообещали, что следующий приз от завода ей разве что в гроб положат. Мисс только хмыкнула: она была не заводская, а из управы Правобережья — эти волки сами кого хочешь в гроб загонят. Шутка ли, именно «правые» поставляют городу всех полицаев, торговцев и политиков. У «левых» завод, у «правых» все остальное: идеальный симбиоз. Завод на-

кроется — Правобережью тоже не жить. Как бы выразился Кен Маклелланд: если долго сидеть на двух берегах реки, ожидая, когда мимо поплынут зловещие мертвецы, рано или поздно люди с разных берегов поймут, что у них общие интересы.

Надо будет сказать Кену, пусть запишет.

Кен на завод не собирался. И я не собирался. Это Джейн туда хотела — ради важной строчки в будущем резюме: «слесарь-сборщик». Мол, я такая синдерелла, начала карьеру с гайковерта, руки в трудовых мозолях, а попа в синяках. В тридцать пять стану вице-президентом, а в сорок — покажу вам, обормотам, как женщины делают культовые машины. И лучшего старта, чем в России, сейчас не придумаешь, тут можно быстро вырасти... Ну и пошла на конвейер — познавать снизу вверх профессию, учиться нарушать технологию и ругать пиндосов. А с конвейера — в институт, где мигом выскочила замуж. Вернулась с дипломом уже разведенная. Бешеный темп набрала подруга, все успела, мне бы столько здоровья.

А Кен у нас способный очень, но увлекающийся. Пока его папа Дон Маклелланд строил и налаживал завод, Кен успел дурака повалить — и на гитаре играл, и страдал вместе с нами гаражным тюнингом, и даже изучал дзен-буддизм. И все парню легко давалось, с полуоборота, нашелся бы повод.

А я от рождения узкий специалист. Я рисую, вообще-то. На самом деле, это непростая комплексная профессия — и жестянка, и малярка, и еще до черта всего, — ведь я пишу не на заборах, а на автомобилях. Но если в двух словах — ну, ри-

сую. В местной художественной школе мне неплохо поставили руку, да и отец-архитектор дрессировал ребенка. Получив аттестат, я рванул в столицу, довольно легко там поступил, год было очень интересно, а потом стало ясно, что не готов я к глубокому погружению в историю искусств. Пришлось вернуться домой и погрузиться для начала в Вооруженные Силы на годик.

Кен в это время отбыл на историческую родину. Завод вышел на проектную мощность, Маклеллан-старший собрался уезжать и подумал, что неплохо бы сыну вспомнить Америку, откуда Кена еще ребенком выдернули, а заодно и высшее образование какое-нибудь освоить. Пока он тут не обруслел вконец и не поставил скамейку на берегу реки, чтобы вместе с одноклассниками ждать, когда враги России приплывут.

И, значит, возвращаюсь я из армии — и кого вижу? Правильно, Кеннета Маклелланда собственной персоной.

— Я там не смог, — говорит. — Вроде комфортная страна, а людей — в упор не видно. Добрый народ, но какой-то неживой. Они все будто пластмассовые. Гладкие, ухоженные и ни грамма пассивионарности. Ничего похожего на книжки наших классиков. Пиндос на пиндосе. Выродилась нация, что ли... Одни чурки суетятся, лимита драная.

— Погоди, а в университете?.. Там же особенная публика.

— Сам так думал. А они все в тренде, понимаешь? Они красивые и веселые, только у них уже мозги заточены под узкие задачи. А если кто-то смахивает на гения и фонтанирует нестандартными идеями... Самые обычные раздолбай и болту-

ны. В России такой непризнанный талант валяется в каждой луже...

— У нас — не валяется. Некогда быть гением, все собирают «цитрусы». На конвейере. Напомнить, кто выдумал конвейер? И кто выдумал «цитрусы», если уж на то пошло?..

— Конвейер — это когда было! А «цитрусы» на сто процентов в тренде... Похоже, весь американский креатив ушел на программу «Аполло», и мы тогда надорвались. Ведь умели залезть в болото и отгрехать там космодром, и ломануться из болота прямо на Луну!

Ничего себе, думаю, обруслел парень. У нас каждый второй, как поддаст, такие же монологи за-двигает про «Россию, которую мы потеряли». Когда уже русские оторвут задницу от лавки, возьмутся обеими руками за ум, изобретут спутник, водку и супрематизм? Где наши балалайки, медведи и самовары, в конце концов?!

А Кен знай пиво хлещет и ругает пиндосов.

— Нет, я лучше тут буду. Тут хотя бы похоже на книжки ваших классиков. Нельзя расслабляться, потому что в любую секунду все может накрыться медным тазом. Это мотивирует, не правда ли?

— Знаешь, Маклелланд, — говорю, — по-моему, Россия тебя испортила. Ты слишком долго сидел вместе с нами на берегу реки. Завел бы хоть врагов для начала!

Кен подумал и отвечает:

— Зато поблизости уже построили завод!

А меня вдруг тоска берет.

Да, завод. Там гоночная команда «Формулы Циррус», и пилоты знают, как я здорово рисую на машинах. И Кену будет скучно без меня. И все

нормальные парни с Левобережья хоть недолго, но собирали «цитрусы» своими руками. Правда, сейчас заводские ругают пиндосов еще больше, чем раньше, но я-то знаю американцев, как облупленных. И нездоровая обстановка на заводе меня не пугает. Я отвечу на нее здоровым цинизмом.

Только вот... Есть в этом некая покорность судьбе. Все вокруг хотели на завод, ну прямо каждый, а мы с Кеном эту детскую мечту уже переросли. Может, научились глядеть дальше и видеть больше...

— Ладно, — говорю, — пойдем, склепаем для себя пару «цитрусов».

В общем, мы еще немного выпили и двинули на конвейер.

Кен отпахал на сборке год, заработал кучу штрафов за манеру утираясь рукавом на глазах у начальства, сказал, что ему надоело крутить гайки — и отправился учиться. Расти ему была прямая дорога: все помнили, чей папа этот завод отгрохал, а теперь занимает большое кресло в штаб-квартире. Никто и не сомневался, что парень на конвейере побывал ради трудовой биографии. Инженеру очень полезно.

Ко мне тоже подходили: пиши заявление на учебу. Но смутное чувство неловкости заставляло вежливо отказываться: спасибо, давайте не сейчас, я пока еще тут покручуся, огляжусь...

Кончилось тем, что меня вызвали к завкадрами. Большая честь для работяги. Большую гадость заводу надо сделать, чтобы ее удостоиться.

Пришел, докладываю:

— Глубоко признателен компании, но рано меня посыпать в колледж. Я пока еще тут покручуясь, огляжусь, освою новые операции...

— Знаю я твои новые операции, — говорит кадровик. — Здорово ты их осваиваешь. Голая баба во весь багажник. Ты ведь рисовал?

— Не я, честное слово.

Голая баба сильно отличается от обнаженной женщины. Поэтому в голую бабу въехал автобус. Загляделся — и совокупился, так сказать. В федеральные новости угодил. Раздавленный «цитрус» показывали только сбоку — побоялись наверное, что раз баба такая аттрактивная, мужики в телевизоры полезут.

— Балбес ты, Витя. У тебя сейчас такие шансы, а ты хочешь пропасть в гаражах.

— Почему сразу в гаражах? Может, в паддоке F1.

— Из наших гаражей никто не дорастет до паддока... Слушай, твой отец встроил эту коробку, — кадровик обвел руками вокруг, — в пейзаж. Врисовал ее в город. А ты разрисовываешь машинки, которые выезжают из коробки. Тебе не кажется, что это э-э... Мелковато? Может, стоит замахнуться на большее?

— Понятно, — сказал я. — Папа звонил из Америки и волновался. Простите его. И извините меня.

Кадровик пожал плечами.

— Твой выбор. Но пока ты на заводе, никогда не поздно написать заявление. Лично я буду рад.

И добавил, глядя в сторону:

— А то ведь тут пиндос на пиндосе...

Ничего себе откровение. А он продолжает не-громко:

— И поменьше болтай в курилке. Что угодно там говори, только не то, что было по правде. И не то, что думаешь. И с американосами своими... Поменьше болтай.

‘Ничего себе инструктаж о бдительности...

Многие сказали бы, что я идиот. Получи диплом за счет фирмы, отработай положенное — и вали хоть в гаражи, зато с дипломом. Ишь ты — уговаривают его! Нас почему-то никто не зовет в инженеры!

Их не звали, потому что они, на взгляд фирмы, того не стоили. И в определенном смысле им повезло.

Мои коллеги по цеху были совсем не из тех, кто хочет построить космодром и рвануть на Луну. Они были в тренде, как сказал бы умный Кен. Попадись им грамотное начальство, эти рукастые перцы могли склепать хоть звездолет на коленке, но реально они выросли в стране, где начальству звездолеты не нужны, а «инициатива снизу» либо не интересна, либо вовсе наказуема. А на всякихшибко умных и желающих странного есть весьма действенные законы — например, закон об оскорблении кого угодно. Не надо умничать, надо Родину любить. Вот парни и не умничали. Тем более, вокруг столько развлечений — нарушай технологию, жалуйся на жизнь, ругай пиндосов...

Кену, Джейн и мне что-то другое требовалось для счастья, нечто иного порядка. Мы с детства смахивали на ребят, которые думают о постройке космодрома. Поэтому у фирмы был прямой интерес прибрать нас к рукам, хорошо выучить и свое-временно обломать. Поставить в общий строй, научить уважать тренды. Пункт «обломать» был

главным, это я уже понял. Я читал это в глазах молодых инженеров, бродивших вдоль конвейера.

Не хотелось, чтобы меня обламывали.

В курилке спросили:

— Ну, че кадровик?..

— Он голой бабой интересовался. Сказал, по зорю репутацию завода. Нарушаю Кодекс корпоративной этики.

— А ты че?

— А я не позорил репутацию завода. И точка.

— А мы думали, ты — учиться...

— Нечему мне учиться, — отрезал я. — Разве что голых баб на машинах рисовать. Этого пока не умею.

Без ложной скромности, я здорово набил руку в аэробрафии. По городу катались «цитрусы», расписанные мной то под космический корабль, то под цветочную клумбу. Оставалось сделать логичный шаг: отлипнуть от завода и уйти на вольные хлеба. Увы, я этого еще не понял.

Потом вернулась из института Джейн, «молодой специалист». Я уже был сборщиком высшей квалификации и священное действовал на веддинге. Мне все нравилось. Жизнь на данном этапе удалась.

Джейн сказала: ты дурак, лоботряс, типичный русский емеля и счастья своего не понимаешь. Такой-сякой-талантливый... А я подсматривал за ней и убеждался: к черту ваши институты, к черту ваш карьерный рост. От «Женьки», как ее звали в нашей школе, смелой и потрясающей живой девчонки, осталось до обидного мало. Я не застал Женьку

сборщицей, в комбинезоне и с гайковертом, но одноклассники присыпали мне прямо с конвейера ее фото гигабайтами: не девушка — мечта. Ее хотелось рисовать. А теперь что-то важное пропало. Голую бабу написать получится, обнаженную женщину — нет. Джейн угодила в тренд. Ее уже крепко обмяли, а скоро и обломают. Грешным делом, я радовался, что никогда не был в нее по-настоящему влюблен. Я больше не верил, что она построит культовый автомобиль, и не хотел бы оказаться рядом, когда до нее самой это дойдет.

Время летело, мы взрослели, нас дрючили, мы крепчали, и мне уже не все нравилось, и жизнь если не дала трещину, то проявила тенденцию. Когда вернулся с учебы Кен, я не заметил в нем вообще никакой перемены. Это должно было радовать, но я как-то разучился. Плохой или хороший, Кен принадлежал теперь фирме. А я мечтал от нее оторваться — и все никак не мог. Я носил на комбезе чемпионские и ветеранские нашивки, был по-прежнему сборщиком на веддинге, но вдобавок — нервным и злым человеком.

Я спекся. Меня достал Кодекс корпоративной этики, задолбали пинздосы, а в Васю-Профсоюза я ни разу не швырнул гайкой только потому, что постоянно над ним издевался... Я больше не мог терпеть без зубовного скрежета идиотские «совещания по эффективности». Глядя на свои нашивки, вспоминал, как их «внедряли» и сколько меня штрафовали за то, что я забывал их нацепить на рукав. А плакат-мотиватор, маячивший перед глазами всю смену, хотелось сорвать и растоптать.

Мама почуяла, что с сыном неладно, и едва не каждый день мучила расспросами по скайпу: что я

кушал на обед, и почему на мне такая мятая рубашка. Парадоксально, но ее в Америке пиндосы не доставали вовсе. Они с отцом работали в небольшом агентстве, которое не могло себе позволить роскошь держать показушников, бюрократов и стукачей. А вот Дон Маклелланд, настойчиво звавший обоих с собой в штаб-квартиру, теперь там совершенно озверел и готовился к новому броску на строительство завода, хоть к черту на рога, лишь бы от пиндосов подальше. И жаловался отцу, что раньше такой фигни не было.

Я тоже озверел. Рычал и огрызаясь по любому поводу. У меня была какая-то совершенно зоологическая личная жизнь. Человеком я становился только по выходным в гаражах, колдая над очередным «цитрусом». Так и подмывало выкрасить хоть одну машину желтым, но никто не соглашался — это было не в тренде. Обозвать цитрус цитрусом — милое дело, но прокатиться на желтой тачке значило смертельно оскорбить марку. То есть обидеть завод, Левый берег и весь город. Честно говоря, я сам ездил на красном.

Но уже готов был обидеть завод.

Помимо нелепой пиндосской бюрократии, что цвела на заводе махровым цветом, он начал раздражать меня сам по себе. Это трудно объяснить, надо просто у нас побывать, и вы сразу поймете. Современное производство очень плотно скомпоновано — ты стоишь у конвейера, собираешь цитрусы, а в это время другие «цитрусы» разной степени готовности плывут по своим делам у тебя над головой. Тут движется все, движется повсюду, и слишком близко от тебя. Куда ни глянь, едут кузова. Спереди, сзади, сверху, спасибо — не снизу.

Кажется, я устал ощущать себя букашкой во чреве стального чудовища... На те же симптомы жаловался тим-лидер наших «рукосуев» — бригады выходного контроля. У них не ездят по головам кузова, они не рискуют схлопотать манипулятором в харю, не носят очков и наушников. А все равно боятся не меньше сборщиков. Я уж молчу, с какими лицами и какими словами выползала «химзащита» из покрасочной камеры.

Каждому тут было худо в той или иной степени. Не скучал только маленький слесарь Малахов, смутьян и клоун, из-за которого по всему заводу доски объявлений висели ниже корпоративного стандарта. Это он так нагнул пиндосов еще в незапамятные времена. Нехватка роста не мешала ему лихо орудовать «болгаркой» на обработке фланцев, хотя по всем нормативам — должна была. То ли его поставили на эту операцию сослепу, то ли сам пролез, а потом оказалось, что его оттуда фиг выгонишь. И с завода фиг выгонишь, хотя отсюда и не такие вылетали по графе «без объяснения причин». За Малахова вступил не просто весь трудовой коллектив, но даже профсоюз, смысл которого заключался в том, чтобы на заводе не было профсоюза.

— Вы опустили старейшего рабочего обижать, — сказал трудовой коллектив. — Это ведь наша живая легенда.

Начальство присмотрелось к Малахову, вспомнило, почему он легенда, и стало с виду такое, будто в детстве наглоталось разных гаек и болтов.

— Даже не думайте, — сказал профсоюз. — Он любимец всего завода и вообще... Креативный чувак. Если вы понимаете, о чём мы.

Начальство, услышав слово «креативный», бросилось докладывать мистеру Джозефу Пападакису, что русские опять задумали какую-то пакость.

Директор был, при всех своих недостатках, человеком справедливым. Он повернулся к монитору, посмотрел на Малахова, вспомнил его, поморщился... И дал команду юротделу, чтобы для креативного чувака сочинили особую расписку. Такую окончательную бумажку, согласно которой Малахов может хоть голову себе отпилить «болгаркой», а завод умывает руки. Юристам не надо было объяснять два раза, как переводить стрелки, и уже завтра на обработку фланцев приперлись хмурые люди из страховой компании. Но там их поджидали кадровик, психолог, менеджер по технике безопасности, руководство профсоюза, а еще летели искры, и весело скакал креативный чувак.

Ну, до сих пор скакет.

Достанься мне такой живой характер в сочетании с талантом нагибать тех, чья работа — нагибать всех, я бы тоже не уставал от завода, наверное.

Меня держали на заводе только две вещи. Мне нравились мои полторы зарплаты, да со всеми бонусами, и еще больше нравилось раскрашивать шлемы для гоночной команды. Машинами «Формулы Циррус» я тоже занимался, но это не творческая работа, а вот окраска шлема у каждого спортсмена индивидуальная, и тут простор для фантазии открывается безграничный.

Рвать с командой было очень больно, но я уловил прозрачный намек: гонщики со шлемами все равно ко мне придут. Втихаря, но придут. Чихали они на Кодекс корпоративной этики. А Кен без меня как-нибудь обойдется, будем после работы

пиво пить. И Джейн обойдется. Не радовала она меня больше, чересчур нервная стала и деловая. Хотя и красивая.

И понял я, что после заграничного турне уволовлюсь да пристроюсь к знакомым в уютненький гаражик с покрасочной камерой. На хлеб хватит — и никаких пиндосов.

Пиндосы мне страсть как надоели, а опиндошенные русаки и того хуже, и дальше работать в их гадючнике, даже сморкаясь в дорогой галстук, я просто не смог бы.

Давно прошла эйфория первых лет, когда мы говорили себе, что пиндосы — рабы штаб-квартиры, и это их жалеть надо, а нам-то, простым сборщикам, все трын-трава. Если менеджерам приказано заниматься идиотизмом на производстве, остается только им сочувствовать, а самим — не подставляться. Едва ли не с умилением заводчане наблюдали в пиндосах черты постепенного обрушения и ждали, что вот-вот они станут похожи на американцев.

У нас вообще было много детских иллюзий. Мы с американцами вместе росли и учились, «тупого пиндоса» считали фигурой из анекдота и наивно полагали, что раз мы все такие клевые ребята и у нас такая дружба народов — это нормально.

Мы просто не понимали, что такое производство и как оно плющит человека вместе с его национальным менталитетом и местным колоритом, будь он хоть русский, хоть нерусский. Как пиндосит не по-детски. Загоняет в тренд кувалдой.

Не получилось на заводе дружбы народов.

Администрация Пападакиса тратила огромные силы на показуху — совещания, оповещения, доклады под роспись, месячники по улучшению, декады контроля и кварталы борьбы. Мы бы, конечно, на это плевали, если бы оно не доставало каждого. А ты что сделал для борьбы? А почему молчишь на совещаниях? А где ты еще не расписался?.. Дирекция пинала среднее звено, среднее звено пинало «русский менеджмент», а русский менеджмент, который обычно в таких ситуациях пинает балду — до того опиндосел и потерял всякий нюх, что с утра до ночи пинал рабочих.

А еще они, твари, все стучали друг на друга и на нас. Мелко и противно ябедничали.

Слегка оживляли пейзаж немногочисленные американские лузеры, отправленные прозябать в Россию, скорее всего, за алкоголизм. Им было уже настолько все до фонаря, что они бродили по заводу с опухшими мордами и ругали пиндосов. Иногда они трезвели и с мазохистским наслаждением включались в борьбу за эффективность. Или креативность, хрен редьки не слаше.

На словах у нас каждый боролся за эту муть. А молодым линейным инженерам вроде Кена и Джейн эффективность вообще снилась. И все это была громадная, в масштабах целой компании, психодрама: начальники делали вид, будто им важно наше мнение, а мы делали вид, будто поверили.

Рудимент эпохи, когда «командный дух» и «верность фирме» были не пустыми словами. Теперь это не сплачивало, а только разобщало. Больно смотреть, как взрослые люди учинили нелепую ролевую игру — и приучают к ней молодых.

И ладно бы они прикидывались добренькими. Хваленой американской толерантности в этих упырях почему-то не наблюдалось вовсе, зато нос задирать перед туземцами они умели еще как. Год от года борзеть получалось у них все лучше, и от реальности они отрывались все заметнее. Откуда их таких выкопали, а главное, зачем свалили это счастье нам на голову, я долго не мог сообразить, пока Кен не объяснил.

— Нечему удивляться, — сказал Кен, — они ведь ссыльные.

От изумления я немедленно выпил.

Когда заводом рулил отец Кена, здесь была почти демократия — ровно настолько, насколько демократия полезна на производстве. Дональд Маклелланд поднимал завод в полусмертвом городе, в глубинке, где Америку считали врагом России, мировым жандармом, Содомом и Гоморрой, нужное подчеркнуть. Уговорить местные власти фирма могла на что угодно. Но реально опираться приходилось на живых людей, которые встанут к конвейеру. Дальше все зависит от тебя — как ты им понравишься, морда пиндоцкая.

Поэтому Дон сколачивал из рабочих и управленцев команду, где все друг друга уважают. В те дни «заводские» стали почти мафией и страшно гордились этим. Каждый мальчишка с Левобережья мечтал вырасти не просто «левым», а именно «заводским».

И слово «эффективность» не было тогда ругательством. Дональд не играл в это дело, а точнее, играл всерьез. Увлекал людей, внушал им веру, что

они пришли на завод не тупо заколачивать рубли, а строить автомобили. Любить автомобили. И быть счастливыми. И кузнец этого счастья — ты сам. Даже если бегаешь со шваброй, потому что дать тебе гайковерт боязно. Но без твоей швабры на заводе настанет бардак. Значит, ворочать шваброй надо осмысленно. Придумай, как это делать лучше. Придешь — расскажешь, мы тебя наградим.

Дон Маклелланд не был пиндосом, и русские ему поверили. Да чего там русские, его харизме поддались даже американские раздолбай, коих Дон привез с собой за неимением лучших и по желанию брать пиндосов. Он готов был терпеть в команде эксцентричных типов, лишь бы не бюрократов и стукачей. Раздолбай в России опохмелились, огляделись и вдруг ожили. Они не квасили с утра пораньше, а бежали на завод со смелыми бизнес-планами в зубах. А штаб-квартира милостиво терпела эту понизовую вольницу. И утверждала смелые планы. И внедряла хитрые рацпредложения. Штаб-квартира ждала, пока эти дураки не раскрутят производство на всю катушку.

А дураки, не будь дураками, мечтали забацать в глухи образцовый завод-чемпион, отхватить кучу бонусов, прославиться и вернуться в Америку героями, научившими русских медведей крутить гайки лучше всех на свете.

Ну что, у них получилось.

Завод, получив сильнейшего пинка на старте, клепал «цитрусы» с дивной скоростью и волшебным качеством. Из города не вылезало телевидение, мы гремели на всю страну, к нам приезжал то ли премьер, то ли президент, кто их нынче разбе-

рет... Кончились хохмочки про «руки из задницы». Оказалось, русские все могут.

Инерции хватило на годы. Но атмосфера в коллективе портилась. Вскоре после запуска конвейера на полную мощность весь цвет старой управлеченческой команды уехал, кто обратно в Штаты, кто в Европу. Следом умотало немало русских, естественно — лучших. А на заводе воцарился мистер Джозеф Пападакис, за ним приперлись еще морды с фальшивыми улыбками до ушей, и началось что-то странное.

При Дональде русским понадобилось время, чтобы понять: улыбки американцев — не обман, это насквозь позитивные ребята, убежденные, что все будет зашибись, надо только вкалывать. В трудные дни американцы «держали улыбку», а улыбка держала их в тонусе, помогала выстоять. От одного их вида поднималось настроение. Их тут полюбили, черт возьми...

«Новые» американцы оказались какие-то неправильные: теперь настроение падало.

Совсем оно ружнуло, когда дирекция акклиматизировалась и развила бурную деятельность по имитации бурной деятельности.

— Ссыльные? — переспросил я.

— Конечно. Ссыльные, — повторил Кен. — Вот и лопаются от злости, и глядят на вас, как на дермо. Ваши наглые русские морды каждый день им напоминают, что они — пролетели. У них в обрез хватает мозгов это понять. За что их так наказали — это им уже недоступно. Отчего они злятся еще больше.

— Ну так кто они? Штрафники какие-нибудь?
На грани увольнения?

— Ах, если бы... — Кен грустно улыбнулся. — Сам, что ли, не видишь, это обычные пиндо-сы. Некоторые даже ничего. Пападакис вообще добрый мужик.

— Слишком мудрено для меня.

— Это просто менеджеры, которые переросли рамки своей компетенции. В Америке от них одни убытки, а тут — сплошная польза. Ты ведь не думал поднять ребят на забастовку против идиотизма? Естественно: они не поймут, зачем это — бороться с идиотизмом, когда вокруг сплошной идиотизм! И пиндосские закидоны они терпят, глядя на то, как опиндосел русский менеджмент. Им кажется, что все нормально. А эту дурацкую норму команда Пападакиса установила всего-то за несколько лет, у тебя на глазах. Очень полезны для компаний наши пиндо-сы. Их только надо применять с умом...

Я слушал и боролся с желанием ущипнуть себя. Все стало ясно. Просто, как болт. И тем не менее, похоже на дурной сон.

Наши пиндо-сы глуповаты для высоких должностей. Они верные, они исполнительные, просто тупые. Вот их и шлют на периферию. Ведь Россия это огромный рынок, но сама по себе — второсортная страна, которая никогда не оторвёт задницу от лавки, потому что ей собственная власть не позволит встать. Гиблое место. Посылают к нам тех, кого дешевле послать к нам, чем послать на три буквы. По доброй воле на Русь едут только поднимать производство с нуля, и обычно это авантюристы да пассионарии вроде папаши Мак-

лелланда. Тут можно быстро и круто выдвинуться, а можно и задвинуться навсегда. Зато игра стоит свеч.

Но когда все налажено и пошло по колее, пас-сионариев надо поскорее отзывать и заменять пиндосами, которые хоть и тормознутые, как Пападакис, зато четко понимают, кто начальник, а кто дурак. Чего у пиндосов не отнять, они создают где хочешь устойчивую «пирамиду власти» и прекрасно договариваются с местными кретинами. А местные кретины скручивают туземных рабочих в барабан рог. Так достигается стабильность и управляемость. Штаб-квартира понимает это лучше всех, опыт накоплен огромный и сбоев не было. В фазе строительства завода тут нужны были американцы. В фазе эксплуатации — строго пиндосы. «Такие дела, Витя», как говорил американский классик...

Такие дела.

Встретили Пападакиса и его дрессированных пиндосов тепло, по-человечески. Дирекция ответила на гостеприимство месячником борьбы за дисциплину. У народа тихонько затрещал шаблон. Дисциплинка, конечно, хромала — никто перед начальством шапку не ломал. Разболтались туземцы. Привыкли, что менеджер первый здоровается, а лизнуть ему башмак — забывают. Непорядок.

Приказ об укреплении дисциплины висел на видном месте, и народ стоял перед ним, треща шаблоном, когда появился маленький слесарь Малахов. Он попрыгал минуту-другую, пытаясь ознакомиться, ушел и вернулся с табуреткой. Растол-

кал народ, влез на табуретку, ознакомился и произнес исторические слова:

— При Дональде такой фигни не было!

После чего поманил своего тим-лидера, показал ему на табуретку и сообщил:

— И такой фигни тоже не было!

— Ну да, у тебя был рост метр девяносто, — сказал тим-лидер.

Народ забубнил недоброд. Тим-лидер пожал плечами и вызвал мастера участка. Мастер сказал, что если слесарь рехнулся, я-то тут при чем — пускай «кадры» решают, — и вызвал младшего менеджера по персоналу. Тот, поглядев на сумасшедшего, решать его сразу на месте побоялся и вызвал психолога. Психолог был, кажется, с бодуна или просто умный. И посоветовал вызвать офис-менеджера, это ведь его епархия — доски да табуретки.

Офис-менеджер, человек старой трудовой залки, для начала воткнул мастеру за перерасход рабочих перчаток, вставил «кадру» за сломанный принтер, снял Малахова с табуретки и спросил, куда удрал психолог — к нему тоже вопросы накопились. И по какому случаю паника? Опять наши в футбол проиграли?.. Приказа о дисциплине он еще не читал.

Оценив документ, офис-менеджер фыркнул и поставил Малахова обратно на табуретку. Сказал, что это очень креативно и вообще по-нашему — отвечать на идиотизм полным идиотизмом. После чего произвел заклинание вызова пиндоса.

Пиндос увидел Малахова на табуретке и испугался. Он в Америке таких креативных чуваков не встречал. Первым делом он поднял глаза к потолку — не висит ли над Малаховым петля.

— Как я могу быть дисциплинирован, если вы не даете мне это прочитать? — спросил креативный чувак, демонстрируя шикарный русский акцент.

— Только спокойно! Я сейчас вернусь! — сказал пиндос по-ихнему без акцента и убежал.

Вернулся он вместе с самим мистером Джозефом Пападакисом.

Тот поглядел на Малахова, поглядел на потолок, потом на доску объявлений, хмыкнул и заявил:

— Этот парень прав!

Пожал Малахову руку и удалился.

А офис-менеджер сказал:

— Если хочешь расписаться за табуретку и быть ответственным за нее до конца жизни — я не против. Или поставь, где взял!

Доски перевесили. Фраза «При Дональде такой фигни не было» стала пословицей. Ради комического эффекта, говорили так о полной ерунде, вроде дырки на штанах. Иначе правда больно резала глаза. Ведь при Дональде фигни действительно не было.

Тем временем фигня крепчала. В пиар-службу и отдел кадров свалился документ эпической силы, «Кодекс корпоративной этики». В грубом пересказе, Кодекс требовал: если ты любишь фирму и хочешь в ней работать, даже не думай позорить репутацию завода, обзывать «цитрусы» цитрусами, нарушать технологию, жаловаться на жизнь и ругать пиндосов.

Шаблон громко хрустнул. Ведь примерно такую же прокламацию каждому сунули под роспись еще при найме на работу.

Не имеет значения, объяснили народу. Вы подписывали юридический документ, а в Кодексе все изложено просто и доходчиво. Всего-то несколько фраз. Они звучат почти как стихи и легко запоминаются. Это специально придумано — даже турки и чурки смогли выучить Кодекс наизусть и сдать экзамен!

— Че?! — только и спросили суровые русские сборщики.

— Через плечо, — ответили им. — Приказ штаб-квартиры, что мы можем поделать? Все сдают экзамен, даже Пападакис, хотите верьте, хотите нет. Сами уже выучили. Кому не нравится Кодекс — свободен. Кто не сдаст экзамен, для начала — штраф.

Дело было в понедельник. Самые нервные сразу просекли, что это белая горячка, и двинулись на выход. Остальные пошли искать Васю-Профсоюза, но тот спрятался. Настала спонтанная неделя борьбы за сознательность — русский менеджмент бросился уговаривать публику отнестись к Кодексу «с пониманием». Авторитетных работяг приглашал к себе кадровик. По слухам, за закрытыми дверями ругал пиндосов и намекал, что дальше будет только хуже. Но тоже взвывал к пониманию.

Заводчане поняли: нас хотят согнуть. Ну-ну. Единожды согнувшись, говорят, потом не разогнется, только это совсем не про русских, что сидят на берегу реки, мечтая о светлом будущем и слагая о нем веселые стихи: «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвца!» Выучить Кодекс действительно мог любой чурка, нашим это было на ползуза. Народ выбрал себе одно послабление: никакой приватности — у нас такой национальный мента-

литет, мы привыкли все делать гуртом. Короче, сдаем Кодекс прямо в цеху перед началом смены. Получится символично и патриотично. Ага?

Пиндосы не ждали подвоха и согласились.

Народ рванул на экзамен толпой и превратил его в жестокий фарс. Чеканные строки документа эпической силы декламировали с соответствующей эпической силой, и конвейер дрожал от хохота. Самые циничные завершали выступление веским «Аминь!» или «Ура, товарищи!». Кто-то от полноты чувств упал на колени и стукнулся лбом об пол. Кодекс этого не запрещал.

Высокое руководство поначалу довольно лыбилось, затем напряглось, удивляясь, отчего стоит такой дикий ржач. Заметило, что русский менеджмент куда-то расползается с испуганными мордами... а как дошло до земных поклонов — само позеленело. Ведь камеры слежения транслируют балаган не только к тебе в кабинет, но и прямиком в Америку. И там все пишется. И отсматривается. И там хватает ребят, которые врубаются в местный колорит на раз-два. Они счастливы будут дложить, как ты чудесно поладил с русскими, что они забили на тебя болт и поиздевались над компанией.

И тут пришел маленький слесарь Малахов.

С табуреткой.

Он влез на табуретку, переждал бешеные аплодисменты, переходящие в овации, ленинским жестом выбросил руку вперед и прочел историческое четверостишие:

Я бы вырос космонавтом,
Как Гагарин и Титов,
Просто в детстве наглотался
Разных гаек и болтов!

Смену задержали на десять минут — началась массовая истерика, люди просто боялись подойти к конвейеру. Многие плакали. Тим-лидер «химзащиты» пошел на звук искать своих в туалете и нашел там рыдающего кадровика.

Самое интересное, что Малахову экзамен считали. Пиндосы сочли за лучшее поставить галочку, чем бегать за русскими, выспрашивая, чего этот смутьян накреативил.

Задержка смены была нешуточным ЧП, дирекция хотела как-то прикрыть задницу и с перепуту сама себя перехитрила. Запись с камер показывала: работяги ползают вокруг конвейера, заливаясь слезами и держась за животы. И чего им так смешно?.. Как известно, если в Америке достают кролика из шляпы, то в России достают шляпу из кролика. Надо всего лишь поменять местами причину и следствие. Отмазка напрашивалась сама: неизвестный вредитель пронес на завод баллон с веселящим газом и распылил его в цехах. Вот вам и хиханьки-хаханьки. Это диверсия! Ведется расследование.

Служба безопасности, оказавшись внезапно крайней, встала на дыбы, да поздно: доклад уже летел в Америку. Начальник охраны ворвался к директору, едва не сломав дверь, и бушевал целую минуту, вплоть до резкого понижения в должности, отчего так же резко притих.

И весь завод притих, выжидал — а что дальше?

Дальше был Страшный Суд. Штаб-квартира на полном серьезе наказала всех за утерю бдительности, в результате чего случилась диверсия. Пиндосы утерлись, покаялись и вздохнули с облегчением. И тут им прилетело вторично, уже насмерть: за

ошибки в работе с кадрами и обман руководства. Вдули им веселящего газу. Показали, через какое место достают шляпу из кролика.

Неделей позже добрая половина руководства свалила из города. Якобы на повышение квалификации. Больше их на заводе не видели. Пиар-служба разлетелась вдребезги: своих отзвали, русских выгнали «без объяснения причин». Легко отделался кадровик, хотя он вроде идеально подходил на роль злодея — набрал, понимаешь, клоунов! Но это надо знать местный колорит: в России кто попало завкадрами не становится... Начальника охраны восстановить в должности и не подумали: он потерял лицо в кризисной ситуации. А еще какая-то падла настучала на офис-менеджера — припомнила «наш ответ на идиотизм», — и его попросили уйти по-хорошему.

Сам Пападакис усидел в своем кресле чудом. Видимо, на тот момент в резерве штаб-квартиры не было второго такого эталонного пиндося, чтобы назначить его директором российского завода.

Говорят, Пападакис именно тогда впервые с горя закурил, после чего швырнул пепельницей в Васю-Профсоюза, но это дело темное, свидетелей не было, а в Васю хоть дерьямом кидайся, следов не останется, он ведь Профсоюз.

Народ обиделся за офис-менеджера и перекрестил Пападакиса во Впопудакиса. Адаптировал, так сказать. Впопудакис отозвался на этот мирный, в общем-то, креативчик такой фигней, за которую Дональд его просто убил бы. Теперь каждый сотрудник подписывал Кодекс еженедельно. Спасибо, экзамен не сдавал. Хотя могли и спросить внезапно. И наказать, если запамятовал.

И это было только начало.

А годика через полтора в эту клоаку рухнули мы с Кеном, полные светлых надежд. Мы были готовы столкнуться с любыми пиндосскими штучками. Знали, как себя вести. Легко вписались в обстановку, ничему не удивлялись, на все смотрели с юмором. И очень долго нам тут было хорошо, лучше некуда.

Пока не выяснилось, что если в Америке ты работаешь на заводе, то в России завод работает на тебя. И ты напрасно учили правила игры, надеясь всех перехитрить, «отвечая на идиотизм здоровым цинизмом». Правила изменят, потом изменят еще и еще раз, пока ты не споткнешься.

Только сама игра будет прежней — игрой на выбывание.

Должен был остаться только один.

Когда мы с Кеном встали к конвейеру, обстановка на заводе более-менее утряслась. Рабочие старались не кусать руку кормящую, а дирекция нагибала «русский стафф» плавно, чтобы у него нигде не треснуло. Но время шло, фигня прогрессировала, народ принял ответно чудить, дурить, вежливо хамить начальству, всячески ехидничать и вообще забивать болт.

Конечно, забивали болты в переносном смысле. В нашу сторону нет-нет да поглядывала вся Россия. Поэтому завод оставался чемпионом марки, и моя смена была чемпионом завода. Нас приучили к тому, что мы — шикарные ребята, лучшие из лучших.

Только не надо капать на мозги.

А нам капали и капали.

Не реже чем раз в квартал штаб-квартира рожала очередную адски креативную бредятину, и завод начинал ее эффективно внедрять. Допустим, нашивки на рукав за выслугу лет. Чтобы сразу было видно, кто уже вконец опупел, поскольку шестой год втыкает болт в одну и ту же дырку... Или конкурс на лучший плакат-мотиватор. Чтобы сразу было понятно, у кого чувство юмора окончательно отшибло.

Русские, конечно, и не такие инициативы кидали через бедро. Но, к сожалению, отчитывалась за внедрение маразма в производство вся командная цепочка, от тим-лидеров снизу до Пападакиса на верху. Так что, например, Джейн и Кен исправно получали свою порцию ненависти на большой совковой лопате. Сначала от нас, потом от дирекции. Джейн на это глядела философски — ей надо было расти, чтобы поставить на уши мировой автопром. А вот Кен начал задумываться. Ему предстояло трубить на компанию еще несколько лет, чтобы рассчитаться за учебу, и все эти годы его бы дрючили. Конечно, он мог попросить отца вытащить его куда-нибудь в исследовательский центр. Это означало поднять лапки кверху и признать, что кишка тонка. Сдаваться Маклелланды не умели, порода не та.

Вдобавок, Кен чересчур обрусл. И привык, что он тут первый парень на деревне — я даже ревновал. На заводе его любили, в городе любили, повсюду он был свой. И вдруг оказался не вполне свой, поскольку, надев галстук, стал играть на стороне пиндосов. Ему теперь могли сказать под горя-

чую руку: «Вали в свой Пиндостан!» Знали, что не настучит — ни по морде, ни в дирекцию.

По мордам не стучал, но много раз обещал — я. Кен потом дулся на меня, и это было забавно. Джейн обзывала меня мальчишкой, и это начинало уже надоедать. Джейн вообще странно на нас обоих поглядывала.

Она будто что-то решала для себя.

А мне даже не интересно было, что у нее в жизни происходит, с кем Джейн спит после развода, и спит ли вообще. Может, нашу целеустремленную девушку ждал в постели резиновый цитрус, кто знает.

Лучше бы я в нее влюбился, когда ее звали еще Женькой.

Глядишь, все сложилось бы иначе.

Откуда во мне эта жертвенность, ума не приложу.

Национальный менталитет, что ли.

На очередное «совещание по эффективности» господа начальники прибыли вовремя: бодренький старший мастер; замученный Кен; красивая, но нервная Джейн; потный Вася-Профсоюз в качестве наблюдателя; и еще Рой Калиновски, самый приветливый в мире пиндос, который всегда успевал первым здороваться с рабочим человеком.

Смена была в сборе, только на центральном стуле, ожидавшем Роя, расселся наш тим-лидер. И начал беседу:

— Здравствуйте. Заседание клуба Анонимных Трудоголиков прошу считать открытым. Меня зовут Виктор, и я трудоголик! У нас общая проблема, давайте ее дружески обсудим. Ну, кто первый?

Встаю я, очень натурально стесняюсь и говорю:
 — Здравствуйте. Меня зовут Виктор, и я трудоголик!

Все от души посмеялись. Включая господ начальников. Как нам после вломили! Тонкий намек на то, что все эти совещания полная бредятина, пронял дирекцию до печенок. Разбирали «небезобразную выходку, подрывающую командный дух», на специальном брифинге в кабинете Пападакиса. Мы так и не поняли, кто настучал. Рой Калиновски точно не мог: ох, не за красивые глаза он зауважал русского рабочего... Мастер наш тоже не самоубийца. Значит, Вася. Основная задача профсоюза — держать работяг в узде, а тут мы явно хотят распустили.

Я-то легко отделался. Вызвал кадровик и сказал уныло:

- Просили ведь тебя!..
- Надоело, — говорю.
- А вот послушался бы меня в свое время...
- Спасибо, — говорю, — я насмотрелся уже на Кена и Джейн. Мы ведь одноклассники, между нами секретов нет...
- Лучше бы секреты были! Сгинь с глаз моих. В последний раз предупреждаю.
- Чего я сделал-то?!
- Поставил под сомнение элемент корпоративной культуры.
- А если он бессмысленный, элемент этот? Чистое ведь издевательство!
- Сам ты элемент. Подрывной!
- И в спину мне, как в прошлый раз:
- И перестань уже болтать!

Ничего не понимаю. Где я должен перестать? С кем? И так уже в курилке больше мычу и хмыкаю, чем говорю. И по пивным булькаю да хрюкаю, чтобы не подставляться. Хочу все-таки прокатиться по турецким и немецким заводам. Чисто по инерции. Я действительно спекся, ничего мне в автопроме неинтересно. Одна навязчивая идея: уйти с завода и встретить девушку, которую захочу нарисовать. Соскучился по любви. Соскучился по чувству, которого толком не знаю.

А в уютном гаражике с покрасочной камерой меня ждут хоть завтра.

И вот сижу вечером, пиво пью, с зеркалом чокаюсь. Вдруг звонок в дверь. Прямо в дверь, как будто телефона и Интернета не существует. Ко мне так приходят трое: я, Кен и полиция. Я уже тут, значит, выборка сужается.

Вваливается Кен с упаковкой пива.

— Выйдем на воздух, а? Разговор есть.

Ну, выйдем. Беру упаковку на всякий случай и шагаю с крыльца — куда бы вы думали, — к берегу реки.

А на дворе конец сентября, теплый вечер, все кругом золотое, да еще за рекой правый берег светится. Господи, счастье-то какое. И черт с ним, что по мутным водам ничего к нам не плывет. Кто знает, вдруг, когда оно приплывет наконец-то, русские не обрадуются.

Может, нам совсем другого надо — мира во всем мире, и чтобы врагов у нас не водилось отродясь. Чтобы нас все любили, и мы всех любили...

— Прости, что?!

— Увольняйся, — говорит Кен.

— Ты бухой, что ли?

— Ты сам бухой. Оба мы поддатые, вот и говорю, пока не страшно — увольняйся, дружище.

Я так и сел на берегу реки.

— У нас есть «программа лояльности молодых специалистов», — говорит Кен скучным голосом, глядя в никуда. — Всегда была. Меня она не касалась, хорошо быть Маклелландом. Я лояльный по умолчанию...

— Не надо, Кен. Твой отец не хочет, чтобы ты опиндосился, вот и приказал тебя не трогать. Элементарно, Ватсон! Ну, что за программа? Стучать? Так у нас каждый второй стучит.

— Это не обычный стук. С его помощью растят будущих управленцев, которые далеко пойдут. Он предполагает умение грамотно работать с людьми. Теперь дошло?

— Не-а.

— Не налегайте на тормозную жидкость, Холмс... Молодой специалист налаживает контакты. Втирается в доверие. И составляет отчет не о том, как люди работают, а о том, чем они дышат. О степени мотивированности, уровне притязаний, готовности чем-то жертвовать ради карьеры. Составляет психологическую карту рабочего коллектива. Сначала на уровне бригады. Тренируется, так сказать, на кошках... Выпьем!

Выдули по банке и швырнули в реку. Отвратительно, но факт — у нас в городе такая некрасивая традиция. Мне стыдно, правда. И у вас в Москве я так не делал, честное слово.

— Эти отчеты — тренировка, но не игра. По ним реально принимаются решения. Фирме не

нужны еретики, не нужны озлобленные, да и слишком умные — тоже. Умных всех на учебу, а кто в отказ, того за ворота. Клоуны нужны. Вот почему Малахов работает — и будет работать до пенсии... Но главное в отчете — число. Чем больше, тем лучше. Не отыскал недовольных? А ты их спровоцируй.

Я в затылке почесал, вспоминая, сколько раз «молодые специалисты» при мне ругали пиндосов. Откровенные русские парни. А ведь есть и такие, кто в курилке запросто толчется. Не положено им, но дружба важнее, мы ведь русские! И пиндосы смотрят на это сквозь пальцы, терпят местный колорит. Ну-ну... Вот зачем они его терпят...

— Знаешь, какая гонка за показателями идет? На карту поставлена власть. Реальная власть. Кого обогнал, того и будешь нагибать потом. В конце года подведут итоги — и мы увидим, кто из наших самые крутые скоты. И ничего не сможем, ни-че-го...

— Стоять только не надо, пожалуйста.

Кен перестал ныть и сказал очень спокойно:

— Если о «программе лояльности» узнают, город взорвется.

— Как бы не так. Плюнут и забудут. Эка невидаль! Никто и не ждал от пиндосов ничего хорошего. И потом — кто расскажет?

— Допустим, я. Потому что это подлость. Потому что нельзя так развращать людей...

— Они и за тебя взялись?

Кен головой мотает.

— Я вне игры, они думают, что под меня уже готово место в Штатах. А вот все остальные — в игре. Женяка... Это она мне рассказала. Говорит, надоело ей видеть рядом с собой наивного мальчи-

ка. А я отца тряхнул, и он мне все подтвердил. А Джейн...

— Она в тренде, да и черт с ней, — говорю. — А теперь объясни мне, тормозу, чем это все так ужасно.

— То есть тебе все равно, что ребята из нашей школы тебя закладывают? Вот эти сопляки, которых ты за шкирку таскал, когда они много себе позволяли? Или ровесники, с которыми мы в футбол рубились? Друзья наши, наконец? Те, кого мы всю жизнь знаем? С кем вместе на конвейер пришли?

— Абсолютно. Больше скажу. Ты можешь кричать о «программе» на всех перекрестках. Город только посмеется. Городу наплевать, заводу наплевать, всем наплевать. Ты плохо учил историю России.

Кен глядит на меня как-то странно.

— А ведь ты счастливый, Кеннет Маклелланд из клана Маклелландов, — сообщаю я ему. — Ты так и не завел врагов. И не хочешь, чтобы они у тебя были. Тебе больно, когда люди оказываются дерьмом. Хороший ты парень, Кен.

— Да, больно, — говорит Кен с такой тоской в голосе, что меня аж пердернуло. — А насчет врагов... Не беспокойся, врагов хватает. Только плыть мне с ними вместе по одной реке...

Хлопнул меня по плечу и ушел, оставив в недоумении.

Все-таки серьезные разговоры о чести, совести и предательстве, гордости и предубеждении, королях и капусте надо на трезвую голову вести.

Оно, конечно, натрезвя страшнее, зато понятнее.

Никуда я, пропретезев, не уволился — и тут же вляпался.

Заводской конкурс на лучший плакат-мотиватор я игнорировал. Все ждали, что «Витя им сейчас нарисует», а я сказал — да ну, не моя специфика, разучился давно... Не рисовать же завод, каким я его видел на тот момент — в гробу. У меня тут друзья загибаются, ничего себе мотивация.

Победила в конкурсе наглая копипаста с советского плаката 1960-х, слегка подправленная фотшопом. Одухотворенные работяги и надпись «Эффективность — это красота». Именно так, с одной «ф». Судили конкурс пиндосы, и мотиватор их восхитил. Зацепил генетическую память о том, как их деды с такими же простыми открытыми лицами клепали небоскребы громадными заклепками. Но, зная уже за русским стаффом некую шаловливую креативность, пиндосы вызвали на экспертизу наших из пиар-службы. А то мало ли. Пиарщики репу почесали, и у них тоже проснулась генетическая память. Они полезли в Интернет и быстро нашли оригинал. Господа начальники обиделись и почуяли недоброе — нюх на провокацию у пиндосов отменный. Увеличили картинку, изучили пристально и нашли у одного персонажа сомнительные точечки на пальцах. Вывели в полный размер (плакат-победитель обещали распечатать и по всему конвейеру развесить), а у рабочего на руке едва заметная татуировка: FUCK USA. Вскрыли конверт, приложенный к мотиватору, и увидели, что у автора ни заводской должности, ни специальности, ни даже электронного адреса нету, зато есть имя редкое: Янки Гоу Хоум.

Поднялся жуткий крик, Пападакис нервно закурил, а меня опять вызывали к кадровику.

— Я не мог сделать такую ошибку в слове «эффективность». Даже нарочно.

— А кто может?!

— Да кто угодно!

— Ну, Виктор Сергеевич, вы довыпендриваетесь! Это я вам официально говорю!

— Да идите вы все...

В курилке спрашивают: ну, че? И тут я сплоховал при всем честном народе, включая тим-лидеров и инженерный стафф. От обиды, видимо. Среди художников полно двоечников, это как бы почти норма, а у меня за выпускное сочинение оценка девять-девять. Образ Печорина самую малость недораскрыл — коленвал ему в дупло, мальчику-мажору, — и одна запятая лишняя.

Месть моя, говорю, будет ужасна. Вот уволюсь, и первое, что сделаю — выкрошу свой цитрус в лимонный цвет. Потом нарисую на борту «STRIT RASING» (сахар по столу рассыпал и пальцем написал, чтобы понятно было). Подгоню машину к проходной и забьюсь со всеми желающими на бутылку — что случится со Впопудакисом, когда он увидит этот шедевр дизайна и грамматики: просто обморок или вообще инсульт?

Вот же оболтус, сказала Джейн, ну когда у тебя это детство в заднице пройдет?! Скучно мне с вами, мальчишки, сколько лет вас знаю, а вы все не меняетесь.

Да куда уж нам, говорю. Живем в лесу, молимся колесу. Только спорим, подруга, я скоро приеду к тебе на желтом цитрусе? Поедем, красотка, кататься?

Публика аплодирует, публике смешно. А между нами с Джейн такая высоковольтная дуга образовалась, вот-вот паленым запахнет.

Кретин, сказала Джейн. Лениво сказала, без обиды, без раздражения, просто констатировала факт.

Ну, какой я тебе кретин, дорогая, кретин это тот же дурак, только с высшим образованием, а у меня всего один курс...

А она уже уходила, такой я ее и запомнил — со спины. Кудрявый затылок, прямые плечи, восхитительной формы попа и лучшие ноги Левого берега, а может, и города.

И последнее ее слово было именно это — кретин.

А назавтра в обеденный перерыв возникает у столика нашей бригады Вася-Профсоюз и говорит:

— Приятного аппетита, братья по разуму.

Это старая хохма. Смысл ее в том, что совокупный ай-кью нашей бригады равен себе же, поделенному на число работников. Ну, сами посчитайте, если не лень. Кому попало мы эту шуточку не прощаем. Она строго для своих, и Вася нынче много на себя взял. С чего бы?

— Че те надо, защитник угнетенных? — спрашивает тим-лидер. — Нам нечего тебе пожертвовать, кроме своих цепей, можем отклепать пару метров на нужды профсоюзного движения.

— Да я на минуточку, — говорит Вася. — У меня к малевичу нашему пара слов. Витя! Сочувствую, что ты в конце квартала увольняешься. Не мог до Нового Года дотерпеть? Мы же тебя планировали на поездку, на показательные выступления... Прямо скажу, здорово ты нас подставил!

И вроде должен я по закону жанра подавиться макаронами по-флотски. А в голове одна мысль: свободен. Я свободен. За меня все решили. Хорошо-то как. И выгоняют не резко, а гуманно, авось еще квартальный бонус получу.

Вася смотрит, ждет ответной реакции. Тут лидер, который тоже отнюдь не подавился, спокойно его спрашивает:

— А чего это — Витя подставил?.. Мы подставили. Мы его попросили уволиться к едрене матрене. Он нам надоел. От него одни неприятности. А ты не знал?

Вася-Профсоюз так и встал столбом.

— До свидания, Василий Иваныч, — советует лидер и ненароком сгибает вилку тремя пальцами. — Покинь опасную зону. Не стой под стрелой.

Васю сдуло. Лидер вилку разгибает и давай жевать. Говорить ему больше не с кем и не о чем. Бригада глаза прячет. Только напарник мой молодой не выдержал. Потому что молодой, специфику заводскую еще не просек до конца.

— Я бы на твоем месте уперся рогом. Пусть выгоняют без объяснения, кинь им такую подлянку.

Тут вопрос принципиальный: если ветерана и чемпиона погонят «без объяснения причин», это шухер на ползавода. Глядишь, и дубина народной войны поднимется. Может, еще кому «темную» устроят в узком коридоре. А то непорядок — один только Рой Калиновски поумнел и вежливый стал... Хотя чего на пиндосов силы тратить, вон у Василия Иваныча давно морда рихтовки просит.

— Не надейся, — говорит лидер. — Это не мы им, это они нам подляну кинут. Допустим, Железному Джону настройки событ. Через неделю вас

с Витей пинками выгонят обоих, коллеги наши дорогие выгонят... Да я первый вынужден буду вас попросить.

Я сразу глаза опустил. Лидер куда дольше меня работает и больше гадостей тут видел. Подставить нас с Джоном легко. Сегодня, завтра, послезавтра — легонькое вмешательство в настройки. Ремонтники бессильны: робот проверен, «мозги» опломбированы, в журнале — роспись мастера участка. Просто робота глючит, когда я прихожу. Разлюбил он тебя, Витя, ха-ха-ха... И будут на веддинге затыки, короткие, но чувствительные для всех, пока я не восстановлю против себя целый конвейер. Народ будет знать, что меня подставляют — и злиться, отчего я такой упертый. На деньхватит народа, на два, а потом терпелка лопнет. Ну, показал характер, молодец, но сколько можно?.. И уйду я совсем не героем, а неприятным типом с обостренным чувством собственного величия, который нагадил не столько пиндосам, сколько трудовому коллективу.

— Намек понял, — говорю.

В «кадрах» младший менеджер разыграл удивление и сожаление, но стандартная форма увольнения «по собственному» уже была распечатана. Только я ее заполнил, открывается дверь кабинета, и зовет меня заведующий. Ну правильно, его виза нужна.

Кажется, он был поддатый. Уселся, кинул перед собой заявление и загрустил. Подпер щеку рукой так, что физиономию перекосило, и выдал:

Много лет стоял, как в книжке,
 Я на г пропастью во ржи.
 Только все мои детишки
 Ушли квасить в гаражи!

— Да вы поэт! — говорю.

— А ты художник, — сообщает кадровик. — От слова «худо». Сколько раз я тебе говорил — не болтай? У меня где-то записано, сколько. Надо поискать.

Лезет в стол, чем-то там звенит и булькает, достает толстенную папку. На обложке написано: «Промышленный шпионаж и электронная разведка. Пособие для слушателей третьего курса Академии...» — дальше я прочесть не успел. Выпал в осадок. Да и сам кадровик смотрит на папку в легком недоумении.

— Господи, как мне все это надоело, — говорит. — Раньше людей по-настоящему готовили. А теперь... Кто мне прислал эту муть? На рецензию, наверное... А кто автор?.. Как — я?! Зачем?!

Поднимает глаза к потолку. Я сижу, не дыша — жду, пока кадровик очнется.

— Денег, что ли, пообещали? — думает он вслух. — А, точно, так оно и было. А это мне авторские прислали... Слушай, тебе не надо? Лежит, пол-ящика занимает...

Меня хватило лишь на то, чтобы головой помочь.

— Ну, как хочешь, — говорит кадровик и сует папку обратно. — Не смею настаивать. А то по чуть-чуть?..

— Я за рулем.

— Это правильно. Одобряю. Чего-то я хотел тебе сказать... Ах, да. Не знаю, что ты помнишь, а

вот я, например помню, когда у нас тут было... Много всего. А потом оно развалилось. И долго ничего не было. Власть меняется, жизнь меняется, а мы тут в берлоге лапу сосем... Дальше явились пиндосы и завод поставили. И город снова зашевелился, на всю Россию прославился. Благодаря пиндосам. И по большому счету твое поколение, кроме пиндосов, ничего не видело. И вам, наверное, кажется, что если на заводе фигня творится, это так, местный колорит, пиндосские закидоны. А вокруг — огромная Россия, всюду наши, жизнь прекрасна и удивительна... Не надо иллюзий, ребята. Не надо иллюзий, Витя! А теперь, раз ты за рулем — желаю дальнейших успехов в труде и личной жизни!

На парковке я посмотрел на свой «цитрус» (3-дв. хэтч, красный, 1,8 турбо, 215 л.с., механика, все электро, сел и поехал) и сам у себя спросил: что кадровик хотел сказать? Что пиндосы — всюду?

И тут замечаю: идет в мою сторону, точнее, почти бежит Кен.

А я понимаю, что ничего не понимаю. Ничего в этой жизни не понимаю! Кен умный, Джейн целеустремленная, а я — что за человек? Недоразумение, а не человек. Вот меня и выкинули с завода, где я столько лет отпахал, словно кота, что мышей не ловит — за шкирку.

И вроде бы надоел мне завод. А уходить больно. И вдруг такая обида захлестнула, что я даже по «цитрусу» кулаком врезал, обидел любимую машинку.

А Кен глядит на меня круглыми глазами и бормочет:

— Да чего ты, Витя... Ну... Это же не трагедия. Вот именно. Комедия.

Дальше события развивались слишком быстро, чтобы кто-то успел задуматься и понять, как себя вести. Люди действовали рефлекторно. Поэтому, кто бы что теперь ни говорил, я считаю — винить некого. С рефлексом не поспоришь. Увидел добычу, пустил слюну, побежал на перехват.

И уж совсем как динозавр повел себя я.

У компании было два завода в России, один в Центре, другой на Дальнем Востоке. Мы с «восточными» находились в состоянии перманентной гонки — кто кого перепинесет. Выше знамя соревнования, и все такое. Но если отбросить шелуху, любой косяк «востока» нас, простых сборщиков, обижал — и наоборот. Болезненная это штука, престиж национального филиала. Начнутся из-за «центральной» сборки рекламации — «восток», конечно, поиздевается над нами в Интернете, напишет гадостей, но заметно будет, до чего ребятам тошно: мы ведь родную страну подставили.

А тут «восток» пролетел. У них китайский поставщик решил «оптимизировать схему» электроусилителя рулевого управления. Углядел там что-то лишнее с точки зрения своего национального менталитета — и радостно это лишнее сэкономил, заменив проволочкой, именуемой в народе «сплай».

Привела китайская экономия к тому, что изредка (спасибо и на этом) в крайнем левом положении руля (прямо скажем, повезло) каждый тысячный (счастье-то какое) усилитель внезапно делал «право на борт» со всей своей электрической дури. Пальцы людям выбивало только так. И машину разбивало обо все, что подвернется. Слава богу, на большой скорости никто руль до упора не

перекладывает, поэтому бились люди не в хлам. Но автомобилей потом боялись долго, любых, а от цитрусов — кидались с воплями. Ждали, что сейчас напрыгнет.

Как только инфа о таких выкрутасах прошла по Интернету, наши возмущались: да вы че вообще, такого быть не может, это черный пиар! Понимаем трудности конкурентов, но кто так делает, стыдно должно быть! Люди ведь пугаются! Требуем всех клеветников поймать и сурово наказать!

А сами, естественно, хватать китайцев железной рукой — не размениваясь на мелочи, сразу на уровне партии и правительства. И давай крутить из крайнего левого в крайнее правое. Мол, у вас, ребята, за такое не расстреливают, нет? А напрасно. Можно и начать. Вдруг пойдет на пользу...

Говорю «наши» чисто по привычке — я ведь следил за всей катафасией уже из гаража. Но люди вокруг, простые ребята с Левобережья, переживали так, будто все еще стоят на конвейере, и за каждый русский цитрус отвечают. За свой, за «восточный», без разницы. Хотя «центру» малость полегчало — к нам эта китайская военная хитрость не могла попасть, у нас свой поставщик.

А официально — вообще ничего не произошло. Компания твердо стояла на том, что ее оклеветали. Но начала отзывную кампанию «в целях заботы о потребителе». Сразу по всему миру — чтобы никто больше ничего не боялся. Приезжайте на сервис, вам протестируют усилитель, а если очень страшно — заменят.

Мы такой заботы о потребителе не поняли. Ведь точно известно, какие цитрусы потенциально опасны — ну и отзывай их. А всемирный отзыв —

это адски дорого. Пиндосы тряслись за копейку, если та умножалась на сто тысяч машин. Хотя, когда люди начинают бояться «цитрусов», никакая щедрость не лишняя...

И в самый разгар отзывной кампании — бац! Делает «право руля» «цитрус» модного поэта и музыканта Ивана Московского. Для меня лично — хоть бы этот Ваня помер во младенчестве, век бы его не слышать. Наш кадровик против него был Пушкин. Увы, означенный Ваня не помер, а вырос идиотом, начал сочинять и петь, заработал денег еще не на «Феррари», но уже на «цитрусе», крутил руль до упора влево на парковке — хрясь! — и точнехонько в коллекционный «Феррари» въехал. В Москве это просто. Там и в «Бугатти» врезаются.

Аварийный комиссар зафиксировал VIN, а поскольку авария вышла шумная, и вокруг Вани крутились репортеры, номерок у комиссара подсмотрели. Щелкнули через плечо, так, на всякий случай. Этот самый «вин» —rudимент и атавизм, он давно никого не волнует, кроме сервисменов, потому что в нем зашифрована комплектуха. Но для журналистов лишних подробностей не бывает.

«Цитрус» был «центральной» сборки.

На заводе остановился конвейер.

Я сам две тысячи второго года, и что такое полностью анонимный Интернет, знаю только из рассказов старших. Мы уже получали вместе с паспортами электронную подпись и личные номера. И когда компания возмутилась «черным пиаром», объявив его враньем, а на этом вранье никого не поймали, я удивился. С нашими законами о клевете

те на всех и оскорблении кого угодно не особенно соврешь. Выловят, ославят на всю страну, посадят. И правильно, я считаю.

Потому что обманывать нехорошо.

Именно так рассудили сборщики, когда с утра пораньше гурьбой двинулись смотреть, какие у нас усилители. Потом они взяли за шиворот Васю-Профсоюза, чтобы было, кем прикрыться, и полезли на склад. Дальше они здорово напугали отдел техконтроля. Наконец, захотели увидеть документы по «движению» злосчастных усилителей — вдруг к нам все-таки «китайцы» заехали.

Убедившись, что Китаем и не пахнет, толпа, достигшая уже размеров угрожающих, снова вломилась в техконтроль, подавив вялое сопротивление охраны.

Техконтроль обиделся. Он заявил, что готов вткнуть себе усилитель хоть в то место, через которое русские достают шляпу из кролика — узел работает безупречно. Будучи обложен нехорошими словами, техконтроль выругался ответно — и при всем честном народе первый попавшийся усилитель развинтил. В этот момент сквозь толпу проломился директор завода собственной персоной, один, без привычной свиты. И тоже уставился в электрические потроха. Может, надеялся увидеть там «соплю» или отвалившуюся плату. А может, рабочие инстинкты проснулись временно. Свой годик на сборке он когда-то честно отрубил.

Усилитель был красавец. Крутить — и никаких соплей.

— Сука, — сказал усилителю мистер Джозеф Пападакис, и так этим всех ошарашил, что ему дали повернуться и уйти.

Потом заорали, конечно: «стой», «держи», «лови пиндоса, он что-то знает». Но того уже след простыл. А на пути к дирекции ощетинилась дубинками и шокерами охрана.

— Спокойно, ребята, — сказали народу. — Нас бить нельзя, это противозаконно. Или вызываем полицию. Ее бить совсем нельзя.

— Не очень-то и хотелось, — ответил народ. И побежал в раздевалку за телефонами — звонить в город.

Город отозвался мигом. Поэтому народ вел себя миролюбиво — легко ушел из цехов, позво-лил охране запереть проходную: куда пиндосы дежутся, когда все наши подтянутся? Да никуда.

К обеду на завод приползла вторая смена, следом приехали «бывшие», а за ними приперлись сочувствующие — фактически, вокруг толпилось все Левобережье.

Русский менеджмент к тому моменту как ветром сдуло, разбежались — не найдешь. Пиндосы забаррикадировались в дирекции. В толпе, быстро растекавшейся по периметру завода — «чтобы ни одна гнида пиндосская не ушла», — не нашлось никого выше тим-лидера, не было даже мастеров. Охрана уже ничего не охраняла, кроме проходной, беспрепятственно шлялась туда-сюда с толпой вместе, ругала пиндосов и растаскивала редкие драки.

Толпа передавала из рук в руки Васю-Пофсоюза, но тот ничего не знал и ничего не понимал. Вдбавок он уже ничего не соображал, только бормотал, как заведенный — не бейте, не бейте... Да его и не били, он просто малость сдвинулся от страха. Приехал начальник полиции и спас его. Брезгливо

оглядел и погрузил в «Скорую». После чего поднялся на крыльцо и рявкнул:

— Кто главный?! Подходи, не бойся!

Из толпы шагнул маленький слесарь. На этот раз без табуретки.

— Опять вы, Малахов, — сказал полицай. — Каждой бочке затычка. Вам, наверное, больше всех надо. Интересно, почему.

— Как я буду делать машины, если я не могу за них отвечать? — спросил Малахов.

— Не понял, — признался полицай.

— Номера не совпадают. У вас на цитрусе какой «вин»?

— Наш, конечно, — полицай вытащил бумажник, добыл техпаспорт и показал слесарю.

— Та-ак... Машина сделана для России. Собрана тут. Может, я ее и делал... — бормотал Малахов, читая цифры.

— Спасибо большое, что теперь, расщеловать тебя во всю задницу?

— Нет, позвонить на сервис, — Малахов достал телефон. — Алло! Привет. Слушай, пробей еще номерочек. Я понимаю, что тебе надоело...

Он продиктовал цифры «вина», толпа затихла.

— Поздравляю, — сказал Махалов, возвращая техпаспорт владельцу. — У вас цитрус турецкий.

— Чего-о?...

— По «вину» он наш. А по базе сервиса проходит как турецкий. У меня — кореец. Да ладно, тут и африканцы есть...

— У меня, у меня! — крикнули из толпы. — У меня черножопая! Привет из Йоханнесбурга! Апартеид не пройдет!

Полицай сдвинул фуражку на нос и почесал в затылке.

Видно было, что ему не нравится ездить на турецком «цитрусе». Уже целых полминуты не нравится. А вы думали?..

Если «цитрусы» одинаковой комплектации прошли выходной контроль, они идентичны, что наш, что «восточный», что африканский. Но если завод у тебя под боком, ты узнаешь однажды: внутри фирмы качество сборки еще как различают, и твоих земляков ставят всем в пример. А поскольку на сервисе тоже сидят наши, рано или поздно инфа просочится: «востоки» начинают сыпаться чуть раньше, чем «центры». А «турки» и «корейцы» сыплются чаще. Самую малость, но все-таки.

И ты гордишься земляками, и счастлив ездить на лучшем в мире «цитрусе».

И вдруг такой облом.

— А собственно, вам не все ли равно? — задумался полицай.

— А давай раскрываемость по районам губернии плюсанем — и в равных долях обратно поделим, — подсказал кто-то из охраны. — Вы же все менты, все общее дело делаете!

— Сам ты мент! Уволился, вот и не наглей! — полицай снова почесал в затылке.

Тут в задних рядах кто-то крикнул:

— Чурки едут!!!

Толпа замерла, как громом пораженная.

— Жена звонила! — надрывался голос в задних рядах. Над головами поднялась рука с телефоном, будто в доказательство. — В магазине слышала — едут сюда две смены чурок! Пиндоны вызвали штрек... шрек...

— ШРЕКБРЕХЕРОВ! — взревел начальник полиции. — Точно! В магазине врать не будут! Терминаторов вызвали! И еще робокопов! Мне на подмогу!

Начался хохот. Потом бормотание отовсюду — народ уткнулся в телефоны, проверяя новость.

— Это провокация! — заявил полицай. — Я знал бы первый. Без меня тут никаких чурок быть не может! Пиндосы не посмели бы без согласования...

И тут толпа взорвалась:

— ПИНДОС!!!

Из окна третьего этажа выглянул Кен. Это было окно туалета дирекции. Кен явно спешил. Воровато оглянулся себе за спину. Высунулся далеко наружу, посмотрел вниз...

— ПИН-ДОС! ПИН-ДОС! — скандировали там.

— Заткнитесь, придурки! — заорали сразу в нескольких местах. — Это же Кен!

Тем временем, Кен полез через подоконник.

— Отставить! — рявкнул полицай. — Гражданин Маклелланд!..

Гражданин Маклелланд отставил не соизволил. Учитывая, что на заводе третий этаж как нормальный пятый, со стороны это выглядело малость суицидненько, мягко говоря.

На самом деле, Кен решал чисто инженерную и отчасти управленческую задачу. Он учитывал, что его тут хорошо знают, и принимал в расчет материальную базу. Человек десять наших уже сдернули с забора баннер «Приглашаем на работу» и прибежали под окно. Половина встала к стене, задрав край баннера над головами, половина — отошла, держа свой край у пояса.

Толпа охнула — и ломанулась помогать.
По ту сторону окна замелькали какие-то тени.
Кен до этого сосредоточенно молчал и глядел внутрь туалета, а тут обернулся к народу и открыл рот.

— Уволился!!! — крикнул он.
И прыгнул.

— Довыпендривались! Качество... Фигачество!
Хуже надо было работать! — рычал Кен, держась за вывихнутую лодыжку.

Его так и несли к «Скорой» — на баниере. Под аплодисменты.

Из окна торчали пиндосы и ругались на пиндосском языке. Кто-то метко швырнул в них бутылку, и они спрятались.

— Что за безобразие, Кеннет Дональдович? — спросил полицай. — Что за цирк дю солей в прямом эфире?! Я же вас могу привлечь за такую акробатику!

— Это был экстремизм! — подсказали из толпы.
— Именно!

— Да ну вас... — Кен отмахнулся, кривясь от боли. — Народ! Слушай сюда! Вы ни в чем не виноваты! Пиндосы обезличили машины!

Народ шумно вздохнул — и обратно не вдохнул.
Новость была ожидаемая, конечно, но до того обидная, что все надеялись — пронесет нелегкая. А главное, с какой радости нам такая радость? Чем заслужили?

— Нету больше русской сборки и нерусской, вообще никакой! Потому что НЕКОРРЕКТНО! Потому что обидно! А на самом деле — из-за вас,

господа Анонимные Трудоголики! Шуточки шутите! С фигой в кармане ходите! И тогда эти тупые...

Он добавил еще несколько слов, но приводить их тут, с нашими законами об оскорблении кого угодно, боязно. А то вдруг геи оскорбятся. Или верующие. Или кто угодно.

— ...сообразили, в чем проблема. Она в вас! Можете гордиться! Больше вам гордиться будет нечем!

— А как же теперь... Качество? — спросил Малахов, подпрыгивая, чтобы лучше видеть Кена.

— Только мотивация дубьем и рублем. Никаких соревнований, хватит, наигрались. Чурки и турки обижаются, а русские наглеют, штаб-квартире это надоело. Они долго понять не могли, отчего русские такие наглые. Отчего ты такой наглый, допустим!

— Я за справедливость! — сообщил Малахов.

— А они говорят — из-за соревнования! Все, стахановцы, отдыхай! «Вин» теперь к стране не привязан, к заводу не привязан, есть комплектация — и все... Сервису этого достаточно, ему только комплектуха важна. Знать, откуда поставка, будет только логистика и дилер. А простой смертный — фигушки. Дилер больше не имеет права сообщать о происхождении машин. Хочешь узнат — шпионь за пароходами и автовозами! Да никто и не станет. Всем пофиг.

— Нам не пофиг! — сказали из толпы.

— Выйдет приказ — будет пофиг! А кому не пофиг — свободен! Решение принято на днях. Сейчас тестовый период. Поэтому они и залетели на разнобое в «винах». По сервисной базе все цитрусы уже обезличены. Никто вас надувать не хотел,

просто нелепая случайность. Должны были объявить о новом порядке завтра буквально...

— А если нам этот порядок... — Малаховрезал ладонью по горлу.

— Жалуйся в профсоюз, — посоветовал Кен.

В иных обстоятельствах это было бы очень смешно, но тут народ дружно выругался.

— А чурки едут сюда? — спросили издали.

— Какие еще чурки?! — удивился Кен.

— Шрек... Брехеры!

— Я же говорю — провокация! — крикнул полицай.

— Что за бред? — спросил у него Кен, бледнея на глазах.

— Панические слухи. Или какая-то падла хочет устроить беспорядки. Или конкуренты ваши гадят.

— У меня больше нет конкурентов, — сказал Кен. — Я уволился.

Его перегрузили на носилки и упихали в «Скорую». Лицо у Кена вытянулось, он напряженно что-то обдумывал.

— Только не везите никуда! — сказал он врачу. — Нет времени. Быстро ногу зафиксируйте. Сам потом приковыляю...

— Вас незаконно удерживали? — деловито спросил полицай и мотнул головой в сторону дирекции.

— Ну... Да.

— Заявление напишете?

— У меня нет времени, — повторил Кен, мотая головой. — У вас тоже. Ни у кого нет времени.

Будто поддерживая его, на поясе у полицая захрюкала рация. Тот прижал наушник пальцем, склонил голову набок, выслушал новость и выдал в

ответ такое, что было бы некорректно повторить даже без законов об оскорблении.

— Все-таки едут чурки? — спросил его Малахов.

— Не едут, — сказал Кен. — Ребята! Не будет чурок! Их взять негде! Не слушайте никого!

— Чурок не будет, а козлов своих — как грязи, — процедил начальник полиции. Он повернулся к Малахову: — Скажите людям, чтобы расходились по-хорошему. Пока я добрый.

— Да с чего вы взяли, что я тут главный?! — Малахов развел руками.

— Потому что вам больше всех надо!

— Он не главный, — сказал Кен. — Главного нет. Это очень по-русски. Но в этом и проблема.

И тут подъехал я.

Трехдверка ядрено-лимонного цвета раздвинула толпу, вызвав на минуту прилив хорошего настроения у всех, кроме начальника полиции.

А вот налепить на бочину надпись «STRIT RASING» я не смог.

Извините, но у меня целых девять баллов за грамотность.

В город было два въезда с трассы, и возмущенный народ перекрыл оба. А чуть позже встал и на ключевых перекрестках — чтобы никто чужой не просочился, так сказать, огородами. Полиция вяло уговаривала людей не поддаваться на провокации и ждала подкреплений.

Народ в провокацию не верил. Народ твердо знал, что к нам везут две заводские смены штрайкбрехеров, и был полон решимости стоять на смерть.

Ладно бы, русских. Безли чурок.

Что за тварь пустила слух, непонятно — но попала тварь в больное место.

При строительстве завода никакие варианты с дешевыми гастарбайтерами не рассматривались. Их тут терпели бы до первого «залета». Потом — хоть вози на работу с полицией. А полиция наша вся с Правобережья — дикая, но симпатичная. Если заставить полицию охранять чурок, она просто дезертирует, решив, что Россией наконец-то овладел Антихрист, и жизни русскому человеку осталось ровно на забухать да покаяться.

Сколько-то неруси селилось тут со времен царя Гороха. В основном торговое сословие, веселые и полезные люди. Обозвать такого чуркой считалось не по понятиям, за это свои могли накостылять. Но в смутные времена город пережил нашествие «беженцев» с национальных окраин. Встретили их по-людски, а «беженцы» приняли вежливость за слабость. Начали гнуть пальцы и рэкетировать бизнес. Вышибли этих дураков из города, но память осталась: нам таких не надо.

Поэтому когда пронесся слух, что к городу идет колонна автобусов, битком набитых чернотой, народ совершенно потерял самообладание.

Кому-то это было нужно. Кто-то играл свою игру. Ближе к вечеру на улицы полезет вся местная сволочь, ожидая повода учинить беспорядки и под шумок — разграбление награбленного. А толпа, она только вокруг завода вменяемая. На улицах она вспыхнет от малейшей искры. И толпе будет, кого сжечь.

Чурбаны еще когда приедут, а пиндосы — вот они. Пиндосы во всем виноваты. Пиндосы боятся нас, отважных патриотов, и хотят заменить бессловесными чурками. Правильно они нас боятся! Кстати, пиндосы живут богато... Чтобы ни одна гнида не ушла, тихую Улицу Специалистов, на которой гниду ждут ее детеныши и самки, достаточно заткнуть с двух концов. Для начала просто встать там, а дальше видно будет. Можно и в дверь постучаться, самую малость попугать. Ну, можно и кирпича в окошко, но легонько, конечно, не всерьез...

И туда, на Специалистов, попрется самый отборный неадекват, начиная с идеиных нацистов и заканчивая укуренными гопниками. У нас этой дряни мало, но много ли надо, чтобы поджечь дом.

Неадекват будет очень расстроен, обнаружив, что улица почти пуста. Родная школа с утра по-раньше укатила на плановую двухдневную экскурсию, а счастливые мамаши разъехались на шоппинг. Этих обзвонят, и они не вернутся, пока не кончится шухер.

Но кое-кто остался.

И целыми они доедут только до ближайшего перекрестка.

А через час — никуда не доедут.

Самые невезучие — никогда.

Улица Специалистов была словно декорация из типичного американского фильма про типичный американский городок после нашествия зомби. Ветер гнал по мостовой обрывки мусорных пакетов, желтую листву тоже не мешало бы подмети.

Сегодня дворники сюда не заходили — городу было не до того.

И полиции не видно.

Она спохватится, когда будет поздно. У полицейев есть иллюзия, будто они живут в полицейском государстве. Пригонят на Специалистов пару экипажей, но толпа опрокинет их вместе с машинами.

Надо быть заводскими, чтобы знать, до чего у всех накипело.

И надо провокацию с чурками воспринять, начонец, всерьез.

Неважно, кто играет против нас, хоть какие-нибудь Анонимные Антипиндосы, хоть китайский автопром. Да хоть правительство России — я так и не понял, чего оно хочет в принципе, да и никто у нас не понял. Некоторые уверены, что оно задумало уморить всех русских по указке пиндосов.

Не имеет значения. Важен результат.

Важно, кого сегодня могут убить русские.

Пенни, четырнадцать лет, дочь директора, сильно простужена. Дик, ее брат, двенадцати лет, не поехал на экскурсию якобы из солидарности. Думаю, надеется, что у сестренки грипп — один удачный чих, и еще неделю в школу не ходить.

Прекрасные мишени, чтобы излить ненависть к пиндосам.

Меня холодный пот пробил, едва я сообразил, что в моем распоряжении — нагло-лимонный «цитрус», уже знаменитый на весь город. И сам я — пострадавший от пиндосов. Мне будут улыбаться и махать. Я проскочу любой кордон. У меня два свободных посадочных места. Кен, с его ногой,

может только спереди... По максимуму упакуем и троих, но будет тесно.

Во что я лезу, мама дорогая?! Зачем мне это надо? Ради Кена? Не понимаю.

А скажут... А скажут ведь, что я продался! Был хороший парень Витя, не любил пиндосов, но дали ему денег — и полюбил. Кого угодно можно купить — это в России все знают. Особенно хорошо это знает каждая русская сволочь и каждая русская тварь продажная...

Плавно, чтобы раненый пассажир случайно не дломал ногу, я затормозил у дома Пападакисов. Кен улыбнулся мне.

— Я знал, Витя, — сказал он. — Я верил. Спасибо.

Меня хватило на то, чтобы отвернуться и устремиться в зеркало.

Кен, заметно ковыляя, пошел к дому.

Мне не было страшно.

Мне было холодно.

Я чувствовал: сегодня что-то кончается.

Пять минут, и Кен уже прыгал к следующему дому. Обзавелся тросточкой — бейсбольной битой.

Десять. Пятнадцать.

— Ой, цитрус!!! — заорали на крыльце в два пристуженных голоса.

Наконец-то. Проклятье, чего там Кен застрял?

— Здравствуйте, дядя Витя!

— Хелло, Пенелопа, — я даже не обернулся, когда дети лезли назад. — Салют, Дик.

— Ваш цитрус... Это просто чудо! Почему, ну почему их нельзя красить в желтый цвет?!

— Спроси папу. Вдруг он ответит прежде, чем покончит с собой.

Мой кладбищенский юмор вызвал у детей приступ хохота, переходящего в кашель и чихание. Все-таки грипп.

— Ну да, я знаю, — пробасил Дик и высморкался. — Но ведь это идиотизм.

— Вырастешь — становись боссом и борись с идиотизмом.

— Клянусь. Если вы нас вытащите из этой задницы, так и будет.

— Ричард! — сказала Пени укоризненно.

Я думал, Кен им что-то наврал. Похоже, я забыл, каков наш Кеннет Маклелланд, когда дело пахнет жареным. Я обернулся. Увидел, что Пенни уже совсем большая и вырастет, пожалуй, очень красивой, а из Дика получится такой же кабан, как его папаша, только глаза у парня хитрые-прехитрые. Это хорошо.

— Почему вы ушли с завода? — тут же спросил Дик.

— Ричард! Простите его, дядя Витя. Он страшный нахал.

— Устал бороться с идиотизмом, — сказал я. — Теперь ваша очередь.

В зеркале возникла миссис Пападакис. Открыла багажник, сунула туда пару объемистых сумок. Шикарная женщина, все еще в отличной форме. Что она нашла в своем дураке, что такого в нем разглядела двадцать лет назад? Говорят, он добрый... А мне не все равно?

Она пролезла на заднее сиденье.

— Спасибо, Виктор, теперь будет быстро, остальные уже готовы, надо только Риту уговорить.

В отличие от детей, старшие говорили либо с сильным акцентом, либо по-английски. Миссис Пападакис своего русского, видимо, стеснялась.

— Рита Калиновски, помните ее?

Опаньки. Супруга нашего вежливого пиндоса.

— Миссис Пападакис, а вы знаете, почему Рой — самый милый и добрый менеджер завода?

Она рассмеялась.

Минуточку, а как же Кен?! Я все понимаю, семью директора мы забираем по-любому, но... Кто мне эта жена пиндосского пшека Калиновского?! Мягко говоря, не родственница.

— Я знаю, — сказала миссис Пападакис. — И Рита тоже. Она с ним три дня не разговаривала, когда ей объяснили, за что его... Научили хорошим манерам. На заводе многим не помешала бы такая терапия...

Как интересно. Или... Уже не интересно?

Время уходило, время... Чего там Кен копается? Двадцать минут прошло. И как они втиснутся сюда вдвоем? Я чуть-чуть подвинулся...

И тут меня накрыло.

Я раньше не обращал внимания на эту надпись — знал, что она есть, но не вчитывался. Правое зеркало у меня импортное, потому что родное я стукнул и поставил на замену первый попавшийся элемент с допотопного цитруса, у которого была еще частично привозная комплектуха. И сейчас повлиял, наверное, разговор на английском.

Тоненькой сеточкой по низу правого зеркала было набито:

OBJECTS IN MIRROR ARE CLOSER THAN THEY APPEAR.

И наконец-то до меня дошло, что я тут делаю.

В зеркале отражалась вымершая улица русского города, населенная до сего дня пиндосами. На вид совсем американская улица. Ее нарочно такую сделали.

Все совпало.

Сошлись воедино напутствие кадровика насчет глупых иллюзий и давнишние слова Кена про то, что наши пиндосы — ссылочные. Ссылочные. Вот именно.

ОБЪЕКТЫ В ЗЕРКАЛЕ БЛИЖЕ, ЧЕМ КАЖУТСЯ.

Ссылочные начальники у нас повсюду. Управляют Россией на всех этажах. У них русские имена, но это неважно. Главное, они уверены — это не они дураки и ворье. Это страна им досталась неправильная и плохой народ. Второсортная страна, и неблагодарный народ, от которого так и жди подлянки. Господа начальники не понимают, за что им такое несчастье. И наши хитрые рожи их бесят.

Поэтому у господ начальников поместья в Европах, и дети их учатся за рубежом. Как русский начальник дорывается до бабла, он начинает воровать себе на спокойную жизнь подальше от немытой России, куда его случайно, по ошибке, занесло.

В ссылку, черт побери!..

Поэтому в немытой России — как на пиндосском заводе: шумные речи, громкие обещания... А приглядышься — надувательство. Главная задача менеджмента — нагнуть и зафиксировать народ.

Создать видимость того, что к нему относятся с доверием и интересом, авось дураки поведутся, дураков у нас хватает.

А если кто шибко умный — его обезличат. Уравняют с остальными, чтобы никому не обидно. Издадут закон об оскорблении кого угодно — и попробуй вякни. Попробуй иметь свое мнение... Несколько Малаховым разрешат ходить с табуретками. Их будут очень беречь, этих полезных клоунов. А ты крути гайки и не вякай.

Поэтому нужна «пирамида власти», в которой местные кретины нагибают местный стафф. Поэтому такой явный, даже наглый отрицательный отбор, с уровня города до страны в целом. На одного Кена — сотня Роев... Из смелой Женьки, если загнать ее в тренд, вырастет карьеристка Джейн... Это живые люди, надо их пожалеть, а я не могу. Ведь они нагибают мой народ и портят тех, кто мог бы вырасти действительно сильным лидером.

Мы с Кеном ушли с завода, чтобы не участвовать в этом. Ладно, дальше Кен уедет к родителям в Америку, у меня такой выход тоже есть, но я эмигрирую только в могилу. Нельзя, чтобы тут остались одни послушные и довольные. Это просто некрасиво.

Двадцать шестая минута. Ура!

Кен почти тащил на себе миниатюрную блондинку. И широко улыбался.

Ну, займусь привычным делом — борьбой с идиотизмом.

И мне, пожалуй, наплевать, что скажут про хорошего парня Витю завтра. Сегодня я здесь ради

города, ради страны, ради себя. Я не хочу, чтобы мы все вместе совершили глупость.

И не о чем было размышлять так долго. Вон, Кеннет Маклелланд, черт нерусский, вообще не думает. У него есть совесть, он ее слушает, и ему достаточно...

На сиденье плюхнулась Рита. Кен сунул ей в ноги рюкзак и захлопнул дверь.

Он стоял на тротуаре, опершись на коротковатую для этого биту, что-то говорил в телефон, кивал и все улыбался мне.

— Я не понял, Кеннет!..

Шутить было не время, да никто и не шутил.

— Все прекрасно, — сказал Кен. — Джентльмены, заводите моторы!

Проклятье, я мог бы увезти его и в багажнике, выкинув сумки. Жизнь дороже барахла. Если Кен постарается, он сложится втрое и... Какого черта, я запихну туда эту Риту!

Подвеска жесткая, но все равно машина сильно просядет. Будет заметно, что везу много народа. А в пикетах наверняка полно бухих. Встанут и не уйдут. Готов я давить русских из-за пиндосов?

— Поезжай скорее, Витя, — сказал Кен очень мягко. — Они сейчас будут здесь.

— Мы подвинемся! — крикнула сзади Пенни.

Взрослые молчали. Их спасали, и они старались не мешать. Я боролся с желанием выкинуть Риту на асфальт. По-хорошему, могла бы сама выйти! Миссис Пападакис вне игры, ей нельзя геройствовать, травма у детей на всю жизнь останется.

Рита глядела вперед стеклянными глазами. Проклятье, она была под седативами. Сама нажралась, или Кен ее упорол? По времени — точно его работа. Спасатель, трам-тарарам.

Я вышел из машины.

— Ты не понимаешь, — сказал Кен. — Я не поеду.

— Что ты натворил такого, чтобы покончить с собой?

— Ничего не случится. Я просто с ними поговорю. Это важно для меня. Я хочу с ними поговорить. Объяснить.

— Идиот. Они не будут разговаривать.

— У меня всегда получалось, — сообщил Кен скромно.

Феерический идиот.

— Засунь в задницу свое чувство вины! — прорычал я сквозь зубы. — Даже если ты меня застучал, как это сделала Джейн! Мне наплевать сейчас, и потом будет наплевать! Будь здесь Джейн, я увез бы и ее.

— Да перестань ты, — сказал Кен. — Неужели тебе непонятно?.. Витька, не заставляй меня нести пафосную фигню! Ну... Если я сейчас убегу, значит, признаю себя пиндосом! А я не для того увился через окно. И ребята не дали мне разбиться! Я больше не мог оставаться с пиндосами, вот и прыгнул. Это мой город. Это моя страна. Мне тут некого бояться.

— Пафосная фигня, — согласился я. И ляпнул первое, что пришло в голову: — При Дональде такой фигни не было!

— Вот это уже мне решать, — сказал Кен. — Я Кеннет Маклелланд из клана Маклелландов. Остаться должен только один.

И тут я их увидел.

Три «цитруса» встали в конце улицы, перегородив ее. Из машин лениво выбралось человек десять, часть осталась на месте, а остальные не спеша двинулись в нашу сторону.

И почти сразу замельтешило вдалеке позади. Толпа. Ну, правильно, с той стороны удобнее дойти переулками. Там асфальт ужасный, машины приползут нескоро. А мне терять нечего, там я и проскочу: больше газу — меньше ям.

— Давай! — крикнул Кен.

Не знаю, чего ему было надо, но я — дал.

Я пробил с локтя в челюсть и схватил падающее тело на руки. Миссис Пападакис тоже не подкачала. В одно движение она сложила переднее сиденье вместе с Ритой. Раздался громкий стук — это Рита треснулась лбом о переднюю панель.

Я воткнул Кена головой вперед на колени Пападакисам, откинул Риту на место и бросился за руль.

Топнул по газам и крутанул барабанку до упора.

Улица была узковата, и я схватился за ручник, чтобы забросить с его помощью корму. Руль я доворачивал одной левой и просто не успел как следует зажать его в мертвую точку. Поэтому мне не выбило палец, когда замечательный усилитель российского производства внезапно сделал «право на борт».

Нас швырнуло на тротуар. Удар в переднюю подвеску был такой — удивительно, как мы ее там не оставили. Потом оказалось, с колес отлетели балансировочные грузики... Рита снова врезалась лбом в панель, хорошо, не носом. Сзади визжали дети. Думать было некогда. Распахав чудесный газон Пападакисов, желтый «цитрус» прямо по тротуару рванул на толпу.

Уже смеркалось, и я врубил дальний свет, чтобы было страшнее.

В зеркалах полыхнуло: за нами шла погоня.

Оставалось выяснить, у кого дури больше.

Одно я знал точно: если останемся живы, «цитрус» свой — убью кувалдой.

Это было время, когда весь мир принадлежал нам, и будущее зависело только от нас. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: это была молодость.

Кен очень хотел изменить мир к лучшему. Хотя бы в рамках одной компании. Ему казалось, он слишком много времени отдал ей и вообще автопрому, чтобы искать себя в другой области. Какая разница, где бороться с идиотизмом?

Вот он и занимается долбаной эффективностью по сей день.

Джейн тоже некуда было деваться. Она не построила культовый автомобиль, но стала вице-президентом, как и хотела. За то, что вся подноготная любой тачки — открытая книга для покупателя, и никакой инженерный ляп не удастся больше списать на условных «китайцев», благодарите ее.

А я от рождения узкий специалист. Я рисую, вообще-то.

Чуть не забыл: Дик Пападакис меня обманул. Он не стал боссом, как поклялся когда-то. Он актер.

Директор завода сейчас некто Пенелопа Яковлева. Железной рукой проводит в жизнь линию штаб-квартиры. Выше знамя соревнования, и все такое. Народ ругается. Зато на совещания по эффективности можно не ходить. Выдумал чего — готовь презентацию, иди в конференц-зал и защищай свою идею, прямо как диссер, при всем честном народе. А желающие могут тебе объяснить, что ты дурак. Это на заводе любимое развлечение, из-за него весь русский стафф перессорился, и уже дошло до мордобоя.

Работяги говорят, при «папе Джо» такой фигни не было.

ГОДЗИЛЛА И ХАБЕРМАС

Посвящается ТА

1.

сколки закаленного стекла хрустели под ногами Микаэля Липмана.

Стекло было повсюду. Миллионы маленьких кругляшков с гладкими краями, о которые невозможно порезаться, лежали на мостовых Сити нетающим градом. Еще несколько часов назад они были окнами хрустальных башен, отражавшими золотое закатное солнце.

Теперь, в сумерках, небоскребы Сити выглядели декорацией фильма-катастрофы с хорошим бюджетом. В гладких голубоватых стенах зияли рваные раны. Кое-где из этих отверстий высовывались оборванные пучки черных проводов или перекрученные прутья арматуры. Крайне непристойное зрелище, на взгляд Липмана, крайне.

Позади с мерзким скрежетом давили осколки разбитых окон тяжелые армейские ботинки двух его спутников. Военная полиция, бессмысленное обременение. Ни воров, ни грабителей, ни обкурившихся юнцов нет на десять миль в округе, разбежались, как зайцы. Слепому ясно, что где-то рядом Годзилла. А чем смогут помочь при встрече с

Годзиллой два накачанных амбала с короткоствольными автоматами?

Микаэль остановился, покрутил головой, понюхал воздух. В воздухе висел слабый запах дыма — не дыма пожарищ, иногда возникавших там, где свирепствовал Годзилла, а дымка костра, над которым жарится мясо. Возможно, они совсем рядом, подумал Микаэль. В двух-трех кварталах отсюда, мирно сидят вокруг огня, слушают барда, который еще вчера работал бухгалтером и знать не знал о своем высоком призвании. А бывший креативный директор поворачивает сделанный из офисной вешалки вертел с насаженной на него добычей. Что это за добыча, лучше не думать, но у всех, кто смотрит на нее и ловит трепетными ноздрями запах жареного мяса, текут слюнки.

Впереди что-то с грохотом упало и покатилось. Двое спутников Липмана тут же выставили вперед автоматы и изготовились к бою, но это была всего лишь спутниковая тарелка, оторвавшаяся от своего кронштейна — она, видно, висела на соплях с самого Часа Разрушения, пока, наконец, сопли не оборвались окончательно. Один из полицейских подошел и со злостью пнул ее ногой.

— Не ведите себя, как идиот, — резко сказал Микаэль. — Тарелка-то в чем виновата?

— Виноват, господин хабермас, — полицейский втянул маленькую голову в плечи, и Липман обругал себя за несдержанность. Эти простецы из силовых структур всерьез верят, что рассерженный хабермас может сломать им карьеру. Не то чтобы это была совсем уж чепуха — может, конечно. Только для хабермаса, не говоря уже о кардинале, размениваться на такие мелочи — все равно,

что командающему армией проводить маневры с целью захвата деревенского нужника. Судьбы простецов в руках менеджеров низшего и среднего звена. Микаэль Липман по сравнению с этими менеджерами — небожитель, а небожителю не пристало вымешивать свое дурное настроение на насекомых.

— Здесь неподалеку — стойбище, — Микаэль махнул рукой в том направлении, откуда плыл дымок. — Приведите мне оттуда кого-нибудь. Лучше женщину.

— Слушаюсь, господин хабермас, — бодро откликнулся полицейский. Он махнул рукой напарнику, и оба амбала, пригибаясь, исчезли в проулке между семидесятиэтажным карандашом Центробанка и зеркальной (еще недавно) пирамидой Налогового Дворца. Липман наконец-то остался один.

Он достал из кармана тонкий, как лист бумаги, телефон и отчетливо произнес имя абонента.

Пару секунд спустя экран телефона загорелся ровным серебристым светом. Тот, кому звонил Микаэль, скрывал свое местонахождение.

— Борис, — сказал Липман в серебристый экран, — я знаю, что ты меня слышишь. Я сейчас в Сити, Борис. У тебя получилось, должен признать. Ты меня круто подставил, парень, и мне теперь, наверное, не подняться. Но я хочу, чтобы ты знал: я все равно найду тебя. Даже если меня разжалуют в младшие аналитики, я найду тебя через год или через пять. И тогда...

Экран внезапно потемнел. На нем возникла ухмыляющаяся оранжевая рожица — смайлик. Оранжевый глаз весело подмигнул Микаэлю.

— Смейся, — сказал ему Липман. — Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда я схвачу тебя за горло.

2.

— Старший хабермас Микаэль Липман, — сказал кардинал Гроненфельд, — вы проглядели врага.

Кардинал был высок и худ. Он носил пиджаки из мягкой замши, шерстяные жилетки с вышитыми треугольниками и звездами, льняные брюки и мокасины из натуральной кожи. Одни мокасины стоили больше, чем Липман тратил на весь свой гардероб в месяц.

— Виноват, Ваше преосвященство. — Микаэль покаянно склонил голову. — Он слишком хорошо замаскировался.

— В таком случае он заслуживает поощрения, — без тени улыбки ответил Гроненфельд, — а вы — наказания. Ваша работа, хочу напомнить, в том и заключается, чтобы вовремя распознавать опасность и выжигать ее каленым железом.

Липман кожей чувствовал на себе неприязненные взгляды коллег. Никто не любит неудачников, а лузера, подставившего под удар все свое подразделение, ненавидят. Возможно, что один из тех, кто наблюдает сейчас за унижением Микаэля, займет вскорости его место, но не менее вероятно, что вслед за уволенным старшим хабермасом последуют и все его сотрудники. За эту неопределенность, думал Липман, меня ненавидят еще больше.

Но Гроненфельд пока что не произносил слово «увольнение». Он принялся рассуждать об ответственности офицера СИВ за умы малых сих, про-

стецов и менеджеров среднего звена, о том доверии, которое возложено на хабермасов и кардиналов, об их ключевой роли в поддержании порядка в постинформационном обществе. Слова Гроненфельда сплетались в прихотливый узор, смыслы множились, перетекая друг в друга, блестящие логические конструкции возникали и рушились по мановению тонкой белой руки кардинала. Когда спустя полчаса Гроненфельд закончил свою речь, Липман обнаружил, что не помнит почти ничего из того, о чем говорил шеф.

Впрочем, на совещаниях с участием Гроненфельда такое случалось нередко. Микаэль подозревал, что дело тут в использовании высших уровней техники Эр-Эс, которой в совершенстве владели кардиналы. То, что шеф хотел донести до своих подчиненных, отпечатывалось у них где-то в подсознании и в нужный момент высакивало на поверхность, как чертик из табакерки.

— В общем, идите и работайте, Липман, — на-путствовал его кардинал. — Вы проглядели врага, вы его инейтрализуете. Ошибки могут быть у каждого, но настоящий философ умеет извлечь пользу даже из ошибки.

Выходя из кабинета шефа (стилизация под зал средневекового рыцарского замка — прокопченные балки потолка, огромный камин с грудой настоящих дров, неструганные деревянные скамьи вдоль массивного стола на дубовых колодах), Микаэль оглянулся на своих коллег. Старшие аналитики и хабермасы Службы Интеллектуальной Безопасности смотрели ему вслед со смесью зависти и любопытства. Опять этот Липман вывернулся, думали они. Что же у него за волосатая лапа

в Конclave, если даже после такого эпического прокола Гроненфельд ограничивается отеческим внушением?

Смешно, подумал Микаэль, закрывая за собой тяжелую, обитую черной бронзой дверь кабинета. Если бы они знали, что у меня никогда не было никаких влиятельных покровителей. Вообще ничего, кроме своих мозгов.

А вот у Бориса лапа наверху была. Волосатее не придумаешь. Борис был зятем главы Конclave, Папы Юргена.

Стоит ли удивляться, что никто из офицеров СИБ, включая, разумеется, и Службу внутренней безопасности, даже не предположил, что золотой мальчик Борис может выпустить на волю Годзиллу.

3.

Микаэль и Борис пришли в СИБ в один год. Борис был выпускником философского факультета МГУ, Микаэль защитил диссертацию в Гейдельберге.

Борис был высоким широкоплечим викингом с пронзительными голубыми глазами и волосами цвета спелой пшеницы. Девушки вешались ему на шею гроздьями. Полноватый и рыхловатый Микаэль успехом у противоположного пола не пользовался. В университете он снимал квартиру вместе с однокурсником-гомосексуалом, бойфрендом декана. Близких отношений между ними не было, но, поскольку Микаэль никого не посвящал в подробности своей личной жизни, многие думали, что он тоже придерживается правильной ориентации.

Для работы в Службе это был плюс: среди офицеров СИБ считалось похвальным продолжать традиции родины всех философов, древней Эллады. Липман не учел только, что каждый кандидат при поступлении сдает полторы сотни тестов, результаты которых в совокупности говорят о нем больше, чем он сам о себе знает. Когда он переступил порог своего первого места работы (это был HR-отдел средней руки корпорации, выпускавшей пищевые добавки), старший хабермас поощрительно похлопал его по плечу и заверил, что гетеросексуалам тут тоже найдется место.

А Борис никогда и не скрывал своего пристрастия к женщинам. На вечеринках Службы он появлялся то с одной, то с другой экзотической красоткой (он питал слабость к мулаткам). И когда в конце концов Борис женился, то его приятели удивились только тому, что выбрал он не очередную длинноногую шоколадку, а довольно бесцветную и бесформенную девицу с редкими рыжеватыми волосами и носом картошкой. О том, что это любимая (и единственная) дочь Папы Юргена, коллеги Бориса узнали гораздо позже. В МГУ Борис специализировался на философии информационных технологий и великолепно умел организовывать информационные потоки.

Имея такого тестя, можно было в сорок лет стать полноправным членом Конклава. Но Борис не торопился. Ему вполне хватало места старшего хабермаса в головном офисе СИБ.

— Я ленив, — говорил он Микаэлю в минуты откровенности. — Зачем мне эта головная боль? Каждый кардинал в Конклаве с утра до ночи печется о судьбах мира. И по ночам, скорее всего,

тоже. А я хочу жить в свое удовольствие. Вот скажи, чем тебя не устраивает твоя нынешняя позиция?

Микаэль в ту пору уже перешел из разряда старших аналитиков в ранг младших хабермасов. Будущее казалось ему безоблачным и полным маяящих перспектив.

— Плох тот аналитик, который не носит в своем кейсе кардинальскую мантию, — парировал Липман. — Если не стремиться к самосовершенствованию, рано или поздно деградируешь. Только постоянное развитие ума превращает обычного человека в интеллектуала.

— Ты говоришь штампами, — поморщился Борис. — Можно подумать, ты не философ, а менеджер среднего звена. На самом деле вы все просто боитесь, что если не будете бежать все выше и выше по карьерной лестнице, то напирающие снизу молодые и голодные интеллектуалы вас сожрут.

Микаэля изрядно покоробило это «вы все».

— Конечно, — сказал он ядовито, — тебе-то бояться нечего. С таким-то прикрытием.

Борис вздохнул и потянулся за бутылкой восемнадцатилетнего «Лафроега».

— Это верно, сейчас об меня любой обломает зубы. Но Папа Юрген не вечен, к сожалению. Если я буду из кожи вон лезть, чтобы получить сан кардинала, то как только тесть выйдет из игры, Конклав тут же меня схарчит. Еще виски?

«Вот тогда-то он все и задумал, — сказал себе Микаэль. — Просчитал все варианты и понял, что без Папы Юргена шансов у него нет. Застрять в сорок лет на позиции старшего хабермаса — для любого офицера СИБ это было бы мечтой. Для лю-

бого, но не для Бориса. Он с самого начала рассчитывал на большее».

А потом появился Годзилла...

4.

Женщина, которую привели полицейские, выглядела как офисная секретарша. Да она и была офисной секретаршей — до самого Часа Разрушения, когда, подчиняясь приказу Годзиллы, перевернула свой стол и разбила креслом окно.

Сейчас это было смирное и усталое создание со следами косметики на лице и обломанными ногтями с остатками французского маникюра. Огонь, пылавший в ее глазах в Час Разрушения, когда сотни таких же, как она, корпоративных служащих стали крушащим кулаком Годзиллы, погас, осталась лишь холодная серая зола. На Микаэля она смотрела без враждебности, но и без подобострастия, с которым офисный планктон обычно взирает на хабермасов.

— Не бойся, дитя, — сказал ей Липман. — Я не причиню тебе зла.

— А я и не боюсь, — ответила женщина равнодушно. Голос у нее был красивый, грудной и глубокий. — Я свободный человек, а свободные люди ничего не боятся.

— Ошибаешься, — мягко возразил Микаэль. — Свобода — обоюдоострый меч, к тому же меч без рукояти. Тот, кто свободен, лишен защиты. О нем некому позаботиться. Он никому не нужен. Он один в океане жизни, а впереди у него — только обрывающийся в бездну водопад смерти. Ты хо-

чешь, чтобы тебя, как щепку, влекло к этому водопаду, дитя?

— Вы мне не отец, — дерзко ответила бывшая секретарша. — Вы просто хабермас, надсмотрщик над мыслями. Ваша работа — следить, чтобы служащие корпорации думали так, как это нужно их боссам. Раньше, в древности, надсмотрщики были рабов бичами, а теперь вы, хабермасы, хлещете словами наш разум...

Липман недовольно взглянул на полицейских — им эту ересь слышать было вовсе ни к чему. Но амбалы, казалось, вообще не вникали в то, что бормочет приведенная ими женщина.

— Кто тебя научил этому, дитя? — спросил Микаэль, заглядывая в глаза женщины. — Кто вложил в твою голову эти самоубийственные мысли?

— Годзилла, — без колебаний сказала секретарша и засмеялась. — Он уничтожит ваш мир, жалкие хабермасы. Он уже идет по улицам ваших городов, и под его ударами рушатся невидимые цепи, которыми вы нас сковали...

— Вы, двое. — Липман повернулся к полицейским, которые немедленно принялись пожирать его глазами. — Отойдите на двадцать шагов.

Они выполнили приказ, не задавая вопросов. При всей тупости простецов из силовых структур, вышколены они были отлично.

— Что еще говорил тебе Годзилла? Рассказывай все без утайки, дитя. Ведь каждый человек имеет право знать правду, не так ли?

Как и всякий старший хабермас, Микаэль владел техникой Эр-Эс, хотя, разумеется, и не на таком уровне, как кардинал Гроненфельд. Но чтобы разговорить бывшую секретаршу, его умения ока-

залось более чем достаточно. Слова хлынули потоком — сложные термины, казавшиеся чужеродными в устах офисной простушки, причинно-следственные связи, которые могли возникнуть только в куда более изощренном мозгу. Липман слушал не перебивая, отмечая про себя наиболее важные детали.

— Целая череда финансовых и экономических кризисов подточила могущество национальных правительств, которые все больше становились зависимы от всемирных организаций и глобальных сетей. Когда государства исчерпали свой потенциал, власть повсеместно перешла к корпорациям. Социальная сфера изменилась до неузнаваемости. Корпорации взяли на себя ответственность за своих сотрудников, но взамен приобрели ничем не ограниченное влияние на их души...

Все это будущие офицеры СИБ узнавали еще на первом году обучения, но даже для менеджеров среднего звена подобная информация была закрыта. А тут какая-то секретарша походя выбалтывала сведения, за разглашение которых можно было навсегда лишиться своего места на корпоративной лестнице.

«Впрочем, — подумал Микаэль, — этой бояться уже нечего. Прошедших через Час Разрушения уже никогда не примет ни одна корпорация. Это отработанный материал, человеческий шлак».

— Все началось с корпоративной этики, — продолжала, между тем, секретарша. — Усложнение дресс-кода привело к введению единых образцов рабочей формы. Гимны компаний и правила поведения в офисе — к возникновению сложной системы иерархий. Возникли корпоративные рели-

гии, когда все служащие компаний должны были принадлежать к одной и той же конфессии. Тогда и появились первые хабермасы...

Липман зевнул. То, что для несчастной жертвы Годзиллы звучало откровением, для него было банальным и скучным. Полвека назад руководство корпораций пришло к выводу, что наиболее слабым звеном в системе являются департаменты HR. В ведение этих департаментов, в частности, входило проведение разного рода тренингов и деловых игр, формирующих корпоративный дух. Порой подобные тренинги проводились шарлатанами, приверженцами той или иной эзотерической религии, маскировавшимися под добропорядочных служащих. После того как под крышей нескольких крупных компаний пышным цветом расцвели настоящие тоталитарные секты, было решено привлекать к подбору кадров дипломированных философов, которые могли бы заранее распознать носителей вредоносной идеологии.

Вскоре в совет директоров каждой уважающей себя корпорации входил по крайней мере один авторитетный философ. Теперь они занимались не только тем, что отфильтровывали потенциально опасных коучей и инструкторов для деловых игр — в их обязанности входило также формирование корпоративной идеологии. Спустя несколько лет философы создали свою собственную корпорацию — Службу Интеллектуальной Безопасности, управлявшуюся Конклавом. А рядовые члены корпорации стали в просторечии именоваться хабермасами — в честь великого философа прошлого, так много сделавшего для изучения коллективного разума.

— Годзилла, — нетерпеливо напомнил Липман. — Ты хотела рассказать мне о Годзилле, дитя.

Секретарша на мгновение запнулась. Затем в ее серых глазах мелькнула какая-то тень.

— Он говорил с нами на языке хабермасов, — ответила она неуверенно. — Это было странно... но мы все понимали.

«Еще бы, — усмехнулся про себя Микаэль. — Он использовал все, чему его учили в университете и школе СИБ. А будучи зятем Папы Юргена, он наверняка мог посещать семинары по высшей технике Эр-Эс».

— Он рассказывал нам про Эр-Эс, — словно прочитав его мысли, сказала женщина. — Про то, что эту технику изобрели очень давно... еще в доисторические времена.

— Не изобрели, — неизвестно зачем поправил ее Липман. — Некоторые люди всегда ей владели.

— Да, — тут же согласилась секретарша. — Людоеды. Они подавляли волю своих соплеменников и те безропотно давали себя сожрать. Все главы корпораций, вся мировая элита, все, кто владеет Эр-Эс, — потомки тех людоедов.

— Дитя, — ласково сказал Микаэль, — это правда. Но правда и то, что Годзилла ничем от них не отличается. Поэтому вы его и слушали. Поэтому и пошли за ним, когда он объявил Час Разрушения.

— Даже если это и так, он дал нам свободу.

— Свободу умирать, — возразил Липман. — Вы стали его пальцами, его кулаками, которыми он уничтожил Сити. Вы пережили короткий миг счастья, иллюзию вседозволенности. Он приказал, и вы послушно разгромили офисы нескольких крупнейших корпораций. Он сделал это с помощью все

той же техники Эр-Эс, роковой суггестии, которая заставляла твоих предков идти в пещеру к его предкам. В пещеру, из которой потом вылетали обглоданные кости.

Секретарша задрожала.

— Прошло пятьдесят тысяч лет, — безжалостно продолжал Микаэль. — И теперь Годзилла жрет вас, только вместо костей из его пещеры вылетает сломанная офисная техника. Ему нет дела до твоей свободы, дитя. Вы для него — мусор, шлак под ногами. Он такой же хабермас, как и я.

— Для вас мы тоже шлак, — тихо произнесла женщина.

— Да, — не стал спорить Липман. — Бессмыслиценный, бесполезный шлак, чья функция — нажимать на кнопки компьютера и перекладывать миллионы тонн ненужных бумажек. Но я несу ответственность за вас, простецов, и за менеджеров, которые стоят чуть выше вас, но, по большому счету, также бесполезны, я отвечаю. А Годзилла просто вас использовал. Чтобы отомстить миру, в котором он не мог подняться выше определенной ступеньки. Вот и весь его секрет, дитя.

— Вы мне не отец, — упрямо повторила секретарша. — И я не жалею о том, что мы сделали.

«Сколько их было? — подумал Микаэль печально. — Пятьдесят, сто тысяч? Все они одновременно перестали быть усердными корпоративными мурывьями и превратились в бесстрашных бунтарей. Разнесли свои офисы, выбили стекла в хрустальных башнях, сломали лифты и перевернули машины на парковках руководства. А потом, когда Час Разрушения прошел — запала ведь хватает совсем недолго, — поняли, что не знают, что им делать

дальше. Сейчас они организуются в стойбища, поют песни и занимаются любовью прямо на улицах. Но что они станут делать потом, когда закончится еда?»

— Тогда иди, — сказал он женщине. — Иди и постараись быть счастливой те несколько дней, которые тебе остались. Потом здесь начнутся восстановительные работы, и вас выселят куда-нибудь на свалку.

Она неуверенно огляделась по сторонам.

— Я правда могу идти?

— Ты же свободный человек, — усмехнулся Микаэль. — Тебе же так сказал Годзилла.

Женщина отошла на несколько шагов и вдруг обернулась.

— Он еще придет, — сказала она с затаенным торжеством. — Он сотрет с лица земли ваши погибные города. И он освободит всех... даже вас.

5.

— Он готовился долго. — Микаэль положил свой отчет на грубо отесанную столешницу. — Как минимум, два года. Во всяком случае, два года назад участники тренингов в корпорациях «Фуджи» и «Сименс» уже прошли инициацию первого уровня. После этого процесс пошел лавинообразно. Каждый коуч инициировал от десяти до двадцати человек. Каждый из этих двадцати — еще двоих. И так далее. За два года Годзилла обратил уже семьдесят пять тысяч сотрудников в семи крупнейших корпорациях Сити.

— И все это время вы работали с ним рядом, Микаэль, — в голосе кардинала слышалась непонятная ирония. — Вы же, кажется, были даже друзьями?

— К сожалению, — Липман старался не смотреть на кардинала. Он чувствовал, как щеки его заливают краска стыда. — Я виноват, Ваше преосвященство. Но я постарался искупить свою вину. Я провел большую исследовательскую работу и теперь могу с высокой степенью вероятности предсказать, где Годзилла нанесет свой следующий удар. А следовательно, мы не только можем предотвратить ущерб, который планирует причинить Годзилла, но и вычислить его местонахождение. Постоянный контакт с несколькими десятками обращенных в каждой корпорации невозможен без устойчивых каналов связи. Даже программы шифрования, которые он использует, не смогут помочь ему, если мы будем отслеживать все его аватары...

Гроненфельд сделал нетерпеливый жест, и Липман замолчал.

— Достаточно, — сказал кардинал. — Вы хорошо поработали, старший хабермас, но то, что вы сейчас предлагаете, лишнее. Мы не станем тратить ресурсы на поиски Годзиллы.

— Почему? — растерянно спросил Липман. — Вы думаете...

— Вот именно. — Гроненфельд пододвинул отчет к себе и равнодушно перелистнул несколько страниц. — Я думаю. А тому, что делаете вы, хабермас, я даже затрудняюсь подобрать определение.

Он щелкнул длинными белыми пальцами, и из темноты за его спиной выступила высокая широкоплечая фигура.

— Нам не нужно искать Годзиллу, потому что Годзилла находится в этом кабинете. — Гроненфельд сплел пальцы в замок. — Бывший старший хабермас, а с сегодняшнего дня — избранный кардинал Конклава Борис Терновский.

— Ты?... — задохнулся Микаэль.

— Собственной персоной, — ухмыльнулся Борис. — Должен признаться, я получил большое удовольствие, прослушивая твои гневные послания. Что ты мне там обещал? Вырвать кадык? Переломать ребра? Если хочешь, можешь попробовать.

— Я не понимаю... — пробормотал Липман, умоляюще глядя на кардинала. — Это же Годзилла! Он же почти уничтожил Сити! Сколько миллиардов потеряли корпорации?

— Что-то около восемнадцати, — ответил кардинал. — На семь миллиардов больше, чем в прошлом году, когда Годзилла разгромил Рио. Но тогда Годзиллой был Стивен Лемке, а его потенциал значительно уступает способностям господина Терновского.

— Вы сами санкционировали уничтожение Сити? — Микаэль не верил своим ушам. — Но зачем?

Гроненфельд покачал головой.

— Я был лучшего мнения о ваших умственных способностях, старший хабермас. Вы что, не знали, что некоторые могущественные семьи в открытую выражали недовольство той ролью, которую играют философы в корпоративной поли-

тике? Не слышали о выступлении главы Дома Майкрософт, предложившем отменить закон об автоматическом предоставлении философам места в совете директоров любой крупной корпорации? Кое-кто стал сомневаться в целесообразности самого существования Службы интеллектуальной безопасности. Нас публично стали называть новой инквизицией.

И тут Липман, наконец, понял.

— Значит, это была провокация? Вы хотели просто до смерти напугать хозяев корпораций?

— Ах, Микаэль, Микаэль. Стивен Лемке действительно ставил перед собой именно эту задачу. Но ваш друг Борис пошел гораздо дальше. Он понял, что Годзилла может быть не только пугалом, но и инструментом влияния. Кто, как не мы, кардиналы и хабермасы, знаем, как управлять сотнями тысяч офисных простецов? Чьих приказов они не смогут ослушаться?

— Я всего лишь разработал методику, — скромно сказал Борис. — А стратегию придумали вы, Ваше Преосвященство.

— Не надо лести, — скривился Гроненфельд. — Тем более теперь, когда мы равны, Ваше Преосвященство.

Липман внезапно почувствовал себя лишним.

— А как же мое задание? — жалко проговорил он. — Поиск Годзиллы? Это была просто операция прикрытия? Чтобы никто не заподозрил Конклав?

— Нет, — сказал Гроненфельд неожиданно жестко. — Это не была операция прикрытия. Это был экзамен.

Он поднялся из-за массивного дубового стола и выпрямился во весь свой рост. Длинные темные кудри упали кардиналу на плечи.

— Экзамен, который вы не сдали.

Гроненфельд слегка наклонил голову и усталелся на Микаэля тяжелым взглядом круглых немигающих глаз. Липман почувствовал, как по позвоночнику его пробежали тонкие холодные пальцы.

— Я надеялся, что вы проявите более впечатляющие интеллектуальные способности, старший хабермас. Вы вели расследование две недели. За это время можно было догадаться обо всем самостоятельно.

Взгляд кардинала физически давил на Микаэля. Липман вдруг обнаружил, что смотрит в пол и не может поднять голову.

— Впрочем, если даже старший хабермас, хорошо знакомый с Годзиллой, не смог понять, в чем суть нашего плана, нам можно не опасаться аналитиков других корпораций, — продолжал Гроненфельд. — В этом смысле ваша жертва принесена не зря, Микаэль.

— Жертва? — непослушными губами прошептал Липман.

— Вы разделите со мной трапезу, Борис? — спросил Гроненфельд. — Если желаете, можете уйти.

Микаэль смотрел в пол. На бурые пятна на грубых неструганных досках — он видел их множество раз, но ему всегда казалось, что это вино.

Он услышал довольный смешок Бориса.

— Я, пожалуй, останусь и понаблюдаю, Ваше преосвященство.

— Воля ваша. Микаэль, подойдите.

Липман почувствовал, как кровь прилила к вискам. Кардинал нараспев произнес несколько слов на незнакомом тягучем наречии. Микаэль с отстраненным удивлением понял, что поднимается с кресла.

«Я знаю этот язык, — подумал старший хабермас. — Я всегда его знал, только делал вид, что не знаю...»

Он по-прежнему не мог заставить себя поднять голову, но знал, что увидит впереди, если все-таки пересилит себя.

Зияющую тьму пещеры.

ЧУДОВИЩЕ СРЕДИ НАС

Приближалось время ужина, и Олег, как обычно, улегся на кровать и отвернулся к стене, чтобы не общаться с медбратьями и не видеть тех брезгливо-любопытных взглядов, которые они украдкой на него бросали. Долго ждать ему не пришлось: еду в больнице всегда приносили вовремя, и на этот раз дверной замок тоже щелкнул ровно в семь вечера. Олег закрыл глаза и негромко засопел, изображая ровное дыхание спящего человека. За его спиной послышались шаги, потом стук поставленного на тумбочку подноса, а еще через пару секунд, к огромному разочарованию притворщика, презрительное хмыканье:

— Хватит симулировать, больной Серебрянский, у спящих ресницы так не дергаются!

Олег заскрипел зубами, открыл глаза и перевернулся на спину. Этот медбрат, которого, судя по вышитой на халате надписи, звали А.Д. Лебедкин, был самым болтливым из всех сотрудников больницы, и уж если ему приспичило в очередной раз высказать своему подопечному, что он думает о нем, или о последних событиях в мире, или еще о чем-нибудь важном с его точки зрения, его все равно придется выслушать. Теоретически на него, конечно, можно было пожаловаться врачам, но

Серебрянский не сомневался, что его жалобу больничное начальство проигнорирует. В самом деле, кто будет всерьез прислушиваться к просьбам «кровожадного и безжалостного чудовища»? Пусть это чудовище скажет спасибо, что с ним вообще по-человечески обращаются, а не так, как оно того заслуживает!

— Сегодня про твой случай сразу две передачи было! — подмигнул ему медбрат. — Хочешь узнатъ, что там про тебя говорили?

— Нет, не хочу! — рявкнул на него Олег и снова повернулся на бок, уткнувшись носом в мягкую, как поверхность кресла или дивана, стену.

— Зря, тебе будет интересно! — послышался стук придвигаемого к кровати стула, который потом жалобно заскрипел под тяжестью мускулистого медработника. — В одной передаче медики и биологи обсуждали, можно ли тебя во всех смыслах считать человеком. Рассказать, к какому выводу они в итоге пришли?

— Не надо. Я и так это знаю, — буркнул пациент, против воли втягиваясь в разговор. — Половина экспертов сказала, что можно, половина — что нельзя, а потом ведущий с умным видом объявил, что это просто замечательно, что у всех такие разные мнения.

Медбрат захохотал и в восторге хлопнул в ладоши:

— Точно, именно так все и было! А что было во второй передаче, можешь угадать? Там тебя разные религиозные деятели обсуждали.

— Да? Ну, там они, наверное, сперва немного спорили, а потом пришли к полному согласию, что я — безнадежный грешник и мне уже ничем нельзя помочь, — предположил Олег. — Ну и под-

робно расписали, как я буду гореть в аду синим пламенем. Угадал?

— Почти дословно! — снова прыснул Лебедкин. — Не знаю, человек ты или чудище, но соображалка у тебя варит! Пока еще...

Теперь Олег промолчал — лишнее напоминание о том, что «соображалки» он вполне может скоро лишиться, вновь вернуло его в состояние полного равнодушия ко всему происходящему. Медбрат, похоже, именно этого и добивался, потому что продолжать болтовню не стал и, издевательским тоном пожелав больному приятного аппетита, вышел из палаты. Олег некоторое время продолжал лежать неподвижно, но потом все-таки сел на кровати и потянулся за небьющейся пластиковой тарелкой и такой же пластиковой ложкой. Есть ему не хотелось с того дня, как он оказался в этой больнице, но отказ от еды означал медленную потерю сил и превращение в слабый и неспособный постоять за себя полутруп, а потом и, по слухам, очень неприятную смерть — это казалось пациенту слишком унизительным. Поэтому пока Олег съедал все, что ему приносили, успокаивая себя тем, что начать голодовку никогда не поздно. Кормить насильно его точно не будут, чтобы не нарушать «священное право каждой личности как угодно распоряжаться своей жизнью».

Запихнув в себя безвкусную больничную кашу, Серебрянский снова вытянулся на кровати, отвернулся к стене и приготовился лежать так следующие два часа, пока в палате не погасят свет, а потом — еще час-полтора, пока ему не удастся заснуть. Это было ужасно трудно, гораздо труднее,

чем если бы он занимался самой тяжелой работой, но больше в комнате с мягкими стенами делать было нечего. Разве что попробовать разломать легкую, но прочную пластмассовую мебель, но это неминуемо закончилось бы успокоительным уколом и сном, состоящим из целой серии одинаковых, повторяющихся кошмаров. Правда, те же кошмары преследовали Олега и в обычных, не вызванных лекарствами, снах, но так у него, по крайней мере, была возможность вовремя проснуться...

...Он медленно шел между двух бесконечных витрин, заваленных яркими упаковками сыров и йогуртов, рассеянно спрашивал себя, что ему больше хочется купить, так же рассеянно скользил взглядом по другим посетителям супермаркета — и вдруг все изменилось. Громкий хлопок где-то впереди, мгновенно последовавший за ним визг, покупатели, побросавшие тележки и кинувшиеся кто на пол, кто — к входу в служебное помещение магазина, а кто — за спину к другим, менее расторопным людям, не успевшим понять, что происходит, и замершим на месте. А потом второй хлопок и новый крик, тихий, сдавленный, почти сразу заглушенный пронзительным воплем нескольких людей. И вот он, Олег, бросив корзину с уже выбранными продуктами, уже летит на тот слабый крик, успевает увидеть лежащую на полу молодую девушку в светлой блузке с красными разводами и другую девушку, привалившуюся спиной к витрине и закрывшую лицо руками, а потом видит парня с небольшим пистолетом, из которого тот целится в эту вторую, еще живую девушку, и, уже ничего не соображая, толкает стреляв-

шего в бок, наваливаясь на него всей своей тяжестью и стремясь только к одному — отпихнуть его как можно дальше от людей, не дать, не позволить ему еще кого-нибудь убить... А тот от толчка Олега летит к стене, на тумбу с весами, опрокидывает ее на пол и падает сам. И после этого почему-то не вскакивает и вообще больше не шевелится.

Серебрянский с трудом вырвался из сна в свою тесную темную палату и долго не мог восстановить дыхание. А потом еще полночи лежал неподвижно, считая минуты и часы и не зная, чего он боится больше — пролежать без сна до самого утра или заснуть и снова, во всех подробностях, пережить все случившееся с ним в супермаркете. С той минуты, как он туда вошел, и до того момента, как его скрутили выскочившие из-за витрины охранники, а полная кассирша, подбежав к упавшему парню с пистолетом, наклонилась над ним и заголосила: «Убийца!» До той секунды, когда Олег понял, что этот крик относился не к ударившемуся о тумбочку виском стрелявшему психу, а к нему.

— ...а теперь, Олег Юрьевич, посмотрите, что о вас думают специалисты по психологии. — Врач открыл другой файл, и на мониторе возникло усталое вытянутое лицо женщины лет пятидесяти.

— Так называемое «героическое поведение» человеку прививают в детстве, — заговорила она в подсунутый ей под нос микрофон. — Так бывает, если родители не любят ребенка таким, какой он есть, а ставят ему условия: «Делай то-то и то-то,

поступай так-то и так-то, и тогда мы будем тебя любить». В результате несчастный ребенок привыкается все время делать что-то хорошее, старается стать еще лучше, чтобы заслужить родительскую любовь. А потом он переносит этот тип поведения во взрослую жизнь. Как нам удалось выяснить, покойные родители Серебрянского применяли к нему именно такое травмирующее воспитание. Его заставляли делать разную работу по дому и хвалили его, если он выполнял ее. Кроме того, его хвалили за хорошую учебу в школе и за то, что он помогал другим детям. Был случай, когда он защищил малыша, которого обижали более старшие дети, и отец с матерью после этого заявили, что гордятся им. Естественно, после этого у Серебрянского развился комплекс спасателя: он старался делать все, чтобы родители гордились им и дальше. Он и сейчас подсознательно хочет этого, несмотря на то что родителей уже нет в живых. Поэтому я против того, чтобы считать его чудовищем — это несчастный человек с искалеченной в детстве психикой. В этом виноваты его родители, а также семейные консультанты, которые не заметили опасности для ребенка, пока он был маленьким, и не изъяли его из семьи.

— Вот видите — мнение квалифицированного специалиста, — напомнил врач своему пациенту. — А теперь послушайте, что о вас думают биологи.

Щелчок мышью, и на экране появилось другое лицо — мужское, бородатое. Этот мужчина проকашлялся и принял вещать в микрофон скуч-

ным, монотонным голосом, словно читал лекцию, а не выступал на телепередаче:

— С точки зрения эволюции перед нами явный регресс. В первобытные времена выживали те люди, которые умели в случае опасности быстро убежать или хорошо где-нибудь спрятаться. И у них, как вы понимаете, было больше шансов завести потомство. А те, кто героически бросался на хищника или на врага из соседнего племени, понятное дело, жили недолго и родить детей тоже обычно не успевали. Так что Олега Серебрянского, разумеется, нельзя назвать нормальным человеком. Вот другие люди в том магазине бросились под витрины, побежали подальше от стреляющего. И в других подобных ситуациях люди всегда так реагируют — это нормально. А Серебрянский — дикарь.

— А теперь послушайте, что о вас думают наши духовные деятели... — на мониторе открылось новое окно, и кабинет врача заполнил истеричный женский голос:

— Гордыня — самый ужасный грех, какой только можно себе представить! А идти против судьбы, идти против высших сил, спасать тех, кому предназначено умереть, и убивать тех, кто мог бы еще жить, — это гордыня в высшей степени! Этот человек... нет, человеком я его не назову, это чудовище, этот монстр посмел вмешаться в судьбу других людей, вообразил, что имеет право решать, кому жить, а кому умереть! Простите, я не могу спокойно говорить об этом убийце, негодяе и грешнике, не могу!!!

Олег усиленно отводил глаза от монитора, но спрятаться от этого пронзительного, почти срывающегося на поросячий визг голоса он не мог, и еще несколько минут был вынужден слушать, какой он «ужасный грешник» и как возмутительно он себя повел во время стрельбы в супермаркете. Наконец, «специалистка по духовности» закончила свою речь, и врач закрыл видеофайл с ее выступлением.

— Ну что, теперь вы видите, что о вас думают люди? — по-прежнему мягко поинтересовался врач у Серебрянского. — Видите, как их много и как они все единодушны? Причем заметьте, это серьезные и уважаемые специалисты в разных научных областях и в религии, а не просто рядовые граждане. Хотя обычные люди по большей части тоже считают ваш поступок нечеловеческим — могу показать вам записи уличных опросов... Теперь вы понимаете, что совершили преступление?

— Я понимаю, что спас одну девушку от убийцы, — вздохнул Олег, поднимая на него глаза. Этую фразу он уже говорил — и когда его только схватила охрана супермаркета, и на допросе в полиции, и здесь, в больнице, когда психиатры на разные лады пытались добиться, чтобы он признал свою вину.

— Этот мальчик не был убийцей, — тоже тяжело вздохнул врач. — Он просто поссорился со своей девушкой. Ему было плохо, он хотел отомстить всем красивым женщинам вообще и сорвался... Вы не знаете, что творилось у него в душе — как же вы можете его осуждать? Ему было всего двадцать два года...

— Маленький мальчик, — невольно хмыкнул вполголоса Олег. Психиатр сердито поморщился:

— Да, по закону он был уже совершеннолетним! И что — от этого он перестал быть неопытным ребенком? Или, по-вашему, в двадцать один год еще можно не отвечать за свои поступки, а в двадцать два надо сразу же измениться?

— По-моему, — медленно и тихо произнес Себрятинский, — ни в каком возрасте нельзя убивать людей.

— Вот именно! А вы его убили! Не разобравшись в чем дело, почему он начал стрелять, что у него случилось... И вы нисколько в этом не раскаиваетесь, ни о чем не сожалеете!

— Жалею, — еще тише возразил Олег. — Жалею, что не сразу сообразил, что случилось, не сразу на него бросился. Может быть, я успел бы спасти и ту, первую девчонку.

— Почему вы вообще решили, что должны их спасать?

— Я не решал. Я вообще в тот момент не думал — это у меня само получилось.

— Значит, вы все-таки признаете, что действовали необдуманно, что пошли на поводу у своих низменных древних инстинктов?

— Я действовал так, потому что я — мужчина и обязан быть защитником.

— Ох, — врач закатил глаза, — а ведь вы точно дикарь, правильно о вас ученыe сказали!.. Мало вам обвинения в убийстве, вы хотите, чтобы вас еще и за сексизм судили? Что это за разделения: мужчинам — драться, а женщинам — полы мыть? Вы же цивилизованный человек!

Серебрянский дернулся было возразить, что про женщин и мытье полов он не сказал ни слова, но сдержался: спор на эту тему мог затянуться и на час, и еще дольше, а ему сейчас больше всего хотелось вернуться в свою палату и ни с кем не разговаривать.

— Ну, подумайте сами, почему вы, совершенно посторонний человек, незнакомый с теми девушками, были им что-то должны? Ведь это же глупость! — продолжал убеждать его врач. — Если бы незнакомые люди сказали, к примеру, что вы должны им денег — вы бы что им ответили? Правильно, послали бы подальше. Почему же, когда речь идет не о деньгах, а о защите, вы думаете иначе?

— Потому что те, кто обязан был защищать покупателей, тоже спрятались за полками! — не выдержал и огрызнулся Олег. — Потому что охранники своих обязанностей не выполнили, пропустили в магазин ненормального с пушкой!

— А что они, по вашему мнению, могли сделать? Спрашивать каждого входящего в магазин, не собирается ли он стрелять? Или, может быть, обыскивать всех и отбирать законно принадлежащее им оружие? А еще — камеры везде расставить и смотреть, не достал ли кто-нибудь пистолет?

— Ну что вы, доктор, — усмехнулся Серебрянский, — как можно! Это же было бы ужасным нарушением прав, свобод и еще чего-то там! Если я так отвечу, вы мне еще и призывы к тоталитаризму пришьете!

— Да вам бесполезно что-то еще «шить», — вздохнул психиатр. — Вы без причины убили человека — это по-любому требует изменения псих-

хики, хоть с призывами, хоть без. И теперь я вижу, что вам действительно это нужно, раз уж вы так и не считаете себя виноватым. Андрей! — позвал он ждавшего за дверью медбрата. — Уведи больного к себе, беседа окончена!

Обратно в палату Олега вел все тот же ненавистный ему Лебедкин. Серебрянский делал вид, что разговор с врачом нисколько его не напугал, и вообще изображал равнодушного ко всему человека, но когда они проходили мимо выходящего в больничный двор окна, машинально повернулся в ту сторону и посмотрел на прогуливавшихся внизу пациентов. Медбратья, проследив за его взглядом, злорадно усмехнулся:

— Скоро сам точно таким же будешь! Там почти все — бывшие дикари, которым малость подправили характер. Были злыми и страшными, на людей кидались, не уважали чужое мнение, детей своих воспитывали... то есть психику им калечили... А теперь тихие и спокойные, врачей слушаются, слова резкого никому не скажут!

Олег с небрежным видом пожал плечами и отвернулся от окна. Разглядеть лица «подправленных» со второго этажа было невозможно, но он и так знал, во что превращается человек после этой процедуры. Пустые, ничем не интересующиеся глаза, робкие, опасливые движения, никакой жизнерадостности, никакой, самой слабой инициативы... Он не помнил, как дошел до палаты — просто вдруг обнаружил, что уже находится там, а за медбратьем Андреем захлопывается дверь без ручки. Оставалось только плюхнуться на кровать и опять

заставить себя лежать неподвижно и, хотя бы по возможности, ни о чем не думать.

— Все притворяешься? — голос Лебедкина громыхнул над самым ухом уснувшего пациента, и тот, вздрогнув, открыл глаза. — Я тебе ужин привнес, не забудь поесть.

— Шел бы ты... — проворчал Олег и отвернулся к стене.

— Герой не в настроении? — ухмыльнулся медбрать, и Серебрянский снова перевернулся на спину, а потом решительно сел на кровати.

— Слушай, ты, — процедил он сквозь зубы, — скажешь еще хоть слово — получишь в торец. Мне терять больше нечего!

— Какие мы страшные! — фыркнул медбрать в своей обычной ехидной манере, а потом, совершенно неожиданно для Олега, понизил голос почти до шепота и добавил: — Завтра в семь тридцать тебя поведут на подготовку к процедуре. Будете идти мимо ординаторской у лестницы, дверь с синей табличкой. Тебе надо будет вырваться и вбежать в нее. Дальше я все сделаю сам.

Серебрянский, ничего не понимая, захлопал глазами: превращение вредного и циничного медбрата-садиста в заговорщика было столь внезапным, что он не сразу поверил его словам и некоторое время пытался понять, где в них скрывается подвох. Лебедкин, тем временем, подошел к тумбочке, поправил и без того ровно стоявший на ней поднос с ужином, а потом снова нагнулся к кровати Олега, одернув загнувшийся угол покрывала.

— Мне не сразу удалось все подготовить, — сказал он все тем же приглушенным голосом. —

Но завтра все будет нормально. Главное — забеги в ординаторскую, а дальше я все устрою, и ты сберишь.

Серебрянский так и остался сидеть с открытым ртом, переваривая услышанное. Лишь через пару минут после того как Лебедкин вышел, он встал с кровати и принял медленно расхаживать по палате от одной мягкой стены к другой. Для него было загадкой, каким образом медбратья собираются устроить ему побег и для чего он вообще это делает, но пока узнать это все равно было невозможно. Можно было только решить, хочет ли Олег на свободу сам.

Молодой человек вернулся к кровати и, не обращая внимания на тарелку с остывающим пюре на тумбочке, улегся на спину и закрыл глаза. Вырваться на свободу... В тот самый мир, к тем самым людям, которые назвали его дикарем, грешником и ненормальным, которые вообще не считают его человеком... И которых он сам вряд ли когда-нибудь сможет считать людьми.

Жажда жизни и страх перед изменением психики убеждали Олега, что скрываться, находясь на свободе, но оставаясь собой, в любом случае лучше, чем присоединиться к тихим и послушным пациентам, которых он видел из окна. Воображение рисовало ему заманчивые картины поиска единомышленников и опасной, но безумно интересной подпольной деятельности, целью которой будет — вернуть мир к тому, что было раньше, сделать так, чтобы героев считали героями, а убийц — убийцами. И чтобы люди снова могли ходить по улицам и делать покупки, не опасаясь, что на них нападет

очередной «несчастный ребенок, попавший в тяжелую ситуацию».

Но все эти красивые грандиозные планы перечеркивала одна мысль: у него ничего не выйдет, потому что делать что-то для этих людей он больше не хочет. А уж жить под чужим именем в вечном страхе, что его найдут и притащат обратно в клинику — не хочет тем более. Да и сможет ли он так жить? Надолго ли его хватит, не решит ли он плюнуть на все и сдаться, лишь бы не жить в постоянном напряжении из года в год? Не придет ли ему однажды в голову мысль, что он и правда опасен для других людей и для него самого будет лучше избавиться от мешающих ему жить черт характера? Ведь он тоже — дитя того же самого мира, в котором живет!

Так стоит ли завтра бежать в кабинет с синей табличкой, рискуя не только собой, но и жизнью помогающего ему Андрея Лебедкина, и, по всей видимости, еще нескольких людей, которых Лебедкин привлек для организации побега?..

Впервые после трагедии в супермаркете ему не снились кошмары. Наоборот, сон был спокойным и приятным. В нем Олег шел по улицам незнакомого города, улыбался попадавшимся навстречу людям и откуда-то знал, что жизнь в этом городе совсем не такая, к какой он привык наяву. В мире, который ему снился, преступники сидели в тюрьме, а те, кто кого-нибудь спас, пользовались всеобщим уважением. Мужчина там мог ударить того, кто оскорблял женщин, женщина знала, что может попросить защиты у мужчин. Родители имели

право самостоятельно решать, как воспитывать своих детей, дети стремились вырасти достойными своих родителей.

А еще в том мире никогда никому не пришло бы в голову назвать его, Серебрянского, чудовищем.

И хотя Олег понимал также, что жизнь в приснившемся ему обществе тоже имела множество недостатков, трудностей и опасностей и что далеко не всем людям понравилось бы в нем жить, в этом сне он внезапно почувствовал себя по-настоящему счастливым.

ПАЛЕЦ

Понизу текучей шубой полз дым, медлительный и белый, как облака под «Боингом». Метались встопорщенные лучи лазеров, похожие на перья райских птиц на ветру. Ведущие телеканалы пучились объективами. Дальнее потомство гениальных творений Фарадея, Максвелла, Зворыкина, Винера, Таунса, Прохорова, Басова и многих, многих других, мечтавших помочь людям быть счастливыми, слаженно пахало в одной упряжке.

Потому что счастье, наконец, настало.

Во всяком случае, для Озы.

Ну, почти настало. Вот еще шаг — и...

Оза не боялась споткнуться.

Хотя шла по пояс в облаках. Она знала, как это красиво. Она словно плыла. Сотканное из инея хрупкое платье, молочная река волос... Белоснежное на белоснежном. Смотрите, смотрите — ангел! И упруго стреляющие радуги гарцевали вокруг нее. И все камеры целились в нее. И весь зал смотрел на нее. И миллионы телезрителей. Вот-вот начнется невидимый пандус. С каждым шагом она будет подниматься над облаками; выше, выше всех ангелов, которых нет, есть лишь ее стройные ароматные ноги, возносящиеся в небо — вырастая,

всплывая из медленно курящейся белой бездны. Пока, наконец, не окажется в лучах вся, до самого педикюра. Тогда она остановится и в короне фехтующей в ее честь лазерной толчей станет отвечать на вопросы. Завершающий этап кастинга начался. Хрен знает, сколько конкуренток уже обломалось — участниц не посвящали, да и было это Озе фиолетово. Наверное, сотни. Если не тысячи. Очереди на праймериз были — будто эвакуация началась.

Подъем.

Первый шаг.

Так из утренней дымки восходит солнце.

Когда взошли из дыма коленки, в зале грянули наконец аплодисменты.

Оза пошла еще неторопливей. Она вся горела, сердце билось в горле. Продлись, продлись... блин, как там... Короче, никакой кумар не сравнится.

Взошла.

Аплодисменты выжидательно стихли.

— Добрый вечер, — раздался из поднебесья голос.

Оза сощурилась. Ослепительные лучи били ей прямо в лицо. В темном провале по ту сторону сияния она не видела ни жюри, ни зрителей — так, троица установленных на нее смутных белых пятен, а за ними провал, огромная тьма. Время от времени в глубине тьмы скользко, едва уловимо отблясывали объективы.

Культурная элита.

И все смотрят на нее.

— Как вас зовут?

А то ты не знаешь, подумала она и сказала:

— Оза.

Это имя она словила в прошлом году на одной из рок-тусовок, чего-то кто-то пел. Дебилы родители в свое время обозвали ее Катей. Отдельное им спасибо еще и за это. С погонялами типа «Катя» только путинойдам подмахивать.

— Аве, Оза, — непонятно прокомментировал другой поднебесный голос, похоже, не главный, дряблый какой-то, старикивский. Оза не знала, как реагировать. Но и никто не отреагировал. Стало быть, просто кто-то из умников в жюри решил повыеживаться, да попал пальцем в небо.

— Расскажите немного о себе, — сказал новый поднебесный голос. Низкий, прокуренный до сипоты, но явно женский.

Оза выдержала паузу. Потупилась, потом стрельнула глазами в сторону богов.

— Даже не знаю, что говорить, — ответила она. И добавила с хорошо отработанным девичьим приыханием: — Я еще так молода...

— Но вы сами зарабатываете себе на жизнь? — спросил главный голос.

— Конечно, но... Пока так, по мелочам. Вообще-то, я учусь.

— Где?

— Факультет этики и социальных коммуникаций Высшей гуманитарной академии Марата Гельминта, — просто сказала Оза. Она знала, что название уже само по себе звучит веско, и потому ни в коем случае нельзя было слишком уж оттопыряться. А просто: вот, мол, я какая, и что тут особенного? — Второй курс.

— Студентка, — опять явно невпопад прокомментировал дряблый. Так мог бы базлать скособченный, крошащийся от старости пластинчатый

гриб. — Наверняка спортсменка. Красавица. Может, даже комсомолка?

Вот прикальвается, чмо, подумала Оза. И, демонстративно пожав плечами, отбрила, как умела:

— Я свободный человек в свободной стране. А идеологии несовместимы со свободой и общечеловеческими ценностями.

Из черного провала, будто обрушенные средней удачности броском, разрозненными кеглями вывалились хлопки.

— Браво, — сказал главный голос. — Как я погляжу, вам палец в рот не клади.

Оза выставила свой бесподобно длинный, изящный пальчик («У тебя музыкальные руки, тебе надо на пианистку учиться», — в последний год доставала дура-мать). Кокетливо помахала им в сторону белых пятен жюри. Потом медленно провела по губам язычком и сказала:

— А я пальцы в рот и не беру.

По ту сторону сияния председатель жюри, главный редактор мужского журнала «Man's хер-с», беззвучно хихикнул и, не в силах сдержаться, украдкой показал своей соседке, сильно пожилой эстрадной примадонне, мадонне и королеве, большой палец. Певица в ответ кивнула, соглашаясь; грузно колыхнулись, как два мешочка с йогуртом, ее испитые цельнотянутые щеки. Позади, во втором ряду, вполголоса бубнили каждый о своем стремительные властители дум. «Последний этап избрания мисс Прокладка Easy-Lazy стал заметным культурным событием столицы...», «...The impressive rise of peadorasable movements in free Russia...».

— Чудесно, — сказал председатель жюри. — Креативный класс должен пополняться талантли-

вой молодежью. Хорошего слишком много не бывает... А вот скажите нам, Оза, что такое, по-вашему, свобода?

Оза давно знала, что ответит, если речь зайдет об этом.

— Свобода — это успех. А успех — это свобода. Чем человек свободнее, тем легче ему добиться успеха. А чем он успешнее, тем больше у него свободы.

— Похоже, вы очень мыслящая девушка, — прозвучало в небесах. — Кто ваши родители?

— Ну, отец у меня козел, я его уже совсем не помню, — с подкупающей честностью призналась Оза. — А вот мама... Знаете, что-то в ней такое совковое было. Сама не добилась в жизни ровно ничего, ищачила за гроши и злилась, злилась и ищачила... Но вот советы давать — это она могла по сто раз на дню. То делай, это не делай, то плохо, это нельзя... Совершенно не хотела видеть во мне личность. В конце концов я сгребла деньги, что в доме были, и ушла в свободное плавание. Всем, чего я добилась, я обязана только себе.

«Dig this nice pretty self-made pussy...» — слышалось за спиной у председателя справа. «Успех в таком кастинге — это не просто событие в жизни, это — вся будущая биография, это — судьба. Именно поэтому девушкам пришлось за последние дни пройти столько разнообразных тестов, — слышалось слева. — Наша очаровательная финалистка все их выдержала с честью...»

— Все же давайте надеяться, что ваша мама сейчас видит вас и гордится вами.

— Ну, наверное, хватит уже, — вполголоса сказал, наклонившись к председателю жюри, старый литератор. — Разболтался...

От одного лишь вида его скисшего лица с намертво пришлепнутой миной снисходительной мудрости потомственного интеллигента хотелось немедленно запеть «Мы сыны батрацкие, мы за новый мир...».

Он снискал когда-то авторитет вялотекущей антисоветской матерщиной в главных диссидентских изданиях и чуть позже — в них же, когда они чудесным образом обернулись прожекторами перестройки. Да так с тех пор и окопался на этой высотке культуры. Пока матюги многажды одобрял из телевизора сам культурный министр освобожденной России, литератор — тогда еще не очень старый — успел с небольшими вариациями несколько раз опубликовать воспоминания о том, как застойная цензура требовала от него в слове из трех букв хотя бы вместо «у» ставить многоточие и как он мужественно и бескомпромиссно, рискуя свободой, а возможно, и самой жизнью, сопротивлялся бессмысленному диктату. «Сотни миллионов жертв сталинских репрессий, говоря «Хуй!» своим палачам в ответ на требования признаний, произносили это слово безо всяких там точечек! — рассказывал он в интеллектуальных телепередачах с такой уверенностью, будто сам был всеми этими палачами. — И я отвечал живодерам русской словесности так же!» «Оглянитесь вокруг, прислушайтесь, — говорил он недавно в интервью для «Би-би-си». — Мы все-таки победили предрассудки. Какой яркой, какой богатой и свободной стала теперь народная речь!»

— Я стараюсь, чтобы наши зрители узнали о ней побольше, — капризно сказал председатель. Он очень боялся, что его раскусят. На самом-то деле он просто оттягивал неизбежное. Именно ему предстояло, протестировав трех финалисток, по результатам выбрать победительницу.

Нездорово раздобревшая королева покачала лохматой головой:

— Котя, прайм-тайм не резиновый. Девочка — прелесть, конечно, но очень затянула подъем. Закругляйся. До «Трех извилин» каких-то полчаса осталось, а в девять уже опять мы со следующей.

— Вы просто молодец, Оза, — принужденно сказал председатель в микрофон. — Ну, произнесите ваш слоган. Я уверен, вы его давно знаете наизусть.

— Конечно, — ответила Оза и слегка сменила позу — чуть согнула колено и выставила его перед другим скромно, как монашка.

— Тогда вперед, моя красавица!

Оза набрала побольше воздуха. Репетировала она рекламный текст, наверное, миллион раз. И, собственно, его пробное провозглашение было одним из этапов предварительного отбора, еще на второй день кастинга. Но сейчас надо было не произнести, не провозгласить, а... создать. Сотворить. Целый мир сотворить какими-то тремя фразами.

Она подняла просветленное лицо и похлопала ресницами, будто вдруг увидела архангела, прилетевшего с благой вестью. Чуть улыбнулась с восхищением: мол, вот оно, наконец-то! Свершилось! Сбылась вековая мечта человечества! Теперь — спасены!

— Прокладки Easy-Lazy — первые в мире гигиенические прокладки с легким фаллоимитирующим эффектом, — словно открывая сердечной подруге главную девичью тайну, доверительно поведала она вполголоса. Потом подпустила немного неподдельного восторга, честной гордости: — Только с прокладками Easy-Lazy я всегда уверена в себе и независима. Только с прокладками Easy-Lazy я энергична, свободна и обольстительна в течение всего дня. — Она умолкла на несколько секунд, готовя слушателя к главному. Слегка повернулась, выставив вперед плечико, глянула над плечом исподлобья и грудным голосом вбила так, что у любого нормального мужика должно было встать: — Ведь я этого достойна.

В задницу бы вам всем, уроды, ваши фаллоимитирующие прокладки, тихонько подумал старый литератор. Но, конечно, не издал ни звука, и даже на донышках глаз его крамола не проблеснула. Теперь он фрондировал аккуратно, отыгрываясь, в основном, на конкурсантках. Он чувствовал: его членство в жюри и так висит на волоске, а терять под старость масло с хлеба ему совсем не улыбалось. Матюгать тоталитарную тиранию и матюгать работодателя — две большие разницы.

— Браво, — сказал из поднебесья хриплый женский голос.

Оза и сама чувствовала, что — браво. И бестрашно глянула на троицу пятен. Она знала, в чем состоит завершающий айтэм. От него, наверное, и будет зависеть результат; как всегда, дело решится не словами. Один шаг до счастья, последний. Внутри у нее снова задрожало. Не подкачай, сказала она себе.

Дым, клубившийся над подиумом, сам собой куда-то рассосался. Из него, как болотная кочка из предрассветного тумана, всплыла огромная кровать. Что называется — сексодром. С финтифлюшками какими-то...

«Фирма «Tender-touch» — это эксклюзивный поставщик мебели для всех мероприятий конкурса на звание мисс Easy-Lazy, — бубнили за спиной председателя жюри. — Обратите внимание, дорогие зрители, на эту тонкую игру слов. «Тач» по-английски значит «прикосновение», «объятие». А «тендер» — «нежный», «ласковый», «любящий». Но и «заявка на подряд», «предложение о выплате...» — «»Tender-touch» won the tender for the furniture supplying of Skolkovo ...» — в параллель информировали не по-нашему.

— Ну, теперь покажись нам, девочка, как ты есть, — с задушевной хрипотцой велела певица.

Режущий свет обмяк, потом померк. Загадочный полумрак сделал Озу еще прекраснее.

Во всяком случае, она на это надеялась.

Оза выждала, прежде чем повиноваться. Нельзя быть слишком уж послушной. Нельзя, чтобы выглядело, будто разнагищаться перед камерами ей вообще пофиг. Но нельзя быть и тупо агрессивной, как в найт-шоу из Мухосранска. А реально-то стрип-экспириенс у нее был с гулькины муды. Второй же курс только. Оставалось брать юным задором. Ну, и подчеркивать, что это — типа священное действие.

Ангельское платье потекло с нее словно само собой, открывая потайные сокровища с томительной медлительностью. И невесомо прикорнуло у мерцающих, загадочно сдвинутых ног.

Словно невидимые медведи вырвались из берлог и голодные понеслись по весеннему лесу, ломая и давя сучья, — так затрещали в черном просторе аплодисменты. Вразнобой отстрелялись вспышки особо профессиональных фотографов, которым вечно не хватает света; простегали по глазам и пропали. Совсем совесть потеряли папарацци, к самому ограждению лезут...

Она выждала еще.

Чуть надув губки, заломила руки за спину, расстегнула лифчик и, скомкав, как мячиком храбро ударила им в пол. Только он, конечно, не подскочил. С веселым вызовом глядя в зал, встряхнула грудкой. Острые молодые соски с готовностью по-прыгали вверх-вниз и вновь сосредоточенно уставились на жюри. Тогда Оза чуть расставила прямые ноги и как бы в лирической задумчивости глянула выше зрителей, в бесконечность. Яркие губы маслянисто сверкнули, невзначай приоткрываясь — типа никого тут нет, я, мечтательная такая, одинокая, слушаю соловья. Девичьи грезы. Длинные изящные пальчики тронули резинку трусов. Ни одна тургеневская девушка не сумела бы так раздеться даже для самого первого своего революционера. Исполненная вдохновенной покорности, Оза выступила из трусиков одной ногой, потом другой и, щепоткой держа отливающий перламутром полупрозрачный комочек, словно забыла о нем. Не до трусов мне; вот она я, вся твоя. Потом резко сменила режим — засияла, как малышка при виде мороженого, раскрутила трусики в воздухе и кинула в ближайшего оператора. «Лишишь бы не в морду!» — успел подумать тот, едва не шарахнувшись от своей камеры; профессионализм побе-

дил, кадр не прервался. Впрочем, трусики не долетели; они грациозно завязли в воздухе и тихо слились на пол.

— Что за прелесть, — с одобрительной хрипотцой сказала в микрофон примадонна.

В скулящее от ветра, заляпанное плачущей зернистой слизью окно лупил мокрый снег, летящий из серой балтийской мглы. Пожилой профессор истории, размякший в кресле у телевизора, устало потянулся к бутылке.

Вот так, думал он, выглядели, наверное, невольничьи рынки где-нибудь в Кафе или самом Стамбуле в пору ажиотажного спроса на молодых славянских полонянок.

Но нынче свободой и демократией народу настолько мозги выело, что до подобного глубоко-мыслия ни единой душе не подняться. Теперь что за деньги — то и свобода. Что за большие деньги — то полная свобода. А что от души, по совести или просто потому, что надо — то рабья кровь или тоталитарный гнет.

Если бы эта дурешка вышла махать трусами посреди улицы просто так, за бесплатно — ее бы в психушку небось свезли. А тут гляньте — культурное событие.

Потому что индустрии прокладок надо увеличивать сбыт. Не то — падение продаж, кризис, безработица, волнения, пролетарии всех стран... А как его увеличишь, если у каждой бабы, хоть ты тресни, всего лишь по одной мохнатке и не больше?

Вот и приходится инновацию за инновацией, одна причудливее другой, высасывать и высасывать из бесконечного пальца.

И так во всем. Зубные щетки, телефоны, автомобили, лекарства... Прогресс. Все для блага человека.

Выведенного специально для потребления благ.

Превращенного в безотказный винтик механизма по переработке мира в мусор, в шлак, сток и выхлоп, побочным эффектом которой является во-жделенный рост денежной массы.

В основном у тех, кому всегда мало.

Я этого достойна...

Мы все оказались вот этого достойны.

Кто это — мы? Никаких нас давно уже нет, каждый сам по себе...

Вот те, кто стал сам по себе, и достойны.

Только крылатая, доставляющая радость асказа, скомпенсированная бескорыстным горением любопытства ко Вселенной и чувством братства, способна сохранить нам нашу планету пригодной для нашей же собственной дурацкой жизни. Но куда там, теперь о таком даже заикаться смешно... Пусти нынешнее человечество хоть на Марс — так и на Марсе скоро песок подорожает.

Рак. Чисто рак.

Первой опухла Европа. И за пять веков прогрызла весь род людской. Если хватит возможностей выбросить метастазы через космос — выбросят не задумываясь, ничего не пожалеют; все разнообразие мироздания, всего его тайны, просторы и красоты перемолотят в две исполинские тоскливые кучи: справа — прибыль, слева — свалка. А посреди будут бешено наяривать жвалами те, кто этого достоин.

Вопрос, где окажутся недостойные. И сохранятся ли такие вообще...

Прогресс подкрался незаметно.

От четкого, бритвой режущего понимания того, что род людской необратимо покатился не туда, хотелось повеситься.

Но он просто налил себе вторую рюмку коньяку.

Все равно после вчерашней презентации новой правительственной программы он был никакой. Крепко поддавшие чиновники по полной воспользовались случаем поучить высоколобых, как тем в процессе очередной оптимизации рассчитаться на первый-второй. Внимать новому помету нескончаемой саранчи реформаторов без бутылки крепкого во лбу было немыслимо. Поэтому сегодняшний день выпал полностью — и, значит, раз уж все равно случилось, можно себе позволить аккуратно похмелиться.

Странным образом это возвращало профессора в детство. Мама, мамочка, я тебе на ушко сейчас что-то скажу, только ты не сердись... У меня опять горло болит. Ну и не ходи сегодня в школу, милый, отлежись в кроватке. Почитай вот капитана Блада...

А правда, подумал профессор, крутя полную рюмку в пальцах. Может, плонуть на все, вылить коньяк обратно в бутылку, выключить шайтан-дыру и почитать на сон грядущий капитана Блада? Ведь до сих пор, наверное, стоит где-нибудь задвинутый, зажатый, раздавленный Хайдеггерами и Броделями.

Благородство, паруса и лазурный простор... Арабелла! Арабелла!

Но было не оторваться. Не могло же творившееся по ту сторону экрана безобразие кончиться добром. Подспудная надежда дождаться возмез-

дия держала у экрана крепче каких-нибудь там вертухаев или шарфюреров. Как сказал бы опытный пиарщик, захват произошел. Неважно, положительно или отрицательно относится захваченный к тому, чем он захвачен; важно, что он начал переживать и, сам того не ведая, хочет, чтобы переживание длилось.

Сбыт коньяка увеличился еще на две рюмки.

А за следующий час у экрана — еще на три.

Даже балансирующего на проволоке над ништой профессора истории, если взяться с умом, можно приспособить для экономического роста.

Хриплая стокилограммовая мадонна толкнула председателя троицы локтем в бок.

Тот затравленно обернулся к ней и провел ребром ладони себя по горлу: осточертело, мол, не могу больше. А потом обреченно поднялся.

— Ты «Виагру»-то принять не забыл? — с материнской озабоченностью спросила певица шепотом. Председатель в ответ лишь дернул губами и махнул рукой безнадежно: какая, дескать, «Виагра», тут «Виагрой» уже не обойдешься... И начал спускаться к подиуму, на ходу расстегивая золоченый ремень брюк.

В катастрофе, на самом деле, был виноват за-предельно безмозглый папарацци. Впрочем, не он один такой; нынче все как-то стали забывать, что другие люди — живые. Оза все сделала, как надо и, наверное, честно заработала бы право стать лицом Easy-Lazy; она и легла изящно, и коленки расставила робко и преданно — так, что захватывало дух. Но в самый ответственный момент она не зажмурилась, а, наоборот, широко открыла глаза, чтобы напоследок окатить председателя восхи-

щенным взглядом; и тут пробравшийся таки за ограждение идиот попытался крупным планом поймать это удивительно ей удавшееся беззаветное лицо. Плазменный плевок вспышки выжег ей глаза, казалось, до самого затылка; она конвульсивно дернулась под тяжелым Котей, как раз ткнувшимся ей в самую середку, и тут ее скрутило свирепой судорогой внизу живота.

Боль была дикая.

Но первым истошно заорал Котя.

Потому что man's хер-с заклинило.

Оза плохо помнила, что творилось потом. Перелом был внезапен и дик, его невозможно было осознать. Все происходило как в бреду. Как не с ней. Кто-то что-то пихал ей прямо в зад, чтобы отмякли сведенные мышцы; кто-то дрожащими руками колол укол... Председателя скоро высвободили, но успокоиться он уже не мог.

— Кто тебя подучил? — орал он, тряся посреди подиума съежившимся травмированным отростком. — Томишевская из «Часа prick»? Она, да? Или эта пара ублюдков из «Доброго пидора»? Говори! Урою, сука!

И, неловко лягая тех, кто пытался его оттащить, наотмашь бил Озу по лицу, не задумываясь над тем, что уже по крайней мере два десятка именных зрителей независимо друг от друга, повизгивая от восторга, в реальном времени грузят прикольное видео в «Ю-туб».

Представитель фирмы-производителя Easy-Lazy не силен был в русском и понимал с пятого на десятое, но, сидя в первом ряду, тихо млел от счастья. О таком старте рекламной кампании на новом рынке можно было только мечтать. После про-

смотря любая нормальная женщина на всю жизнь предпочтет фаллоимитацию. А смотреть-то будут все. Потом суды пойдут... На фотографа подадут или на председателя жюри за нанесение побоев... Или, наоборот, председатель жюри на девчонку... Все равно. На каждом процессе по сто раз вынуждены будут повторять: Easy-Lazy, Easy-Lazy... Вобьют так, что не вышибешь.

После особенно сильного удара Оза отключилась окончательно.

Очнулась она не от боли, а от вони. Лишь попытавшись шевельнуться, едва не вскрикнула и поняла, что превратилась в один громадный разбухший синяк; вроде бы — без увечий, но отбивную из нее состряпали от души. И разило гадостно. Типа застарелым теплым деръемом, точно рядом прела загаженная яма. Гнилой капустой еще, может быть. Или это она сама обдристалась? Вроде нет... Сухо. И тепло. Да-да, был момент, что стало очень холодно... Ну конечно, в сугробе. Ее же из машины в сугроб кинули голую, как была. Отоварили напоследок еще пару раз и вывалили. Да, это вспоминается... А сейчас тепло. Спертое тепло, гнилое. Дрянь какая-то кинута сверху, старая шуба, что ли... Тоже вонючая.

И, срывааясь на что-то каменное или бетонное, равномерно, как метроном из документальной бояги про блокаду Петербурга загадотрядами НКВД, хрупали капли.

И бубнили неподалеку два голоса — мужской и женский.

— Нет, просто он хороший мальчик, помнит старого препода, — говорила женщина. Голос был, будто у рекламной доброй бабушки с уютным до-

миком в деревне. — Преподшу, точнее. Как вписался в коллектив на коллайдере, пишет иногда, рассказывает коротенько, что там и как. Ну и, наверное, ему интересно, что я в ответ промурлычу. Осенью я им довольно верно, как оказалось, прикинула один из любопытных вариантов мюонного распада с нарушением изотопической симметрии. Вот он теперь поблагодарил.

Извращенцы какие-то, с ужасом поняла Оза.

— Ты не рассказывала, — ответил мужской голос. Оза обмерла. Мужик говорил с сильным акцентом. Похоже, урюкским. Таджик-маджик... К гастарбайтерам я попала, что ли? Ну, эти отхаряют во все дырки. Вот исключительно таджиков мне и не хватало сегодня для чувства глубокого удовлетворения. Полный пиздец с легким фалломитирующим эффектом...

— К слову не приходилось, — сказала уютная бабка.

— Так ты что, даже теперь продолжаешь?

— По привычке, наверное. Приятно думать над тем, чего нельзя купить или продать. Познание как таковое. Чувствуешь себя такой чистой... высокой, легкой... Как летнее облако над лугом. И не хочешь, а голова сама иногда...

Урюк вздохнул.

— У меня после бомбейки отшибло. Выбрался из развалин... Помню одно: на север, на север! Там не найдут! Успел, проскочил, пока амеры чек-пойнты на вашей границе не наладили... Узнали бы физика — не пропустили... — Запнулся. — Толпы, толпы... И все на север. А над дорогами — опять то дроны, то «апачи»... Косят по живым... Такое я только у вас видел в фильмах про сорок первый

год. Вот, — грустно усмехнулся он, — до самой Москвы добежал. До самой юности... — Помолчал. — Чем фермион от бозона отличается, и то вспомнить не могу.

— Ну, хотя бы тем, что у бозона спин целый, а у фермиона — полуцелый.

Вот же херня, недоуменно подумала Оза.

— Не успели мы... — с болью проговорил урюк. — Совсем немножко не успели.

— Не бери в голову, Бахрам, — мягко ответила бабка. — Успели бы — было б еще хуже.

— Откуда ты знаешь?

— А вот знаю. Женская интуиция.

— Тоже мне, — с грубоватой ласковостью проговорчал урюк, — какая нашлась Сьюзен Кэлвин...

Старушечий голос тихонько засмеялся. Как будто ручеек прожурчал.

Что еще за Сьюзен, подумала Оза недоверчиво. Ни поп-дивы, ни модели с таким именем в мире не было, она могла ручаться.

Бабка сказала чуть нараспев:

— Нет, я не робот, я другой, еще неведомый избранник. Как он — гонимый миром странник. Но только с русскою душой, — запнулась и добавила: — Вернее, уже неведомый.

Мужской голос хмыкнул. Как-то грустно хмыкнул. Но как-то... восхищенно. Урюк на бабку запал, что ли?

О чём они? Слова типа понятны, а смысла нет. В натуре, обдолбанные сидят.

Оза решилась приоткрыть глаза.

От удара тусклого света под черепом бултыхнулась боль.

Допотопная лампочка в скособоченном чехле из крупноячеистой проволочной сетки, желтая, как моча, немощно освещала низкий давящий потолок и тесные стены в разводах плесени и потеках; белили их, наверное, лет сто назад, еще при каком-нибудь Сталине, да и то, прикинуть, пора-бощенные европейские гитлеровцы, изнемогшие от русского голода до полной потери трудоспособности. Тянулись коричневые сырье трубы, оплещенные всклокоченной рыжей драниной... Ага, с одной из труб и капает. Трубы отопления.

Подвал.

Оза лежала на куче тряпья, укрытая помойной синтетической шубой. Увидела свое плечо — и в глаза ей бросилось, что ссадины густо замазаны йодом. Получается, подумала она, эти тормоза меня спасли, что ли?

— Пойду посмотрю, как там наша девочка, — будто услышав мысли Озы, сказала невидимая бабка.

— Я только что проверял, — ответил урюк. Интонация у него была — я горный орел, не суетись, женщина, мужчина уже все сделал. Ну понятно, черный. — Спит. Реакция на стресс, наверное.

Бабка вздохнула.

Кап... Кап...

— Кем же надо быть, чтобы молоденькую вот так, — тихо сказала бабка. — Этой феечке по цветам ходить, и чтобы стебли не гнулись. А пальчики длинные, тонкие... Наверное, скрипачка. Или пианистка...

И эта туда же, раздраженно подумала Оза. Все дебилки на свете сговорились, что ли?

— Может, будущий нейрохирург? — предположил урюк.

Оза передернулась. Еще не хватало — в чужих мозгах ковыряться. Ей представились склизкие бугристые внутренности головы, типа серые дрислиевые какашки. Ее чуть не вырвало.

— И в снег бросили. Она ведь замерзла бы, если б не мы... Что с людьми сделалось?

— Аллах вас наказал, — жестко проворчал урюк. — Соблазнились на барахло — вот и получили.

— А вас тогда за что?

Урюк молчал некоторое время, а потом глухо сказал:

— За гордыню. Ислам, ислам... Какая разница. Надо было сразу после шаха проситься к вам в Варшавский договор. И как братья, плечом к плечу обронять смысл от бессмыслицы.

— Ох ты какой боевой...

— Люди делятся не по вере. И не по знаниям. Люди делятся на тех, кто хочет от жизни смысла и кому все равно. На тех, кто думает, что должен что-то миру, и тех, кто уверен, будто это весь мир ему должен. Мы ведь могли не вилять, не выгадывать, не надувать щеки, а просто стать с вами в строй. Да хоть пустить вас к заливу. Да хоть вашу и нашу нефть объединить, взять под совместный контроль. Ваши тогдашние ракеты и наш тогдашний пыл! Мы бы их по миру пустили со всеми их шмотками!

— Шмотками, — поправила бабка.

— Ну, шмотками... — Он помолчал. — Что, сильно забыл русский?

— Совсем не забыл, лучше многих наших говоришь... Но вот... Не знаю, Бахрам. Это у вас там, может, Аллах... Может, я ошибаюсь, прости, но мне со стороны так видится, он только и знает, что карать. А у нас, пойми, Всевышний испытания посыпает. И непременно лишь такие, какие по силам. Просто очень постараться надо. На пределе. И все будет.

Сектанты, поняла Оза. По коже у нее побежали мурашки.

Урюк саркастически фыркнул.

— Ты что же, думаешь, у них там разделение труда на производстве? Иисус экзаменует, посыпает испытания, а совсем никудышных, кто не выдержал, волокут к Аллаху на экзекуцию? Смешные вы, русские. Всех вам, даже самых разных, надо собрать в одну семью, накормить поровну и каждому дать долю общего дела... Ну подумай ты головой! О чем ты говоришь, какие теперь испытания по силам? Как постараться? — в голосе его прорезался горестный стон. — Поздно! У вас говорят — кто не успел, тот опоздал. Не вписались мы в поворот, мало резали...

— Ты так их ненавидишь?

— А разве ты — нет? После всего?

Тишина.

Кап.

Кап.

— Помнишь, князь Болконский у Толстого говорит: они разорили мой дом, они оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники все по моим понятиям.

Надо же, подумала Оза. Оказывается, князья при царе тоже жили по понятиям. А поцреоты все

мозги проебли: девяностые, девяностые... Гонево голимое.

— Но вот ненависти... — задумчиво сказала бабка. — Ненависти почему-то нет.

— Женщина... — процедил урюк. Шовинист, вскинулась Оза. И, невольно дернувшись, вновь получила раскаленные всплески боли по всему телу. Замерла. Боль, пульсируя, медленно уползла.

— Врага надо ненавидеть, — отрезал урюк. — Иначе не победить.

— Наверное, — равнодушно ответила бабка. — Хотя... Что такое победа? Прости, но ведь спасаться ты прибежал к нам, а не мы к тебе.

— Напрасно ты это сказала, — тихо ответил урюк после паузы. — Потому что мне придется ответить, и ты можешь обидеться.

— Ответь, — смиренно попросила бабка.

— Нас им пришлось бомбить. А вас им даже бомбить не понадобилось.

Некоторое время голоса молчали. Потом бабка сказала:

— Бахрам, думаю, аптека уже открылась. Надо девочке что-нибудь от ушибов купить. И солкосерил... Что с нашего йода толку. У меня еще деньги были какие-то, сейчас поищу.

— Я пойду, — решительно сказал урюк. — У тебя коленки как подушки, еле ходишь ведь...

Мягко прожурчал солнечный ручеек ее уютного тихого смеха.

— Вах, прямо Рустам. Теперь я о Сухрабе и Рустаме вам расскажу правдивыми устами...

— Да уж... — Урюк помолчал, а потом проговорил задумчиво: — Когда палящий вихрь пески взметет и плод незрелый на землю сбьет — он

прав или не прав в своем деянье? Зло иль добро — его именование?

— Вот именно, — сказала бабка. — Куда ты пойдешь, плод незрелый? Коснись что... У тебя ни документов, ни регистрации. Начнут выяснять, задержат, а если докопаются, кто ты... Это счастье, что мы на второй же твой московский день на помойке встретились.

— Это может у вас тут счастье, — сварливо поправил урюк. — А я точно знаю, что нас Аллах свел. Уж если я тебя не забыл, он и подавно. Без него таких совпадений не бывает.

— Ну вот и отлично, — мягко сказала бабка. — Вот и посиди тут. А я...

Раздалось натужное кряхтенье.

— Смотри — встала, — со сдержанной гордостью сказала она. — Как пух от уст Эола.

— Я пойду, — сказал урюк отматающим возражения тоном. — Аптека близко, я помню. Там еще большой рекламный щит висит: «Учиться — легко!» Он от угла уже виден.

Бабка долго молчала. Слышно было, как она тяжело дышит.

— Учиться должно быть трудно, — сказала она. — Иначе как был дураком, так и останешься... Ну, хорошо, — сдалась она. — Денежку вон там посмотри. Сам. Вон-вон, под ящиком.

Разговор прервался. Раздались грузные шаги, стукнуло дерево о цементный пол, что-то щелкнуло, что-то зашуршало; потом — опять шаги. Оза боялась шевельнуться, боялась даже скосить взгляд туда, откуда слышались звуки. Мужик сейчас уйдет, лихорадочно соображала она. Линять надо, пока он по аптекам таскается. Или повременить?

Сама-то я в какой форме? Не поняла еще... Вот он свалит, и попробую встать. Бабку, если что, я точно уделаю, она, похоже, калека или типа того...

Шаги резко замерли.

— Опусти руку, — сказал урюк. — Думаешь, я не чувствую? Не вздумай мне спину перекрестить на дорожку. Я мусульманин.

Замирающее шарканье шагов утянулось в неведомую глубину подвала, и стало совсем тихо.

Кап.

Кап.

Оза несколько мгновений собиралась с духом, а потом села. Перевела дыхание. Ничего, совместимо с жизнью. Могло быть хуже. Покрывавшая ее вонючая дрянь свалилась с плеч, она оглядела себя. Да, нехило уделали... Интеллигенты, блин. И неожиданно для себя хихикнула. Этому говнюку теперь до конца дней пизда с зубами сниться будет.

Из-за огибающих угол стены лохматых труб показалась бабка.

Она, верно, услышала, как зашуршали тряпки и пошла посмотреть. Некоторое время она и Оза молча глядели друг на друга.

Бабка была маленькая, замотанная в какие-то серые лохмотья. Лицо ее было тоже серым, одутловатым. И шелушилось. И на губе ярко гнил герпес.

Она неуклюже, по-утиному, шагнула вперед.

Остановилась в двух шагах. До Озы докатилась волна кислой вони.

Оза вжалась спиной в шершавую стену.

— Очнулась? — ласково спросила подземная карга. — Вот и молодец, вот и умница. Попить хочешь?

Пить — тут?

А покушать из унитазика?

— Ты кто? — ошалело спросила Оза.

Бабка улыбнулась.

— Бомжиха, — просто ответила она.

— А... А этот? С кем вы терли?

— В смысле — разговаривали?

— Ну... угу.

— Это сокурсник мой. Пять лет на физмате вместе... — бабка запнулась. — Давно. Шесть геологических эпох назад. Тогда у нас было чему иностранцев учить. Потом он домой вернулся, я тут науку двигала, он там... Теперь вот свиделись. Ломтик счастья под старость... А ты кто?

Оза даже растерялась от такого вопроса.

— Ты что, телевизор не смотришь?

Бабка добродушно, уютно засмеялась. Ну точно — домик в деревне. Только засраный.

— Вот наши телевизоры, — сказала она, похлопав ладошкой по замотанной в растрепанную ветошь капающей трубе.

— Гонишь... — потрясенно сказала Оза.

— Сообщить-то про тебя кому? Дом-то твой где, девочка?

— Да я... Да я звезда! Я чуть не стала лицом прокладок Easy-Lazy!

Бабка задумчиво наклонила голову набок. Точно курица. Долго молчала, что-то соображая.

— Так это тебя за прокладки так?

Оза не ответила. Смотрела на ведьму, не моргая.

— Знаешь, — осторожно сказала бабка. — Вообще-то, лицо — это... у людей...

Замолчав, она подошла почти вплотную к Озе. Озу замутило всерьез. Бабка порылась в лохмолях у себя на груди, выпростала откуда-то из смер-

дящих глубин маленький крестик и, не снимая с шеи, протянула, на сколько цепочки хватило, в сторону Озы.

Ну, точно фанатичка, с бешенством подумала Оза. Сейчас зомбировать начнет. Теперь понятно, на кой я сектантам понадобилась. Оза много читала в сети про зомбирование. Поддашься — прощай, свобода.

— Вот что я тебе скажу, — проговорила вонючая ведьма. — Господь милостив. Я, как тут поселилась, это точно поняла. Поцелуй крестик и покайся немножко. Ну немножко совсем. Скажи: Господи, не то я делаю, но ты верни мне лицо человеческое.

Целовать?

Губами? Вот то, что висело под ее тухлой рваниной? Касалось зловонной дряблой кожи, наверное, теплое от нее?

А вши-то, вши?!

Бабка сделала еще шаг.

Оза ничего не успела подумать — сработали отвращение и гадливость. И страх. Ее руки сами пружинисто взлетели и отпихнули бабку что было сил.

А та оказалась неожиданно легкой. Будто наполовину состояла из намотанного вкривь и вкось тряпья, а живая сердцевинка под многослойными лохмотьями была девичьи стройной. Лицо бабки потешно исказилось от удивления; размахивая руками в тщетных попытках удержать равновесие — серой молнией брызнул в сторону на лопнувшей цепочке крестик — она, заваливаясь, пробежала назад несколько торопливых кренящихся шагов и с коротким глухим стуком приложила затылком

об ту самую капающую трубу. Охнула коротко и бессильно, будто квакнула. И сползла на пол.

Кап.

Кап.

— Эй... — осторожно позвала Оза.

Кап. Кап. Кап.

Оза облизнула губы.

А пить-то правда хочется, вдруг поняла она.

— Эй, бабка, — позвала она снова. — Хорош слезу давить, подымайся.

Кап.

Тишина.

Кап.

По грязному полу из-под кудлатой седой головы поползло что-то вишневое, отбескивающее.

Ептыть, подумала Оза.

В смятении она вскочила, заметалась. Боли она уже не чувствовала, не до боли было. Мужик вот-вот придет... Прямо так бежать, что ли? Она еще раз наскоро оглядела себя. Эх, трусы мои, трусы, как же вы мне шли... Ладно, лишь бы выбраться — не последние трусы в жизни. Драная, с проплеши-нами, в ороговелых стеклянистых струпьях шуба оказалась как нельзя кстати. Застегнется? Ага, застегнулась. На единственную пуговицу. Хорошо хоть одна уцелела, все-таки не буду пузом сверкать по январской Москве. Мужик вроде вон туда ушел, там шаги затихли, слева. Озу трясло. Скорей, скорей...

Железная дверь подалась, и тухлая теснина разлетелась простором — будто нарыв лопнул. От опалившего кожу сладкого воздуха закружилась голова.

Было черно и безлюдно. Мела поземка — дымила над сугробами, струилась призрачно поперек дороги. Мерзнувшие в ряд кусты размахивали голыми ветвями. Где-то поодаль, в щелях, сиял рыжим светом и бурлил мерцающими облаками выхлопов какой-то проспект, но тут, между однообразными спальными коробками, не шевелилось ни души. Горели зимние окна, разноцветные, как елочные игрушки, и оттого словно бы праздничные. Но это только казалось, будто за каждым — уют и счастье; там просто копошились, скандалили и свирепо делили свои крохи одинаковые серые люди. Жрут трудяги, завтракают торопливо. На работу свою тупую хотят. Оскальзываясь не чующими холода босыми ногами по утоптанному снегу, Оза без единой мысли добежала до угла огромного унылого многоквартирника — и тут ее осенило. Она даже остановилась.

В американское посольство надо гнать, вот что.

Она торопливо принялась озираться. Таблички на домах давно стали необязательной роскошью, но Озе повезло; и улица, и номер. Ага, вот я где, ну надо же... Никогда бы не подумала, что совсем рядом от нормальной жизни такие подвалы... Она повторила про себя адрес дважды. За выявление укравшегося в России иранского физика ей ножки будут целовать. Исламский атомный терроризм — это вам не кот начихал. Да мне, поняла Оза с восторгом, Пурпурное сердце навесят! А уж с Пурпурным-то сердцем я точно стану лицом прокладок! Не отвертятся!

Придерживая рукой разлетающуюся на бегу шубу, она брызнула за угол, и едва не налетела на темного неподвижного, как памятник, высокого

мужчину. Отшатнулась. Тот смотрел на нее. Высокий, смуглая морда в черной щетине. Глаза страшные. Азер, похоже. Блин, ну сколько можно приключений на одну жопу...

— Может, Катя и права, — задумчиво сказал азер, и Озу поначалу ожгло лишь от имени.

А потом она узнала этот голос. И этот акцент.

Она попятилась.

— Может, и правда, — держа руки в карманах, медленно продолжал подвальный урюк, — в кого твой народ верил, пока рос и мужал, и становился народом, тот у тебя и бог. Может, и правда это тебе ваш Христос просто испытание посыпает. По силам.

Он вынул правую руку из кармана, и Оза с изумлением увидела болтающийся в его коричневой волосатой пятерне тот самый крестик на поврежденной цепочке, который только что, вот только что совала ей в нос бабка.

Урюк поднял руку с крестиком в сторону Озы.

— Может, — проговорил урюк, — у вас тут надо просто перестать корчить из себя взрослую и умную, заплакать и сказать, как в детстве: прости, я больше не буду. И сразу станет ясно, что дальше.

Оза отступила еще на шаг. Ничего он мне на улице не сделает, подумала она. Тут не подвал, я просто удеру. Я быстро бегаю, а он старый, как тушка в мавзолее.

Собрав губы в гузку, она неторопливо, с наслаждением подняла руку и победоносно оттопырила средний палец.

Урюк подождал еще мгновение, а потом перестал жечь ее фанатичным азиатским взглядом и равнодушно отвернулся. Неторопливо спрятал

руку с крестиком в карман. Оза поняла, что победила.

Так ее и нашли, когда рассвело.

Вернее, ее нашли бы, если бы искали. Но ее никто не искал. На нее просто наткнулись.

Полицейский мент Филипчук со товарищи прибыл на место обнаружения тела в начале одиннадцатого («Слушай, Михалыч, выезжай, тут девчонка странная прижмурилась... В лохмотьях, но с педикюром-маникюром. Красотка, но вроде как мутантка, что ли... Побитая, но ссадины обработаны — и причина смерти, вообще-то, непонятна пока...»).

На потерпевшей и впрямь была лишь убогая, плешивая синтетическая шуба еще советских времен. Филипчук в молодости намучился в похожей: то зуб на зуб не попадает, то в собственном поту плаваешь, будто килька в томате. И малейшим ветерком продувается насквозь, по потным ребрам то и дело сквозняки ходили. Откуда девчонка выкопала эту рухлядь...

А ведь я бы, наверное, согласился день-деньской преть и мерзнуть в такой рогоже, ни с того ни с сего подумал Филипчук. Только бы не рыться день-деньской в присыпанном блестками то фальшивого, то краденого золота деръме, в которое превратилась жизнь.

Но поезд ушел. Ройся и поменьше думай.

Как бы это чтоб и не в рогоже, и не в деръме? Кто бы научил?

Но — по-честному, а не как все эти...

Ладно. По боку. Я на работе.

Распахнутые полы во всю длину открывали неловко выложенные на снег стройные ножки, кото-

рые уже никого не порадуют; а жаль. Как говорил незабвенный Володя Шарапов, могла бы счастливым сделать хорошего человека... Впрочем, на любителя. Огромные и оловянные, как у Барби, глаза обиженно глядели в косматое столичное небо — словно оттуда, обманув в лучших чувствах, напоследок показали неприятный сюрприз. На груди, прямо у горла, лежала правая рука с нечеловечески длинными суставчатыми пальцами, а средний, самый тянутый, самый долговязый, недососанной чурчхелой торчал из собранных в гузку губ.

Точно — мутантка. Чернобыльский ежик.

Некоторое время Филипчук, тоскливо посвистывая сквозь зубы, смотрел на труп. Потом сказал:

— Охрененно секси.

И группа начала работать.

ТРЕХДЮЙМОВЫЙ РЕЦИДИВ

Карел идет на преступление — уже четвертое за шесть десятков лет своей жизни.

Июльское солнце ярко светит через тонкие, почти невидимые наверху мембранны. Если повернуть голову на юг, то сетчатая структура становится заметной — край купольного свода климат-контроллеров слишком близок.

Карел щурится — не от солнца, а чтобы включить зум в глазной линзе-импланте, затем срывается с места и не по годам резво шагает к кустарнику. Газонная синяя трава, недавно постриженная кибером, мягко пружинит под старыми кедами, но в походке заметна нервозность.

Этот парк на окраине очень удобен — тут мало людно, почти нет камер наблюдения и много больших кустов, за которыми удобно спрятаться. Карел долго выбирал это место. В правой руке у него — короткая металлическая труба, обернутая в рекламные листовки, на голове бейсболка и черные очки. Его цель уже видна невооруженным глазом. Один из грачей, чью стайку автоматически впустила на территорию Белгорода открывшаяся мембрana, оторвался от стаи и снижается, описывая над кустарником круги. Прерывистый полет птицы неестественен, а контуры расплывчаты, и

сейчас только Карел знает, что это вовсе не птица — это миниатюрный коптер с голограммным камуфляжем.

Наконец, «птица» исчезает в кустарнике, неаккуратно спикировав в зелень. В другом бы случае владелец аппарата испугался за сохранность винтов. Несмотря на искусственный интеллект, подобные аппараты все еще остаются неповоротливыми и уязвимыми в густой листве: малейшее касание об ветку, и мини-вертолет выведен из строя. Единственное же, о чем сейчас беспокоится Карел — это о том, чтобы сломавшийся вертолет не застрял в ветвях слишком высоко. Тогда за ним придется лезть, это может привлечь внимание. К тому же ветку можно сломать, а при значительном повреждении дерева с недавних пор могут поймать на «нарушении прав растений и объектов флоры». Новые правила действуют уже четыре года — после принятия Юнион-комиссией новой версии конвенции, пролоббированной «зелеными». За сломанное дерево начисляют штрафные баллы, коих у Карела и так накопилось слишком много

Карел воровато оглядывается по сторонам, но его опасения безосновательны — в столь ранний час в радиусе двух сотен метров нет ни одного человека. Справа заметно какое-то движение, но, использовав линзу-имплант, Карел видит там кибера-дворника, подметающего дорожку. Даже если на нем есть камера, ее видеоряд не проверяется, и отсеивать снятые с такого расстояния кадры никто не возьмется. Преступник перехватывает трубу поудобнее и смело идет в кусты.

Коптер застрял в полуметре от земли. Две винтовые стойки сломаны, как и два голограммных генератора — теперь он кажется птицей только с одного боку. Карелу немного жалко аппарат. Робот — настоящий трудяга, он проделал три тысячи километров всего за две недели — с учетом подзарядок от солнечных батарей, коптер летел с максимальной скоростью для такого старишки. К несчастью, этот путь для него изначально должен был стать последним. Карел вытаскивает аппарат из ветвей, кладет на землю, размахивается и, морщась, отточенными ударами трубы ломает винтокрылые стойки. В руках остается легкий и прочный корпус, с которым следует быть осторожнее. Времени мало, но лучше не торопиться — одно неверное движение, и можно сломать ценный груз, который принес коптер.

Сначала надо оторвать солнечные батареи и аккумуляторный блок. Под ними — плата управления. Карел достает из кармана отвертку и откручивает три винта, отбрасывает плату и дрожащими руками достает из днища две трехдюймовые плоские коробочки, в которых мало кто сможет распознать древний носитель информации. Осторожно кладет в карман, не решаясь открыть.

Дальше — как в бреду. Быстро, поспешноковыряет землю и выкапывает при помощи трубы небольшую яму, доламывает остатки коптера (особо тщательно — плату управления, с нее можно считать маршрут), забрасывает их землей и травой. Затаптывает. Выходит из кустов, вытирая руки о салфетки, с которыми направляется в ближайший биотуалет. Там же аккуратно вытирает

возможные отпечатки пальцев с орудия преступления, после чего направляется домой, улыбаясь.

В голове водят хороводы разные мысли. Карел пытается просчитать, сколько законов, точнее «рекомендаций», он нарушил. Участие в незарегистрированном сообществе. Культурная контрабанда. Незаконная публикация творческих продуктов. Использование незарегистрированных средств транспортировки. Разрушение частной собственности, в конце концов — коптер-то не его. Он даже толком не знает чей. Если копнуть чуть глубже — нарушение веротерпимости, культурно-этнической толерантности, информационный терроризм...

Карелу по большому счету плевать на это все. Схема отработана, это уже третья доставка. Две прошлые прошли незамеченными, и поводов для беспокойства нет. В конце концов, ему шестьдесят три года, и он наконец-то решил пожить для себя. И он рад тому, что двухлетний труд их тайного объединения близок к логическому завершению. Но в голове, тем не менее, звучит беззвучный вопрос: какой срок ему могут дать, если вскроется?

Жена садится за давно накрытый стол, уютно положив подбородок на ладони. В такой позе она даже иногда кажется Карелу домашней и симпатичной, хотя каждый раз он гонит подобные мысли, как страшный сон. Из принципа.

— Как прошел рабочий день?

— Не напоминай, дай спокойно поесть, — привычно хмурится Карел, пробуя ядовито-красный суп и токсичного цыпленка.

— Хорошо, тогда давай поговорим о чем-то другом? Например, ты мог бы рассказать мне о своем отце — мне так мало о нем известно.

Карел удивленно смотрит на жену. Она нечасто задает такие вопросы и вообще редко беседует с ним во время ужина. Скорее всего, что-то не так. К тому же...

— Я уже рассказывал тебе о нем. Лет пятнадцать назад, как раз после его смерти.

— Да. Жалко, что при жизни мы мало общались. Я знала только, где он родился, где работал. Я заходила после этого на его страницы в социальных сетях. Похоже, он был творческой личностью, как и ты. Причем, более открытым.

Доеная суп, Карел кивает, пристально глядя на супругу и пытаясь понять, что у нее на уме. Чаще всего, это у него удавалось. Сейчас, похоже, она пытается плавно перевести разговор на интересные ей темы.

— Я тебе тоже говорил об этом. Тогда были совсем другие времена и порядки. Сейчас не каждый может показывать свое творчество, и я не хочу это обсуждать.

— Да, но со мной тебе разрешается делиться — я же твоя жена!.. — Супруга изображает обиду. — А ты даже не пускаешь меня в свою студию.

Карел разглядывает палитру эмоций на ее лице. Усмехается, обреченно машет рукой. Ему почти нечего терять, и он готов пойти даже на такую глупость. В конце концов, для чего еще нужны в его возрасте жены, кроме как для восполнения нехватки общения?

— Эх. Погоди, просмотрю новости и расскажу кое-что.

Он пересаживается на диван и быстро просматривает новостные каналы в голограммии, транслируемой через глазную линзу. Сплошной позитив. Бунты в Центральноафриканской Особой Зоне в этом месяце пошли на убыль. Великий Сахарский Барьер построен на семьдесят три процента. Последствия землетрясения на Дальнем Востоке успешно устраниены. Строительство нового блока лунной станции откладывается на неопределенный срок. За сотню с лишним лет космонавтики — почти никакого прогресса. Переключает, пропускает музыкальный канал — старинная инструментальная музыка приятна, но порядком надоела. Следом идет редкий — один на сотню развлекательных — образовательный канал для детей. Карел усмехается: эту старую передачу о пользе онанизма и опасности секса с людьми он уже видел несколько раз. На канале местных новостей ничего интересного — из-за жары небольшой сбой в энергосетях, одно небольшое ДТП, прибавление в городском зоопарке, показатели заказов в местном банке спермы...

Выключив линзу, Карел поворачивается к жене.

— Так, о чем я хотел тебе рассказать... А, о своем творчестве. Как ты знаешь, я пишу музыку и имею на то соответствующую лицензию. Когда-то давно я имел право даже выступать публично и выкладывать музыку в сети, но пятнадцать лет назад один... придурак подал на меня в суд, заподозрив в паре строк оскорблении в свой адрес. Тексты нашего сборника прогнали через анализатор, после чего меня заключили в эту тюрьму...

— Белгород — не тюрьма! — поправляет Карела жена. В ее глазах заметен испуг. — Белгород — Особая Зона. Ты говоришь как экстремист!

— Да, да, — отмахивается Карел, — Особая Зона, резервация, закрытый город — одна фигня. Люди врут, когда говорят, что с исчезновением государства исчезли границы — границы изменились и стали только страшнее.

Карел замолкает. С досадой он чувствует, что постепенно превращается в занудного стариакашку. В голове снова проносятся воспоминания о том, первом «преступлении». Совместное творчество их объединения признали нетолерантным и лишили лицензии. Особо старательных и тех, у кого имелись другие замечания подобного толка, перевели в Особые зоны, такие, как Белгород. Спустя пять лет Карелу разрешили снова заниматься музыкой, но только в стенах квартиры, а делиться позволено с «ограниченным кругом близких лиц без права копирования».

Жена решает разрядить паузу:

— Но ты же был тогда не один.

— Да.

— Тогда наказали всех участников вашего движения?

— Ага, почти всех. Кое-кого им не удалось найти. А кое-кто уже умер — ведь я был одним из самых молодых в нашем сообществе. Мне кажется, когда исчезнут последние из тех «стариков», музыкальное творчество вообще запретят, как ущемляющее права разработчиков программных синтезаторов.

Жена понимающе кивает.

— Каким жанром вы тогда занимались? Лоубитом?

— О, нет. Не жанром. Лоубит — это не жанр музыки, это целая концепция. Понимаешь, как только музыку научились переводить в цифровой вид, люди старались улучшить ее звучание, сделать полнее и естественнее. Параллельно развивались компьютерные сети, пропускные каналы становились все больше. Появлялись разные форматы — сначала mp3, wma иogg, потом flac и аре... Звучание становилось все чище и лучше, почти неотличимо от «живого». При этом разработчики старались сделать файлы более компактными. Но они все равно занимали много места. И вот, в самом начале двадцать первого века в Интернете зародилось новое движение, протестное и андеграндное. Его основатели решили публиковать музыку — любую, и рок, и электронику — в заведомо низком качестве, чрезмерно сжатую, с низким «битрейтом». Такую, чтобы целый мини-альбом можно было прикрепить к электронному письму или записать на... — тут Карел осекается, — на мини-компакт диск.

— Или на дискету? — жена поворачивает голову набок, прищурившись. — Кажется, что-то такое фигурировало в твоем деле?

Карел прерывает рассказ и думает. Что это — новые алгоритмы в блоке псевдологики или целенаправленный «заказ» от производителя? Он хмурится.

— Было. Но это никак не связано с тем, о чем я сейчас говорю.

— Я видела какой-то устаревший носитель у тебя на столе. Ты же и сейчас занимаешься чем-то

противозаконным, Карел? Прошу, ответь мне, это очень важно для нашей семьи! Ты и сейчас что-то пишешь коллективно?

— А ты слишком много хочешь знать! — чуть не кричит Карел, вскакивая с места.

Он пытается запустить режим «семейного скандала», но жена не ведется на его провокацию, улыбается.

— Не обижайся. Я же такая глупая.

Придется действовать иначе, решает Карел. Он кивает.

— Я и не обижаюсь. Разве можно на таких, как ты, обижаться?

Карел осторожно поднимается со стула, обходит стол, поправляет твердые, как пакля, волосы и гладит шею супруги. Она продолжает улыбаться, чтобы муж чувствовал, что ей это нравится. Через пару секунд он резким движением откидывает крышку на затылке и нажимает кнопку аппарата выключения жены.

Он купил ее тридцать лет назад и все тридцать лет ненавидел этот глуповатый кусок металлопластика. Увы, альтернативы ему в нынешнем социуме нет.

«Нельзя требовать от свободы справедливости. Свобода несправедлива — можно требовать справедливости от тюремного надзирателя, разливающего баланду».

Карел часто думает над этой цитатой советского философа Померанца, как и в целом о свободе. Что такое свобода? Есть ли она вообще, когда «раз-

решено все, что не запрещено законом»? А если закон несправедлив и ущемляет права большинства?

Чаще всего он думает о таком на своей работе. Работа Карела — муравейник из офисов-опен-спэйсов, разделенных перегородками на маленькие клеточки полтора на полтора метра. Здание сирое, старое, хоть и реставрированное. Карел, когда-то давно игравший в компьютерные игрушки, зовет его про себя «проклятой твердыней корпорации». Корпорация — а точнее, Транспортно-логистический Холдинг Белгорода — занимается управлением всего, что в Белгороде движется. Метро, наземный транспорт, включая легковые электромобили, киберпочта, связь с междугородними рейсами...

Карел занимает одну из самых простых и малооплачиваемых должностей в иерархии Холдинга — оператора-диспетчера внештатных ситуаций. Бывают случаи, когда одна из систем дает сбой — тогда случается, например, дорожное ДТП, или поезд опаздывает на пару секунд. Горячая пора приходится на период зимнего холода, или на времена стихийных бедствий, а в обычное время случаются три-четыре аварии в день. Карелу через сеть приходит информация об этих авариях, и он составляет технические отчеты, с которыми потом что-то делают. Точно он не знает, что, потому что это не его уровень. Точно тем же в его отделе занимаются еще четыре человека, из них он относительно близко знаком лишь с начальником, с которым общается раз в месяц. Остальные трое сидят в соседних кабинках и выходят из кабинок с разным интервалом, чтобы не пересечься в коридоре — того требуют нормы субординации.

Сегодня пятница. Вообще, Карел любит пятницы. В последний день недели действуют послабления режима, например, отменен дресс-код, и можно уходить на полчаса раньше. На Кареле потертые джинсы и любимая синяя футболка с портретами отцов лоубит-движения. Правда, нынешняя пятница непоправимо испорчена визитом к корпоративному психологу. В один из десяти уютных кабинетов с мягкими креслами необходимо являться раз в две недели, по расписанию, составленному руководством. К несчастью для Карела, в этот раз время визита выпало на последний час пятницы.

На часах замирает время 17:30, рабочий «тонкий клиент» переключается в спящий режим, и приятный женский голос говорит:

— Рабочий день закончен. Карел Гауди, покиньте помещение и пройдите в кабинет триста пятнадцать. Рабочий день закончен. Карел Гауди...

Карел хватает сумку и шагает по пустому коридору. Впереди идут другие сотрудники, некоторые оборачиваются и молча кивают. Но прощаться за руку, как некогда раньше, не принято — следует соблюдать дистанцию в полтора метра, иначе штраф за намеренное нарушение личной зоны.

Психолог — миловидная, хоть и несколько стервозная женщина, ее зовут Стелла Кацоудас. Карел дал бы ей сорок пять — пятьдесят, не более. Она — одна из немногих настоящих женщин, которую он знает давно, общается вживую и которой разрешается смотреть в глаза. Потому Карел, несмотря на весьма солидный возраст, испытывает к ней что-то вродеrudиментарного полового влечения, чего очень стыдится. Страшнее всего

думать о том, что она также испытывает влечение к кому-то из своих пациентов.

— Присаживайтесь в кресло. — Она позволяет себе легкую улыбку, но видно, что за день она устала не меньше его.

— Спасибо.

Ворсинки на подлокотниках кресла колышутся, словно белоснежные щупальца анемонов. Когда Карел кладет на них свои запястья, они считывают пульс, потоотделение и транслируют данные в глазную линзу Стелле. Осторожный, ненавязчивый детектор лжи.

— Как ваши успехи на работе? Вы довольны своей должностью?

— Да, — привычно отвечает Карел. Это — правда. Конечно, есть куча недостатков, но правильнее их списать на общество в целом, а не на работу.

Психолог кивает, видимо, действительно правда.

— Были ли какие-то интересные случаи на последних неделях? Что-то необычное?

Карел усмехается. Как будто ей действительно все это интересно. Но беседу надо поддерживать.

— В среду я на три минуты опоздал на рабочее место из-за остановки вагонов метро. Ну, не только поэтому — еще я на несколько минут задержался, забежав перед аварией по дороге в магазин. За опоздание мне автоматически начислили штрафные баллы. Эту же самую остановку рассматривал наш отдел. Поскольку я написал отчет об аварии в течение одной смены, мне добавили премиальных...

Стелла недолго, почти наигранно смеется.

— А вас не волнует то, что вы уже пятнадцать лет не соглашаетесь на должность начальника отдела, хотя вам несколько раз предлагали повышение?

— Нет, не волнует. Я делаю это вполне сознательно, потому что мне не нужна лишняя ответственность.

Стелла делает удивленное лицо, хотя слышит этот ответ уже не в первый раз:

— Вы боитесь ответственности?

— Нет... Не знаю. Скажем так, не ответственности в целом — только лишней.

— Хорошо. — Психолог кладет ногу на ногу. Колено направлено к собеседнику — все знают, что это знак расположения, и таким жестом надо пользоваться очень осторожно. — Как ваши дела вне работы? У вас нет проблем в семье?

— Нет, — твердо отвечает Карел.

— Ну же, Карел, зачем вы мне врете. У вас уже давно проблемы с вашей второй половинкой. Почему вы снова ее выключили на этой неделе?

Все знает, зараза. Еще бы, сфера полномочий корпоративных психологов куда шире, чем это может казаться.

— Захотелось резко оборвать разговор.

— Но это же не гуманно и нарушает права кибер-жен! Как я понимаю, не было никакого намека на семейный скандал или угрозу психике, и вы все равно применили крайний метод...

Разговор с психологом развивается по стандартной модели. Сначала надо спросить про работу, а потом расслабить собеседника и по локоть влезть ему в душу.

— Не знаю. Ну не нравится она мне, что я могу поделать?

Стелла понимающе, с сочувствием кивает.

— За такое начисляются штрафные баллы. Вы уже трижды делали подобное, после пятого дело будет рассматриваться в суде. Вы, вероятно, при покупке выбрали не тот психотип. Я рекомендовала вам развестись, почему вы не последовали моему совету?

— А разница? — усмехается Карел. — Я боюсь, что меня не устраивают все женщины, которых собрали на заводе, но уже поздно что-либо менять — лицензия на брак с человеком стоит гигантские деньги для меня, на это уйдут годы. К тому же все равно это похоже на...

Он осекся.

— На что?

— На клетку. Простите, но нынешний брак человека с человеком похож на клетку, после которой, в случае любой малейшей ошибки, — расстрел.

Стелла отводит взгляд. Удивительно, но Карелу даже на миг кажется, что она с ним согласна. Однако порядок проведения «воспитательной беседы» требует другого.

— Карел, мы все тут, в Белгороде, не без грешка. Но, простите, вы нисколько не изменились за то время, что здесь живете. Вы все так же похожи на подростка, у которого проблемы с социализацией. Вас не волнует прогресс. Вы отказались от добровольного чипирования, пользуетесь устаревшей техникой, глазной линзой одной из первых моделей. Не участвуете в политических процессах, вас не волнует глобальное потепление. Насколько мне известно, вы непозволительно много... злоупот-

ребляете креативом. Должна вам сообщить, что я запросила ваше расширенное досье.

Карел вздрагивает. Снова кто-то лезет в самое сокровенное, что у него осталось. Пусть. В конце концов, шило в мешке не утаишь. Психолог, ставшая больше похожей на прокурора, продолжает:

— У вас уже были проблемы в области свободно распространяемой музыки, как мне стало известно из досье. Вы не хотите поговорить об этом?

— Честно говоря, не хочу, но кому интересно мое мнение? Задавайте вопросы дальше.

— Вот, например, что мне известно из расширенного досье. Оказывается, вы не атеист, ваше вероисповедание — ежепоклонник, — длинное слово Стелла читает по слогам. — Почему вы мне раньше не сообщали об этом? Что это за церковь?

— Я с детства поклоняюсь Великим Ежам, — усмехается Карел. — Это вера моего отца. В нашей Тайной Церкви осталось всего пять человек, но мы — зарегистрированное религиозное объединение и вправе спрятать свои обряды. В период расцвета культа у нас даже было храмовое помещение в Иркутском Изоляте, но...

— Ладно, ясно, — обрывает Стелла, но тут же спохватывается и спрашивает. — Надеюсь, я за время нашего общения не оскорбила ваши религиозные чувства?

— Оскорбили, дважды. Но я не буду подавать на вас в суд, обещаю.

На миг в глазах Стеллы заметен испуг, потом она снова принимает наступательную позицию. Карел еле сдерживается, чтобы не засмеяться — иногда так смешно наблюдать полное отсутствие чувства юмора у собеседника.

— Вы носите одежду с фотоизображениями других людей. Это может нарушать авторские права, их право на личную жизнь и прочее. Я происканировала вашу футболку, но не нашла соответствий этих лиц в базах знаний. Кто это?

— Харитонов и Барбье. Одни из основателей лоубит-движения. Не бойтесь, они не будут выражать своего протеста, они жили в первой половине двадцать первого века. Все их изображения доступны по свободной лицензии.

— Хорошо. Дальше — вы указали в числе родных языков русский. Вам известно, что этот язык является уже двадцать лет запрещенным за пределами шести Особых Зон?

В глазах Стеллы горит огонь. Похоже, эта тема для нее болезненна.

— Я ничего не могу сделать с тем, что я на четверть немец, на четверть голландец, на четверть турок и на четверть — удмурт. То есть практически русский. Я выучил русский еще в юности, из интереса, потому что когда-то думал заниматься переводами русской литературы на мировые языки. Потом это стало ненужным, так как русскую литературу тоже запретили. Кажется, во время трудоустройства я уже рассказывал об этом...

Стелла холодно кивает.

— Возможно. Итак, Карел, время нашей беседы, к сожалению, заканчивается, и мы не успели поговорить о вашем толерантном круге оптимального общения. Я вынуждена отложить разговор на следующий раз, а пока что я дам вам следующие рекомендации...

Карел спешит — не потому, что задержался, а потому, что все надо сделать быстро. Он идет на встречу с одним из своих зарегистрированных друзей. Всего в том самом «толерантном круге оптимального общения» семеро человек, с кем Карелу дозволяется «вступать в диалог на любые темы, используя уменьшенную дистанцию, совместно заниматься спортом, развлечениями, за исключением деяний, составляющих сексуальный характер и ущемляющих права...» и далее по тексту Рекомендаций. Из семерых — одна женщина, с которой запрещено общаться живьем, один инвалид-индус с проблемами веса, и лишь двое живут в Белгороде.

Анри — самый молодой из друзей Карела. Этому лысоватому толстому бородачу всего двадцать девять, хотя выглядит он на сорок. В его крохотной квартире беспорядок, который раньше называли «холостяцким», странным образом уживается с коллекциями антиквариата, тропической экзотики, старого компьютерного «железа» и прочими странными штуками. Для своих лет Анри зарабатывает очень много.

— Никак не могу привыкнуть, что ты развелся. — Карел пожимает руку и плюхается в кресло напротив огромного старого телевизора. — И как тебе живется без супруги?

— Нормально. — Анри, усмехнувшись, показывает на гигантскую стопку древних порножурналов на тумбочке, за которую в силу их шовинистичности запросто могут посадить. — Я не смог полюбить кусок железа, как ни пытался. Надеюсь, после развода ее утилизировали. А ты когда разведешься? Или пока терпишь?

— Я же говорил, почему мне пришлось жениться, — отмахивается Карел. — В крупных корпорациях неженатых не берут.

— Работай на себя. — Анри махнул на гору хлама, которая его окружает. — В Особых Зонах, вроде нашей, у малого бизнеса еще есть хоть какие-то шансы.

Карел мрачно хмурится.

— Шансов нет ни у кого. Ты лучше скажи, у тебя еще трехдюймовых дисководов не осталось?

— Обижаешь! У меня их еще штук пять лежит. Две тысячи двадцатого года, самые последние.

Анри подходит к огромному шкафу и начинает рыться в нем, коробки, бросаемые им на пол, создают небольшую горку.

— Ты не торопись, я просто спросил. Мой пока работает нормально. Просто я тебе принес кое-чего.

Карел расстегивает потайной кармашек в сумке и передает другу трехдюймовый конвертик.

— О! — Анри кивает, заговорщически прищурившись. — То самое?

С порога его валят на пол, надевают наручники и усаживают на диван в прихожей. Там же на столике расположена походная лаборатория: половина техники позаимствована из выпотрошенной студии Карела, половина — планшеты, какие-то датчики с проводами — принесена Комиссией.

*...Хорошо тому живется,
У кого одна нога:
И обувки меньше рвутся,
И порточина одна.*

Девки любят комбайнеров,
Бабы любят шоферов.
Девки любят из-за славы,
Бабы любят из-за дров.

Девки по лесу гуляли
И поймали зайца.
Целый день они искали,
Где у зайца яйца.

Сорвут аленький цветочек,
Приколю его на грудь.
Это ты, товарищ Сталин,
Вывел нас на верный путь.

Очень страшно на войне,
На войне Афганской:
Мины — рвутся, весь в г...е
Флаг американский!..

Карел сидит на своем домашнем диване и пытается вспомнить, где он видел раньше выражения лиц двух членов Комиссии, нависших над ним. Похоже, в каком-то старинном киберпанковом фильме — там были такие же одинаковые безликие люди в пиджаках с руками, заложенными за спиной. В стороне стоит жена — разумеется, без тени раскаяния на лице, хотя это она впустила их. Приказ разработчика есть приказ. Рядом с ней — крепкий охранник в кевларе и старишок-эксперт, колдующий с техникой. Он, похоже, единственный, у кого есть чувство юмора — непонятно, то ли он знает русский язык, то ли просто тихо посмеивается от нелепо-забавного аккомпанемента. Распознаватель речи, подслушивающий аудиоканал с ноутбука Карела, периодически мигает красным — programme непонятно значение половины слов в куплетах.

— Что это? — спрашивает стоящий справа комиссар, кивая на звучащую лоубитную музыку.

— Частушки. Сатирические куплеты на русском.

— Вы признаете факт своего участия в создании произведения?

Карел усмехается:

— Конечно. Разве вам не заметно, что голос — мой?

— Кто еще участвовал? — теперь в разговор включается «левый».

— Мне они все известны под никами.

— Вы лжете. — Стоящий справа показывает страницы на планшете. — Это ваши друзья. Незарегистрированный круг общения из закрытого форума «Лоубит». Вы занимались совместным музыкальным творчеством и незаконно распространяли его, создав преступное сообщество. За последние два года вы изготовили и распространили еще два подобных носителя общим тиражом тридцать шесть экземпляров. Итого — три эпизода преступления. Трех участников, включая программиста вертолетов, мы уже засекли. Назовите нам, пожалуйста, имена остальных.

— Осталось всего двое, не считая десятка покупателей. Потрудитесь отыскать их сами, чего вам стоит.

Комиссары кивают.

— То есть вы отказываетесь сотрудничать с правосудием? Вы догадываетесь, что вам грозит?

— Вполне.

Прозвучало убедительно — морально Карел уже приготовился «гнить в лагерях», как говорили в старину. Тем временем звучит последняя час-

тушка, и мини-альбом на «флоппике» заканчивается.

— Господин Руфус, перевод текста осуществлен?

— Да. — Стариk прекращает улыбаться, его лицо становится строгим и даже суровым. — Анализатор дает восемьдесят пять процентов переведимых фраз, из которых шестьдесят процентов расценены как экстремистские, нарушающие права, пятнадцать — потенциально нетолерантные. Нарушение прав инвалидов, растений, животных, сексуальных и национальных меньшинств, пропаганда сексуальных отношений, экстремизма, покушение на исторические символы демократии... Ну и, разумеется, использование запрещенного языка.

— Все ясно, — кивает «правый». — Да, добавьте к этому нарушение правил использования коптеров и то, что я уже перечислил.

Стариk ковыряется в своем планшете, затем спрашивает:

— Выставляю на судебное голосование?

Комиссары мельком, по диагонали читают заключение эксперта, скрепляют дело электронными подписями и командуют:

— Выставляйте.

Комиссары наконец-то присаживаются на диван, просят у жены Карела чашечку кофе. Карел расслабленно откидывается на спинку дивана и наблюдает за медленным изменением двух столбиков на экране планшета. Не то чтобы он на что-то надеется — просто ему интересен сам судебный процесс.

Анри весь дрожит. То ли от холода — в капсуле достаточно прохладно, несмотря на наличие климат-контроля, то ли от нервов.

— Это конец. Говорят, там по улицам ходят волки, — наконец подает он голос. — И половина сидит за убийства.

— Плевать, — отзыается Карел из своей капсулы. — Так даже интереснее.

— Чего?! — восклицает Анри. — Тебя что, ничуть не беспокоит, что там мы запросто можем сдохнуть?

— Лучше сдохнуть в Особой Зоне для нетолерантных третьей степени, чем медленно гнить в «свободном» мире.

— Там же тюрьма! Резервация! Остров-концлагерь! Полтора миллиона отрезанных от мира голодящих дикарей! Боже, зачем только я влез во всю эту историю...

Карел не выдерживает:

— Хватит ныть! Ты еще ничего не видел и судишь по байкам из Сети. К тому же ты моложе и крепче меня, это мне надо говорить о злой судьбе.

— Знаешь, почему такие, как мы, несчастны? — спрашивает Анри. — Мы просто слишком много читаем исторических материалов. Мы знаем, как было тогда и как стало сейчас. Знаем, что такое настоящая свобода, что такая свобода творчества. Возникает чувство, что мы родились не в ту эпоху. Сейчас вообще мало кто умеет читать, и потому никто не чувствует...

— Кончаем разговоры, — голос пилота в наушниках прерывает монолог Анри. — Ну что, господа парашютисты, счастливого вам приземления!

В иллюминаторе внизу проплывает тонкая полоска пролива, пересеченная вдоль барьером. Самолет начинает снижаться.

— Я боюсь высоты! — вскрикивает Анри, и секунду спустя его капсула отстреливается вниз. Карел хватается за поручни и мысленно ведет отсчет: «Один... два... три... Свобода!»

Когда они выбираются из парашютных капсул и добираются до ближайшей дороги, уже начинает темнеть. Дорога узкая и пустая, хоть и не выглядит заброшенной. Спустя минут пять ожидания, мимо проезжает древняя фура, грязная, чадящая дизельным двигателем. Водитель не останавливается. В другое бы время и в другом бы месте Карел с Анри удивились столь расточительному расходованию углеводородов, но они слишком уставшие, чтобы это даже просто обсуждать. Через пару минут ожидания на обочине они решают идти в сторону, из которой она приехала — судя по картам, там должен быть населенный пункт с русским названием Углегорск.

За двадцать минут пути — тройка автомобилей, бензиновых и древних настолько, что, казалось, их утнали из музея. Один водитель останавливается и задает какой-то вопрос по-русски, но Карел плохо понимает местный разговорный диалект. Пока он вежливо здоровается и пытается объяснить водителю на английском, тот машет рукой и уезжает.

— Негостеприимно что-то, — Анри подхватывает рюкзак с дороги.

— Что ты хочешь, мы пока еще не «свои».

Темнеет окончательно. Начинает холодать. Еще через десять минут мимо них проезжают два джипа — новых, «гидрогениумных». Первый резко тормозит и поворачивает, перекрывая дорогу, второй проезжает чуть дальше и останавливается.

Из ближнего джипа выходят два молодых парня в камуфляже с винтовками. Один наставляет ствол на Карела и Анри. Карел напрягается, готовый бежать в сторону кустарников, но все обходится — второй военный командует опустить ружье и подходит ближе, здоровается за руку.

— Нашлись, наконец-то. Лейтенант Алекс Ищенко, рад приветствовать на территории Сахалинской Республики. А мы вас на всей зоне выброса искали. Вам что, не сказали ждать на месте патруля?

— Ничего не сказали, — пожимает плечами Карел. — Дали карты и сказали обратиться в ближайшие органы местной власти.

Парень усмехается.

— С таким же успехом они могли бы сбрасывать вас в Тихий океан. Похоже, их все меньше интересует судьба отпущеных.

— В смысле, заключенных?

Лейтенант смеется и приглашает в машину.

— Сейчас поедем в город, утром приедете за документами и оружием, и я вам кое-что покажу.

Летнее кафе стоит почти на самом берегу бухты. Из ветхих динамиков у барной стойки играет рок-классика восьмидесятых годов прошлого века — простой и веселый, мощный мотив. Позади — небольшой, на двадцать тысяч человек, городок с не-

высокими домами, словно растворяющимися в лесу. С берега доносится смех играющих детей.

— Я обещал вам показать. Видите стену? — Лейтенант указывает на море. Там, в полукилометре от берега виднеется белая тридцатиметровая преграда, отделяющая остров Сахалин от остального мира.

— Видим, — кивает Анри. — Почти сразу заметил. Интересно, она глухая? Нигде не проплыть?

— Почему. Внизу оставлены «окна» для морской фауны, у портов есть ворота для судов. В конце концов, соорудить что-то и перелететь. Только смысл? Да, мы все еще зависим материально от поддержки западных фондов, но это они за стеною, а не мы. Это загнивающий мир закрыт от нас, от свободных людей. Скоро два миллиарда жителей центрально-африканской СПИД-резервации перебьют последних пограничников и рванут на север, в Европу. Начнется новое великое переселение народов. Миллиард индусов и полтора миллиарда китайцев с территорий, которые остались после Великой Ядерной, поплывут в Америку и Австралию. И только мы, «нетолерантные третьей степени», будем спокойно наблюдать за этим из десятка своих огороженных республик.

Звучит не сильно убедительно, но Карелу нравится. У него даже зарождается в голове пара музыкальных идей на тему великого переселения народов, но тут же он вспоминает, что здесь нет Интернета и заниматься музыкальным творчеством будет намного сложнее.

— Все равно, у вас тут все так... дико, — задумчиво произносит Анри. — Ходите с ружьями. Де-

нег нет, еда по талонам. Доступ в Интернет от вас заблокирован...

— Зато у нас сохранен традиционный брак, — паририует Алекс. — Вот мне — двадцать пять, я женат уже три года, у меня двое детей. Мальчик и девочка. И воспитываю я их сам.

— Не знаю. — Анри усмехается. — Для меня это тоже дико. До сих пор не могу привыкнуть, что женщины на улице спокойно можно глядеть в глаза и ничего за это не будет.

— А вы... натуралы? — осторожно спрашивает Алекс.

Карел и Анри кивают.

— Правда, если можно называть натуралами людей, которыеолжизни спали с роботами, — усмехается Карел.

— Ничего, какие ваши годы. Научитесь и с бабами. В прошлом году мы поженили восьмидесятилетнего бразильца, сосланного за прилюдное чтение стихов. Кстати, по поводу искусства...

Лейтенант вытаскивает из кармана плеер и протягивает наушники: левый — Карелу, а правый — Анри.

— Что там?

— Частушки на русском с жутким немецким акцентом. Очень популярны в последние месяцы. Записали какие-то тайные фанатики из Европы и распространяли на дискетках, смельчаки. Нескольких, по слухам, уже высадили в Южно-Сахалинске. Хотел бы я с ними пообщаться...

— Кажется, ты уже познакомился с одним из этих фанатиков, — смеется Анри и хлопает Карела по плечу.

ОСЕНЬ В НИКОЛЬСКОМ

Какая разница для мертвых, сирот и бездомных, во имя чего творятся произвол и разрушения — во имя тоталитаризма или во имя священной демократии и либерализма?

Махатма Ганди

 егодня Кирилл Степанович Васильков занимался благородным и благодарным делом — мариновал огурцы.

Он делал это совсем не так, как покойная супруга. Та стерилизовала банки, закатывала их крышками при помощи специальной машинки, переворачивала, выдерживала, накрыв тряпочкой... Василькову все это было чуждо и сложно, он не вдавался в подробности изготовления и потреблял конечный продукт. Зная к тому же, что супруги огурцы порой мутнели и становились кислыми, а то и взрывались по малопонятным причинам. Поэтому для себя он выбрал в Интернете рецепт безошибочный, европейский — много уксуса и никакой стерилизации. К тому же в закрытых наглухо банках ютились, говорят, анаэробные возбудители ботулизма. Правда, это скорее относилось к грибам, но рисковать и помирать Вешняков не хотел, раз уж дожил до семидесяти трех.

Возраст Христа, как обычно шутил он, начиная еще со своего пятьдесят третьего года. И на недоуменные замечания — Христос, мол, прожил всего тридцать три! — Васильков добавлял:

— Я имею в виду потенциальный возраст Христа, если бы он не объявлял себя Царем Иудейским и не собирал вокруг себя маргинальные элементы в виде апостолов.

Кирилл Степанович осторожно попробовал кипящий маринад, почмокал губами, добавил пару гвоздичин и чайную ложку сахара. Вроде нормально. Пусть теперь прокипит хорошенько, и можно разливать по банкам.

И тут он обнаружил, что закончилась лаврушка. Без лаврушки маринад — не маринад, потому старик выключил газ, накинул пальто и заковылял в гастроном.

Хотя оно громко сказано — гастроном. Гастроном как таковой здесь был три года назад. Затем он превратился в пункт раздачи гуманитарной помощи, а сейчас являл жалкое зрелище — соевое мясо, водка, презервативы, крупа, макароны, не-понятного происхождения консервы с непонятным же содержимым. Васильков помнил горбачевские и ранние ельцинские времена, так вот, тогда было гадко, но все же получше.

Но лавровый лист в «гастрономе» имелся, причем в огромных количествах. Васильков повозился в отделении кошелька для мелочи, выбрал юбилейную рублевую монетку с профилем академика Сахарова и подал мрачной продавщице. Продавщица бросила на прилавок два пакета лаврового листа производства Польши и тридцать копеек сдачи.

— Колбасу не собирались завозить? — поинтересовался Васильков.

— Растительную, — буркнула продавщица. — Во вторник вроде. С утра подходите, а то разберут ведь...

Можно было и не спрашивать. После подписания президентом Чибриковой европейской конвенции о правах животных обычная колбаса появлялась на прилавках все реже и реже, а за фермерским мясом нужно было ехать за пределы Московской области, потому что здесь оно стоило диких денег. Да и фермеров помаленьку выбивали, насыпая грозные комиссии, которые детально осматривали свинарники и коровники на предмет соответствия евростандартам. Разумеется, свинарники и коровники чаще всего не соответствовали: где-то не ставили скотине музыку Вивальди, где-то — чересчур мучительно умерщвляли, где-то чисто по-российски морда фермера не нравилась утонченным проверяющим.

К слову, с фальшивыми колбасами, сосисками и бифштексами тоже далеко не всегда было хорошо. «Трудности переходного периода от тоталитаризма» — так обычно называли это в газетах и по телевизору. Увы, пресловутый период заходил уж на четвертый год, а от синтетических и соевых «деликатесов» у Кирилла Степановича было жуткое несварение. Поэтому он в основном питался овощами. Вполне в духе подписанной конвенции и архиактивной государственной пропаганды веганства и вегетарианства, которым Васильков совершенно не сочувствовал.

Распихав по карманам пакеты с лавровым листом, Кирилл Степанович двинулся в обратный путь.

Несмотря на золотую осень с ее буйством желтого, красного и оранжевого цветов, побеждающих летнюю зелень, настроение было отвратительным, как и окружающий пейзаж. Брошенные дачи, ржавеющие машины без колес, с алчно распахнутыми пастьями багажников и капотов... Военный городок держался получше, хотя собственно военных оттуда давно изгнали. Когда расформировали дивизию внутренних войск имени Дзержинского, всех офицеров и их семьи заодно лишили жилплощади. Даже тех, кого не осудили — а таких хорошо если процентов десять набиралось. Особенно после того как предыдущий президент под лозунгом «Хватит кормить Кавказ!» пытался навести «конституционный порядок» в паре тамошних республик и положил большую часть личного состава. Разумеется, после этого ничего не оставалось, как объявить выживших в бессмысленной бойне военными преступниками.

Европейские суды радостно и в кратчайшие сроки все рассмотрели и оформили, а экс-президент нынче спокойно преподавал в своем любимом Йельском университете. Его преступником, разумеется, не признали.

Сейчас в многоэтажках городка жили какие-то непонятные люди, преимущественно кавказского и среднеазиатского обличья — видимо, благодаря новому миграционному законодательству, фактически открывшему границы и не требующему даже временной регистрации, взамен предлагая довольно внушительные пособия. Васильков как-

то подсчитал, что теперь безработный гость получает едва ли не вдвое больше вполне себе работающего учителя местной школы.

На территории самой дивизии, по слухам, собирались открыть эстонскую военную базу, а в здании бывшего дома культуры — гей-клуб. На вертолете уже прилетал будущий комендант — неизвестное существо (всех принятой в Европе отмены понятия «биологический пол») в мешковатой форме. Осматривало будущие владения, так сказать...

Но Василькову на это было наплевать. Кирилл Степанович перестал интересоваться политикой еще со времен того самого «похода на Кавказ». То есть не то чтобы он окончательно самоустранился от просмотра новостей (с бумажными газетами он покончил еще при Путине), но делал это исключительно пассивно, а главное, порой даже не понимал смысла увиденного.

Например, показывали на днях вновь открытую колонию где-то под Сыктывкаром. Заключенные, отбывающие пожизненное наказание, весело играли в мяч на искусственной лужайке с подогревом, плавали в бассейне, поедали экологически чистую пищу. Камеры были размером с весь Васильковский участок, с мини-джакузи и огромным телевизором. В колонии работал солярий, а нарушения режима, как поведал начальник учреждения, были чреваты для заключенных лишением выбора личного меню на неделю.

Или вот всеобщее право быть избранным, которое касалось теперь даже умственно отсталых. Нет, Васильков прекрасно понимал, что многие из виденных им прежде руководителей, даже весьма

крупного масштаба, будучи и с виду, и официально вполне нормальными, на самом деле не могли и игрушечной машинкой управлять, не то что городом или регионом. Но избирать мэром человека с синдромом Дауна, как в прошлом году в Орле...

Кирилл Степанович неуклюже перепрыгнул через лужу и поморщился. Грыжа позвоночника давала о себе знать. Раньше он исправно кушал прописываемые знакомым доктором из дивизионного госпиталя лекарства с магическими названиями типа катадалон или аркоксиа. Сейчас не было ни врача, угодившего в военные преступники за командировку в Дагестан, ни лекарств. Если бы Васильков подцепил СПИД или был наркоманом — тогда да, ему бы выдавали целый список дорогостоящих средств по линии международной помощи. А вот стариковская грыжа никого не интересовала. Потому Васильков отвечал медицине взаимностью и лечился народными средствами: сабельником, девясилом и компрессами из листьев хрена.

За домами панически взмыла электричка. Расписание сократили до минимума — теперь в день через Никольское проходило в обе стороны поездов пятнадцать. Наверное, жителям области от этого был немалый вред, но Васильков в последний раз ездил в Москву больше года тому назад. Курский вокзал поразил его своей дикостью и безысходностью — наверное, так он выглядел в военные годы, с толпами эвакуирующихся. В метро было не лучше — в вестибюле станции дико чернели проплешины на месте сбитых барельефов. После признания военных преступлений Советского Союза в захватнической войне 1939—1945 годов и запрета ношения советских наград барель-

ефы сбили, так как они были посвящены как раз военным событиям и изображали те самые награды. Что присобачить на их место, пока не решили, и потомуказалось, что на станции недавно произошла серьезная перестрелка.

Саму станцию «Курскую» давно переименовали в «Политковскую». Этого Васильков, всегда бережно относившийся к русскому языку, решительно не понимал. Собственно, он и раньше не понимал все эти «Маяковские» и «Достоевские». Пушкин — «Пушкинская», это да. Согласно всем правилам. Или, если из новых, то «Каспаровская» и «Немцовская», на здоровье. «Алексеевская» — там даже название менять не пришлось, просто памятник правозащитнице у входа поставили.

Но Достоевский — это никак не «Достоевская», а «имени Достоевского», если уж так хочется. Достоевская — это может быть супруга писателя, а никак не станция... То же и Политковская.

Как-то Кирилл Степанович даже сел писать гневное и обстоятельное письмо в дирекцию метрополитена, но уже на третьем абзаце бросил. В стране уже несколько лет творилось такое, на фоне чего неправильное наименование станции, да еще с точки зрения какого-то замшелого историка с сомнительным прошлым, казалось сущей ерундой. А самое обидное, что на письмо и в самом деле могли среагировать — как с готовностью реагировали на либеральные евроглупости, не обращая никакого внимания на куда более важные вещи... Это окончательно разрушило бы и без того разваливающуюся систему ценностей и координат Василькова. Потому Кирилл Степанович стер файл и занялся работой над никому не нужным

нынче текстом о роли кавалерии в Великой Отечественной войне.

Да, он всегда был военным историком. Такая несчастливая планида.

Перепрыгивая очередную лужу, Васильков подумал, что по завершении заготовки огурцов надо бы закончить и главу про биографию генерала Городовикова. Но, судя по всему, доблестный генерал откладывался, потому что возле бревенчатого одноэтажного домика Василькова стоял бежевый внедорожник размером примерно с сам домик.

Разумеется, это прикатил его ученик Володя Рудницкий — машина была знакома, да и кто бы еще приехал к дряхлому историку, доживающему свой смутный век на даче. За рулем никого не было, поэтому Кирилл Степанович обошел домик и увидел Володю, внимательно рассматривающего огородное пугало. Васильков поставил его еще весной, когда пытался посадить кукурузу. Вороны беспардонно раскапывали рядки и пожирали зерна; пугало прервало разбой менее чем на пару часов, после чего Васильков остался без кукурузы. С того момента пугало утратило смысл своего существования, но с ним было как-то уютнее; не так одиноко, что ли...

Рудницкий рассматривал пугало с весьма критическим видом и появление Василькова не заметил. Он был одет в бежевый кожаный плащ и щегольскую кепку, напоминая чем-то чекиста двадцатых годов.

— Здравствуй, Володя, — сказал Васильков.

— Здравствуйте, Кирилл Степанович! — добродушно отозвался тот, оборачиваясь. — А я прие-

хал, смотрю — вас нету, вот, пошел посмотреть на ваши аграрные успехи...

— Да какие тут успехи, — махнул рукой Васильков. — Слезы. Как Зинаида умерла, так и конец огороду...

— Почему же, парничок у вас неплохой, — похвалил Рудницкий. — Картофель вот еще... Только пугало ваше подкачало...

— А что мое пугало? — насторожился Васильков.

— Да лицо у него черное.

Васильков внимательно посмотрел на пугало, хотя видел его по сто раз на дню. Строго говоря, лица как такого у пугала вовсе не имелось. Однако Кирилл Степанович раньше и не обращал внимания, что импровизированную голову сделал из какого-то куска черной тряпки, набив его поролоном от старого дивана.

— И что?

— Кирилл Степанович! — укоризненно протянул Рудницкий. — Это же расизм! Негр на огороде, отпугивающий ворон...

— Володя, какой негр, господь с тобой! Это обычное пугало. Взял бы я наволочку в цветочек, что тогда?

— Тогда ничего. К цветочкам не придерешься. А так получается нехорошо. Уберите вы его от греха. Увидит ведь кто-нибудь, хлопот не оберетесь.

— Да запросто. — Васильков подошел, выдернул палку из земли и бросил верное пугало к сараю. — Все равно толку никакого...

Рудницкий одобрительно кивнул.

— Вы, Кирилл Степанович, простите, но порой ведете себя, как ребенок. Это же статья. Вы не следите за прессой?

— Нет, — честно признался Васильков. — Я не слежу за прессой. Помните совет профессора Преображенского? «Не читайте до обеда советских газет. Пациенты, не читающие газет, чувствуют себя превосходно». Я вот и не читаю вообще никаких, притом довольно давно. К тому же я, знаете ли, Володя, помню советские газеты... Могу заверить, что они были не самыми плохими в сравнении с тем, что мне приходилось видеть позже. И тем более — сейчас.

— Ладно, Кирилл Степанович, — недовольно произнес Рудницкий. — Оставим ненужные споры, я вам там привез покушать.

— Володя... — умилился Васильков. — Зачем вы?! Я же не голодая.

— Да знаю я, — отмахнулся Рудницкий. — В конце концов, вы меня помните с младых ногтей, я вам стольким обязан... Что у вас тут? Картошка, капуста? Соевые сосиски? Никаких калорий. Огурцы с помидорами...

— Ох ты, мать моя... — хлопнул себя по лбу Васильков. — Огурцы! Я же огурцы мариновал! Володя, идемте же скорее, заодно и поможете мне, а то маринад остынет, а его лишний раз перекипячивать не рекомендуется!

— Идите, Кирилл Степанович, а я в машине пакеты заберу.

На кухоньке Васильков снова включил газ и бросил в маринад несколько лавровых листиков. Любовно похлопал по стеклянному боку ближайшую двухлитровую банку, куда были аккуратно уложены огурчики вперемешку с зеленью, пряностями и зубками чеснока.

— Куда поставить, Кирилл Степанович?!

— Да вот там, у буфета хотя бы, Володенька...

Рудницкий бухнул на дощатый пол два объемистых пакета. Что-то булькнуло, звякнуло.

— Тут у меня свинины два кило, курица, колбаски немного, — с гордостью сообщил он. — Сосиски микояновские, сыр, тушенка. Еще я коньячку привез, вы же не возражаете?

— Господь с тобой, Володенька, чтобы я возражал насчет хорошего коньяка?! Я его и не пил, кажется, с прошлого Рождества. А вот насчет еды ты зря, я ведь тут правда не как библейский Иезекииль, бутерброды с фекалиями не потребляю. Да и много ли надо мне по старости?

— По старости вам как раз и следует нормально питаться, — наставительно сказал Рудницкий. — Поэтому не вставайте в позу, а лучше уберите скоропортящиеся продукты в холодильник. А насчет коньяка славно, посидим тогда немного. Я же вас ни от чего важного не отрываю?

— Хотелось бы, чтобы меня оторвали от важного...

Про монографию о кавалерии Васильков говорить не стал. Да и чем она важна? Тем, что так и останется на жестком диске его старенького ноутбука?

— Давайте я мяско по-быстрому зажарю! — оживился Рудницкий. — Где у вас сковородка, Кирилл Степанович? Ой, а пахнет как!!!

— Огурцы мариную. Помидоры уже в подвале. Капусту засолил, разными способами... — с гордостью сообщил Васильков. — Стоп, Володенька, а как же ты будешь коньяк? Ты ведь за рулем.

— Новые правила ввели. — Рудницкий пристроил плащ и кепку на вешалку, взял нож, разде-

лочную доску и принял уверенными жестами пластиать кусок мяса. — Теперь допустимое содержание алкоголя в крови — до одного промилле. И в самом деле, кто имеет право решать, пить мне или не пить? Я же не алкоголик. Бокал вина, коньячку вот с вами пару рюмочек...

Васильков покачал головой, но комментировать не стал. Тем более что маринад снова закипел, и требовалось разлить его по банкам.

Пока Кирилл Степанович возился с заготовками, Рудницкий приготовил то ли поздний обед, то ли ранний ужин. На сковородке благоухало посыпанное хмели-сунели мясо с луком, на блюдах лежали нарезанные сыр и копченая колбаса, тут же — какие-то яркие разноцветные пикули в литровой импортной банке.

— Давай, Володенька, за стол! — скомандовал Кирилл Степанович. Они уселись в гостиной (собственно, кроме нее и кухни в домике была лишь спальня), и Рудницкий свернул пробку бутылке коньяка «Камю Экстра». Васильков такой не пил никогда, а простой «Камю» — дай бог памяти, в две тысячи двенадцатом. В последнее время он с алкоголем почти завязал: дрянная водка из все того же «гастронома» жила в шкафчике третий месяц и не опустела даже на четверть. Не мог он пить один, и все тут.

— Кучеряво, — с уважением заметил Васильков, подставляя свой стаканчик. — Я как раз хотел спросить, что у тебя нового, как с работой, но, вижу, и спрашивать не к чему — все и так видно.

— Работа, Кирилл Степанович, есть, и много. Энциклопедия Второй мировой войны.

— Все-таки взялись?!

— Как же не взяться, с такими-то спонсорами? Ну и минкульт подключился. Старые-то издания изъяли и уничтожили, а свято место пусто не бывает, как известно... Ну, на здоровье!

Они выпили. Покатав во рту чудесный миんだльный огонь, Васильков крякнул и посетовал:

— Откуда только иностранцы взяли это «на здоровье»?! И в кино у них всегда так русские тосты говорили, и сколько я с ними лично сталкивался... Ты вот тоже, смотри, подцепил.

— Да я же со спонсорами почти месяц общался. Вот и нахватался у американцев-то. Изживу, Кирилл Степанович! Вы мясо кушайте, сырик вот берите...

— Беру, беру... Так что про энциклопедию-то? Новые веяния, конечно? Захватническая война, преступления на оккупированных территориях?

Рудницкий, хрустя пикулем, с укоризной посмотрел на старика.

— Кирилл Степанович, поймите же вы, наконец. Россия сейчас совсем не то государство, в котором вы еще не так давно жили. Весь мир не тот, а Россия и подавно! И в России все это перестраивается жестко и жестоко — с мясом, с кровью... Но — надо, Кирилл Степанович. Надо. «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма!» — помните «Манифест» Маркса — Энгельса?! Вот недобродил, при вас еще... А призрак либерализма — уже здесь. Столько лет люди искали свободы, и вот, наконец...

— Свободы бывают разные, Володенька. Свобода совести — это одно, а свобода ходить по улицам без порток — совсем другое, тебе не кажется?

— Любая свобода кому-то не нравится, — покачал головой Рудницкий и снова взял «Камю» за тонкое горло. — И пройдет еще немало времени, когда все поймут, что есть очень коротенький список «несвобод».

— Каких же? — с интересом спросил Васильков.

— Ну, скажем, свобода убивать — это нонсенс. Это нельзя.

— Да-да, отказ от смертной казни, «не убий», все такое. Но как же, к примеру, библейский Исход? «А если кто с намерением умертвит ближнего коварно, то и от жертвенника Моего бери его на смерть»?

— Библия, Кирилл Степанович, очень противоречивый и сложный текст. Сами ведь учили, что там можно найти подходящую цитату на любой случай.

— Верно, — улыбнулся Васильков. — Ладно, возьмем другое: все эти ваши однополые браки, разрушения гендерных стереотипов... Или случай с орловским мэром. Я весьма тепло отношусь к людям с синдромом Дауна, они, как правило, добры и даже смышлены, но... Есть же какие-то рамки, наверное...

— В нормальном стабильном государстве мэром может быть кто угодно. На Аляске мэром города несколько сроков подряд был обыкновенный кот. Сейчас в тех же Штатах губернатор Оклахомы — слепоглухонемой. Премьер-министр Франции — транссексуал. Управленческие функции, Кирилл Степанович, штука довольно простая — повторюсь, если все это делается в условиях нормального стабильного государства.

— А где ты видишь нормальное стабильное государство, Володенька? — посеребренев, спросил Васильков. — Нет, нам его обещали, причем довольно скоро. Увы, где же оно? Может быть, у меня за окном ты его видел? Или ты лицезрел его, когда ехал сюда по шоссе Энтузиастов, тыфу ты, то есть по шоссе Толоконниковой?! Призрак либерализма в Россию пришел, надо же... Старик Тютчев был спорный поэт, но как-то верно написал:

*Напрасный труд — нет, их не вразумишь,
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитеся, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.*

Васильков ковырнул вилкой мясо, бросил прибор и добавил:

— Изъяли небось из школьной программы-то? Слуги просвещенья... Имперские амбиции в русской литературе? И что изучаете? Солженицына? Нет, нельзя, у него тоже имперских амбиций хватало, да и антисемитизмом порой припахивал... Неужто Быкова или Чхартишвили?

— Кстати, Быков и Чхартишвили действительно есть в программе, — сухо сказал Рудницкий. — И я не вижу, отчего бы им не быть в программе. А вы, Кирилл Степанович... Я делаю скидку на мое к вам безграничное уважение, на ваше одиночество, на то, что вы не следите за происходящим вокруг...

— Живу в башне из слоновой кости? — вновь развеселился Васильков.

— Типа того. И приехал я к вам, кстати, не просто навестить, а серьезно поговорить по поводу все той же энциклопедии. А теперь даже и не знаю, с чего начать. После такой вашей вдохновенной отповеди...

Рудницкий явно обиделся, и стариk тут же повинил себя. В самом деле, человек приехал со всей душой, с гостинцами, а он на него набросился, как фокстерьер на крысу. Что, по сути, такого сказал Володя? И что ему делать, если он — историк, и неплохой? Работать там, где предлагают, где есть возможность. В самом деле, перефразируя Иосифа Виссарионовича, дураки приходят и уходят, а Россия останется... Кирилл Степанович вздохнул.

— Извини, Володенька, — сказал он. — Вспылил. Поговорить не с кем, не с пугалом же... Накапливается, видимо. Вот и прорвало шлюзы.

— Ничего, — примирительно произнес Рудницкий. — Я все понимаю. Но вы все же осторожнее. Одно дело — я, а другое — в магазине брякнете...

— Да не с кем мне брякать, — снова вздохнул Васильков, мимолетно подумав, что «осторожнее» и «в магазине брякнете» все же плохо сочетается с недавно провозглашенными свободами, в том числе со свободой слова и мнений. Но дальше ссориться не хотелось. — Итак, что же там с энциклопедией?

— Госдепартамент и несколько весьма крупных фондов — Рокфеллера, Форда, к примеру — проявляют большой интерес к восстановлению исторической справедливости. Поэтому мы набираем группу ученых, которые могли бы поработать над принципиально новым изданием энциклопедии Второй мировой. Да, как вы выразились, при-

дется полностью учесть «новые веяния»... — Рудницкий развел руками. — Но это данность, без нее никак. Старой истории уже не будет, пепел ее развеян. Опять же, если не мы — то кто?!

Из стареньких часов со скрипом выбралась кукушка, истерически вскрикнула четыре раза и спряталась.

— Все это очень хорошо, — осторожно промолвил Васильков, — но какое отношение ко всему этому имею я? Ты же сам понимаешь, люстрация...

— Люстрация?! Кирилл Степанович, нам нужны в редакционной коллегии большие люди! Мамонты! Мастодонты! — воскликнул Рудницкий. — Нет, мы можем пригласить Бешанова или там Солонина, и даже, наверное, обязательно пригласим, но... Вы сами все понимаете, что я вам объясняю?!

— Нужно придать редколлегии реальный вес.

— Ну, как-то так... — Рудницкий плеснул себе коньяка и выпил. Васильков все еще грел в руках свою вторую порцию.

— Ты, Володенька, не учел одну ма-аленькую вещицу. Как я уже пытался сказать, после проведенной в России люстрации я не имею права работать по профилю. Я, собственно говоря, вообще не имею права работать, я пенсионер. А с учетом того, что я был членом ВЛКСМ, КПСС и даже принимал участие в некоторых мероприятиях в поддержку «Единой России»... И тем более не говоря о моих книгах, которые никоим образом не ложатся в нынешнее видение истории двадцатого века в целом и Второй мировой войны — в частности.

Рудницкий расслабил узел модного синенького галстука.

— Любая люстрация — это прежде всего разумный подход, Кирилл Степанович. В Германии через десять лет после капитуляции парламентская комиссия приняла решение, которое открывало доступ в бундесвер всем офицерам СС вплоть до оберштурмбаннфюрера, причем каждому из них сохранялся прежний чин. Если бы не этот шаг, разве бундесвер был бы тем, чем он является сейчас?! Или группенфюрер Райнекфарт? Подавлял Варшавское восстание, а после войны — многолетний мэр города Вестерланд, депутат ландтага... Обергруппенфюрер Вернер Бест — консультант по правовым вопросам концерна Хugo Стиннеса, а ведь его вначале приговорили к смертной казни в Копенгагене! Помощник Гиммлера Бехер — владелец торговой фирмы, миллионер. Оберштурмбаннфюрер Оберлендер из батальона «Нахтигаль», расстреливавший евреев во Львове, стал министром в правительстве Аденауэра, а Курт Кизингер, работавший в ведомстве Геббельса, стал даже федеральным канцлером! Ну, про штурмбаннфюрера Вернера фон Брауна, фактически создавшего американскую космическую программу, вы и по-давно знаете.

Васильков внимательно слушал, кивая. Видя такое отношение к его спичу, Рудницкий воспрял духом и продолжал:

— Поэтому нынешняя люстрация — это тоже в каком-то роде фикция. Разумеется, видным деятелям хода никуда нет, с этим приходится смириться. Но такие люди, как вы... Чем вы провинились? Что сделали плохого? Да, у вас были некие взгляды и идеи, не соответствующие современности, но вас готовы простить. Всего-то и потребуется, что

написать небольшую статью, в которой объяснить, что, мол, так и так, каюсь... Вы же сами видите, Кирилл Степанович, каяться нынче полезно и продуктивно. Покаялись мы перед поляками, перед прибалтами, перед украинцами — и что? Выплатили компенсации? Отдали Смоленскую область? Кубань и несколько кусков пограничных областей типа Брянской? Не умерли же. Россия большая, не убудет.

— Не убудет, — задумчиво пробормотал Васильков, продолжая кивать.

— Вот! — обрадовался Рудницкий. — Поэтому я хотел бы...

— Значит, группенфюрер Райнефарт, так? — вкрадчиво спросил старик, ставя стаканчик на стол.

— Э-э...

— Оберлендер из батальона «Нахтигаль»? Помощник Гиммлера?!

Васильков поднялся, сжав кулаки. Рудницкий опешил.

— Кирилл Степанович, вы что?! Я же...

— Вон! — выкрикнул старик, стукнув кулаком по столу. Со звоном подпрыгнули вилки, стаканчик упал набок, и драгоценный напиток пролился на стол, впитываясь в застиранную скатерть с кистями. — Вон отсюда, щенок! Сравниваешь меня с эсэсовскими ублюдками?! Пошел вон! Каяться?! Мне не в чем каяться! Каяться будете вы с вашими завиаральными идеями, за то, что вы натворили!

Рудницкий боком, словно краб, выбрался из-за стола и попятился к двери.

— Вон! Мне стыдно, что я тебя учил! Выходит, я ничему не научил, кроме как гадить под себя и вокруг!

— Я попросил бы... — несколько угрожающе начал Рудницкий, но старик схватил с тарелки сочленый помидор и запустил его в Володеньку. Тот увернулся, помидор смачно шлепнулся о стенку и сполз вниз по обоям, оставляя след наподобие кровавого. Рудницкий схватил с вешалки одежду и кинулся наружу.

Васильков постоял, опираясь на спинку стула, потом взял «Камю» и поспешил за Володей. Тот уже заводил мотор своего внедорожника.

— Вон! — тонко, совсем не угрожающе, а скорее жалобно закричал Кирилл Степанович и метнул бутылку. Она врезалась в заднее стекло, тут же шумно осыпавшееся в салон. Тяжелая машина с рыком прыгнула с места, снесла хлипкий штакетник и, подпрыгивая, помчалась по раскисшей улочке. Плюнув ей вслед, Васильков вернулся в домик. Проследовал мимо почти нетронутой еды на столе, сел за ноутбук и решительно написал:

«Разгром кавалерийской дивизии и пехотного полка группы генерала Карницкого исключал угрозу флангу и тылам Первой конной. «После того как соединенными усилиями 4-й и 14-й кавдивизий мы овладели долиной Березанки, Конная армия получила прекрасное исходное положение», — пишет генерал Ока Городовиков в своих мемуарах.

3 июня Буденный получил приказ Реввоенсовета Юго-западного фронта за подписью товарища Сталина. Реввоенсовет приказывал: «...Главными силами армии прорвать фронт противника на линии Ново-Хвастов — Пустоваровка. Стремительным ударом захватить район Фастов и, действуя по тылам, разбить киевскую группу противника...»

— Действуя по тылам... — произнес с удовлетьвением Кирилл Степанович. — Разбить противника!

И легоночко шлепнул старческой ладошкой по клавиатуре. Потом накапал себе валокордина из бутылочки, принял и снова начал печатать.

В маленьком бревенчатом домике было тихо, и только телевизор в углу продолжал бормотать о том, как в Москве сегодня мэр Яшин торжественно открыл мемориал «Белая лента».

ПРЕКРАСНОЕ ЗАВТРА

Сергей Тимофеевич уже давно относился к себе как к динозавру. И считал это вполне оправданным.

Во-первых, он был уже довольно стар. Нет, его восемьдесят лет были отнюдь не пределом и даже не такой уж большой редкостью. Евроазиатское сотрудничество вкладывало очень солидные средства в медицину и в рекламу обеспечения здорового образа жизни. Что было вполне объяснимо. Работник должен быть в форме, как минимум, до шестидесяти восьми — официально установленного возраста выхода на пенсию, иначе работодатель разорится на больничных листах, а вот срок пребывания на пенсии должен составлять около десяти лет. Больше — уже напряжно для экономики, а меньше... меньше тоже не слишком хорошо. Ибо пенсионеры — это самый удобный избирательный округ: на демонстрации не ходят, терроризмом не занимаются, власть ругают исключительно на кухне или, как максимум, на лавочке у подъезда, зато выборы посещают аккуратно, обеспечивая приемлемую явку в любых условиях, и вследствие возраста, состояния здоровья и сформировавшихся привычек (например, привычки часами пялиться в экран 3D TV) чрезвычайно внушаемы.

Так что средняя продолжительность жизни в семьдесят восемь лет была достигнута уже давно, и лет пятнадцать как колебалась около этого предела. Но это средняя. И, понятно, что некоторое число пенсионеров обманывало, так сказать, государство и жило несколько дольше. Так что если бы дело было в одном только возрасте, то ни на какую «динозавристость» Сергей Тимофеевич претендовать бы не мог. Но было еще несколько признаков, которые однозначно делали его абсолютным динозавром — страшным и замшелым. Так, и это было во-вторых, Сергей Тимофеевич улыбался только тогда, когда ему было смешно и весело, а не по любому поводу или, даже, без оного, как ну... ну, все современные и глубоко порядочные люди. И причем здесь честность или нечестность? Так все делают! Значит — так правильно. В-третьих, он был совершенно нетолерантен, часто шокируя, опять же современных и порядочных людей, к которым, ну естественно, относились все соседи, сослуживцы и просто друзья его детей выражениями типа «лживые подонки» или «пидоры жлобские». Ну и, в-четвертых, он совершенно не соответствовал, так сказать, «средневзвешенному образу» пенсионера, поскольку не любил 3D TV и, например, мог открыто заявить, что считает Сталина или, скажем, Путина «единственными толковыми руководителями страны за последние сто лет». Так говорить о самых кровавых диктаторах в истории территории, являющейся одной из ключевых частей Евроазиатского сотрудничества?! Да это же ужас какой-то! И вообще — какая страна? Нет уже никаких стран и народов. Все в прошлом. Он что, вновь хочет, чтобы людей разделяли границы, на

которых сидели бы страшные, ощетинившиеся оружием и (страшно представить) дрессированными и обученными на то, чтобы настигать и разрывать людей собаками пограничники? Бр-р-р...

Неудивительно, что большую часть времени он предпочитал проводить у себя, в лесу, на кордоне, где уже лет тридцать назад выстроил себе, как он это называл, «избушку», живя как сыр и очень изредка появляясь в гостях у детей и внуков. Ну, чтобы не портить им имидж среди соседей и сослуживцев. Впрочем, иногда ему все-таки приходилось появляться в своем бывшем доме, который когда-то он построил с ныне уже покойной женой, Натальей Владимировной, с которой прожил, ну не то, чтобы душа в душу, но, в общем, славно, почти пятьдесят лет. Нынче в этом доме жил старший сын Сергея Тимофеевича со своей семьей...

И как раз сейчас и настал такой случай. Поэтому и торчал Сергей Тимофеевич сегодня перед 3D телевизором в большой гостиной, ожидая, когда, наконец, припрутся эти чертовы проверяющие. Несмотря на то что он в доме давно не жил, тот все равно был по-прежнему записан на него, поскольку Сергей Тимофеевич, как пенсионер, имел заметную «социальную» скидку на налоги и коммуналку. Как понимал Сергей Тимофеевич, подобные скидки были одним из тех инструментов, которыми власть обеспечивала себе лояльность пенсионеров. За свою долгую жизнь пенсионеры научились довольствоваться малым и поступать (в том числе и голосовать) по принципу «как бы чего не вышло»...

Но для сохранения этой скидки требовалось регулярно доказывать социальным службам, что

он по-прежнему пользуется принадлежащей ему собственностью, для чего необходимо лично встречать проверяющих и отвечать на их вопросы. Слава богу, сестра невестки Сергея Тимофеевича, работавшая как раз в той самой социальной службе, своевременно оповещала семью сына о том, когда состоится очередная «внезапная» проверка. Вследствие чего Сергей Тимофеевич по звонку сына заблаговременно, вечером, приезжал в свой старый дом, ночевал на диване в гостиной, а утром, надев поверх пижамы домашний халат, усаживался перед 3D TV и терпеливо ждал, пока появятся скандальные тетки из социальной службы, чтобы предъявить им свою престарелую тушку и ответить на пару-тройку дебильных вопросов.

Телевизор Сергей Тимофеевич не любил, на кордоне не держал, но делать до прихода социальных работников было все равно нечего, да и просмотр телевизора строго соответствовал «социальной возрастной поведенческой норме» — вот он и уперся в экран. Хотя смотреть было нечего, ну если тебя, конечно, не привлекают дебильные, слезливые мелодрамы, безголосые певцы и певицы и тупые комедии для даунов, в которых тебе еще старательно подсказывают закадровым смехом, в какой момент нужно смеяться. Новости по телевизору он тоже смотреть не мог, предпочитая не загружать мозг той лапшой, которую вешали на уши обывателю, и либо вообще пребывать в неведении о событиях в мире, либо разбираться с ними самостоятельно, роясь в нете и собирая информацию с новостных сайтов разной направленности и свидетельств очевидцев событий. Но сейчас Сергей Тимофеевич был вынужден переключиться на

новостной канал. Ибо, полистав остальные, понял, что только он один не вызывает у него позывов к рвоте. Однако и онный недолго способствовал пребыванию Сергея Тимофеевича в пусты и не безмятежном, но хотя бы в слегка разраженном состоянии духа.

— Вот пидоры жлобские! — в сердцах воскликнул он спустя пять минут. И тут же из-за спины послышался голос правнука Тимофея:

— Деда, ты что — фашист?

Сергей Тимофеевич мгновенно развернулся в сторону правнука. Тимофею было пятнадцать лет, и он вошел в тот возраст, в котором дети становятся непоколебимо уверены, что уже полностью по-взрослели и теперь отлично разбираются во всем на свете, а вот «предки», наоборот, ничего не понимают в жизни и вообще застыли в своем развитии в каменном веке. Так что тон Тимофея, который страшно ненавидел собственное имя и требовал ото всех обращаться к нему исключительно как к Тимати, был этаким насмешливо-снисходительным.

— С чего это ты взял?

Тимофеи снисходительно усмехнулся, независимо посмотрел на деда.

— А с того, что только фашисты ненавидят людей с альтернативной сексуальной ориентацией.

— Альтернативной? — Сергей Тимофеевич усмехнулся в ответ. — В мое время говорили с нетрадиционной, а сейчас, значит, даже упоминания о традиции стараются избежать. Вот, значит, как... А что касается фашистов, то... знаете, уважаемый и любимый мной молодой человек, вы не очень-то правы.

— То есть? — насторожился Тимофей. Как это он не прав? Да это просто невозможно. В пятнадцать-то лет...

— Среди фашистов было довольно много этих самых людей, как вы это называете, альтернативной сексуальной ориентации. Даже среди их верхушки.

— Как это?

— А вот так. К людям той самой альтернативной, — тут Сергей Тимофеевич не удержался и ернически выделил голосом это слово, — сексуальной ориентации принадлежал, например, человек, приведший Гитлера к власти, создатель штурмовых отрядов наци Эрнст Рем, потом им же являлся заместитель Гитлера по партии, которого тот перед самым нападением на нашу... на СССР, отправил договариваться с англичанами — Рудольф Гесс, а также личный адъютант Гитлера Шауб и многие другие. Да и о самом Адольфе Алоизиче Шикльгрубере тоже разные слухи ходили. Что и немудрено с таким-то окружением.

— О ком? — недоуменно переспросил Тимофей.

— У-у-у, — протянул Сергей Тимофеевич, — как все запущено. Ты хоть знаешь, кто такой Гитлер?

— Конечно, — обиженно надул губы Тимофей. — Фашист.

— Не совсем, — сказал Сергей Тимофеевич, — Гитлер — национал-социалист. А фашист, если уж быть точным, — Муссолини.

— А-а-а, — с сомнением протянул Тимофей, явно слегка путаясь, — слышал. Только ты, деда, что-то путаешь. Гитлер — фашист, это всем известно.

— Нет, — мотнул головой Сергей Тимофеевич, — это ты путаешь... А знаешь что, принеси-ка мне твой учебник истории.

— Зачем?

— А хочу посмотреть, чему там вас нынче учат. Тимофей фыркнул.

— Ну, ты, деда, даешь — принеси. — Он выудил из кармана плоскую плитку продвинутого планшет-коммуникатора со встроенным 3D экраном, пару раз шлепнул по ней пальцем и протянул Сергею Тимофеевичу. — У меня все тут. Смотри, если хочешь.

Но сразу посмотреть ему не удалось, потому что именно в этот момент позвонили во входную дверь. Наконец-то приперлись проверяющие.

В гостиную они вошли в сопровождении невестки Сергея Тимофеевича, Ники.

— Тимочка, дорогой, — обернулась она к Тимофею, — пойди ненадолго в свою комнату.

— Ба, я — Тимати, ну, сколько можно повторять, — раздраженно буркнул тот, выходя из комнаты...

Общение с работниками социальной службы отняло около часа, после чего Сергей Тимофеевич занялся коммуникатором правнука. Впрочем, много времени это не заняло. Так что когда тот снова появился в гостиной, Сергей Тимофеевич уже погасил экран и положил коммуникатор на стол.

— Ну что, деда, убедился? — насмешливо спросил Тимофей.

— Да уж, — хмыкнул в ответ Сергей Тимофеевич, — слушай, а это точно учебник?

— Да, — сказал правнук, — а что?

Сергей Тимофеевич вздохнул.

— Да так, ничего... Я вот что тебя хочу спросить — а ты знаешь, кто такой Александр Невский?

— Кто? — удивленно спросил Тимофей

— Святой равноапостольный князь Александр Невский.

Тимофей наморщил лоб, а потом задумался и неуверенно предположил:

— Генерал какой-то?

Сергей Тимофеевич хмыкнул.

— Ладно, проехали. А Суворова знаешь?

— Ну да, — уверенно кивнул правнук. — Известный демократический публицист. Критик кровавого тирана Сталина, раскрывший агрессивную сущность его людоедского режима... — Он на мгновение замялся. — Я сам его не читал, хотя по программе положено. Там неинтересно все. Про войну... Так что реферат скачал из нета. Но у нас все так делают.

— Понятно. А маршала Жукова?

— Да что ты все про военных спрашиваешь! — возмутился Тимофей. — Чего они вообще хорошего в истории сделали? Людей поубивали? Так этим гордиться нечего. Это вообще извращение — гордиться убийством и насилием.

— О, как! — удивился Сергей Тимофеевич. — То есть ни князьями, ни военными гордиться теперь нельзя. А кем можно?

— Ну... артистами, спортсменами, компьютерщиками, которые игры делают, например, — уверенно заявил правнук. А потом вздохнул: — Только таких у нас мало. Ну, я имею в виду по-настоящему талантливых. «Гремми» за всю историю ее

существования наши взяли только три раза. А «Оскара» раз пять, что ли...

— Хм... — Сергей Тимофеевич немного помолчал. — Как я понимаю, этот самый Тимати, которым ты хочешь именоваться, тоже, наверное, какой-нибудь артист или компьютерщик?

— Ну, ты, деда, диноза-авр, — покачал головой правнук. — Это ж крутой бренд! Его еще твой ровесник начал раскручивать. Прикольный такой дедок, до сих пор рэп бормочет. А потом он продюсером стал и под этим брендом других исполнителей начал выпускать. Сейчас на пике Тимати Куул. Кру-у-утой мэн. Он недавно такой кавайный «Бентли» себе взял. Спецзаказ. Такой весь фиолетово-радужный и в стразах.

Сергей Тимофеевич снова хмыкнул и на сей раз не стал прятать улыбку от правнука. Да уж, ну как можно не мечтать стать таким вот Тимати, фиолетово-радужным и со стразами-то?.. Кавайно же.

— А знаешь, твой прапрадед, мой отец, в честь которого ты и был назван, круче тачку имел.

— Чего-о? — удивился Тимофей. — Как это? Круче «Бентли»? Какую?

— «Т-34», — подмигнул Сергей Тимофеевич. — Слышал о такой?

— Нет, — мотнул головой правнук. — А это чье производство? Немцы, «Майбах»?

— Нет, наше, русское.

— А-а-а, «Рено-ВАЗ», что ли... — разочарованно протянул Тимофей. — Ну, ты, дед, и сказал: лучше. Наши не могут лучше. Единственное, что они могут, так это клепать дешевые мыльницы для нищих!

— И тем не менее, принято считать, что это был лучший танк Второй мировой войны.

— Второй мировой, тю... — правнук презрительно искривил губы. — Нашли чем гордиться. Тоталитарно-религиозные клики Востока и Запада в борьбе против демократий угробили десятки миллионов жизней...

— Вот, значит, как вам Великую Отечественную преподают... — задумчиво протянул Сергей Тимофеевич.

— Кого? — не понял правнук.

— Ну, Великую Отечественную войну.

Тимофей наморщил лоб.

— А когда такая была?...

Сергей Тимофеевич едва не поперхнулся, но тут в гостиной снова объявилась невестка:

— Тимочка, твой прадедушка устал, не беспокой его, иди в свою комнату, — заботливо проворковала она, — и вообще, ему скоро домой ехать, надо отдохнуть перед дорогой...

— Ба, ну я же сколько раз просил, я — Тимати! — вспыхнул тот.

— Да-да, хорошо, я поняла, Тимати, все ясно, — закивала Ника, выпроваживая правнука, а затем закрыла дверь и повернулась к Сергею Тимофеевичу. — Папа, — с этаким приыханием произнесла она, демонстрируя повышенную степень раздражения, — папа, я вас прошу: не морочьте мальчику голову. Я знаю, вы упрямые как... в общем сильно, но если мальчик в школе ляпнет что-то, что вы считаете правильным, ему могут повысить индекс социальной агрессии. А сами знаете, чем это чревато. Вы хотите, чтобы перед вашим пра-

внуком закрылись двери наиболее престижных учебных заведений?

— В мое время, — сварливо огрызнулся Сергей Тимофеевич, — в престижные учебные заведения принимали тех, кто обладал необходимым уровнем знаний, а не по какому-то там индексу социальной агрессии.

— А в мое — тех, кто мог заплатить за обучение. Но каждому времени — свои законы. И сейчас они такие, — парировала невестка. — Так что если вы не хотите проблем своему правнуку, то не морочьте ему голову. Сейчас у Евроазиатского сотрудничества такая политика в области образования: максимально обходить кризисные моменты истории, которые могут возбудить взаимную агрессию различных групп населения. Люди устали от войн и всяческих иных подобных кризисов.

— Тогда, может, вообще историю изучать не стоит, — рассердился Сергей Тимофеевич, — эвон в мое время кто-то посчитал, что из пяти тысяч лет письменной человеческой истории было меньше двухсот, когда в мире хоть где-нибудь кто-то не воевал.

— Может, и вообще не стоит, — отрезала невестка, — но это не мне решать. А вас я еще раз прошу — не портите мальчику жизнь!

Вечером, уже у себя в избушке, Сергей Тимофеевич вытащил награды отца и разложил на столе. Пять медалей — «За боевые заслуги», «За отвагу», «За взятие Будапешта» и две юбилейных и два ордена — «Слава» военных лет и полученный тоже к какому-то юбилею «Отечественной войны» II степени. Про боевые награды он знал все. Отец много рассказывал ему о войне. У них с отцом это

называлось «быль». Точно так же и Сергей Тимофеевич потом рассказывал о войне и сыну. А вот с внуком он уже так не общался. Когда тот родился, сын жил далеко, в Австралии и на родину вернулся только во время кризиса 2017 года, когда там стало совсем плохо. Здесь же было хоть и тоже не ахти, но терпимо... Ну а правнука, как выяснилось, все это уже совершенно не интересует...

Посидев так некоторое время, он достал коммуникатор и набрал знакомый номер.

— Привет, Тимати, — внутренне усмехаясь, произнес Сергей Тимофеевич.

— Деда, ты? — недоверчиво переспросил тот.

— Ну да.

— Бау, ты — крут! Я своим уже давно пытаюсь в голову вбить, как меня называть надо, а они — тупят. А ты сразу врубился.

— Да, я такой, — скромно согласился Сергей Тимофеевич, — я чего звоню-то... Разбирался тут в ящиках, награды нашел. Прапрадеда твоего. И вот я подумал, а чего это они у меня валяются? Лучше я их тебе отдам. Так что, время будет — приезжай, заберешь.

— Награды? Круто! Это как «Гремми»? А за что он их получил?

— Ты приезжай — расскажу.

— Хорошо, завтра приеду. Ты их далеко не прячь.

Дав отбой, Сергей Тимофеевич некоторое время сидел, задумчиво глядя на ордена и медали своего отца. Какое будущее их ждет? Сможет ли он завтра так рассказать о них правнуку, что тот будет хранить их всю жизнь, гордиться именем деда, или... или загонит их каким-нибудь скupщикам и

продолжит настаивать, чтобы все именовали его этим дебильным имечком Тимати? И надо ли было вообще заводить этот разговор? Ведь Ника права, и знание всего, что он завтра будет рассказывать правнуку, действительно может выйти ему боком. Так уж устроена современная жизнь...

А потом отодвинул награды в сторону и взял свой старенький планшетник. К завтрашнему разговору надо было хорошенько подготовиться. Он открыл текстовый редактор, задумался, а потом решительно набрал фразу, давно считающуюся едва ли не крамольной. «Мы, русские...»

Маленькое послесловие.

Уж не знаю, как оценят читатели мой рассказ — как набор банальностей или как пустое на-гнетание страстей, но все дело в том, что в нем нет ни грамма фантастики. Все повороты сюжета так или иначе уже присутствуют в современной нам жизни. Эпизод с обвинением в фашизме вследствие употребления привычного ругательства мне рассказал экскурсовод, бывший наш эмигрант, уехавший в США после того, как он «отстоял Белый дом» в 1991 году. Правда, он рассказал это не с удивлением или возмущением, а с гордостью за свое чадо. Эпизод с политикой в области образования — прямая цитата из общения с женой одного из наших инженеров, которая семь лет прожила в Бельгии. Ее сын проучился в местной школе пять лет. Это тоже уже существующая практика Евросоюза. Ну, а насчет слова «русские» я некоторое время назад общался с одной весьма активной украинской поэтессой, которая убеждала меня, что

употребление слова «русский» сильно оскорбляет иные народы, населяющие Российскую Федерацию. И что правильнее было бы говорить «россияне». Так что мой рассказ не фантастика, а всего лишь вариант нашего будущего, все необходимые элементы для формирования которого уже есть в нашей сегодняшней жизни. И, если оно вам нравится или, хотя бы, не вызывает протеста, оставляя равнодушным — оно наступит.

*
ОТЦЫ И ДЕДЫ

Ну что, будем и дальше играть в молчанку? — спросил Мирошников, доставая из початой коробки «Казбека» новую папиросу.

Рядовой Кирюхин хмуро глядел исподлобья и ни в чем сознаваться не собирался.

— Не знаю, чего вы от меня хотите, товарищ младший лейтенант.

«Не так, не так бы с ним надо, — подумал Мирошников. — А дать бы кулаком по столу, чтобы карандаш в щепы, да рявкнуть по-медвежьи, чтобы в портках замокрело — тогда бы спесь-то подрастерял. А может, и нет. Полтора года на фронте, из них год на передовой, медаль «За боевые заслуги» — поди, кой-чего пострашней особотдела видал».

— Курить хочешь? — спросил он беззлобно.

— Не курю я, товарищ младший лейтенант, — устало напомнил Кирюхин.

— И правильно, — кивнул Мирошников. — Курево, говорят, жизнь укорачивает. А ты молодой, тебе бы жить и жить еще, верно? Кабы не эта бумагка.

Лейтенант продул бумажную гильзу, постучал ею по коробке, вытрясая остатки табачных кро-

шек, старательно обмял папиросу гармошкой и, не торопясь, прикурил от «катюши»-коптилки.

— Это ведь я с тобой по-человечески, по-свойски говорю, понимаешь? — продолжил он. — Там... Там с тобой нянчиться не будут. Поэтому лучше, если ты мне, вот здесь, все и расскажешь.

— Я уже все вам рассказал, — ответил Кирюхин, — как в красноармейской книжке записано, так и есть, мне скрывать нечего. И товарищи соврать не дадут.

— Вот с товарищами-то у тебя и проблема, — перебил Мирошников, пустив сизую струю крепкого дыма в закопченный потолок блиндажа. — Вот что пишет, к примеру, рядовой пулеметной роты Кравченко, цитирую: «Вернувшись из госпиталя 12 сентября сего, 1942 года, встретил у полевой кухни своего старого товарища, рядового третьего взвода первой стрелковой роты Михаила Кирюхина, который совершенно меня не узнал, хотя до ранения мы с ним были очень дружны, поскольку призывались из одного села. Прошу на основании моих слов проверить этого товарища, который лицом есть вылитый мой земляк и боевой товарищ рядовой Кирюхин, а по существу совсем другой человек, и может статься, немецкий шпион-диверсант. С моих слов записано верно, число и подпись: рядовой Кравченко».

— Дурак этот Кравченко, — сказал Кирюхин. — Я после второй контузии много чего на-прочь позабывал. Имена и лица до сих пор еще путаю, бывает.

— Бывает, что и вошь кашляет, — проворчал Мирошников, попыхивая папиросой, — но моя обязанность — проверить и доложить. Проверить

я не могу: госпиталь попал под бомбёжку, все бумаги сгорели, члены врачебной комиссии убиты или пропали без вести. А поскольку возиться мне с тобой здесь нет никакой возможности, я твое дело должен передать в Особый отдел ОГПУ дивизии. Понимаешь?

— Так точно.

Младший лейтенант затушил окурок о подошву, неторопливо выдул пыль из двух стаканов, снял с буржуйки котелок и нацедил чаю. Потом покопался в кармане и отыскал кусок сахара, облепленный табачными крошками и завернутый для сохранности в не первой свежести носовой платок. Мирошников расколол сахар ловким ударом ножа прямо на ладони, одну половинку закинул в рот, а вторую положил перед Кирюхиным.

— Пей, — сказал он. — В дивизии порядки другие, там не почаевничаешь. Как человек, я против тебя ничего не имею. Но как уполномоченный особотдела ОГПУ ничего больше сделать не могу.

— Я понимаю, — хмуро сказал боец.

Он по-детски обхватил стакан двумя ладонями и принялся шумно швыркать из него кипяток. На вид Кирюхин казался совершенно спокойным. Это больше всего и смущало Мирошникова.

— Есть, правда, — сказал он, — маленький шанс уладить это дело по-тихому. Кто-нибудь в батальоне может за тебя поручиться? Кто тебя лучше знает?

— Особо никто, — сказал Кирюхин. — Пока в госпитале валялся, от моей роты почти никого не осталось. Вот, разве что, взводный...

«Ай да я!» — мысленно похвалил себя осошибст.

— Это лейтенант Стрельченко? — переспросил Мирошников. — Так он же вроде тоже из пополнения?

— Так точно, — кивнул Кирюхин. — Только я его еще по госпиталю знаю, вместе выписывались.

На улице хлопнула с треском осветительная ракета, и сквозь щели неплотно сколоченной двери блиндаж наискось пересекли лучи мертвенно-бледного света. Неподалеку коротко татакнул пулемет, и снова все стихло.

— Недобрая тишина, — сказал Мирошников.

— Значит, на рассвете полезут, товарищ младший лейтенант, — ответил Кирюхин.

— Может быть, может быть, — кивнул осо-бист. — Только это уже без тебя. Как только вернется машина, сопроводим тебя в штаб дивизии. Ну что, допил, что ли?

Сквозь щелястую дверь блиндажа внезапно до-неслось тарактение мотора и скрипнули тормоза. Мирошников мельком взглянул на часы и даже приложил их к уху, чтобы проверить, не останови-лись ли они.

— Что-то рано, — заметил он.

— Это не наш «Виллис», — пояснил Кирю-хин, — слышите, как тарактит? Это «эмка».

За дверью послышался голос часового, и сле-дом глухой басовитый баритон приезжего. Кожа-ные петли скрипнули, и в блиндаж, согнувшись, втиснулся коренастый офицер с тремя шпалами НКВД в петлицах. Был он для капитана несколько староват, или седые виски делали его на вид стар-ше своих лет. А может, в этом были виноваты глу-боко посаженные цепкие глаза и короткие жест-кие складки у сжатых губ.

— Встать, смирно! — приказал Мирошников, поспешил одернув гимнастерку и загоняя складки на спину.

Кирюхин встал и принял застегивать верхнюю пуговицу. Вошедший окинул быстрым хищным взглядом полутемный блиндаж с его обитателями и остановил свой беглый обзор на столе.

— Уполномоченный особого отдела ОГПУ при батальоне младший лейтенант Мирошников! — четко доложил особист. — Снимаю показания задержанного рядового Кирюхина.

— Ну-ну, — сухо заметил вошедший, кивнув на полупустые стаканы. — Я вижу, как снимаете... Вольно... Я — новый оперуполномоченный особотдела дивизии, капитан Строгачев. Прибыл забрать у вас рядового Кирюхина. Теперь это дело дивизионной контрразведки. Вот бумаги, ознакомьтесь и вызовите конвойных — мы уезжаем немедленно.

— Бекетов! — позвал особист, взглянув на предписание.

В блиндаж, сверкнув примкнутым штыком, заглянул конвойный.

— Сопроводи задержанного в машину капитана, — приказал Мирошников, стараясь не глядеть на Кирюхина.

— Прощайте, товарищ младший лейтенант, — сказал Кирюхин. — Спасибо за чай.

Мирошников промолчал. Задержанный заложил руки за спину и вышел, сопровождаемый тенью конвойного.

— А мне чаю не предложите? — спросил капитан.

Мирошников так же молча выплеснул остатки заварки в угол, ополоснул стакан и налил его до

краев. Капитан присел к столу и отхлебнул темный горячий напиток.

— Крепкий, — похвалил он. — Хорошо. Люблю все крепкое. А некрепкое не люблю. Жалеешь парня, лейтенант?

— Младший, — поправил Мирошников.

— Вижу, жалеешь.

— Ведь расстреляют ни за что, — тихо сказал особист.

— А если — «за что»?

— У меня на него ничего нет, кроме этого дурацкого рапорта. Отзывы по службе положительные. Имеются боевые награды и поощрения. Анкета чистая. Комсомолец. Так, написал рапорт один дурик. Да ведь они все пишут. Видели бы вы, сколько. На приятелей, на командиров. На меня даже, было, в полк писали...

Мирошников потянулся за папиросами, достал одну и принялся нервно разминать ее в пальцах, продувать и постукивать по крышке коробки, пока не увидел у самого носа вспыхнувшее пламя зажигалки.

— Прикуривай, — приказал капитан.

Мирошников неторопливо обмяял бумажный мундштук и прикурил, стараясь больше не вызывать волнения.

— Недавно в органах? — участливо спросил Строгачев.

— Второй месяц, — ответил негромко Мирошников. — Нехватка кадров после контрнаступления.

— Ясно, — сказал капитан. — Ничего, привыкнешь.

Лейтенант поперхнулся крепким дымом и хрюпло раскашлялся.

— Он, правда, в чем-то замешан?
 — А ты хочешь мне что-то сказать? — спросил капитан.

— Нет, — ответил Мирошников.
 — Ну, тогда мне пора. — Строгачев поднялся и оправил гимнастерку. — Спасибо за чай. Хороший, крепкий. Люблю, понимаешь, все крепкое. Характер у меня такой.

Капитан повернулся к выходу, и тогда Мирошников торопливо заметил ему вслед:

— Он сказал, что за него поручится лейтенант Стрельченко.

— Да, — сказал капитан, приостановившись на секунду, — я был прав — привыкнешь.

Выйдя из блиндажа, он ловко, не по годам, перемахнул на бруствер, прошел к машине и распорядился конвойному:

— Свободен.
 — Товарищ капитан, без конвоя не положено, — возразил Бекетов.
 — Я сказал — свободен, — отрезал Строгачев. — Задержанный, в машину. Сержант, заводи.

Капитан втолкнул Кирюхина на заднее сиденье и втиснулся следом. Двигатель «эмки» завелся с пол-оборота, и шофер сразу воткнул первую передачу.

«Не полож...» — донесся в последний раз голос конвойного, но машина уже вырулила на дорогу и понеслась в сторону КПП. Там капитан тоже особо не церемонился. Мельком взглянув на лица проезжавших и корочки ОГПУ, постовые без вопросов подняли шлагбаум. «Эмка», сверкая проптертыми фарами, помчалась в синие сумерки.

— Чисто сработали, — поздравил сержант.

— Следи за дорогой, — приказал Строгачев. — Мы еще не дома. — И обернувшись к задержанному, приказным тоном спросил. — Кто второй?

— Какой «второй»? — прикинулся непонимающим Кирюхин.

— Ты еще будешь мне вопросы задавать, сопляк? — жестко сказал капитан. — Здесь вопросы задаю я. Три недели в военном архиве пыль глотал. Переброска была удвоенной массы. Кто второй?

— Я не понимаю, что вы от меня хотите! — выкрикнул Кирюхин.

— Машина, стоп! — рявкнул капитан.

Сержант от неожиданности так резко надавил тормоз, что задержанный не удержался и с размаху влепился носом в спинку переднего сиденья. Строгачев железной хваткой сгреб его за грудки и, не глядя на тонкую струйку крови под разбитым носом Кирюхина, ледяным тоном отчеканил:

— Если ты и дальше собираешься играть в эту игру, я могу подыграть. Поеду и сдам тебя на деле в особотдел дивизии. Что там с тобой сделают, можешь догадаться и сам. Соображаешь?

— Да, — выдавил Кирюхин, шмыгнув носом.

— Тогда сейчас же отвечай, кто второй.

— Не знаю.

— Сукин сын! — снова рявкнул капитан. — Зато я, я знаю! Я только хочу, чтобы ты мне сам его назвал! Сам! Повторяй: лейтенант Стрельченко! Стрель-чен-ко! Что, я прав? Прав или нет, черт побери?

— Не знаю! — затравленно огрызнулся Кирюхин.

— Вы бы полегче, — попросил сержант. — По уставу...

— Помолчи, — отмахнулся Строгачев. — По уставу... Возиться с ними... И черт с тобой, — добавил он сухо. — Сопляк. Без твоих показаний обойдусь. Сержант, веди его. Ты знаешь, что делать.

— Выходи, задержанный, — приказал сержант.

— Не пойду! — уперся боец.

— Да выходи уже, доигрался! — Строгачев двинул плечом, и Кирюхин мешком вывалился из машины.

Сержант направил на него пистолет, щелкнул затвором и приказал:

— Встать. Вперед. При попытке бежать открываю огонь.

Кирюхин поднялся и отер со щеки приставшую грязь пополам с хвоей.

— Всех не переловите, — сказал он. — Все равно сбегу!

— Отбегался уже, — ответил сержант, подтолкнув его дулом пистолета в сторону леса. — Пошел.

Капитан смотрел им вслед, пока оба не растворились в густеющих сумерках. На легкий шорох за спиной он сразу оборачиваться не стал. Сначала незаметным движением кисти расстегнул кобуру. И в качестве ответа над самым ухом услышал отчетливый щелчок взведенного курка.

— Даже не думайте, — предупредили позади.

— Не думаю, — спокойно сказал капитан.

Рука незнакомца скользнула по гимнастерке справа, слева, потом ловко и быстро извлекла из кобуры пистолет. Строгачев осторожно скосил глаза книзу и увидел на портупее только хвостик наискось обрезанного ремешка. Срез был такой ровный, словно сделан опасной бритвой.

— Обернуться можно? — как можно спокойнее спросил Строгачев.

— Руки за голову. Обернитесь. Только медленно, — приказали сзади.

Капитан коснулся пальцами стриженого затылка и повернулся. Лицо и нашивки напавшего было трудно толком рассмотреть в темноте, но на левой петлице тускло поблескивали два кубаря.

— Лейтенант, вы отдаете себе отчет, что напали на старшего офицера? — спросил Строгачев. — Более того, на офицера ОГПУ? Я требую, чтобы вы себя назвали, убрали оружие и подчинились старшему по званию.

— Документы! — потребовал лейтенант, и не подумав опустить пистолет.

Строгачев, мельком заметив, что напавший сменил свой «наган» на капитанский «ТТ», убрал руки с затылка и потянулся к боковому карману.

— Медленно! — предупредил лейтенант.

Строгачев как можно спокойнее расстегнул пуговицу, вытащил удостоверение и аккуратно положил его на теплый капот машины. Достаточно близко. И когда лейтенант потянулся, молниеносно схватил его запястье, дернув на себя и вверх. В темноте хлопнула голубая вспышка, и капитан, вскрикнув, схватился за онемевшее плечо.

— В следующий раз выстрелю в голову, — пообещал лейтенант.

— Ты даже не представляешь, что тебе за это будет, — прошипел Строгачев, чувствуя, как онемение расползается по руке все выше. — Я — оперуполномоченный особотдела дивизии капитан Строгачев!

— Ничего особенного не будет, — ответил лейтенант. — Потому что настоящий капитан Строгачев сейчас в штабе дивизии. Комбат говорил с ним по полевому телефону двадцать минут назад. Я поручился за Кирюхина, и его разрешили оставить в батальоне до особого распоряжения. Опоздал только на пару минут.

Лейтенант поднял удостоверение и посветил себе зажигалкой. Красные блики на секунду полыхнули в его глазах, осветив острые скулы и прямой нос. Насмешливо фыркнув, он швырнул копочки обратно на капот.

— Где мой боец? — спросил он.

— Стрельченко, — догадался капитан. — Вот и отыскался второй беглец. Даже особо напрягаться не пришлось.

— Где рядовой Кирюхин? — повторил вопрос лейтенант.

В перелеске, куда сержант увел Кирюхина, полыхнула короткая желтая вспышка, и через секунду донесся хлесткий раскатистый хлопок.

— Если ты имеешь в виду своего приятеля, он только что доставлен в следственный отдел Комитета Охраны ПВК, — ответил Строгачев. — А рядовой Кирюхин, тысяча девятьсот двадцать второго года рождения, убит в ходе Ржевской наступательной операции тридцать первого июля сорок второго года. Скверно работаете над легендами, ребятки.

— Так уж и скверно? — огрызнулся лейтенант.

— Да уж, не блестяще. Лейтенант Стрельченко до июля тысяча девятьсот сорок пятого числился пропавшим без вести. Он умер от туберкулеза в

лагере для военнопленных «Цайтхайн», в Саксонии, близ Якобстала, в ноябре сорок четвертого.

Лейтенант ухмыльнулся:

— Учтем на будущее.

Капитан заложил парализованную руку за портупею и сказал:

— Не знаю, как ты сам видишь свое будущее, а я вижу его довольно ясно. Шесть месяцев общественных работ и трехмесячные курсы социального перевоспитания, включающие гипнотическую психокоррекцию. Сопротивление аресту я готов забыть, если вернешь парализатор и добровольно последуешь за мной. Давай-ка, сынок, бросай дурить, пока я добрый. Объявляю тебя арестованым за преднамеренное нарушение ПэВэКа.

— Профессионально важных качеств? — язвительно переспросил лейтенант. — Или Постановления Выдающихся Кретинов?

— Пространственно-временного континуума, — терпеливо пояснил капитан. — Все, что ты скажешь, может быть использовано против тебя в суде. К счастью, ты имеешь право хранить молчание.

— Но, к несчастью, не хочу, — перебил лейтенант, продолжая превращать процедуру ареста в фарс.

— В продолжение следствия ты имеешь право на бесплатного адвоката, на отвод судьи, на ежедневное свидание с родственниками, на два часа телефонных переговоров в сутки, а также на занятия спортом и любым видом творчества, одобренным судебной комиссией.

— Вышивание крестиком допускается?

Капитан замолчал и потянулся к часам на парализованной руке. Стрельченко снова вскинул пистолет.

— Руки!

Строгачев устало поднял глаза:

— Ты больше не станешь стрелять в офицера полиции, сынок.

— Это почему? — резко спросил лейтенант.

— Потому что восемьдесят одного беглеца я уже доставил домой. Верну и восемьдесят второго.

Капитан сделал резкое движение и нажал кнопку на часах. Однако при этом абсолютно ничего не произошло. Лейтенант опустил пистолет и насмешливо хохотнул. А через секунду не выдержал и расхохотался в голос. Строгачев с тем же успехом нажал кнопку еще несколько раз и плонул с досады.

— Не вижу ничего смешного, — сердито сказал он. — Ты сжег маяк парализатором. На подготовку и расчет аварийного возврата с момента пропажи сигнала уйдет шесть часов!

Стрельченко снова рассмеялся и протянул капитану его пистолет.

— Зато мы теперь в одной лодке.

— Не так быстро! — приказал капитан, взяв оружие. — А где твой маяк? Тебе же тоже нужен маяк.

Лейтенант, обернувшись, улыбнулся и ткнул пальцем в сторону нейтральной полосы:

— Где-то в полях подо Ржевом. Унесло взрывом к чертовой матери вместе с планшеткой. Но это неважно. Я не собираюсь возвращаться.

Примерно в три часа водяная морось перешла в мелкий нудный дождь, и перекрытая щель начала промокать. Вода сначала просачивалась редкими каплями, а потом принялась барабанить по шинели капитана со скоростью пущенного секундомера. Капитан чертыхнулся, нашарил в темноте каску и подставил ее под течь. Это помогло ненадолго — вскоре начало капать еще в нескольких местах.

Неподалеку в низкие тучи с шипением воткнулась осветительная ракета. По грубо сколоченным нарам поползла кверху синеватая полоса света, осветив лицо и открытые глаза лейтенанта.

— Не спится? — спросил капитан. — Об общественных работах думаешь?

— Нет, — ответил лейтенант. — О том, что через час артподготовка фрицев начнется. А выдернут вас отсюда, в лучшем случае, только через час тридцать.

— Страшно?

— Это моя четвертая заброска.

— Рецидивист, выходит, — кивнул капитан. — Ну-ну. К рецидивистам применяют усиленный курс принудительной психокоррекции, ты знаешь?

— Догадываюсь.

Капитан помолчал, глядя, как свет ракеты вскарабкивается по грубо сколоченной обшивке стены, проецируя на грязные горбыли, как в волшебном фонаре, диковинные резные узоры из листьев и травы. Немного не добравшись до перекрытия, свет погас — ракета упала на нейтральной полосе.

— Как твое настоящее имя? — спросил капитан.

— Так я вам и сказал, — отозвался лейтенант. — Здесь я Стрельченко. А дома — сами устанавливаите.

Капитан вздохнул в темноте.

— Да установим, установим, не сомневайся. Не для того спрашиваю.

— А для чего тогда?

— Понять хочу. Чего вам дома не хватает? Чего вы в это прошлое лезете, будто вам тут медом намазано?

— Не поймете, — ответил лейтенант. — Если до сих пор не поняли — уже не поймете.

— Отчего же? — усмехнулся Строгачев. — Не дурак вроде.

— Наверное, — согласился Стрельченко. — А не поймете все равно.

— Да брось ты, заладил. «Не поймете, не поймете». Поколение непонятых гениев, мать вашу. Все вам дали, готовое на блюдечке поднесли. Хочешь учиться — учись. Два высших, три — пожалуйста. Все бесплатно. Квартиру — пожалуйста. Лечение — пожалуйста. Транспорт, и тот бесплатный. Мне бы такое в твои годы! Только я в твои годы в окопах гнил, за мировую социальную революцию. Жрать было нечего, чуть ли не дермо жрали. Сам в лохмотьях, планета в руинах — все, все заново строили. Думали, построим — заживем. Не мы, так дети наши. Вот и построили на свою голову. Мы же все, все для вас делали. А вы... Вы... И вот конкретно ты...

— Конкретно я? Конкретно я вам завидую, — ответил лейтенант. — Знали бы вы, как завидую! Весь остаток жизни бы всего на день променял.

— С жиру вы беситесь, вот что, — проворчал Строгачев. — Цацкаются с вами, перевоспитывают... Только что с ложечки не кормят. Эгоисты вы, и больше ничего. Плевать вам на все, кроме самих себя. Скучают они... Живете только сегодняшним днем. Золотой век декаданса, черт возьми! Каждый третий не доживает до двадцати. Кто не умер от передозы, просто вскрывает вены.

— Я не колюсь и вены не вскрываю.

— Зато на войне смерть ищешь. Чем лучше-то? Хоть бы о родителях подумал. Подумал о будущем. Что из-за таких, как ты, станет с Новой республикой? Завтра-то что будет?

— Не будет никакого завтра, — нехотя отозвался лейтенант. — Знаете, семьдесят лет спустя один человек очень метко заметил: «Чем ближе светлое будущее, тем больше хочется в темное прошлое». Это про нас. Не может быть «завтра» в мире, в котором светлое будущее уже наступило. Понимаете?

С немецкой стороны внезапно взлетела осветительная ракета и глохно закашлял пулемет.

— MG-42, — сказал лейтенант, — фрицам тоже не спится.

Капитан взглянул на часы.

— А, дьявол — стоят.

— Почти половина пятого, — подсказал Стрельченко, — скоро начнется. Как ваша рука?

Капитан попробовал пошевелить пальцами. Большой, указательный и средний кое-как сгибались. Предплечье начинало ныть, как больной зуб.

— Отходит потихоньку, — ответил он.

Лейтенант поправил под головой веемешок и спросил:

— Капитан — это ваше настоящее звание?

— Да, — ответил Строгачев.

— С вашей биографией уже можно было стать генералом, — заметил Стрельченко. — Или, по крайней мере, полковником.

— К чему? — поморщился капитан. — В кабинете штаны протирать?

— А-а-а, — с интересом отозвался лейтенант, приподнявшись на локте. — Вот оно как. Значит, не любите попусту протирать штаны? А что бы вы делали, не будь в будущем таких, как я?

— Что? — переспросил Строгачев. — Да уж делал бы что-нибудь, не беспокойся. Нашел бы, чем заняться. За грибами бы ходил. Цветы выращивал. Ел шашлыки. В море бы купался. Жил бы, в общем.

— И это жизнь? — спросил Стрельченко.

— Для меня — да.

— Тогда почему вы здесь, капитан? А не там, окучиваете свои цветочки? Молчите?

— А чего с тобой о жизни говорить? — огрызнулся капитан. — Все равно ведь не поймешь.

— Да я тоже не дурак вроде, — съязвил Стрельченко. — А говорить вы не хотите, потому что такой же беглец, как и я. Только боитесь в этом признаться. Вот выпрут вас на заслуженную пенсию, посидите вы в своих цветочках месяц-другой, поедите шашлык, накупаетесь. А потом, в одно прекрасное утро, возьмете да и застрелитесь.

— Из парализатора, — усмехнулся капитан.

— Да ладно. Это же я образно. Мало ли других способов...

— Например, на давно прошедшей войне.

Лейтенант вдруг заметил, что уже вполне отчетливо видит собеседника — дождь перестал, и над позициями занимался холодный туманный рассвет.

— Да, — ответил Стрельченко, — например. — Это лучше, чем сдохнуть от безделья в вашем либерастическом раю. Где все доступно, разрешено и давно решено за нас.

— Неужели так сложно найти себе область приложения усилий? В конце концов, есть искусство. Наука. Освоение Солнечной системы.

— Искусство зашло в тупик задолго до Новой республики. Оно давно уже превратилось в конъюнктурный придаток системы обслуживания. Фундаментальная наука? На кой черт мне причины возникновения Вселенной, когда я не понимаю смысла собственного существования? Прикладная же наука существует, чтобы совершенствовать условия жизни. А как можно совершенствовать совершенство? Что же касается экспансии... Скажите, капитан, каков смысл превращения других планет в еще одно тихое либеральное болото?

— А тебе ближе по духу тоталитарные режимы? Может, все-таки стоило тебя сдать в ОГПУ?

— Напрасно иронизируете. Между нами гораздо больше общего, чем вам кажется. Мы оба видим смысл своей жизни в борьбе за вечный мир и общечеловеческое счастье. Но достичь его не хотим, потому что потеряем свою цель. И мы оба возвращаемся назад, потому что в своем времени нам делать нечего.

Капитан почувствовал легкий толчок в лицо — сырой рассветный воздух дрогнул. А потом еще и еще. Лейтенант вскочил, нашаривая под нарами каску.

— Началось, — пояснил он и, высунувшись из щели, что было силы крикнул: — Все в укрытие!!!

Капитан выплеснул из каски воду, надел ее и принялся торопливо подтягивать ремешок под

подбородком, ежась от стекающих за шиворот ледяных капель. Послышался пронзительный шуршащий свист, сопровождаемый легким треском, словно кто-то рвал на части марлевые бинты. Строгачев через проем увидел, как в полусотне метров сбоку встал черный сноп разрыва, и в следующее мгновение взрывная волна швырнула его на стену. С перекрытия на него повалились мокрые комья грязи. А еще через две секунды уже громыхало и рвалось вокруг, не переставая. В щель вместе с лейтенантом ввалились несколько заспанных бойцов, прячась от непрерывного сыплющего града земли, расщепленного дерева и камней.

Первое время капитан мало что видел, приткнувшись к нарам и прикрыв лицо руками. Люди вокруг старались вжаться в землю, которая при каждом разрыве вздрагивала, сбрасывая их с себя, точно перепуганная лошадь. Казалось, что артподготовка не кончится никогда, и капитан с удивлением заметил, что начинает к ней понемногу привыкать и воспринимать окружающее. Пожилой сержант пытался закурить. Соорудить самокрутку ему как-то удалось, но прикуриить никак не получалось — очередная взрывная волна срывала пламя с каждой новой спички. Боец помладше, лежа ничком, вздрагивал от каждого разрыва, как от удара. Другой, прижавшись к стенке щели, при каждом звуке летящего снаряда крестился и повторял: «Господи, спаси и помилуй!» — а после взрыва добавлял к этому редкостное по крепости непечатное выражение.

— Остапчук, никак, в Бога уверовал? — крикнул ему лейтенант.

Голос его во внезапной тишине прозвучал неожиданно громко. Артподготовка закончилась.

Капитан тяжело поднялся, сел на усыпанные грязью нары. Воздух удушливо вонял сгоревшим порохом. В голове звенело, точно кто-то над ней что было силы лупил в гигантский медный гонг.

— На позиции! — приказал лейтенант. — А ну! Шевелитесь, живо! По местам!

Он расталкивал своих бойцов и подгонял к выходу, пока все они не оказались снаружи, и вышел следом. Капитан чертыхнулся и последовал за ним.

— Держись ближе, — приказал он. — До переброски мало времени.

— До атаки еще меньше, — ответил Стрельченко. — А я должен командовать взводом.

Пригнувшись, он побежал по траншее, проверяя готовность бойцов. Капитан, волей-неволей, пошел следом. Местами приходилось ползти — траншея была разворочена снарядами и полузыпана землей вперемешку с обломками горбыля и тальниковой плетенки.

— Не стрелять, не стрелять! — послышался впереди голос лейтенанта. — Ждать команды!

— Без команды не стрелять! — понеслось дальше по траншее. — Не стрелять без команды!

Капитан выглянул за бруствер и увидел метрах в девяностах ползущие коробочки танков, сопровождаемые черными точками пехоты.

— Что, — спросил Строгачев, — и убивать будешь?

— Это война, капитан, — ответил Стрельченко. — И здесь, как правило, убивают. Или вы, или вас.

— Это квалифицируется, как злостное нарушение ПВК! Преднамеренное вмешательство! И чревато изменением будущего!

— Любые перемены к лучшему, — сказал Стрельченко. — В этом вашем будущем. И потом,

я не сторонник теории эффекта бабочки. До переброски, в лучшем случае, двадцать-тридцать минут. Если хотите до нее дожить, берите винтовку и стреляйте.

Лейтенант кивнул в сторону соседней ячейки, напротив которой в траншее лежал ничком убитый боец. На бруствере, нацелившись штыком в мутное рассветное небо, осталась полузыпанная землей трехлинейка. Капитан чертыхнулся, оттащил убитого в сторону и занял его место.

— Винтовку очистите, — сказал Стрельченко, — не то заклинит.

Капитан отряхнул затвор, загнал патрон в патронник и приготовился.

— Я буду стрелять только в воздух, — предупредил он.

Лейтенант не успел ответить. Серые коробки танков, одна за другой, стали окутываться дымом, и послышался знакомый уже свист — немцы открыли огонь поддержки. Первые снаряды рвались то впереди, то позади траншеи, но с каждым выстрелом черные споны разрывов вставали ближе и ближе. Противотанковая артиллерия не торопилась выдавать позиции — ждала, пока подойдут на дистанцию прямой наводки.

— Чуете, а? — радостно заорал лейтенант, отплевываясь от земляной пыли. — Чуете, как жить охота? Вот это — жизнь! Вот это и есть — она! Когда за нее надо драться! Зубами землю грызть!

— Дурило ты! — крикнул в ответ капитан. — Малолетнее! Псих!

Вокруг снова творилось черт знает что. Сверху сыпались комья и щепки, звучно барабаня по спине и каске капитана. Земля тряслась, воздух бешновался, обдавая лицо горячими хлесткими ударами.

ми. То справа, то слева вспыхали огненные шары и вставали черные снопы разрывов. Кричали раненые. Танки подошли уже метров на пятьсот, и артиллерия, наконец, начала отвечать. Над головой с шорохом засвистели, ударяя по барабанным перепонкам, бронебойные семидесятишестимиллиметровые, внося сумятицу в ряды наступающих немцев. Танки начали маневрировать, огонь их стал гораздо реже и утратил точность. Капитан отряхнулся винтовку и осторожно приподнял голову над бруствером. Серые черточки уже приобрели очертания человеческих фигур, но были все еще далеко.

— Подпустим на триста! — крикнул Стрельченко. — Беречь патроны! Стрелять по команде!

Почти одновременно два танка прямо напротив полыхнули огнем и дымом. Один еще некоторое время продолжал ползти, разливая в воздухе черную копоть, а второй, развороченный — замер, уткнувшись дульным тормозом в горящую траву. И тут на капитана по-настоящему накатило. Он почувствовал странный подъем, как в пору окопной юности. Страх ушел, выжженный вспыхнувшей ненавистью к тем, кто бежал, чтобы его убить и втоптать гусеницами в изрытую воронками землю. В дальнем краю траншеи защелкали первые выстрелы, на флангах ожесточенно затарахтели пулеметы.

— Огонь! — приказал Стрельченко.

Капитан, стараясь сдержать дыхание, положил на мушку серую фигуру с винтовкой наперевес и нажал спуск. «Мосинка» сухо щелкнула. Серая фигура приостановилась на мгновение и снова продолжила бег. Строгачев передернул затвор, прицелился и снова нажал спуск. Немец все так же продолжал бежать. Капитан уже отчетливо ви-

дел перекошенное белое лицо и открытый рот. Он бросил взгляд на прицел и заметил, что под него набилась грязь. Капитан выскреб ногтями, что смог, и установил планку на прямой выстрел. Снова приложившись к винтовке, он плавно навел мушку точно в центр серого силуэта. Винтовка дернулась, и через мгновение дернулась и фигура немца. Он споткнулся и рухнул ничком в обгоревшую траву.

— Так держать, капитан! — крикнул Стрельченко. — Удивительное чувство, да — когда жить хочется?

— Иди ты к черту, — хмуро проворчал Строгачев, ловя в прицел следующего немца, длинного, с вытаращенными глазами. Щелкнул выстрел — немец, вскинув руки, повалился на спину.

— Взво-од! — заорал Стрельченко, выскочив на бруствер с «наганом» в руке. — В штыковую! За Родину-у! Впере-о-од!

Капитан взглянул в сторону и увидел, что батальон, ощетинившись штыками, выкатывается из траншей в контратаку.

— Ну, дурило! — чертыхнулся капитан. Ничего не оставалось, как последовать примеру лейтенанта. Он выкарабкался из ячейки на бруствер и заорал, срывая связки: — За Родину-у! Ура-а-а!

Мокрая земля липла к сапогам, придавая им свинцовую тяжесть. По сторонам то и дело полыхали оранжевые вспышки. Со свистом пролетали пули, с пронзительным мяуканьем в грязь впивались осколки. В какой-то момент капитан мельком увидел далеко впереди особиста Мирошникова — тот обернулся, что-то крича, и пропал в черном облаке разрыва. Сердце, казалось, было готово выскочить из горла. Строгачев хватал открытым

ртом вонючий сырой воздух с кислой примесью сгоревшего пороха и старался не упустить из виду мелькавшую спину лейтенанта, как вдруг прямо перед ним очутился немец — молодой и костлявый. Неуклюже выставив перед собой винтовку, он спешно заряжал новую обойму. Строгачев ударили его с ходу прикладом в лицо.

Потеха пошла. Вокруг мелькали серые мундиры и зеленые гимнастерки. Со всех сторон раздавались удары, русская и немецкая брань, вопли раненых и хрюпы умирающих. Капитан бил, колол, бил и снова колол, удивляясь тому, что все еще жив, и с мальчишеским восторгом внимая давно забытому чувству ослепления боем, когда из головы вылетают все посторонние мысли, вытисненные жадным инстинктом жизни.

Лейтенанта он увидел почти случайно, когда немцы уже выдохлись и покатились назад, прикрываясь уцелевшими танками. На Стрельченко навалился рослый красномордый ефрейтор. Кряхтя от натуги, он пытался задушить лейтенанта голыми руками. Капитан вскинул винтовку и выстрелил в стриженый багровый затылок.

— Спасибо, — прокашлял Стрельченко, сбрасывая с себя труп.

— Держись ближе ко мне, — приказал капитан. — Переброска должна скоро...

Пуля оjгla ему правую лопатку. Строгачев упал на колени, удивленно раскрыв рот, а в следующее мгновение уже повалился на бок, захлебываясь кровью из пробитого легкого.

— Капитан! — крикнул Стрельченко, подхватив его голову. — Капитан!

Строгачев с трудом разлепил веки. Перед глазами все плыло, серое небо вращалось по кругу.

— Ты был... прав, — прохрипел капитан, выплевывая черные сгустки. — Жизнь... это... Это классная штука... Когда... ты можешь ее... потерять... Это...

— Вы не умрете, — пообещал Стрельченко, — нет. Держитесь. Я сорвал — у меня есть маяк, через минуту вы будете дома.

Лейтенант вытащил из кармана зажигалку, раскрыл ее и вложил в руку Строгачева.

— Нажмите, — сказал он, — и вас выдернут отсюда.

Капитан положил палец на кнопку маяка, и второй рукой цепко обхватил запястье лейтенанта.

— Ты... пойдешь со мной, — приказал он.

Лейтенант замотал головой:

— Нет. Пожалуйста, нет. Вы снова все решили за меня. Я же хочу простого права — решать самому.

— Здесь для тебя только смерть! — сказал капитан. — Понимаешь? Смерть!

— Смерть всегда рядом с жизнью, капитан, — ответил Стрельченко. — Кто не борется — не живет. Кто не живет — не может и умереть.

— Закон, — сказал капитан слабеющим голосом. — Устав... Я должен...

— Чай будете? — спросила Мария. — У нас особый, с мяты. Очень вкусно.

— Ну что ты спрашиваешь? — перебил капитан. — Поди поставь. Присаживайся, сержант, — пригласил он.

— Младший лейтенант, — с улыбкой поправил гость, усаживаясь в кресло. — Уже три недели.

— Ну что ж, поздравляю, — сказал капитан. — Я тут окопался, понимаете, как на необитаемом острове. До меня и хорошие новости доходят в самую последнюю очередь. А плохие не доходят вовсе.

— Так ведь наша работа в том и состоит, чтобы плохих новостей было как можно меньше. Верно, Иван Сергеевич?

— Верно, — согласился капитан. — Так вы мне привезли только хорошие?

— Исключительно, — улыбнулся гость. — С какой начать? С хорошей или замечательной?

Капитан поправил перевязь, на которой висела правая рука, и пожал плечами.

— Даже и не знаю. На ваш выбор.

— Ну, тогда я начну с главного. Отныне вы больше не капитан, а подполковник.

— Это и вправду замечательная новость, — улыбнулся Иван Сергеевич. — За нее можно выпить и что-нибудь покрепче чая.

— Это еще успеется, — кивнул гость. — А теперь вторая новость. Нашу миссию сочли выполненной, комиссия Комитета закрыла дело.

— Как это — «закрыла»? — переспросил Иван Сергеевич. — Значит, Стрельченко все-таки нашелся?

Гость покрутил в руках форменную фуражку, сбивая с нее щелчками несуществующие пылинки.

— И да, и нет. Комиссия отклонила запрос о задержании. В связи со смертью обвиняемого. Лейтенант Стрельченко, если вы помните, умер от туберкулеза в лагере для военнопленных «Цайтхайн», близ Якобстада. По последним данным архивного отдела, он и наш нарушитель — одно и то же физическое лицо. Это значит, что служба

охраны ПВК так и не смогла на него выйти до попадания в плен. План о проникновении в концлагерь для возвращения нарушителя отклонен, как сопряженный с чрезмерным риском. Обвиняемый умер. Дело закрыто. Кстати, Александр Поповцев, задержанный нами как рядовой Кирюхин, скрылся от надзора после курса психокоррекции.

— Думаете, рецидив? — спросил Иван Сергеевич.

— По неподтвержденным данным — да, — кивнул гость. — У нас только на этой неделе восемнадцать пробоев ПВК. Бегут, словно крысы с корабля.

— С тонущего корабля, — поправил подполковник.

— Полагаете, республика где-то дала течь? — холодно спросил гость.

— Неважно, что полагаю я, — ответил Иван Сергеевич. — Так полагают они.

Подполковник поднялся, придерживая перевязь, и подошел к окну. В саду моросил мелкий и нудный осенний дождь. Водяная пыль на стекле собиралась в мелкие капли. Мелкие капли сливались в крупные, начиная сползать вниз под собственной тяжестью, поглощая по пути другие, пока не сливались в неудержимо бегущие струи.

— Где-то мы ошиблись, — тихо сказал подполковник.

— Что? — не рассыпал гость.

— Я быстро иду на поправку, — ответил Иван Сергеевич. — Надеюсь, через неделю-другую смогу вернуться в отдел и вам помочь.

— Нет-нет, — сказал гость, — в этом нет необходимости. Лечитесь как следует. У вас теперь полно времени.

— В каком смысле? — не понял подполковник.

— Приказом Министерства Внутренних Дел, учитывая прежние заслуги перед Новой республикой, вы уволены в запас, на почетный отдых. Поэтому я, собственно, и приехал — привез приказ и ценный подарок. Президент собственной персоной распорядился о награждении вас именным оружием.

Гость поднялся, вынул из портфеля и протянул хозяину тяжелую лаковую шкатулку. Но подполковник стоял, не оборачиваясь, и гостю пришлось после некоторой заминки положить подарок на подоконник.

— Поздравляю, Иван Сергеевич.

— С чем поздравляете? — не понял подполковник. — С отставкой?

На улице призывно засигналила служебная машина.

— Вы достаточно сделали для республики, — ответил гость, — и можете теперь достойно отдохнуть. Для меня было большой честью работать с вами. За этим разрешите откланяться — служба.

Гость с достоинством надел фуражку, оправил китель и козырнул. Подполковник не обернулся, продолжая так же отрешенно смотреть в окно. Когда шум отъехавшей машины окончательно стих, Иван Сергеевич открыл подарок. Новенький блестящий пистолет, инкрустированный серебром, с гербом Новой республики на перламутровых накладках рукояти, приятной тяжестью лег в ладонь. Подполковник, с трудом помогая себе второй рукой, достал обойму и зарядил оружие. Дождевые капли продолжали бежать по стеклу непрерывным потоком.

— Где-то мы ошиблись, — повторил подполковник и закрыл глаза.

СОДЕРЖАНИЕ

Эльнур Серебряков. ПОСЛЕДНИЙ КОНТРАКТ	7
Тимур Алиев. БРЕМЯ АЛЬБИНОСА	23
Александр Тюрин. АРМАГЕДДОН — ЗАВТРА	49
Дмитрий Володихин. ВСЕ ЖИВОТНЫЕ	110
Тим Скоренко. ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ МОЕЙ	134
Вадим Панов. ЛАЙК	164
Игорь Вереснев. ЗДРАВСТВУЙ, МИР!	180
Максим Макаренков. ТОТАЛЬНАЯ РАСПРОДАЖА	204
Александр Гордиан. ДУША СО ШРАМОМ	222
Олег Дивов. ОБЪЕКТЫ В ЗЕРКАЛЕ	251
Кирилл Бенедиктов. ГОДЗИЛЛА И ХАБЕРМАС	323
Татьяна Минасян. ЧУДОВИЩЕ СРЕДИ НАС	343
Вячеслав Рыбаков. ПАЛЕЦ	358
Андрей Скоробогатов. ТРЕХДЮЙМОВЫЙ РЕЦИДИВ . .	389
Юрий Бурносов. ОСЕНЬ В НИКОЛЬСКОМ	415
Роман Злотников. ПРЕКРАСНОЕ ЗАВТРА	436
Алексей Ерошин. ОТЦЫ И ДЕДЫ	450

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ АПОКАЛИПСИС

Составитель Сергей Чекмаев

Ответственный редактор *И. Минаков*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Л. Козлова*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *Н. Понкратова*

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: Info@eksmo.ru

Әндируші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 127299, Мәскеу, Клара Цеткин кешесі, 18/5 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru . E-mail: Info@eksmo.ru.

Қазақстан Республикасындағы Әйлдірілген: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы, Домбровский кешесі, 3^{кв}», 5 литері, 1 көнөс. Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92,

факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Қазақстан Республикасының ауылдауда әнімдер бойынша шағындық Казақстан

Республикасындағы Әйлдірілген: «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қаласы, Домбровский кешесі, 3^{кв}, 5 литері, 1 көнөс.

Әнімдердің жаралылық мерзімі шектелмеген.

Подписано в печать 27.12.2012. Формат 84 108 1/32.

Печать офсетная. Гарнитура «Балтика». Усл. печ. л. 25,2.

Тираж 3 000 экз. Заказ № С-151.

Отпечатано в типографии филиала

ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

e-mail: idelpress@mail.ru

ISBN 978-5-699-61842-2

9 785699 618422 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksмо-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksмо-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksмо-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: vipzakaz@eksмо.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksмо-sale.ru, сайт: www.kanc-eksмо.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Ставки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksмо-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.kniga.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksмо.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.**

Звонок по России бесплатный.

**В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru**

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

**Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksмо.ru**

**Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksмо-sale.ru**

ФОНД
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ АПОКАЛИПСИС

Что несут миру так называемые «либеральные» ценности? Скрупулезное соблюдение прав человека, невиданное развитие технологий, рыночную экономику или все-таки ужасы глобализации, потерю национальной идентичности, корпоративное право вместо законов, бездуховный мир «чистогана», подмену традиционных понятий искусственными построениями, которые лишь кажутся жизнеспособными?

Фонд «Взаимодействие цивилизаций» продолжает условную серию социальных антиутопий, начатую сборниками «Антитеррор-2020» и «Беспощадная толерантность». В новом проекте популярные российские фантасты и перспективные молодые авторы размышляют над вопросом: а что будет, если победу одержит не только доведенная до абсурда толерантность, но и воинствующий либерализм, ревнители которого в борьбе за права и свободы человека готовы пожертвовать абсолютно всем, не исключая самих прав и свобод.

